

**The Global Partnership on Development of Scientific Cooperation
Limited Liability Company**

**ADVANCED STUDIES
IN SCIENCE: THEORY AND
PRACTICE**

The Collection of Scholarly Papers
*(Materials of the International Scientific Conference,
London, UK, April 18-19, 2016)*

VOLUME V

London

First published in 2016.

Published in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland

Published by the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC with assistance from the Ron Bee & Associates Company.

Copyright © Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC 2016.
Copyright © Authors 2016.

All rights reserved.

This book contains information obtained from authentic and regarded sources. Reasonable efforts have been made to publish reliable data and information, but the authors and the publisher cannot assume responsibility for the validity of all materials or the consequences of their use. The authors and the publisher have attempted to trace the copyright holders of all materials reproduced in this publication and apologize to copyright holders if permission to publish in this for has not been obtained. If any copyright material has not been acknowledged please write and let us know so we may rectify in any future reprints.

CrossMark

Trademark notice: Product or corporate names may be trademarks or registered trademarks, and are used only for identification and explanation without intent to infringe.

This book is available according to the Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International Public License (**CC BY-NC-SA 4.0**).

169574832

Advanced Studies in Science: Theory and Practice: The Collection of Scholarly Papers. Volume V. Edited by V. Dolzhikov, PhD.

Includes bibliographical references, pictures, and tables.
Has texts both in English and Russian.

ISBN-13: 978-0-9974184-2-2

ISBN-10: 0-9974184-2-7

DOI: 10.17809/0557468427-GP

CONTENTS

1. SECURITY STUDIES, POLITICS, AND GOVERNMENT IN MODERN SCIENCE

1. **Grachyov, S. I., & Chikaldina, V. S.** The problem of terrorism trafficking: The case of “Islamic State.” 7
2. **Kolomyts, O. N., & Kobozeva, E. M.** Ranking municipal formations of the Krasnodar region in terms of investment attractiveness. 12
3. **Malkhasyan, N. V.** Activities of the Government in the fight against homelessness during the Great Patriotic War. 19
4. **Rashidov, R. R.** The role of non-governmental organizations in the formation of the modern state in Afghanistan. 22
5. **Tarasova, T. S.** Total control over the quality of the state (municipal) services in Russia. 26

2. LANGUAGE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

6. **Khatsukova, R. A.** Methodical system to improve the spelling literacy of the students in schools with Russian (non-native) and native (non-Russian) language of communication. 29
7. **Kusanova, U. M.** The problem of conversation in the English language. 40
8. **Nurgali, K. R., & Orazbayeva, N. S.** Binary opposition and their deconstruction as a way of the world perception by the authors with bimental thinking. 44
9. **Nurmanov, A. T.** Functional and communication techniques for training the students for effective communication. 49
10. **Petrov, V. B.** Features of the genre and the conflict in the play “Zoyka’s Apartment” by M. Bulgakov. 53
11. **Popova, L. G.** About possible outlooks of the development of modern linguistics. 58
12. **Samosiuk, N. L.** The flashback technique in the modern literature (based on the novel “American Pastoral” by Philip Roth). 62
13. **Zezyulya, I. N.** Linguocultural aspects of studying the concept of “rest” in modern linguistics. 69

3. FRONTIERS IN PHILOSOPHY AND CULTURAL STUDIES

14. **Abdikadyrova, Zh. B., & Akhmetbekova, A. K.** Intellectual origins of Arab feminism. 72
15. **Bakytova, L. B.** Photo message as a social transformation into the ethnographical discourse. 76
16. **Narziyev, Z. I.** The genesis of the tasawwuf philosophical outlook of Khujviri. 84
17. **Popov, M. E.** The view of the Indians of North America about the feat. 89
18. **Ryazantsev, A. A., & Petunina S. M.** Physical culture as an important component of the competitiveness of the future architect. 93
19. **Svetlichnaja, I. V.** Hair as a dominant component of the everyday culture. 97

4. SOCIOLOGY AT THE INTERSECTION OF SCIENCES

20. **Devlikamova, O. O.** The Crimeans' state identities in the period of social transformation. 104
21. **Trofimova, G. S.** How income affects fertility: The case of Russia. 109
22. **Zarubin, V. G., & Makaridina, V.A.** Technology of express sociology. 113

5. ADVANCED STUDIES IN LAW

23. **Gromov, G. A.** Protection of the rights of purchasers while signing a license agreement on the use of a computer program. 117
24. **Lomachenko, E. I., & Dudorov, T. D.** Legislative amendments to the structure of the preliminary investigation in the context of the tendency to unification of the procedural form of the preliminary investigation and the inquiry. 120
25. **Yushko, T. I., & Dudorov, T. D.** Measures for suppression in the system of the criminal procedure law. 125

6. ECONOMICS & MANAGEMENT:

26. **Aksenova, O. A.** Russia: Shared values of young professionals as cultural obstacles to economic development. 131
27. **Babushkin, S. S., & Grebenshchikova, V. T.** The role of Government and banking system in the development of small- and medium-sized businesses in the Russian Federation. 136
28. **Kulchitskaya, E. V.** Development of the internal enterprise environment: The logic model. 139
29. **Otamurodov, K. K.** The path of development of the banking system of Uzbekistan. 145
30. **Sokolov, I. S.** Prospects of small entrepreneurship development in Russia. 147
31. **Vardanyan, N. B.** Principles of effective assessment of the quality of personnel potential of the medical organization. 150

7. EDUCATION IN THE GLOBALIZED WORLD

32. **Ashymbaeva, T. A., & Amerkhanova, S. A.** Content of the school social teacher's work in current conditions. 154
33. **Brashovan, E. A.** Test as Assessment in teaching English: Pros and cons. 159
34. **Shupikova, V. S.** Musical activities as a means of optimizing the development of preschool children with disabilities in inclusive education system. 163
35. **Slabko, L. S.** Formation of social readiness of a child for school. 166
36. **Tnimova, G. T., & Lebedeva, V. I.** High school teachers' gender and age differences of mental health in professional activities. 171
37. **Yorkulov, K.** Tasks of the educational system in the period of global financial and economic crisis. 177
38. **Zadera, M. I.** From the experience of organizing the research on chemistry and fundamentals of microbiology for the students studying "veterinary science" and "food production technology." 179

8. TECHNOLOGY AND CHEMISTRY: FUNDAMENTAL AND APPLIED RESEARCH

39. **Bozorov, J. T., Yodgorov, N., Xojiyev, Sh. G., Saidazimova, Z., & Mukolyants, A. A.** New environmentally safe surfactants: Preparation and application. 183
40. **Bozorov, J. T., Yodgorov, N., Amirkulov, N. S., Abdukarimov, A. A., & Mukolyants, A. A.** Synthesis and application technology of the effective reducers on the basis of the starch phosphate reagent. 190
41. **Demenev, A. V.** Information modeling on operation of buildings and structures. 195
42. **Elkhina, I. A.** Convergent technologies as the basis of the new technological order and the factor of transformation in the economy. 199
43. **Glukhikh, I. N.** Adaptation in the recommendation systems with the conclusion on the basis of precedents. 204
44. **Krasiko, A. N.** Selecting the optimal power mechanical vibrations in the creation of emulsions. 210
45. **Tolobekova, B.T.** Methodical basis of improving the complete extraction of subsurface resources during the development of ore deposits. 213
46. **Tuychiev, B. O.** Distribution laws of atmospheric channels meteorological visibility range of open optical transmission systems. 217

9. MEDICINE & PHYSIOLOGY: NEW FRONTIERS

47. **Kalish, Yu. I., Ametov, L. Z., Khan, G.V., Shayusupov, A. R., & Yigitaliev, S. Kh.** Hernia recurrence after prosthetic plastics. 224
48. **Khalmatova, B. T., Satibaldieva, N. R., & Yuldasheva, G. G.** State of lymphocyte activation markers in children with acute respiratory disease against the background of thymus gland hyperplasia. 228
49. **Tnimova, G. T., & Bodeev, M. T.** The respiratory function of the high-class athletes depending on the sport (body type of energy supply). 231
50. **Tobokalova, S., Zairova, G., Nogoibaeva K., & Bekenova, D.** Clinical and epidemiological characteristics of family foci of chronic hepatitis B. 234

10. ADVANCED STUDIES IN BIOLOGY & AGRICULTURE

51. **Boymurodov, Kh. T.** Bivalve molluscs of reservoirs of Uzbekistan as an object of environmental monitoring. 239
52. **Karshiyev, A. E., Xayitova, H. I., Halimov, M. Z., Xayitov, I. Y., & Sattorova, I. Y.** Creating parent gardens of the newly created varieties of apricot, peach, and apple trees, propagating the seedlings and their introduction into production in the conditions of the Qashqadaryo region. 243

11. OP-ED

53. **Nomonov, B. Q., & Ergasheva, N. M.** OP-ED: Upbringing the new generation is upbringing the nation. 247

ADVANCED STUDIES IN SCIENCE: THEORY AND PRACTICE

THE COLLECTION OF SCHOLARLY PAPERS

THE PROBLEM OF TERRORISM TRAFFICKING: THE CASE OF “ISLAMIC STATE”**

Grachyov, S. I., & Chikaldina, V. S.^{1*}

1 Lobachevsky State University, Nizhni Novgorod, Russia.

* Corresponding author: Finstera@yandex.ru.

** A terrorist organization; its activity is banned in Russia, USA, and the UK.

CrossMark

Citation: Grachyov, S. I., & Chikaldina, V. S. (2016). The problem of terrorism trafficking: The case of “Islamic State.” In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice*. London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-01.

Received: February 21, 2016.

Accepted: March 29, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Grachyov, S. I., & Chikaldina, V. S.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ТРАФИКА: ПРИМЕР «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»***

*** Признана террористической организацией, деятельность запрещена на территории России.

В статье рассматривается феномен террористической организации нового типа «Исламское государство» (деятельность запрещена в России, США, Великобритании) сквозь призму понятия о террористическом трафике. Авторы анализируют организационные связи «ИГ», каналы финансовых поступлений террористов и инструменты идейно-пропагандистской поддержки. Статья содержит материалы по происхождению группировки «ИГ», деятельности благотворительных и неправительственных организаций, привлекающих сторонников в ряды боевиков, примерам криминальной активности «ИГ» (в том числе незаконной экономической деятельности), поддержке диаспор и государств-спонсоров. Авторы статьи уделяют особое внимание ключевому компоненту террористического трафика «ИГ» в виде механизмов распространения экстремистских материалов и вербовки кандидатов с помощью собственных СМИ «ИГ», возможностей сети Интернет и телекоммуникационных технологий. В статье также кратко описываются потенциальные профилактические меры, которые помогут хотя бы в определенной степени нейтрализовать влияние террористов на целевую аудиторию в виртуальном пространстве. Авторы статьи подчеркивают необходимость консолидации усилий мирового сообщества с тем, чтобы успешно бороться с террористической сетью нового типа в лице «Исламского государства», чьи руководители готовы привлекать к террористической деятельности законспирированных агентов в разных точках земного шара.

Ключевые слова: «Исламское государство», трафик, терроризм, международная безопасность, экстремизм, исламизм, идеология.

Начало XXI века ознаменовалось беспрецедентным всплеском террористической активности по всему земному шару. Объявленная США «война с международным терроризмом», последовавшая за атаками на башни-близнецы Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г., не увенчалась значительным успехом – на смену террористической сети «Аль-Каида» пришла квазигосударственная религиозно-военная «корпорация» «Исламское государство» («ИГ», «ИГИЛ», араб. название – ДАИШ), чьи террори-

стические ячейки активно действуют в разных регионах мира (деятельность данной террористической организации запрещена в России, США, Великобритании). Подобная структура обусловлена доминированием в глобальном информационном обществе сетевого принципа организации, что позволяет говорить о феномене террористического трафика – то есть системе международных связей террористической организации, облегчающей доступ к различным ресурсам для ведения террористической деятельности по всему земному шару.

Итак, теоретически самая простая международная террористическая сеть состоит из двух элементов: района боевых действий (операционного района) и района, где в относительной безопасности террористы проходят подготовку, отдыхают, планируют свои действия, а также собирают финансовые средства. Данная сеть может принадлежать одной организации или включать в свой состав несколько террористических групп. В последнем случае они должны обладать определённым идеологическим единством, по крайней мере, не являться политическими противниками. Так, подобная схема применима к террористической сети «Аль-Каида», чьи филиалы были представлены дружественными группировками на Ближнем Востоке, в Афганистане, Северной и Восточной Африке. Иными словами, сеть «Аль-Каида» базировалась на системе развитого террористического трафика, интенсификация которого в конце XX-начале XXI вв. объясняется действием ряда факторов, а именно: распадом биполярной системы международных отношений, бурным развитием телекоммуникационных технологий и сети Интернет, ускорением глобализации, ростом координации национальных спецслужб и распространением многочисленных диаспор за пределы «исторической родины». Таким образом, в современном мире возникают благоприятные условия для распространения исламистских террористических сетей – подобных «Аль-Каиде» и «Исламского государству».

Террористическая организация «Исламское государство» (ИГИЛ, первоначальное название – «Исламское государство Ирака и Леванта») появилась в 2006 г., отколовшись от материнской террористической сети «Аль-Каида». Предводителем «ИГ» стал Абу Бакр аль-Багдади, объявивший себя потомком пророка Мухаммеда, тем самым заняв в глазах последователей-боевиков куда более высокое положение на иерархической лестнице, чем экс-«террорист №1» Усама бен Ладен [1]. «ИГ» имеет множество филиалов не только на самом Ближнем Востоке (в Ираке и Сирии), но и по всему миру, в том числе на Аравийском полуострове (в Саудовской Аравии, Йемене), в странах Магриба (Алжире, Ливии, Египте), в Нигерии, Сомали (ряд боевиков «Аш-Шаабаб» присягнули на верность «ИГ»), Афганистане, Пакистане и Северном Кавказе [2] (например, террористическая группировка «Имарат Кавказ» провозгласила себя лояльной «ИГ»). Кроме того, боевики не оставляют попыток по мобилизации поддержки среди мусульман Малайзии и Индонезии. Территориальные притязания «ИГ» охватывают фактически весь ареал распространения мусульманской конфессии. Проект «Исламского халифата» носит глобальный характер, охватывая Юго-Западную, Южную и Среднюю Азию, Северную и Восточную Африку, Турцию, Кавказ, Балканский и Пиренейский полуостров.

Осознавая масштаб той угрозы, которую несет террористическая деятельность боевиков «ИГ» международной безопасности, стоит подробнее остановиться на структуре террористического трафика организации. Он базируется на следующих компонентах:

- 1) Прямые финансовые поступления и пожертвования. Денежные потоки проходят не столько через банковские каналы (транзакции по которым поддаются отсле-

живанию), сколько с помощью неофициальных финансово-расчётных систем, таких, как хавала – практики теневого исламского банкинга, в основе которой лежит принцип анонимного посредничества, осуществляемого конкретным физическим лицом.

2) Деятельность благотворительных организаций и неправительственных объединений. Они служат инструментом распространения экстремистской идеологии и привлечения в свои ряды новых сторонников. Нередко обвинения в популяризации идей ваххабизма предъявляются тем религиозным центрам и благотворительным организациям, которые спонсируются властями Саудовской Аравией (таким, как «Аль-Харамейн», «Аль-Ибрагим», SAAR, «Al-Wafa», «Safa Trust», Институт исламской мысли и т.д.) [3]. Их «миссионерская деятельность» обостряет проблему прозелитизма, когда к исламу радикального толка обращаются выходцы из немусульманских семей. В качестве подобного примера можно привести случай Олега Петрова. Будучи этническим русским, проживавшим в Латвии, О. Петров прошёл шестилетнее обучение в религиозной школе в Саудовской Аравии, а по возвращении домой возглавил местный исламский центр [4]. Однако позже выяснилось, что Петров долгое время проповедовал радикальный ислам, а в 2015 г. примкнул к «ИГ» и уехал в Сирию [4]. Этот случай ещё более показателен тем, что лидер местной исламской общины стал радикалом, а значит, мог «заразить» экстремистскими идеями множество членов этой общины.

3) Криминальная активность. Известно, что львиная доля денежных доходов «ИГ» обеспечивается за счёт преступной деятельности, в том числе деятельности экономической. Террористы не только захватывают банки и похищают людей, требуя выкуп (лишь только в 2014 г. боевикам удалось заработать на заложниках около 66 млрд \$) [5], но и торгуют людьми, легализовав на подконтрольной территории рабство, занимаются «черной трансплантологией» и наращивают контроль за наркотрафиком, идущим из Афганистана (до 1 млрд \$ дохода) [5]. Позиционируя себя как государство, ИГИЛ вводит на захваченной территории «революционные налоги» и взимает штрафы (до 10 млн \$ в месяц) [5]. Значительные финансовые поступления террористы получают от незаконной экономической деятельности в Сирии и Ираке. Прежде всего, это добыча и продажа нефти по демпинговым ценам (1-3 млн \$ в сутки), торговля природным газом (489 млн \$ в год), торговля фосфатами (50 млн \$), производство серной и фосфорной кислоты (300 млн \$ в год), контроль над работой цементных заводов (583 млн \$ в год), продажа исторических ценностей и антиквариата (до 100-200 млн \$ в год) [5].

4) Поддержка диаспор. В условиях мощных миграционных притоков в страны Запада, и особенно – в страны Европы, растёт опасность распространения исламизма среди молодых мигрантов, испытывающих трудности при адаптации в новой среде. Несбалансированная миграционная политика приводит к появлению закрытых национальных анклавов и гетто, что детерминирует рост социальной напряженности, а значит – повышает риски возникновения «спящих ячеек» террористических сетей, - таких, как «ИГ».

5) Помощь государств-спонсоров. Данный компонент носит неоднозначный характер, поскольку каждый актер международных отношений трактует пособничество террористам, осуществляемое той или иной стороной, в соответствии с собственными политическими интересами. Другими словами, возникает проблема «двойных стандартов». Тем не менее, наиболее часто обвинения в поддержке террористических организаций (в том числе боевиков «ИГ») звучат в адрес суннитских монархий Персидского залива и Турции. Так, на одном из брифингов Министерство обороны РФ обна-

родовало карту трёх основных маршрутов транспортировки нефти в Турцию с тех участков территории Сирии и Ирака, которые подконтрольны «ИГ» [6].

б) Идеологические и пропагандистские связи, в т. ч. каналы вербовки с помощью СМИ, Интернет и современных телекоммуникационных технологий. Данный компонент является одним из ключевых в структуре террористического трафика ИГ, и на нём нужно остановиться отдельно. «ИГ» располагает личным медиа-агентством «Аль-Фаркан», радио «Аль-Байят», электронным журналом «Дабик», при этом вещание ведется сразу нескольких языках [7]. На студии «Аль-Хайят» операторы и режиссеры «ИГ» снимают пропагандистские фильмы с использованием спецэффектов: «Звон мечей», «Пламя войны» и т.д. [7], которые позже выкладывают в Интернет. Террористы «ИГ» снимают большое количество видеороликов, записывают лекции и проповеди.

Основной «средой обитания» террористов и вербовщиков, безусловно, являются социальные сети, предоставляющие обширный доступ к десяткам и даже сотням миллионов пользователей по всему миру. «ИГ» освоило все основные соцсети в лице Facebook, Twitter, Youtube, «В Контакте» и т.п. Террористы имеют многочисленные аккаунты, а в случае их блокировки – открывают новые, распространяют экстремистские фото-, аудио- и видеоматериалы в различных группах и сообществах (т.н. «пабликах»), которые можно достаточно легко найти по ключевым словам.

Кроме того, террористы «ИГ» активно пользуются системой видеосвязи Skype, а также мессенджерами WhatsApp, Viber, Telegram, чей информационный трафик не поддается простому отслеживанию, т.к. формально находится вне пределов мощностей интернет-провайдеров и мобильных операторов. Среди женщин-участниц «ИГ» немало блоггеров, публикующих на платформах Tumblr и Twitter дневники с конкретными инструкциями по «переезду» на подконтрольную боевикам территорию, поиску мужа среди террористов и записями о жизни в «Халифате» (блоги Аксы Махмуд, Зайнаб Шаруф, интернет-рассылка Шамс или «Птицы Джунна») [8].

Чаще всего вербовщики самостоятельно ведут поиск потенциальных кандидатов на вступление в «ИГ» в социальных сетях. Они просматривают базы пользователей, занимаются мониторингом деятельности участников тех или иных околорадикальных интернет-сообществ. Вербовщики внимательно изучают аккаунт, анализируют содержимое учётной страницы – с тем, чтобы как можно точнее составить психологический портрет жертвы и установить с ней постоянный контакт. Например, если молодой человек или девушка начнут активно интересоваться вопросами исламской теологии, употреблять соответствующую терминологию, публиковать фото в традиционной одежде, то с немалой долей вероятности на них выйдет вербовщик «ИГ». После интернет-переписки общение происходит по мобильному телефону или Skype, где жертве уже могут давать конкретные инструкции. Например, именно так описывает свой опыт вербовки в рамках журналистского расследования французка Анна Эрль [9]. Тем не менее, в некоторых регионах мира и России (особенно кавказских республиках) молодым людям на номер мобильного телефона, мессенджер или аккаунт в социальной сети регулярно поступают сообщения и материалы экстремистского характера, призывающие присоединиться к «Исламскому государству». Так, на молодого IT-специалиста из г. Грозный, преподавателя университета Апти Лорсарова вербовщики «ИГ» вышли самостоятельно и пытались рекрутировать два раза – к счастью, безуспешно [10].

Борьба с вербовщиками «ИГ» продолжается каждый день. По словам сотрудника центра экстренной психологической помощи Московского психолого-педагогического университета Р. Прокопишина, «на вербовку одного человека нужен один человек и

некоторый информационный ресурс. Чтобы обратно его извлечь, уходит работа шести-семи специалистов на протяжении 2-3 лет» [11]. Поэтому необходимо вести активную пропагандистскую работу в учебных заведениях, распространять информационные брошюры, направить силы на развенчивание среди молодежи (исламской и не только) мифов о якобы мессианской роли «ИГ» и перспектив, предоставляемых данной террористической организацией участникам. Нельзя обойти вниманием и информационную работу с родителями по вопросам вербовки «ИГ».

Что касается онлайн-методов, то блокировка каналов распространения экстремистской информации, а также в вычислении вербовщиков «ИГ» должна помочь программы сетевого анализа. Например, в России в 2015 г. была разработана программа «Демон Лапласа» [11]. Данная программа ведет круглосуточный мониторинг трафика в основных социальных сетях, выявляя наиболее активные узлы распространения экстремистского контента, что позволяет их сразу блокировать и не допустить появления на их месте аналога. По словам разработчика программы Е. Венедиктова, сейчас российские специалисты работают над «автоматизацией поиска цепи передачи контента от конечных получателей до первых распространителей», что поможет вывить целую сеть за несколько часов [11]. Кроме того, без участия человека по определенным параметрам программа может находить большие сети примерно за полчаса, просчитывая самых влиятельных пользователей, которые могут сообщить, как попасть в ряды «ДАИШ» [11].

Помимо работы в рамках подобных программ, необходимо проводить оперативную блокировку аккаунтов боевиков, регулярный поиск и удаление экстремистских фото-, аудио- и видеоматериалов, осуществлять более широкий контроль над трафиком мессенджеров, чтобы если не ликвидировать, то хотя бы минимизировать возможности террористов по привлечению новых сторонников через сеть Интернет.

Таким образом, рассмотрев сложную структуру террористического трафика «ИГ», можно убедиться в беспрецедентном масштабе той угрозы, которую представляет деятельность этой организации международной безопасности. «ИГ» не просто подобна глобальному «спруту», чьи ячейки расползлись по всему земному шару, а является первым в XXI веке примером террористической группировки квазигосударственного типа, которая активно привлекает в свои ряды законспирированных сторонников, не обязательно разбирающихся в её идеологических установках, но готовых по зову «духовных лидеров» мобилизоваться и совершить теракт. Другими словами, сетевой принцип организации «Исламского государства» дополняется формулой «вместо сети – рой». Это означает, что задача по нейтрализации террористической угрозы в лице «ИГ» резко усложняется, и, следовательно, её решение потребует двойных усилий со стороны мирового сообщества.

Список литературы:

1. Aaron Y. Zelin, Washington Institute for Near East Policy. Abu Bakr al-Baghdadi: Islamic State's driving force [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-28560449> (дата обращения: 15.03.16).
2. Islamic State: Spreading its tentacles [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economist.com/news/middle-east-and-africa/21656690-islamic-state-making-itself-felt-ever-more-countries-how-much-influence> (дата обращения: 28.02.16).
3. Сулейманов Р.Р. Стал очевиден вред проповедей арабских миссионеров для мусульман Поволжья [Электронный ресурс] // Российский институт стратегических исследований. 14.01.2014. – Режим доступа: <http://riss.ru/analitics/4639/> (дата обращения: 02.04.16).

4. Олег Петров, глава Латвийского исламского центра, бежал к джихадистам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.co.il/world/29feb2016/petrov456.html> (дата обращения: 25.03.16).
5. Кого бомбит Россия: структура и экономика «Исламского государства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/article/120200> (дата обращения: 02.04.16).
6. Маршруты поставок нелегальных нефтепродуктов в Турцию. Данные Минобороны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/2492264> (дата обращения: 12.03.16).
7. ISIS TV: Jihadis launch their own depraved Television Channel to spread propaganda message [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.express.co.uk/news/world/637426/ISIS-TV-Jihadis-launch-their-own-television-channel-to-spread-propaganda-message> (дата обращения: 15.03.16).
8. Кто они – женщины ИГИЛ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dagestanpost.ru/novosti/18918-kto-oni-zhenshhiny-igil> (дата обращения: 10.03.16).
9. Невеста с предательством [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esquire.ru/isis> (дата обращения: 11.03.16).
10. ИГИЛ начало вербовать врачей и учителей на Кавказе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lifenews.ru/news/162821> (дата обращения: 12.03.16).
11. «Демон Лапласа» против ИГ: борьба с вербовщиками террористов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/proisshestiya/2501424> (дата обращения: 05.04.16).
12. Черных Е. Как весь мир «проспал» ИГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nnov.kp.ru/daily/26333.7/3216070/> (дата обращения: 20.03.16).

UDC 330.322 | DOI: 10.17809/0557468427-02

RANKING OF MUNICIPAL FORMATIONS OF THE KRASNODAR REGION IN TERMS OF INVESTMENT ATTRACTIVENESS

Kolomyts, O. N.,¹ Kobozeva, E. M.^{1*}

1 Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.

* Corresponding author: alena.kobozeva@yandex.ru.

CrossMark

Citation: Kolomyts, O. N., & Kobozeva, E. M. (2016). Ranking municipal formations of the Krasnodar region in terms of investment attractiveness. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice*. London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-02.

Received: February 3, 2016.

Accepted: March 9, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Kolomyts, O. N., & Kobozeva, E. M.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

РАНЖИРОВАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ПО УРОВНЮ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ

Управление инвестиционной привлекательностью территории предполагает осуществление мер по развитию позитивных и устранению негативных факторов, для определения характера и степени влияния которых требуется систематическое проведение мониторинга и оценки инвестиционной привлекательности и перспектив развития региона или муниципального образования. В статье авторами проведен сравнительный анализ инвестиционной привлекательности отобранных муниципальных образований Краснодарского края с помощью метода Парето, метода Борда и метода БОФа. На основании проведенной оценки проведено ранжирование исследуемых муници-

палитетов по уровню инвестиционной привлекательности и построен инвестиционный рейтинг.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность; ранжирование; инвестиционный рейтинг; методы оценки; сравнительный анализ; инвестиционно-значимые факторы; муниципальное образование.

Исследование теоретических аспектов социально-экономического развития Российской Федерации в целом и территориальных систем в отдельности имеет все более возрастающее значение в целях создания условий для динамичного роста, обеспечения качества жизни населения, соответствующего уровню высокоразвитых стран, содействия устойчивому расширенному воспроизводству капитала территории, укреплению конкурентоспособности и безопасности территориальной системы [4]. При этом все большую значимость приобретают проблемы привлечения инвестиций в развитие территории и, соответственно, оценка ее инвестиционной привлекательности. Как правило, при такой оценке муниципального образования наряду с ним оценивается еще, как минимум один муниципалитет (конкурент), иначе теряется смысл самой оценки, поскольку инвестиционная привлекательность, приведенная в количественное значение, не несет в себе информации относительно эффективности инвестирования в выбранный район. Учитывая данный факт, для оценки инвестиционной привлекательности Тихорецкого района, помимо него выбрано 5 муниципальных образований, располагающихся по соседству, а именно: Выселковский, Кавказский, Новопокровский, Павловский, Тбилисский.

Для получения максимально объективных результатов при исследовании инвестиционной привлекательности необходимо использовать несколько методик оценки [3]. В связи с этим используем метод Парето, метод Борда и метод БОФа для определения инвестиционного рейтинга по таким показателям как:

- среднемесячная заработная плата, руб. (W1);
- объемы инвестиций в основной капитал на душу населения, руб. (W2);
- объемы розничной торговли, руб. (W3);
- объемы отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, тыс. руб. (W4);
- удельный вес убыточных организаций, % (W5);
- уровень безработицы, % (W6).

Исходные данные выбранных факторов для каждого района за 2015 год отражены в таблице 1 [41].

Таблица 1. Инвестиционно значимые факторы [5].

Муниципальное образование	W1	W2*	W3**	W4***	W5	W6
Выселковский район	24201,6	66208,1	381022,2	16049192,1	16,7	0,8
Кавказский район	23513,1	6135,8	2830909,3	14990249,4	14,3	0,6
Новопокровский район	19976,1	4900,5	338555,9	5015902,6	29,4	1,3
Павловский район	21284,9	12635,3	668549,9	11328271	26,7	1,0
Тбилисский район	21704,1	23009,1	351911,8	15670419,9	12,5	0,7
Тихорецкий район	23726	32166,0	1988545	18437012,9	10,5	0,8

Источник: составлено авторами на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю // Электронный ресурс / режим

доступна: <http://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения 17.04.2016). * - за исключением бюджетных средств; ** - кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами, ремонта бытовых изделий и предметов личного пользования; *** - без субъектов малого предпринимательства.

Метод выбора по Парето, когда наиболее привлекательным считается то муниципальное образование, для которого нет ни одного муниципального образования по показателям не хуже данного, а хотя бы по одному показателю лучше [1].

Согласно полученным данным, очевидно, что Выселковский район имеет высокий инвестиционный потенциал и преимущество перед другими районами в области показателей заработной платы и объемов инвестиций на душу населения, занимая второе место в объемах отгруженных товаров, уступив первое место Тихорецкому району.

Таблица 2. Оценка инвестиционной привлекательности Выселковского района методом Парето.

Выселковский район	W1	W2	W3	W4	W5	W6
Кавказский район	+	+	-	+	-	-
Новопокровский район	+	+	+	+	+	+
Павловский район	+	+	-	+	+	+
Тбилисский район	+	+	+	+	-	-
Тихорецкий район	+	+	-	-	-	0

Источник: составлено авторами на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения 17.04.2016).

Оценка Кавказского района (таблица 3) позволяет выявить его абсолютное лидерство в показателях объемов розничной торговли и уровня безработицы. Недостаток района заключается в уровне инвестиционной активности, за отчетный год он имел практически самый низкий показатель среди исследуемых муниципальных образований.

Таблица 3. Оценка инвестиционной привлекательности Кавказского района методом Парето.

Кавказский район	W1	W2	W3	W4	W5	W6
Выселковский район	-	-	+	-	+	+
Новопокровский район	+	+	+	+	+	+
Павловский район	+	-	+	+	+	+
Тбилисский район	+	-	+	-	-	+
Тихорецкий район	-	-	+	-	-	+

Источник: составлено авторами на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения 17.04.2016).

По результатам сравнения Новопокровский район является наиболее отстающим и занимает последнее место в рейтинге инвестиционной привлекательности среди исследуемых муниципальных образований.

Таблица 4. Оценка инвестиционной привлекательности Новопокровского

района методом Парето.

Новопокровский район	W1	W2	W3	W4	W5	W6
Выселковский район	-	-	-	-	-	-
Кавказский район	-	-	-	-	-	-
Павловский район	-	-	-	-	-	-
Тбилисский район	-	-	-	-	-	-
Тихорецкий район	-	-	-	-	-	-

Источник: составлено авторами на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения 17.04.2016).

МО Павловский район (таблице 5), отстает от своих оппонентов (за исключением Новопокровского) по ряду показателей (уровень зарплаты, безработица, убыточные предприятия, объемы отгруженных товаров).

Таблица 5. Оценка инвестиционной привлекательности Павловского района методом Парето.

Павловский район	W1	W2	W3	W4	W5	W6
Выселковский район	-	-	+	-	-	-
Кавказский район	-	+	-	-	-	-
Новопокровский район	+	+	+	+	+	+
Тбилисский район	-	-	+	-	-	-
Тихорецкий район	-	-	-	-	-	-

Источник: составлено авторами на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения 17.04.2016).

Муниципальное образование Тбилисский район имеет достаточно низкий уровень безработицы и удельный вес убыточных предприятий, что положительно сказывается на инвестиционной привлекательности района, однако в данном муниципалитете низкий объем розничной торговли (таблица 6).

Таблица 6. Оценка инвестиционной привлекательности Тбилисского района методом Парето.

Тбилисский район	W1	W2	W3	W4	W5	W6
Выселковский район	-	-	-	-	+	+
Кавказский район	-	+	-	+	+	-
Новопокровский район	+	+	+	+	+	+
Павловский район	+	+	-	+	+	+
Тихорецкий район	-	-	-	-	-	+

Источник: составлено авторами на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения 17.04.2016).

Наиболее привлекательным среды выбранных районов по результатам сравнительного анализа является МО Тихорецкий район, основными преимуществами кото-

рого являются высокие объемы отгруженных товаров и небольшой удельный вес убыточных организаций.

Таблица 7. Оценка инвестиционной привлекательности Тихорецкого района методом Парето.

Тихорецкий район	W1	W2	W3	W4	W5	W6
Выселковский район	-	-	+	+	+	0
Кавказский район	+	+	-	+	+	-
Новопокровский район	+	+	+	+	+	+
Павловский район	+	+	+	+	+	+
Тбилисский район	+	+	+	+	+	-

Источник: составлено авторами на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения 17.04.2016).

Метод выбора Борда, при котором муниципальные образования ранжируются по значениям в порядке убывания с присвоением соответствующего значения ранга, а затем подсчитывается суммарный ранг для каждого муниципального образования. Наиболее привлекательным считается город с максимальным значением суммарного ранга [3].

Оценка инвестиционной привлекательности муниципальных образований методом Борда подтверждает результаты оценки, проведенной методом Парето.

Еще один метод оценки – метод Быстрова или БОФа. С помощью данного метода сравнительный анализ муниципальных образований основывается на их множестве по выбранным показателям [34] (таблица 9). Осуществляя оценку по методу БОФа, выбранным инвестиционно значимым показателям присвоены ранги в соответствии с их степенью значимости для инвестора (таблица 2.11), следует отметить, что наиболее важному показателю присваивается 1 ранг. На основе данных рангов показателям присваиваются весовые коэффициенты (таблица 10).

Таблица 8. Оценка инвестиционной привлекательности исследуемых муниципальных образований методом Борда.

Муниципальные образования	W1	W2	W3	W4	W5	W6	Сумма	Ранг
Выселковский район	6	6	3	5	3	3	26	2
Кавказский район	4	2	6	3	4	5	24	3
Новопокровский район	1	1	1	1	1	1	6	6
Павловский район	2	3	4	2	2	2	15	5
Тбилисский район	3	4	2	4	5	4	22	4
Тихорецкий район	5	5	5	6	6	3	30	1

Источник: рассчитано авторами на основе данных территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю // Электронный ресурс / режим доступа: <http://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения 17.04.2016).

Таблица 9. Ранги выбранных показателей по степени значимости.

Показатель	W1	W2	W3	W4	W5	W6
Ранг (R)	4	1	3	2	5	6

Источник: рассчитано авторами на основе данных таблицы 8.

Таблица 10. Весовые коэффициенты показателей.

Показатель	W1	W2	W3	W4	W5	W6
Весовой коэффициент $(V)=1-(R-1)/6$	0,5	1	0,7	0,8	0,3	0,2

Источник: рассчитано авторами на основе данных таблицы 9.

После чего рассчитываются их нормированные значения (таблица 11).

Таблица 11. Нормированные значения весовых коэффициентов.

Показатель	W1	W2	W3	W4	W5	W6
Нормированное значение (N)	0,08	0,17	0,11	0,14	0,06	0,03

Источник: рассчитано авторами на основе данных таблицы 10.

Следующее действие при оценке инвестиционной привлекательности методом БОФа – расчет весовых коэффициентов по каждому району (таблица 12).

Таблица 12. Весовые коэффициенты по каждому району.

Муниципальные образования	W1	W2	W3	W4	W5	W6
Выселковский район	0,18	0,46	0,06	0,20	0,16	0,17
Кавказский район	0,17	0,04	0,43	0,18	0,19	0,23
Новопокровский район	0,15	0,03	0,05	0,06	0,09	0,10
Павловский район	0,16	0,09	0,10	0,14	0,10	0,14
Тбилисский район	0,16	0,16	0,05	0,19	0,21	0,19
Тихорецкий район	0,18	0,22	0,30	0,23	0,25	0,17

Источник: рассчитано авторами на основе данных таблицы 11.

Данный способ расчета отдельных весов подходит только для показателей, благоприятно влияющих на уровень инвестиционной привлекательности территории [2]. Весовые коэффициенты для показателей, негативно влияющих на уровень инвестиционной привлекательности рассчитываются аналогичным образом, однако перед расчетом необходимо разделить 1 на каждое значение.

Заключающим этапом метода БОФа является оценка инвестиционной привлекательности выбранных территорий, осуществляемая путем сложения умноженных весовых коэффициентов конкретных показателей на весовые коэффициенты района по тем же показателям (таблица 13, рисунок 2).

Таким образом, оценив инвестиционную привлекательность Тихорецкого района и его конкурентов по выбранным показателям, влияющим на привлечение инвестиций на территорию различными методами, можно видеть достаточно высокий уровень его привлекательности среди других муниципальных образований. В методах оценки Парето и Борда Тихорецкий район занимал лидирующие места, следом за ним находился Выселковский район, однако при оценке методом Быстрова с небольшим отрывом первое место в рейтинге инвестиционной привлекательности занял Выселковский район, а Тихорецкий, соответственно второе. Это обусловлено использовани-

ем метода экспертных оценок и присвоением показателям рангов, что придает субъективизм оценке при определении приоритетных показателей.

Таблица 13. Итоговый рейтинг муниципальных образований.

Муниципальное образование	Интегральный показатель	Ранг
Выселковский район	0,141	1
Кавказский район	0,112	3
Новопокровский район	0,041	6
Павловский район	0,068	5
Тбилисский район	0,091	4
Тихорецкий район	0,137	2

Источник: рассчитано авторами на основе данных таблицы 12.

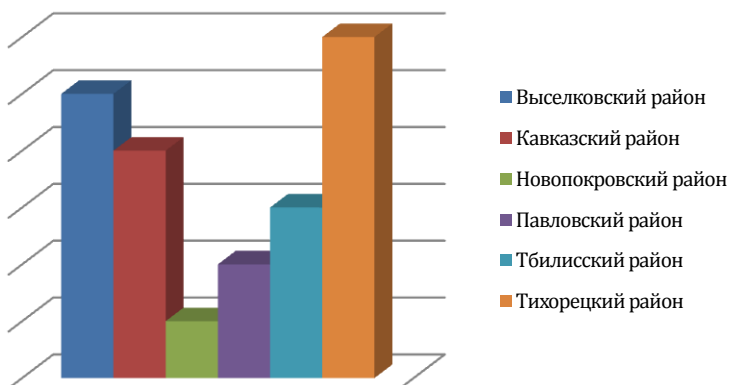

Рисунок 1. Рейтинг инвестиционной привлекательности районов по методу Парето.

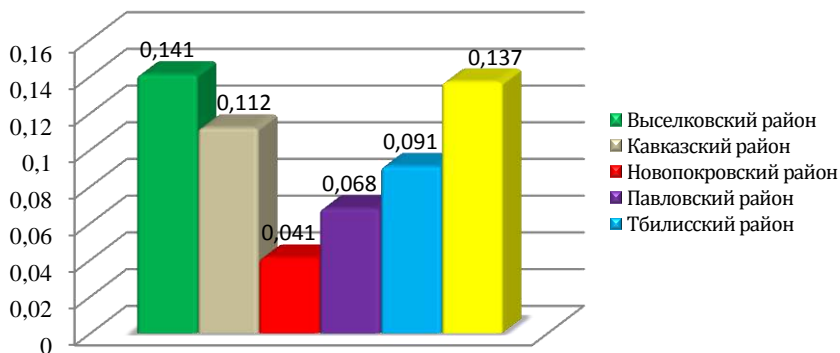

Рисунок 2. Рейтинг инвестиционной привлекательности муниципальных образований.

Список литературы:

1. Балдин К.В., Быстров О.Ф. Математические методы в экономике. Теория, примеры, варианты контрольных работ: Учебн. пособие. – Москва-Воронеж. – 2003. – С. 49-53.
2. Кобозева Е.М., Дейикин Г.В. Инвестиционная привлекательность как фактор устойчивого развития региона // Новая наука: современное состояние и пути развития. – 2016. – №3-1(68). – С. 117-120.
3. Коломыйц О.Н. Инвестиции. Инвестиционная привлекательность территорий: учебное пособие. – М.: МИРАКЛЬ, 2013. – 188 с.
4. Прохорова В.В. Субрегиональные ресурсы и инструменты интенсивного развития территориальных экономических систем современной России. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 224 с.
5. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krsdstat.gks.ru/> (дата обращения 17.04.2016).

UDC 94 | DOI: 10.17809/0557468427-03

ACTIVITIES OF THE GOVERNMENT IN THE FIGHT AGAINST HOMELESSNESS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Malkhasyan, N. V.^{1*}

1 Moscow Financial and Juridical Academy (Yaroslav branch), Yaroslav, Russia.

* Corresponding author: malhasyan.nad@yandex.ru.

Citation: Malkhasyan, N. V. (2016). Activities of the Government in the fight against homelessness during the Great Patriotic War. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice*. London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-03.

Received: February 29, 2016.

Accepted: March 28, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Malkhasyan, N. V.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО БОРЬБЕ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Статья посвящена освещению мероприятий советского правительства по борьбе с детской беспризорностью в годы Великой Отечественной войны. Представлена работа партийных и общественных организаций, органов народного образования, трудовых коллективов в этом направлении.

Ключевые слова: детская беспризорность; Великая отечественная война; правительство; СССР.

Особое внимание в процессе воспитания подрастающего поколения советская система народного образования всегда уделяла дисциплине. С началом Великой Отечественной войны внимание к этому вопросу было значительно усилено. В августе 1943 г. были утверждены «Правила для учащихся». В «Правилах» были сформулированы обязательные требования к учащимся в отношении

посещения школы, подготовки уроков, поведения в учебных заведениях, дома и в общественных местах [9, с. 178].

Ряд исследователей утверждают, что «результатом введения «Правил...» являлась прямая реставрация худших порядков дореволюционной гимназии». С подобной точкой зрения не согласны исследователи Н. Сунцов и В. Сыркин. Они убеждены, что введение «Правил...» являлось весьма важным позитивным моментом в жизни школы, хотя и признают, что «Правила» вносили в школу дух строгости регламентации, «зарезимленности», были своего рода попыткой добиться унификации поведения школьников» [11, с. 127].

Анализ центральных и местных документов и материалов, позволяет заключить, что введение «Правил» в разгар Великой Отечественной войны в целом было продуманным, своевременным и оправданным шагом правительственной политики в сфере образования. С началом войны уровень детской беспризорности и безнадзорности в СССР возрос настолько, что можно было говорить о таком опасном социальном явлении, как массовая беспризорность и безнадзорность. Только через детские приемники-распределители народного комиссариата внутренних дел (НКВД) за военный период прошло около 1 млн. беспризорных и безнадзорных детей [4]. Резко увеличилось количество детских приемников-распределителей. К примеру, если до 1942 г. в прифронтовом регионе Ярославской области и Костромского края был только один детский приемник в г. Ярославле, рассчитанный на 75 человек, то в 1942 г. их стало четыре: в г. Ярославле (расширился с 75 до 350 мест), в г. Рыбинске, в г. Костроме и в г. Буге. Только за I квартал 1944г. в Ярославской области было задержано органами милиции 4571 человек детей, из них беспризорных 785, безнадзорных 3786 [8].

Нередки были случаи побегов детей из детских домов и интернатов, основными причинами которых по заявлению детей, являлось плохое питание, неудовлетворительные бытовые условия, грубое отношение к ним со стороны руководства детских домов [7]. Неудовлетворительное состояние работы ряда детских домов было отмечено в Приказе НКВД от 31 января 1945 г [1]. Значительный масштаб приобрели побег из детских колоний. Только за январь 1944 г. в 47-ми колониях было зарегистрировано 445 побегов воспитанников [3].

Несмотря на сложность условий военного времени властные структуры взяли вопрос детской беспризорности и безнадзорности под жесткий контроль. Руководству детдомов, интернатов и колоний было предписано каждый случай побега обсуждать на педагогических совещаниях, устанавливать причины, принимать меры, пресекающие повторение подобных случаев, с детьми из группы риска проводить индивидуальную педагогическую работу. Заведующим роно вменялось персонально разрешать вопрос снабжения детских домов питанием, установить систематический, жесткий контроль за правильным расходом продуктов питания в детдомах и интернатах, обеспечить децентрализованные заготовки продуктов, создать резервы питания в каждом детдоме и интернате [7].

По фактам побегов областные комитеты партии незамедлительно организовывали проверки. К примеру, одной из таких проверок, организованной руководством Ярославской области по заявлениям воспитателей и воспитанников детского дома № 124 села Прозорово Брейтовского района, был подтвержден факт неоднократного избиения

воспитанников; избивание воспитанников осуществлял директор детдома в случае подозрения воспитанников в краже провианта и в том случае, когда они отказывались выполнять работы, связанные с обслуживанием детдома. Директор детского дома был подвергнут острой критике и освобожден от занимаемой должности [14].

Особое внимание партийные и советские органы уделяли вопросу устройства детей, оставшихся без родителей. 23 января 1942 г. Совнарком СССР принял решение «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», в котором подчеркивалось, что воспитание осиротевших детей и проведение мероприятий по предупреждению детской беспризорности и безнадзорности является важнейшим государственным делом. В соответствии с директивой НКВД СССР от 11 февраля 1942 г. на органы милиции были возложены обязанности по выявлению всех оставшихся без родителей детей и направлению их в приемники-распределители и родственникам по розыску потерявшихся детей в период эвакуации [5].

В системе НКВД СССР деятельность по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью осуществляли специальные органы – детские комнаты милиции при отделениях милиции, а также приемники-распределители, которые в своей работе (как отмечалось в справке о недостатках работы детских комнат милиции от 21 октября 1944г.) были в значительной степени разобщены [2]. Вся координация деятельности в данном направлении осуществлялась комиссиями по устройству детей, оставшихся без родителей, при исполнительных комитетах краевых, областных и районных Советов депутатов трудящихся, в состав которых входили заместитель председателя соответствующего исполнительного комитета и представители профсоюзов, всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ), органов НКВД, народного образования и здравоохранения для непосредственной работы по устройству детей в детские учреждения.

Многие предприятия, колхозы выступали с инициативами организации шефства детским домам и интернатам, перечисления им средств. К примеру, в сентябре 1942 г. Ярославский обком международной организации помощи революционерам (МОПР) обратился в Ярославский областной комитет партии (обком ВКП(б)) с просьбой разрешить массовый сбор средств среди членов МОПР области на организацию и содержание детского дома на 300 человек для детей партизан и красноармейцев, погибших в Великой Отечественной войне, с привлечением к этому делу трудящихся области. На бюро от 1-8 сентября 1942 г. обком ВКП(б) одобрил и поддержал инициативу обкома МОПР; для зачисления средств на организацию детского дома в местном отделении госбанка был открыт специальный счет [12]. 20 сентября 1942 г. в газете «Северный рабочий» было опубликовано предложение колхоза «Восход» Ярославского района об организации шефства предприятий, колхозов учреждений над детскими домами, яслями и интернатами эвакуированных и оставшихся без родителей детей [10]. Руководство области поддержало предложение колхозников, организовало обсуждение обращения тружеников сельского хозяйства на предприятиях, в колхозах, в учреждениях, повести эту работу так чтобы в результате все детские дома, ясли и интернаты имели определенных шефов в лице достаточно мощного предприятия 2-3-х мощных колхозов [13]. В результате осуществленного комплекса мер по борьбе с детской

беспорядочностью и безнадзорностью по области было выявлено и устроено детей, оставшихся без родителей, 12581 человек; из них: направлено на воспитание в детские дома 3584, в семьи трудящихся – 5822, устроено в школы ФЗО и ремесленные училища 3085 человек [15].

Таким образом, следует отметить, что политика правительства в области вопросов дисциплины детей и подростков, борьбы с детской беспорядочностью и безнадзорностью в 1941-1945 гг. была продуманной и целенаправленной, что и обеспечило ее успешную реализацию. В этом вопросе власть плодотворно взаимодействовала с органами образования, предприятиями и организациями, колхозами, широкой общественностью. В сложных обстоятельствах войны жесткий, отчасти командный тон «Правил...» был необходим и в целом оправдан. Имея своей целью укрепление дисциплины среди учащихся школ и воспитанников детских домов и интернатов, они сыграли позитивную роль в деле патриотического воспитания подрастающего поколения.

Список литературы:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп.25а, д. 7352, л. 19-24.
2. ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1, д. 35, л. 225.
3. ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1, д. 97, л. 85 об.
4. ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1, д. 242, л. 51.
5. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3, д. 40, т. 1, л. 42.
6. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО) Ф.Р-2224. Оп.1, д.70, л.57.
7. ГАЯО Ф.Р-2224. Оп.1, д.70, л.59.
8. ГАЯО Ф.Р-2224. Оп.1, д. 96, л.8.
9. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сб. докум. 1917-1973 гг.- М., 1974. С.178.
10. Северный рабочий. 1942, 20 сентября.
11. Сыркин В., Сунцов Н. Школьная реформа военных лет (1943-1944 гг.). // Народное образование. – 1990. - № 6. С. 126-129.
12. Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНІЯО). Ф. 272. Оп. 224, д. 441, л. 19.
13. ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 224, д. 444, л. 21.
14. ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 224, д. 1661, л. 12.
15. ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 224, д. 1661, л. 65.

UDC 32 | DOI: 10.17809/0557468427-04

THE ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE FORMATION OF THE MODERN STATE IN AFGHANISTAN

Rashidov, R.R.^{1*}

1 Tashkent State Institute of Oriental Studies, Tashkent,
Uzbekistan. * Corresponding author: rustamrr20@mail.ru

CrossMark

Citation: Rashidov, R. R. (2016). The role of non-governmental organizations in the formation of the modern state in Afghanistan. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice*. London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-04.

Received: February 26, 2016.

Accepted: March 30, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Rashidov, R. R.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

В данной статье рассмотрена возросшая потребность качественного анализа деятельности негосударственных организаций, в том числе международных негосударственных организаций в ходе афганского конфликта и особенно во время правления движения «Талибан (признано Советом Безопасности ООН террористической организацией в 2003 г.)». Также рассмотрено участие негосударственных организаций в процессе формирования современной государственности в Афганистане. Автор рассуждает о недостаточности финансирования деятельности негосударственных организаций и о низком уровне безопасности для ведения их деятельности в Афганистане.

Ключевые слова: негосударственные организации (НГО); Афганистан; афганский конфликт; движение «Талибан»; гуманитарная помощь; беженцы; международные НГО; формирование государственности; Национальная программа солидарности.

Негосударственные организации (НГО) являются важной частью общественно-политической жизни любого общества и выполняют определенные задачи. В том числе, многие негосударственные организации возникли в процессе формирования современной государственности в Афганистане.

НГО по определению являются независимыми, беспристрастными и нейтральными учреждениями, которые предоставляют помощь по восстановлению и реконструкции в целях развития определенного государства и общества. Отношения между НГО и государством не всегда были крепкими. В отдельных случаях правительства могут просматривать НГО в качестве политических конкурентов. В тоже самое время, НГО обычно работают на низовом уровне, оказывая услуги и предоставляя информацию как для тех, кто в ней нуждается, включая более широкую аудиторию политиков, государственных организаций и учреждений-доноров.

Однако, в настоящее время ситуация в Афганистане такова, что многие НГО работают в напряженной среде и ведут деятельность по следующим направлениям: в сфере здравоохранения, образования, гуманитарной помощи и по вопросам беженцев.

Следует отметить, что в последние два десятилетия двадцатого века в афганском обществе возросла потребность в НГО. Это объясняется продолжительностью конфликтов и отсутствием государственных структур, которые ведут нормальную деятельность. Именно в таких условиях выступили негосударственные организации, способные оказать помощь афганскому обществу, в некоторых случаях даже выполняя некоторые функции государства. Потребность в деятельности НГО особо возросла во время правления талибов. Несмотря на то, что движение «Талибан» (признано террористической организацией Советом Безопасности ООН в 2003 году) занимало высшую власть в Афганистане, движение не собиралось сотрудничать с мировым сообществом в гуманитарной сфере. Таким образом, можно было отметить, что международная гуманитарная помощь не доходила до Афганистана, и это усугубляло гуманитарный кризис. В таких условиях, организации-доноры, помогающие Афганистану, всячески пытались обойти талибов и все-равно оказывать помощь афганскому народу через местные и международные неправительственные организации [3, с. 73].

После окончания правления талибов и с началом процесса формирования современной государственности возрос интерес на деятельность НГО. Новая Конституция, принятая в 2004 г. , и Закон «О Негосударственных организациях» от 2005 г. регули-

руют отношения в данной области [11, с. 14-15]. Согласно этому закону НГО должны пройти регистрацию Министерства экономики и Министерства юстиции Афганистана. До принятия этого закона в Афганистане вели деятельность более 2300 НГО, в том числе более 330 международных. Можно отметить тот факт, что не все НГО отвечали требованиям нового закона [1, с. 19], и к маю 2010 года только 1468 НГО прошли регистрацию Министерства экономики страны [11, с. 14-15].

Среди ведущих международных НГО, ведущих деятельность в Афганистане, можно перечислить следующие: Фонд Исламской Помощи (Islamic Relief Fund), Международная гуманитарная помощь (International Humanitarian Aid), Организация Международной Помощи Канады Афганистану (Afghanistan Relief International), Афганская Помощь Великобритании (Afghan Aid), помощь США Афганским Детям (Help The Afghan Children) и другие [1, с. 19].

Вышеперечисленные организации в основном ставят перед собой следующие задачи: сбор благотворительных средств в качестве помощи Афганистану и защита прав человека. НГО не влияют на государственную политику. Следует отметить, что всего лишь 9% международной помощи, оказываемой Афганистану, направляется в страну через НГО, остальная и большая часть помощи разделяется структурами ООН [1, с. 19].

На сегодняшний день работа местных и международных НГО в Афганистане является менее качественной, и это связано с низким уровнем безопасности в стране и с недостатками государственных структур, которые сотрудничают с ними. Именно поэтому для совершенствования деятельности НГО на территории страны учреждены несколько сетей и союзов, которые могут способствовать нормальному функционированию и развитию НГО. Например, Агентство по координации организаций по оказанию помощи Афганистану (The Agency Co-ordinating Body for Afghan Relief – ACBAR) – союз, включающий в себя более 100 местных НГО, был создан в 1988 году и ведет деятельность во всех областях страны [10, с. 23]. Особого внимания заслуживает создание данным союзом своеобразного справочника о НГО, ведущих деятельность в Афганистане. Данный справочник регулярно печатается Агентством, и в его 15-издании содержатся аннотации о 245 НГО, направлениях их деятельности, контакты (адрес, телефон, факс, ответственные лица, региональные офисы), количестве сотрудников, а также приводится их бюджет (по годам) [5].

Агентство критикует любые действия, оказывающие давление, мешающие или противоречащие деятельности НГО. В своем «Вестнике о международной помощи и источниках финансирования» от 2014 года оно приводит достоверную информацию о 228 случаях, связанных с безопасностью и произошедших по отношению НГО в Афганистане в 2013 году. А в 2014 году такие действия были совершены более 140 раз [4].

Бюро координации афганских НГО (Afghan NGOs Coordination Bureau – ANCB) было создано в 1991 году и координирует отношения более чем 200 НГО с государственными структурами, международными организациями и агентствами-донорами в сферах здравоохранения, сельского хозяйства, прав человека, образования, окружающей среды, женщин и прав детей [10, с. 23].

Эффективная деятельность институтов гражданского общества и негосударственных организаций зависит от суммы их финансирования. Следует обратить внимание на бюджет за 2014 год крупнейших структур:

Форум Афганского гражданского общества – 3 млн. долларов США;

Центр координации гражданского общества – 31,500 долларов США;

Агентство по координации организаций по оказанию помощи Афганистану – 625,000 долларов США;

Бюро координации афганских НГО – 200,000 долларов США [8, с. 31-38].

Эти данные принадлежат крупным сетевым союзам, объединяющих множество институтов гражданского общества и НГО, и надо подчеркнуть, что объём финансирования отдельной структуры или организации составляет очень небольшую сумму. Проанализировав информацию выше, можно прийти к выводу, что общественные структуры Афганистана не финансируются в нужной степени.

В настоящее время ряд НГО работают в направлении развития афганского правительства. Многие НГО участвуют в реализации приоритетных национальных программ, таких как Национальная программа солидарности (National Solidarity Programme), Национальная программа чрезвычайной занятости (National Emergency Employment Programme) [6, с. 9] и т.п.

По результатам анализа отношений неправительственных организаций Афганистана и государственных структур можно прийти к следующему выводу: если деятельность государственных структур находится в неудовлетворительном состоянии (недостатки в организационной структуре и в работе с кадрами), то потребность в НГО, ведущих деятельность в этом направлении, будет менее ошутимой. В то же самое время, деятельность НГО будет дана отрицательная оценка. Наоборот, если трудовой порядок на относительно хорошем уровне, и в государственных структурах работают опытные и квалифицированные специалисты, то и мнение о НГО будет положительным, и государственные структуры всегда будут готовы сотрудничать с данной НГО [9, с. 19].

На сегодняшний день изучение и исследование теоретических, научных и практических особенностей построения гражданского общества в Афганистане является очень актуальным вопросом. С этой целью ведут деятельность ряд «мозговых центров», такие как: Структура исследования и оценки Афганистана (Afghanistan Research and Evaluation Unit – AREU), Открытое общество Афганистана (Open Society Afghanistan), Организация исследования и тренинга мира (Peace Training and Research Organization), Сеть аналитиков Афганистана (The Afghanistan Analysts Network) [7, с. 16-17, 20] и Афганский институт гражданского общества (Afghanistan Institute for Civil Society) [2].

Таким образом, негосударственные организации проявились в новейшей истории в качестве общественных структур для решения вопросов оказания гуманитарной помощи и обеспечения прав человека. Необходимо подчеркнуть, что НГО являются одним из ведущих строителей афганского государства, которые должны регулярно держать взаимосвязь с правительством. Также, проанализировав деятельность негосударственных организаций в процессе формирования современной государственности, можно сказать, что их деятельность, в частности совместная деятельность с государственными структурами, имеют положительное влияние на общество. Отношения правительства и НГО, как правило, должны быть более конструктивным, правительство должно встречать и поддерживать НГО, потому что они активно занимаются осуществлением различных программ для развития общества и государства. О будущей деятельности негосударственных организаций в Афганистане можно сказать, что в дальнейшем эти организации должны быть способны издавать документы, свидетельствующие об их деятельности (отчеты и их издание, информация о финансовых источниках и расходах), для повышения прозрачности их деятельности.

Список литературы:

1. Политические системы современных государств. Т.2. Азия / гл. редактор А.В. Торкунов; науч. редактор А.Ю. Мельвил; отв. редактор М.Г. Миронюк). – М: Аспект Пресс, 2012. – С. 19.

2. A New Force for Growing Civil Society in Afghanistan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.partnershipsinaction.org/content/new-force-growing-civil-society-afghanistan>.
3. A World Bank Country Study. Afghanistan – State Building, Sustaining Growth, and Reducing Poverty. – Washington, D.C.: The World Bank, 2005. – P. 73.
4. ACBAR Afghanistan briefing on international aid and funding mechanisms. Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.acbar.org/Publications/#sthash.krK8aMcY.dpuf>
5. ACBAR NGO Profiles 2002. Profiles & Operational Data of Humanitarian Agencies Working in Afghanistan. – Peshawar: Al-Rehman Graphics, 2002. – 293 p.
6. ACBAR Briefing Paper November 2006. Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/145FA71717177C3285257234006A4105-acbar-afg-01nov.pdf>
7. Brown, S. Review of Previous Research and Studies of Afghan Civil Society. Lists of Civil Society Organisations and Summary of Reports in preparation for Tawanmandi Stakeholder Mapping / Komak Ltd (UK), November 2011. – P. 16-17, 20.
8. Durand, M. Panorama of Civil Society Organizations in Afghanistan. From the Perspective of Coordination. – Kabul: Tawanmandi, 2015. – P. 31-38.
9. Jelinek, E. A Study of NGO Relations with Government and Communities in Afghanistan. – Kabul: ACBAR, November 2006. – P. 19.
10. Winter, E. Civil Society Development in Afghanistan. / London School of Economics and Political Science, Centre for Civil Society, Economic and Social Research Centre (ESRC). – London, June 2010. – P. 23.
11. 2011 Afghanistan Civil Society Assessment / United States Agency for International Development (USAID) & Counterpart International. December 2011. – P. 14-15.

UDC 338.465| DOI: 10.17809/0557468427-05

TOTAL CONTROL OVER THE QUALITY OF THE STATE (MUNICIPAL) SERVICES IN RUSSIA

Tarasova, T. S.^{1*}

1 Baikal State University, Irkutsk, Russia.

* Corresponding author: lpbs@mail.ru.

Citation: Tarasova, T. S. (2016). Total control over the quality of the state (municipal) services in Russia. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice*. London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-05.

Received: February 21, 2016.

Accepted: March 29, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Tarasova, T. S.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

The article discusses the sphere of state (municipal) services in Russia. In particular, the process of providing these services and bilateral assessment are considered. It reveals one of the ways of assessing the quality of governance at the state and municipal levels. The author defines the concept of the quality of services, as well as the components of this quality. The emphasis is on the difference between the concepts of the service quality in various literary sources, as well as in statutory documents related to the sphere of state (municipal) services in Russia. Some of the mechanisms to improve the quality of public (municipal) services are analyzed in the framework of modern legislation, from the period of administrative reform (2003) to the present day. One of the findings is that there is lack of proper control over the provision of state (municipal) services in Russia. In this regard, the article proposes a scheme of the total control over these services,

which should be linked to the expansion of existing control mechanisms within the process of service delivery.

Key words: state services; municipal services; quality of services; quality control; total quality control.

Every modern democratic states aims to improve the quality of its own activities, which affects a number of factors related to the quality of life of the citizens. The process of reforming the state is diverse in nature; it gives an indication of the efficiency / inefficiency of public authorities and local governments for various reasons. One way to assess the quality of management at the state level is to assess the quality of the state (municipalpal) service (hereinafter - services).

Perhaps, we should start with the fact that an active discussion of the aforementioned services began with a number of changes in the Russian legislation, which were based on the definition of such services and also established service standards for the state and municipal authorities in the Rusian Federation.

Despite the fact that the identification of services took place only in 2010, the government started paying attention to the issues of their quality in early 2003. The national administrative reform began during this period and was formulated in one of the decrees of the President of the Russian Federation. Thus, the state uses various mechanisms to improve the quality of services that are associated with the correction of their size and composition, as well as their standardization, the optimization of service procedures, the reform of service delivery centers, etc.

At the same time, the concept of services has several distinct definitions directly in the framework of the law, and there are many refined and generalized definitions in the works written by leading scientists. Thus, the concept of "quality services" has an even greater variety of interpretations. From a more general standpoint, the quality of services can be considered as:

- The degree of satisfaction of consumer expectations (the term is fixed in this sense in the international standards ISO 9000, adopted in 1994);
- The degree of compliance with the prescribed requirements and standards;
- From the standpoint of compliance of the provided the services with their value;
- As a common set of technical, technological, and operational characteristics by which the service might meet the needs of its consumers (Sokolova, & Tarasova, 2015, p. 26).

The quality of service is an integer that can be expressed in terms of a certain system of the interconnected elements and the quality indicators, which are enshrined in the Guidelines for Assessing the Quality of Services in the Territory of the Russian Federation.

Quality monitoring is aimed at assessing the quality of services for these indicators. It is a method of social control and is expressed in the indicator that measures "citizens' satisfaction with the quality of services received." In turn, quality control is a complex system of methods that allows you to ensure customer satisfaction (Sokolova, 201, p. 215).

As a mechanism to improve the quality services, it is necessary to use total control of their quality, including control over the three stages of service delivery (Figure 1).

However, the efforts to improve the quality of services apply only to stages of production services to a greater extent, from the moment when a customer apply for a service and until the survice is filly provided (in a way to meet users' information and functional needs). This phase includes an analysis of the existing order of services with the procedure provided in Administrative Regulations (a document for the translational regulation of the service delivery process).

Very often, quality control carrying out in one step is insufficient. For example, control over the process of drawing the regulations of administrative services is expected in the preparatory phase (in this case, we are talking not about the quality of general provisions of the regulations, verification of which is produced by the executive authorities). In addition, at this stage, it is advisable to monitor the accuracy of the standard services, the cost estimates the time required to draft the standards and regulations, including their final cost.

Accordingly, control of performance of any administrative regulation occurs at the production stage. Thus, there is a very important fact: evaluation of the quality of services must be made on the basis of the already existing regulations, the quality of which has been tested in the previous step.

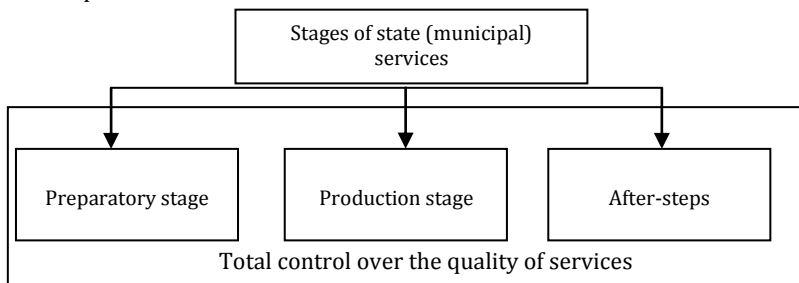

Figure 1. Stages of state (municipal) services

In turn, the stage of after-steps, which is widespread abroad, includes monitoring and evaluation of complaints from the consumers, as well as the actual assessment of repeated requests for services, identifying their underlying causes. Thus, the introduction of total control over the service quality in all stages is a supplement to the existing quality control mechanisms, and, therefore, it is its extension. Conducting this control in the proposed scheme is a necessity, because the concern and satisfaction of a number of citizens' needs is one of the most important tasks of public authorities.

References

- Kalishina, M. (2007). Puti povysheniya kachestva gosudarstvennykh uslug [Ways to improve the quality of public services]. *Byudjet*, 1, 25-27. (In Russian).
- Sokolova, L. G. (2000). Proizvoditelnost: teoriya, izmereniye, problemy rosta [Productivity: Theory, measurement, growth problems]. Irkutsk: IEA Publishing House. (In Russian).
- Sokolova, L. G. (2011). Effektivnost gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Effectiveness of state and municipal administration]. *Bulletin of Irkutsk State Economic Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 6(80), 117 -120. (In Russian).
- Sokolova, L. G. , & Tarasova, T. S. (2015). Methodological approaches to outsourcing public and municipal services. *Baikal Research Journal*, 6(4). DOI: 10.17150 / 2411-6262.2015.6(4).8. (In Russian).

METHODICAL SYSTEM TO IMPROVE THE SPELLING LITERACY OF THE STUDENTS IN SCHOOLS WITH RUSSIAN (NON-NATIVE) AND BATIVE (NON-RUSSIAN) LANGUAGE OF COMMUNICATION

Khatsukova, R. A.^{1*}

1 Kabardino-Balkarian Institute of Business, Nalchik, Russia.

* Corresponding author: rkhatsukova@mail.ru.

CrossMark

Citation: Khatsukova, R. A. (2016). Methodical system to improve the spelling literacy of the students in schools with Russian (non-native) and native (non-Russian) language of communication. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-06.

Received: February 19, 2016.

Copyright: Khatsukova, R. A.

Accepted: March 26, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

МЕТОДИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОВЫШЕНИЯ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ШКОЛАХ С РУССКИМ (НЕРОДНЫМ) И РОДНЫМ (НЕРУССКИМ) ЯЗЫКОМ ОБУЧЕНИЯ

В работе описывается инновационная методическая система повышения орфографической грамотности обучающихся начальной школы с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения. Система опирается на достижения лингвистики, педагогики, психологии, методики. В основе системы лежит инновационный метод, эффективность которого доказана автором статьи экспериментально.

Ключевые слова: методика; орфография; структура слова; моделирование; развитие речи.

Введение. Методика обучения русскому языку нерусских стала разрабатываться еще в конце XIX века, но формирование методики русского языка в школах с русским (неродным) языком обучения как самостоятельной отрасли общей лингводидактики началось с первых лет установления советской власти, когда народное образование стало рассматриваться как задача общегосударственного значения. Однако понадобилось еще немало времени, чтобы вопросы изучения русского языка в школах с русским (неродным) языком обучения стали четко дифференцироваться от общих проблем обучения русскому языку. Этому способствовали труды отечественных лингвистов и методистов: Л.В. Щербы, Е.Д. Поливанова, В.А. Богородицкого, Н.К. Дмитриева, Ф.Ф. Советкина, В.М. Чистякова, С.Д. Пурцеладзе, Р.Л. Мелкумяна, И.М.Шанского, Н.З.Бакеевой, И.В.Баранникова, Н.Б.Экбы и др.

Однако учебный процесс не остается неизменным, методика не стоит на месте. Развитие педагогики, научной теории по русскому языку, психологии и других дисциплин позволяет выявить и использовать для оптимизации учебного процесса новые методические технологии.

Особый учебный интерес в этом плане представляет структурная методика преподавания русского языка в школе с русским (неродным) языком обучения, основан-

ная на инварианте словообразовательного типа (СТ) проф. Шекихачевой М.Ш. Данная методика, опирающаяся на словообразование, ориентирована на выработку прочных орфографических умений и навыков и на максимальное увеличение словарного запаса учащихся.

Структурную методику мы рассматриваем применительно к начальной школе, где обучаются дети-кабардинцы. Наблюдение за процессом обучения учащихся кабардинской начальной школы, анализ уровня орфографической грамотности детей, практика работы в школе (36 лет) убедили в том, что усвоение орфографии русского языка вызывает серьезные трудности у учащихся-кабардинцев.

Начальный этап обучения представляет собой важное звено непрерывного курса русского языка в школе. От уровня сформированности у учащихся знаний, умений и навыков зависит успешность практического овладения языком на дальнейших этапах обучения. Между тем младшие школьники усваивают материал, связанный с овладением русской орфографией, формально, не умеют осознать ее суть, отношение орфографии к другим уровням языка.

Актуальность данного исследования определяется потребностью в изменении содержания обучения в начальных классах школ в кабардинских населённых пунктах, выборе метода обучения, способного качественно повысить орфографическую грамотность младших школьников, а также существующим противоречием между реальным и необходимым уровнем орфографической грамотности учащихся.

Объектом исследования является процесс обучения русскому языку учащихся 2-4 классов, направленный на повышение орфографической грамотности младших школьников.

Предметом исследования является комплексно-процессуальный метод обучения орфографии русского языка, основанный на инварианте словообразовательного типа применительно к начальной кабардинской школе.

Основная цель исследования - разработка методической системы повышения орфографической грамотности учащихся начальной кабардинской школы, основанной на инварианте словообразовательного типа при комплексно-процессуальном методе обучения языкам.

Научный анализ лингвистической, педагогической и методической литературы, данные о состоянии орфографической грамотности учащихся 2-4 классов способствовали определению гипотезы исследования: работа по формированию орфографической грамотности учащихся начальной школы будет более эффективной, если признать в качестве метода обучения комплексно-процессуальный; если увеличить объем предоставляемого младшим школьникам теоретического материала для углубления знаний и приведения программы для начальных классов национальных школ в соответствие с современным состоянием науки; если создать систему целенаправленной практической деятельности, закладывающей прочные основы для выработки у школьников устойчивого навыка грамотного письма на основе использования инварианта словообразовательного типа (СТ).

Из поставленной цели и рабочей гипотезы вытекают следующие задачи:

1. Определить степень изученности избранной темы на основе анализа лингвистической и психолого-педагогической литературы по проблеме, дать ее научное обоснование.

2. Установить методическую обеспеченность обучения орфографии, проанализировав государственные программы по русскому языку и учебные пособия для учащихся

ся начальных классов школ с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения.

3. Разработать методическую систему обучения русской орфографии учащихся кабардинской начальной школы, опирающуюся на инварианте словообразовательного типа (СТ) при комплексно-процессуальном методе обучения фонетике, орфографии, лексике, словообразованию, морфологии, проверить эффективность предложенной методики посредством ее апробации в МКОУ СОШ №2 с.п. Урух.

Для решения поставленных задач использованы следующие научно-исследовательские методы:

1. Лингвистические:

а) описательный метод (при характеристике отдельных орфографических правил);

б) дистрибутивный метод (при выборе СТ);

в) функциональный метод (для анализа языкового материала при определении последовательности его введения в учебный процесс).

2. Методические:

а) социально-педагогический метод (наблюдение за учебным процессом, изучение и обобщение опыта работы в начальных классах общеобразовательной школы, анализ программ учебников, учебных пособий);

б) экспериментальный метод (определение уровня сформированности умений и навыков грамотного письма, констатирующий срез, обучающий эксперимент, контрольный срез);

в) статистический метод (обработка данных, полученных в ходе констатирующего, обучающего и контрольного этапов эксперимента).

Методологической основой исследования послужили положения философии и лингвистики о языке как средстве коммуникации, средстве существования и выражения мысли, основополагающие принципы педагогики и дидактики.

Теоретическую основу диссертационной работы составили труды ученых по теории личностно-деятельностного подхода к обучению (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, И.А. Зимняя, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др.), по теории методов обучения (И.Я. Лернер, М.С. Скаткин), труды по русской орфографии (Л.В. Щерба, А.М. Гвоздев, Л.Р. Зиндер, Р.Ф.Иванова и др.), исследования по проблемам методики преподавания русского языка как родного и неродного (Г.А. Анисимов, Н.Н. Алгазина, В.В. Бабайцева, Н.З. Бакеева, И.В. Баранников, Г.Г. Городилова, Б.М. Есаджания, А.Х.Загаштоков, К.З. Закирьянов, А.В. Текучев, Л.А.Тростенцова, Р.Б. Сабаткоев, Ф.Ф. Советкин, С.С. Сукунов, А.Е. Супрун, Л.З. Шакирова, Н.М. Шанский, И.А.Шаповалова, М.Ш.Шекихачева, М.Х. Шхапацева, Н.Б. Экба и др.), работы по проблемам двуязычия (М.Л. Апажев, Б.Х. Балкаров, З.У.Блягоз, Е.М. Верещагин, Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко, М.Х.Шхапацева, Н.Б. Экба и др.).

Исследование проводилось в несколько этапов:

- изучение лингвистической, психолого-педагогической и методической литературы по теме исследования, определение проблемы, цели, задач исследования;

- педагогический анализ действующих программ и учебников по русскому языку для начальных классов в аспекте исследуемой проблемы, наблюдение за учебным процессом, отбор заданий для констатирующего эксперимента.

- проведение констатирующего эксперимента, создание программы формирующего эксперимента;

- проведение опытного обучения;

- обработка, анализ, обобщение результатов, полученных в ходе эксперимента, на основании которых были сформулированы выводы, оформление диссертационного исследования.

Наиболее существенные научные результаты заключаются в том, что:

- исследование содержит обоснование исходных лингвистических, психолого-педагогических и методических позиций;

- разработаны организационно-педагогические и методические основы обучения русской орфографии учащихся начальной национальной школы на основе инварианта словообразовательного типа;

- разработана концептуальная модель взаимосвязанного обучения фонетике, орфографии, лексике, морфологии при комплексно-процессуальном методе на основе инварианта словообразовательного типа.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

1) в практике кабардинской начальной школы впервые дается теоретическое обоснование оптимальной системы повышения орфографической грамотности учащихся начальных классов на основе использования инварианта словообразовательного типа;

2) предложены и проверены критерии отбора словообразовательных типов в целях систематизации учебного материала и преодоления интерферирующего влияния родного языка учащихся;

3) по-новому интерпретированы методические приемы комплексного изучения вопросов фонетики, орфографии, лексики, морфологии в начальных классах кабардинской школы на основе использования инварианта словообразовательного типа при комплексно-процессуальном методе обучения.

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании методической системы обучения орфографии русского языка учащихся начальной национальной кабардинской школы на основе использования инварианта словообразовательного типа при комплексно-процессуальном методе обучения русскому языку с учетом преемственных и перспективных связей в обучении.

Практическая значимость исследования определяется тем, что создана методическая система обучения русской орфографии на основе инварианта словообразовательного типа и экспериментально обоснована её эффективность. Материалы исследования могут найти применение при совершенствовании программ, учебников и учебных пособий, помогут учителям начальных классов, методистам управленческого звена органов образования в разработке последовательной и стройной системы обучения орфографии русского языка в начальной национальной школе.

Достоверность полученных результатов обеспечивалась методологической обоснованностью исходных позиций, использованием комплексных методов, адекватных цели и задачам исследования, качественным и количественным анализом экспериментальных данных и их статистической обработкой, позитивными психолого-педагогическими изменениями, полученными в ходе опытно-экспериментальной работы.

Апробация и внедрение результатов исследования осуществлялись в ходе опытно-экспериментального обучения в начальных классах МКОУ «СОШ №2 с.п. Урух» и МКОУ «СОШ №2 с.п. Заюково Кабардино-Балкарской Республики. Основные положения обсуждались на заседаниях в ИМПЯ КБИБ, на кафедре русского языка и методики преподавания Адыгейского государственного университета, в статьях и тезисах различных научно-методических изданий.

Основное содержание работы. Русская орфография прошла длительный путь в своем развитии и исследовании. Нормы русской орфографии нашли отражение еще в трудах А.А. Барсова, И.И. Греча, ЯК. Грота, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, В.А. Богородицкого, Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы и др. В современном русском языкознании проблемы орфографии являлись и являются объектом исследования многих лингвистов: А.М. Гвоздева, Л.Р. Зиндера, Ю.С. Маслова, В.Ф. Ивановой и др.

Орфография - слово греческое, по своему происхождению состоит из двух частей: orthos - прямой, правильный, grapho - пишу и означает «правописание», т.е. правильное, соответствующее нормам письмо. Сфера орфографии - это написание, где перед пишущим стоит задача выбора буквы для обозначения того или иного звука, которая соответствовала бы принятой в обществе норме правописания.

Русская орфография как система правил распадается на пять разделов:

- 1) правила передачи звуков (фонем) буквами в составе слов и морфем;
- 2) правила о слитных, полуслитных (дефисных) и отдельных написаниях слов;
- 3) правила употребления прописных (больших), строчных (малых) букв;
- 4) правила переноса слов с одной строки на другую;
- 5) правила графического сокращения слов.

Русская орфография строится на определенных принципах. У лингвистов нет единого мнения о количестве принципов русской орфографии и их наименованиях. Одни лингвисты считают, что русское правописание построено на трех принципах: морфологическом, фонетическом и традиционном (А.М. Гвоздев, Л.Р. Зиндер, Р.Ф. Иванова); другие выделяют пять орфографических принципов: морфологический, фонетический (фонематический), символично-морфологический (грамматический), дифференцировочный и традиционный (исторический) (Ю.С. Маслов и другие). Мы разделяем точку зрения ученых Гвоздева А.Н., Зиндера Л.Р., Ивановой В.Ф. и других, которые считают, что русское правописание построено на трех принципах: морфологическом, фонетическом и традиционном.

Ведущим для русской орфографии является морфологический принцип, под которым понимается сохранение на письме графического единства одних и тех же морфем (корней, приставок, суффиксов, окончаний) там, где это возможно. Выбор определяется методическим характером нашего исследования, поскольку в школьной практике рассматривается три принципа русской орфографии и морфологический принцип признается основным.

Впервые в русистике о словообразовательном типе (СТ) заявлено в «Грамматике русского литературного языка» АН СССР (АГ -70). В ней отмечается, что основной единицей классификации словообразовательной системы является словообразовательный тип. Это формально-семантическая схема построения слов, абстрагированная от конкретных лексических единиц и характеризующаяся общностью: а) формального показателя, отличающего мотивированные слова от мотивирующих; б) части речи мотивирующих слов; в) семантического отношения мотивированного слова к мотивирующему (словообразовательное значение). Например, глаголы прыгнуть, свистнуть, толкнуть, чихнуть и т.п. принадлежат к одному словообразовательному типу, так как они имеют общий формальный показатель - суффикс - ну(-ть); б) мотивируются глаголами (прыгать, свистеть, толкать, чихать); в) имеют значение «однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом» (§596). Теория словообразовательного типа нова, еще не изучена со всех сторон, но стало возможным сделать эту теорию предметом упражнений учащихся, «рабочим инструментом» в руках учителя, исследователя.

Автором новой лингвометодической единицы «Инвариант - СТ - формула построения производных слов» является проф. М.Ш. Шекихачева. Ее структурная методика основывается на инварианте СТ, т.е. на словообразовательном типе, предметом её изучения являются производные слова. Целесообразность опоры на словообразование при обучении нерусских (кабардинских) учащихся орфографии русского языка обосновывается организацией самого языка, когда с помощью сравнительно небольшого количества морфем и благодаря их все новым и новым комбинациям может быть построено большое количество слов. Знание строения морфем, из которых состоит слово, усвоение правил сочетаемости морфем, классификация морфем по месту в слове и по функции являются основой для повышения уровня орфографической грамотности учащихся. При обучении русскому словопроизводству частично бывают затронуты вопросы морфонологии-дисциплины, изучающей закономерности фонологического оформления морфем (чередование, усечение, наращение).

Моделирование - построение слов - основной вид деятельности при обучении по структурной методике. Оно делает орфографический облик слов «прозрачным», проследить на морфемном шве фонетические изменения «видимыми».

Конечная цель усвоения словообразования - это формирование у учащихся прочных орфографических умений и навыков, основой которых является сознательное моделирование по формально-семантической схеме СТ производных; объяснение их значения, структуры; выделение в слове морфем.

Понятия «основа производящего слова», «производная основа(слово)», префикс, суффикс (материально выраженный и нулевой) - составные части СТ. Все производные испытывают морфонологические изменения, выявляя на морфемном шве, если есть, чередование, усечение, наращение, совмещение.

Таким образом, идет параллельное усвоение правил написания морфем и того значения, которое они приносят в слово.

Эффективность структурной методики высока, но может быть оптимальна для обучения нерусских учащихся орфографии русского языка только в разумном сочетании с традиционными методами.

Все написания в русском языке, как известно, могут быть разделены на два больших разряда: написания, подчиняющиеся твердым правилам, и написания, не подходящие ни под какие правила, то есть написания, основанием для которых является лишь традиция. Структурная методика охватывает первый разряд правил: правописание суффиксов и приставок, отчасти корней; написания, связанные с лексическим значением (орел, Орел; Урал, уральский). Написания, относящиеся ко второму разряду (безударные гласные, двойные согласные и др.), многочисленные исключения, дефисные и бездефисные написания затрагиваются структурной методикой в том плане, что относящиеся к ним слова используются в качестве производящих. Но этого недостаточно для того, чтобы учащиеся овладели необходимым в начальной школе, а затем и в среднем звене, уровнем грамотности.

В начальной школе структурная методика в сочетании с традиционными методами обучения орфографии русского языка закладывает прочный фундамент для достижения такого уровня орфографической грамотности, когда учащийся в состоянии уже писать правильно все, что связано с определенными орфографическими правилами, усваивает значительное количество традиционных написаний. Такой уровень считается завершающим для оканчивающего среднюю школу.

В центре структурной методики находится обобщенный инвариант словообразовательного типа, имеющий следующий вид:

- принадлежность производящего слова и Инвариант СТ основы производного слова к одной и той же части речи;
- участие в словообразовательном акте форманта, конкретного по а) форме и б) содержанию;
- принадлежность производного слова к одной и той же части речи;
- выводимость абстрагированного словообразовательного значения путем соотношения конкретных лексических единиц: производящее слово - производное слово.

На основе такого обобщенного инварианта можно вывести любой конкретный СТ, который будет отвечать всем требованиям инварианта и позволит осуществить процесс моделирования как известных, так и вновь изучаемых более эффективно.

Поскольку предметом схемы СТ является построение производных слов, то, следовательно, производные слова - и предмет, и итог словообразовательного процесса. Процесс этот проходит через четыре контрольных пункта, в результате чего порождается итог. Контрольные пункты - это ориентировочные основы, а именно:

- 1) к какой части речи относится производящее слово;
- 2) какой формант (могущий располагаться и справа, и слева, и с двух сторон) выступает в словообразовательном акте;
- 3) какое добавочное значение приобретает при этом производящее слово;
- 4) подтверждается ли, что производящее слово приобрело в итоге добавочное значение.

Структура модели: производящее слово (часть речи) - формант = производное слово (часть речи) - «лексическое (новое) значение производного слова»:

СТ 1.

говорить - за+говорить = заговорить - «начать говорить»

петь - за+петь = заговорить - «начать петь»

ворковать - за+ворковать = заворковать - «начать ворковать»

Делается вывод:

- от глаголов несовершенного вида

- при помощи приставки за-

- образуем глагол совершенного вида

- со значением «начать действие, названное производящим словом»

СТ 2.

волк() - волч+онок = волчонок - «детёныш волка»

верблюд() - верблюж+онок() = верблюжонок = «детёныш верблюда»

тигр() - тигр+ёнок() - тигрёнок() - «детёныш тигра»

Делается вывод:

- от одушевлённых нарицательных существительных

- при помощи суффикса -онок (-ёнок)

- образуем производные слова

- со значением «детёныш того, кто назван производящим словом».

В рассуждении при моделировании обучающийся говорит о чередовании и обозначает его. Вывод о выборе варианта -онок или -ёнок делается после наблюдений над группой моделей с этими суффиксами. Сравнение, анализ - нахождение общего и частного, синте - подобная работа проводится всегда относительно всех моделей. Далее производные слова включаются в словосочетания, предложения, текст.

В настоящее время в учебниках для начальных классов школ абхазо-адыгской языковой группы изучение орфографических правил ведется попутно с изучением других разделов русского языка, а в 4 классе работа по орфографии ещё больше ослаб-

ляется, так как ведущим направлением избирается словоизменение. Поэтому велика роль учителя, который обладает широкими возможностями в раскрытии способностей своих учеников в данной области.

Для определения типичных ошибок, допускаемых учащимися в письменных работах, был проведен констатирующий эксперимент, разработанный в соответствии с требованиями к умениям и навыкам учащихся начальных классов кабардинской школы. С целью получения достоверных данных эксперимент проводился под руководством учителей, работающих в классах. В качестве заданий учащимся были предложены небольшие тексты для диктантов, словарные диктанты, тестовые задания.

Предпочтение отдавалось таким текстам, в которых учащиеся должны были соблюдать следующие орфографические правила:

- обозначение гласных и согласных звуков в сильной позиции;
- обозначение мягкости согласных на письме;
- написание безударных гласных, проверяемых ударением;
- написание непроверяемых безударных гласных, двойных и непроизносимых согласных;
- правила переноса слов.

Для определения реального уровня орфографической грамотности учащихся начальных классов необходимо было проверить следующие умения и навыки:

- правильное произношение русских звуков;
- различение гласных и согласных звуков, звонких и глухих, мягких и твердых согласных, шипящих согласных, установление ударения;
- умение правильно выделять в слове основу и окончание, а в основе - корень, приставку, суффикс;
- различение предусмотренных для 4 классов признаков частей речи: род, число, падеж существительных, время, лицо, число глаголов;
- установление связи слов в словосочетании и предложении с помощью вопросов.

Анализ ошибок в работах показал, что учащиеся начальных классов не умеют быстро и правильно находить в слове корень и место ударения. Испытывают трудности, если требуется подобрать для проверки безударной гласной родственные слова, так как учащиеся плохо знают гласные фонемы и не умеют пользоваться ими в целях проверки.

Ошибки возникали часто из-за того, что учащиеся к словам с чередующимися гласными применяли правило правописания безударных гласных корня, проверяемых ударением, иногда подбирали вовсе не однокоренные слова (умер -мир, потерять -потеря).

Констатирующий эксперимент свидетельствует о недостаточной работе и подтвердил, что необходима эффективная методическая система по выработке прочных орфографических навыков у учащихся начальной кабардинской школы.

В основе методики обучения русской орфографии в национальной, в частности кабардинской школе, лежат определенные принципы, вытекающие из психологических закономерностей овладения письмом: опора на звуко-буквенный состав слова; сознательность и автоматизм при обучении орфографии; связь обучения орфографии со словарной работой и развитием речи; связь обучения орфографии с грамматикой; учет особенностей орфографии родного языка.

Для проверки эффективности созданной системы работы по обучению орфографии русского языка кабардинских детей было проведено экспериментальное обучение обучающихся 2-4 классов.

Экспериментальное обучение осуществлялось поэтапно. Первый этап - 2 класс, II полугодие - обучение моделированию (устная мотивировка четырех операций) на примере трех СТ (глаголы с приставкой за - с начинательным значением, с приставкой до - со значением «довести действие до конца», существительные с уменьшительно-ласкательным значением).

Второй этап - 3 класс - продолжение обучения моделированию с введением в модели более сложных примеров с чередованием (имена существительные с суффиксом -чик-(-щик), имена прилагательные с суффиксом -ов-(-ев) со значением «сделанный, приготовленный из чего-то», с суффиксом -н- со значением «имеющий отношение к чему-то».

Третий этап - 4 класс - моделирование с введением примеров с усечением и обучение обобщению (выведению схемы). Моделировались имена существительные со значением «детеныш или птенец чей-то», «лицо женского пола»; глаголы с приставками раз- (рас-), по- и др.; имена прилагательные с суффиксами -ий-, -ан-, -ян-и др.

По завершении экспериментального обучения был проведен контрольный срез, выявивший результаты экспериментального обучения.

В ходе эксперимента предполагалось: 1) определить эффективность предложенной методической системы обучения орфографии русского языка учащихся начальной кабардинской школы на основе инварианта словообразовательного типа; 2) определить значимый и приемлемый дидактический материал с точки зрения его познавательной ценности; 3) установить оптимальные варианты его распределения и презентации.

Основным методом проверки знаний, умений и навыков учащихся были письменные контрольные работы. Количественный и качественный анализ осуществлялся путем подсчета реально допущенных ошибок.

Кроме контрольного диктанта, качество знаний в экспериментальных и контрольных классах проверялось по следующим параметрам: а) умение рассуждать на лингвистические темы (объяснение орфограмм); б) выразительное чтение с правильным произношением; в) орфографическое списывание.

Учащиеся экспериментальных классов легко находят морфему, в которой есть орфограмма, и объясняют написание, строя свой ответ логично и последовательно. В контрольных классах или пишут так, как слышат, или интуитивно пишут правильно, но не могут объяснить.

Обучающиеся по экспериментальной программе школьники подготовлены для выбора правильного ответа из предложенного перечня, потому что научены действовать самостоятельно и уверенно, к тому же имеют опыт работы с тестами. В контрольных классах с такой работой не справлялись, потому что нет прочных умений и навыков в распознавании орфограмм, не могли соотносить задания и дидактический материал.

Оказалось, что произношение русских звуков значительно лучше в экспериментальных классах, потому что в течение всего периода обучения шла систематическая работа по преодолению интерферирующего влияния звукового строя родного языка. В контрольных же классах для этого не оставалось времени в погоне за выполнением наибольшего количества упражнений репродуктивного характера.

Учащиеся экспериментальных классов списывают без ошибок, а если допускают ошибки, то сами же их находят при проверке по учебнику.

В конце 4 класса для определения уровня орфографической грамотности учащихся в контрольных и экспериментальных классах были проведены контрольные срезы.

Оказалось, что учащиеся экспериментальных классов владеют знаниями на более высоком уровне, могут осуществлять перенос универсальных знаний, умений и навыков, усвоенных при обучении правописанию, выявлению лексического значения одних производных с одними аффиксами на изучение других производных с другими аффиксами.

Полученные в исследовании результаты говорят о более прочном уровне знаний, умений и навыков учащихся экспериментальных классов, что свидетельствует о преимуществе обучения орфографии на основе словообразовательного типа по сравнению с традиционной организацией учебного процесса в контрольных классах.

Ход эксперимента и результаты контрольного среза подтвердили, что возможно успешное овладение орфографией русского языка учащимися школ с русским (неродным) и родным (нерусским) языком обучения, если обучение русскому языку строится по структурной методике с опорой на инвариант СТ, а также достигается эффективное взаимосвязанное овладение уровнями языка.

Результаты исследования показали, что данная методика может быть распространена на другие школы, находящиеся в аналогичных условиях двуязычия.

Проведенное исследование и полученные результаты позволили сделать заключение:

1. Анализ программ и учебников по русскому языку для начальных классов свидетельствует о том, что в решении проблемы обучения орфографии русского языка имеются неиспользованные возможности для формирования прочных навыков.

2. Анализ научно-методической литературы, изучение опыта работы учителей кабардинских школ, материалы анкетирования показали: в целом обучению орфографии уделяется внимание, но в большинстве своем эта работа недостаточно продумана, носит бессистемный характер.

3. На базе достижений лингвистики, психологии, педагогики, методики преподавания русского языка создана методическая система упражнений и заданий, включающая необходимый теоретический материал, использование эффективных методических приемов, направленных на активизацию мыслительной и речевой деятельности учащихся.

4. Обучение орфографии русского языка учащихся национальной начальной школы по комплексно-процессуальному методу на основе инварианта СТ, учитывающему достижения лингвистики, психологии, педагогики и методики, - это новое содержание учебного процесса, которое способно решить трудный вопрос о повышении уровня орфографической грамотности выпускников начальной школы.

5. Результаты экспериментального обучения и итогового контрольного среза подтвердили выдвинутую гипотезу о том, что если обучение орфографии русского языка учащихся национальной (кабардинской) школы организовать на основе инварианта СТ по комплексно-процессуальному методу, то это будет способствовать выработке прочных орфографических навыков.

7. По завершении эксперимента можно отметить неоспоримые достоинства структурной методики:

- возбуждение познавательной активности и самостоятельности учащихся, подготовка их к творческому восприятию учебного материала, предупреждающего ошибки и побуждающего к самоконтролю и умению учиться;

- обучение на высоком научном, но доступном уровне, обеспечивающем прочные орфографические навыки;

- высокая роль теоретических знаний;

- изучение учебного материала быстрым темпом;
- осознание процесса учения школьниками;
- работа над развитием всех учащихся, в том числе и наиболее слабых. Актуальность проблемы обучения орфографии нерусских учащихся не позволяет останавливаться на достигнутом. В дальнейшей разработке нуждаются следующие аспекты:
 - создание единой системы обучения орфографии русского языка нерусских учащихся начального и среднего звена обучения;
 - параллельное изучение орфографии родного и русского языков на основе инварианта СТ по комплексно-процессуальному методу.

Список литературы:

1. Алгазина Н.Н. Актуальные вопросы методики орфографии: Автореф. дис. д-ра пед.наук. – М., 1973. – 62 с.
2. Апажев М. Учет особенностей родного языка при обучении русскому. – Нальчик, 2001. – 52 с.
3. Барагунов М.Х. Обучение русскому правописанию в начальных классах кабардинских и черкесских школ. – Нальчик, 1969.
4. Быстрова Е. А. Изучайте русский язык интенсивно: методика для нач. шк. // Нар. образование. – 1991. – №12. – С. 46-47.
5. Возрастная и педагогическая психология / Под. ред. А. В. Петровского. – М.: Просвещение, 1973. – 288 с.
6. Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика-Пресс, 1999. – 536 с.
7. Гальперин П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исслед. мышления в сов. психологии. – М., 1966. – С. 236-318.
8. Грамматика русского языка. – М., 1960. – Т.1. – 719 с.
9. Грамматика русского литературного языка. – М.: Наука, 1970.
10. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
11. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. – Л., 1987. – 168с.
12. Фельдштейн Д. И. Проблемы возрастной и педагогической психологии. – М., 1995. – 319с.
13. Филипов С.С. Основные трудности усвоения русской орфографии учащимися нерусских школ. – М., 1960.
14. Шекихачева М.Ш. Русское слово. Учебник для 7-го класса школ с русским (неродным) языком обучения. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 146 с.
15. Шекихачева М.Ш. Содержание и приемы обучения русскому словообразованию: выход в лексику, грамматику и орфографию. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 285с.
16. Шекихачева М.Ш. Формула «Инвариант СТ» основа комплексно-процессуального метода изучения языков (на примере русского языка). – Нальчик: «Эль-Фа», 2003. – 469с.
17. Шхапацева М.Х. Развитие связной русской речи учащихся. – Майкоп, 1995. – 160с.
18. Шхапацева М.Х. Лингвистика и лингводидактика (Избранные работы). – Майкоп, 2005. – 320с.
19. Эмба Н. Б., Сукунов Б.Б., Ашурова С.Д., Шабанова Н.А. Методика обучения русскому языку в 4-11 классах школ абхазо-адыгской языковой группы. – Л.: Просвещение, 1973.

THE PROBLEM OF CONVERSION IN THE ENGLISH LANGUAGE

Kusanova, U. M.^{1*}

1 Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, Tashkent, Uzbekistan.

* Corresponding author: ugikusanova@gmail.com.

Citation: Kusanova, U. M. (2016). The problem of conversation in the English language. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC.

Received: February 29, 2016.

Copyright: Kusanova, U. M.

Accepted: March 30, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

The article describes the phenomena of conversion in a wide lingua-historical spectrum. In spite of the well-known fact that the issue of conversion has a long history, it still remains as one of the most disputable topics in lexicology, and linguists all over the world couldn't have reached a consensus in the definition of conversion yet. Therefore the author made an attempt to analyze different approaches of outstanding linguists to the problem of conversion comparing their viewpoints and the results of their researches in this field. Based on the comparative historical analysis, the author was able to identify varieties of conversion according to its morphological and syntactic functions. There are verbalization (formation of verbs); substantivation (formation of nouns); adjectivation (formation of adjectives) and adverbialization (formation of adverbs). Besides, there is another important type of conversion that includes transpositive and word building (lexical) ones. In order to make the article more comprehensible to the auditory, the author provided all types of conversion with relevant examples.

Key words: conversion; linguists; word-formation; transition; parts of speech; morphological, syntactic, semantic functions; types of conversion.

The vocabulary of modern English is enriching mainly due to the process of word formation and borrowing of new words from other languages. In modern linguistics, principal types of word building are as follows: 1) Derivation (affixation); 2) Word composition/Compounding; 3) Conversion; 4) Shortening; 5) Sound interchange. In language, as it can be seen, there is a system of means and rules intended specifically for the nomination purposes by which there occurs formation of new words based on already existing units in the language. Among these means, it is possible to identify the most productive ones and the most actively functioning in the language. Conversion is one of the most productive ways functioning in English from all of the above mentioned ways of enriching vocabulary of the language. This method of word formation to a greater extent is typical for the English language due to its analytical system. Conversion as a way of word formation is observed in Russian language as well. For example, *избитый* человек (participle) и *избитые* истины (adjective), *выходной* день (adjective) и *выходной* (noun). However, conversion is more productive in English language.

Conversion in modern linguistics is defined as "the way of word formation without the use of word-building affixes; a variety of transposition at which there takes place a transition of one word to the other part of speech so that the nominative form of one part of speech is used without any material change as a representative of the other part of speech. Some authors use

terms as affixless derivation, zero-suffixation or root-formation. In conversion the following changes occur in the derivative and root stems:

- there is a change in the derivative word's semantics in comparison with the root stem; for example, an adjective transforming into a noun no longer denotes an object's feature and begins to express the subject;
- compatibility of derivative words changes; so the noun can be used in any position in the sentence and turning into the class of adjectives it is used only before a noun;
- the paradigm of the word changes; transforming word takes all the grammatical features of the new part of speech; for example, a noun transferring into the category of adjectives stops changing by cases, the number and category of possession as adjectives.

The phenomenon of conversion was turned to the attention of grammarians relatively early. English grammarian J.Greenwood noted that many nouns and some adjectives (and sometimes other parts of speech) become verbs by using them instead of verbs. So from a noun *a house* a verb *to house* is formed, from nouns *fish and oil* there are verbs *to fish, to oil*. He was one of the first English grammarians who drew attention to the syntactic feature of the considering phenomenon. Followed by J.Greenwood, there arose attention to the way of affixless word formation in the works of J.Buchanan and W.Ward. The issue of the direction of derivatives, considered as one of the most complicated in modern linguistics, raises in English grammar for the first time in the work of another English grammarian W.Hazlitt. "Sometimes it is difficult to determine whether a substantive derived from the verb or vice versa. In general, however, it can be assumed, - he writes, - that substantives expressing an action derives from the verb and those which express things or objects can be considered as the roots of verbs related to these objects" [1; p. 34]. Thus, he placed in the forefront the semantic criterion for determining derivative. At the same time, comparing the verbs *to love, to sleep* with nouns *love and sleep*, W. Hazlitt emphasizes that they are different "not in content, but in form and manner of expression."

The last quarter of the nineteenth century represents an important milestone in the development of studies on conversion at the English grammatical tradition. A significant contribution to its development was made by a well-known British linguist H.Sweet. The term «conversion» first appeared in his book «New English Grammar» in 1891. He says: "But in English, as in many other languages, we can often convert a word, that is, make it into another part of speech without any modification or addition, except, of course, the necessary change of inflection." [2; p. 4] H.Sweet's viewpoint about conversion is dual. On the one hand, he did not reject the idea of syntactic polyfunctionality of words; on the other hand, conversion is treated by him as a syntactic- morphological word building process. It begins with syntax and ends with morphology. Such an approach to conversion became widespread later on.

Conversion, according to H.Sweet, has features of similarity with derivation, although a new lexical unit is not always formed as a result of conversion. He believes that the use of the word in the function of other parts of speech cannot provide enough basis to consider it as belonging to the other parts of speech. So, H.Sweet regards the word *silk* in the phrase *silk thread* as a noun. The converted word, the grammarian emphasizes, must acquire formal features (inflections, etc.) of that part of speech into which it has been transformed. "The problem of to which part of speech the word belongs, - he writes - is, therefore, a matter of form, not meaning." [3; p. 636]

It is important to take into account H.Sweet's conclusion that in conversion the indication of the converted word is represented by its grammatical form. Not only the syntax compatibility with other words is considered, but the paradigm of derivative words is included as well.

The grammarian draws attention to the fact that although the converted word retains root meaning, however, in the future there may occur a semantic difference between them.

Many researchers were involved in the problem of conversion and are still studying it, therefore, we can relatively divide them into two groups. The first group of researchers did not consider conversion as a word formation process, such linguists as A. Kennedy, R. Waddell, K. Pollock, tend to treat this phenomenon as the use of the same word in the functions of various parts of speech, or functional transition from one part of speech to another "[4; p. 229]. That is, words such as 'wife' – noun, 'to wife'(to marry)'- verb, are forms of the same word. However, researchers supporting this theory are in the minority. Most of lexicologists and linguists hold the opposite view which claims that conversion is not just one of the ways of word formation in English, but one of the most productive ways. At the same time, the researchers who hold this point of view give different definitions to conversion. For example, A.I Smirnitsky offered the following interpretation: "Conversion is such a kind of word derivation in which a paradigm of the word serves as a word-formation means." [5; p. 287] Prof. A.I. Smirntitsky treats conversion as a morphological way of forming words when one part of speech is formed from another part of speech by changing its paradigm, e.g. to form the verb «to dial» from the noun «dial» we change the paradigm of the noun (a dial, dials) for the paradigm of a regular verb (I dial, he dials, dialed, dialing). A. Marchand in his book «The Categories and Types of Present-day English» treats conversion as a morphological-syntactical word-building because we have not only the change of the paradigm, but also the change of the syntactic function, e.g. I need some good paper for my room. (The noun «paper» is an object in the sentence). I paper my room every year. (The verb «paper» is the predicate in the sentence).

However, researchers have agreed with one issue which is a variety of conversion. In lexicology there are four main types of conversion such as: 1) verbalization (formation of verbs); 2) substantivation (formation of nouns); 3) adjectivation (formation of adjectives); 4) adverbialization (formation of adverbs). The most productive type is substantivation, mainly formed from verbs, then from adjectives. The next extended one is verbalization, mostly in relation "noun - verb." The least active ones are the processes of adjectivation and adverbialization.

Also, researchers divide conversion into two types: transpositive and word building (lexical).

"In transpositive conversion cognitive meaning does not change, but its syntactic quality does. In word building (lexical) conversion derivative changes cognitive (lexical) meaning, simultaneously changing or keeping syntactic quality (i.e. transferring or not transferring to a different part of speech)" [6; p. 760].

Transpositive conversion includes all cases of changing parts of speech, where there is no specific word-formation means, and all the formal meaning is limited by changing grammatical paradigms. In turn, lexical conversion does not require changing the part of speech, in spite of the fact that it often happens like this.

Moreover, transpositive conversion may be full or partial.

At full conversion a new word receives all the properties of the other parts of speech. For example, nouns at the stage of verbalization start to denote an action and are used as a predicate, and also takes all the inflectional forms of the verb, such as *face - to face; a pilot - to pilot; a phone - to phone*.

Conversely, in the process of partial conversion it is not necessarily for the word to acquire all the features of the other parts of speech. For instance, initially a noun is formed by conversion from the verbal root, then the noun is combined with such verbs as "give, make, have, take". There are some examples: *to smoke - a smoke - to have a smoke; to look - a look - to give a look; to walk - a walk - to take a walk*.

Many nouns derived from verbs as a result of partial conversion are used only in the singular form: *It gave me quite a scare. That was a good laugh.*

The main feature of conversion as a word-formation process is formation of a new denotation with a new content. Peculiarity of this phenomenon is that there occurs a different interpretation, a turnabout of motivating basics and considering it from the new point of view.

"Another condition for conversion is obligatory sameness of the nominative form of two words which are the source and derived ones, that is, sameness that caused to motivation of the unit's process with a unit motivated by it. This fact causes to some difficulties in both defining direction of derivatives (what is derived and from what it is done), and with the definition of the secondary, derivative nature of studying unit "[1; p. 33].

Moreover, converted relations may occur not only within two members, but also among a large number of words, that is, there can be a chain of two or more words under the derivation relationships.

Ufimtseva also argues that in modern English verbs according to the binomial model of conversion can be formed from any noun, on the conditions that in the language there is not a verb formed from the same root by the method of derivation .

In view of the aforesaid, we can draw the following conclusions: firstly, despite a long history of the issue, conversion remains one of the most controversial topics in lexicology and researchers couldn't have reached a consensus in the definition of conversion yet; secondly, at conversion as in one of the ways of word formation, it is possible to highlight the most and the least productive varieties operating in the language, and thirdly, conversion may be divided into two types that are transpositive and derivational (lexical), while the former is of two types: full and incomplete (partial).

References

1. Кубрякова, Е.С., Гуреев, В.А. Конверсия в современном английском языке [Электронный ресурс] // Институт языкознания РАН, г.Москва, Россия, 2002. – Режим доступа: <http://www.vestnikvsu.ru/pdf/lingvo/2002/02/kubryakova.pdf>
2. Martsa, Sándor. 2013. Conversion in English: A Cognitive Semantic Approach. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing
3. Sweet H. A new English grammar. Logical and historical. Part I. Introduction, phonology and accidence. Part II. Syntax. Oxford: At the Clarendon Press, 1900, 1930. -636 p.
4. Харитончик, З.А. Лексикология английского языка: учеб. пособие/ З.А. Харитончик. - Мн.: Высшая школа, 1992. - 229 с.
5. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка/ А.И. Смирницкий, В.В. Пассек. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. - 287 с.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1997. — 760 с
7. Marchand H. The categories and types of present-day English wordformation. 2nd edn. Munchen, 1969 (1st edn. 1960). - 371 p
8. Гинзбург, Р.З. Лексикология английского языка: учебник/ Р.З. Гинзбург, С.С. Хидекель, Г.Ю. Князева, А.А. Санкин. - 2-е изд, испр. и доп. - М.: Высшая школа, 1979. - 269 с.
9. Павленко И.А., Зубенко Т.В. Конверсия как один из путей обогащения словаря английского языка [Электронный ресурс] // Николаевский национальный университет имени В.А. Сухомилинского, г. Николаев, Украина – Режим доступа: <http://www.rae.ru/forum2012/pdf/2141.pdf>

BINARY OPPOSITION AND THEIR DECONSTRUCTION AS A WAY OF THE WORLD PERCEPTION BY THE AUTHORS WITH BIMENTAL THINKING

Nurgali, K. R.,¹ & Orazbayeva, N. S.^{1*}

1 L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

* Corresponding author: narkes_orazbaeva@mail.ru.

CrossMark

Citation: Nurgali, K. R., & Orazbayeva, N. S. (2016). Binary opposition and their deconstruction as a way of the world perception by the authors with bimental thinking. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-08.

Received: February 21, 2016.

Copyright: Nurgali, K. R., & Orazbayeva, N. S.

Accepted: March 21, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

Данная статья выявляет степень деконструкции бинарных оппозиций в поэтическом тексте на примере творчества Олжаса Сулейменова и Леонида Мартынова. Мышление авторов, сформированное казахской и русской культурами и называемое нами биментальным, определяет особенности художественного стиля авторов и позволяет сопоставлять их произведения в аспекте рассмотрения бинарности. Бинарные пары «верх-низ», «степь-горы», «север-юг» в творчестве поэтов последовательно соотносятся с общепринятыми в мировой мифологии представлениями об элементах данных пар, что дает возможность проследить пути деконструкции и их причины. Художественный анализ текста определяет дополнительные значения, продиктованные мировосприятием автора с биментальным мышлением. Кроме этого, в статье выявляется степень репрезентации в тексте при помощи бинарных оппозиций культурного пространства, которое представляет автор, используя реалии и характерные образы описываемой культуры. Таким образом, бинарные оппозиции в художественных текстах, в отличие от фольклорных и мифологических, являются не только способом передачи символичности мира и отражения общечеловеческих представлений, но и используются поэтами для выражения субъективного восприятия мира и наиболее полного изображения их культурного пространства.

Ключевые слова: бинарные оппозиции; бинарность; биментальное мышление; деконструкция; русская литература; казахская литература.

Бинарные оппозиции в культуре народов мира всегда являлись одним из способов восприятия мира, и яркое выражение их в художественном тексте обусловлено генезисом литературы, восходящим к мифологии. Подобные парные элементы, использовавшиеся как система временно-пространственных координат, в силу своей природы имели и двойственное восприятие. С одной стороны, бинарные пары всегда основывались на контрасте, при котором такая оппозиция, как «верх-низ», противопоставлена по принципам «жизнь и смерть», «порядок и хаос» и другим. С другой стороны, гармония, необходимая для сохранения мироздания в представлении наших предков, заложила в основе бинарных оппозиций также принцип взаимосвязанности. По словам Е.М. Мелетинского, «упорядочению сообщается своеобразный пафос преодоления изначального хаоса» [1].

Поэзия, за счет доступных ей художественных средств, достигла максимальной глубины осмысления бинарных оппозиций, основанных на универсалиях мировой культуры.

Наша цель состоит в исследовании бинарных оппозиций и степени их трансформации в творчестве поэтов, представляющих две культуры, в нашем случае – казахскую и русскую. Ярким примером художественного отражения двоемирия является творчество Леонида Мартынова, русского поэта XX века, долго жившего в Казахстане, и казахского поэта Олжаса Сулейменова. Для биментального мышления бинарные элементы являются характерным способом мировосприятия и поэтического переосмысления, что предопределено личностным и творческим становлением поэтов в двух культурных средах.

Примечательна в этом плане первая строка стихотворения Олжаса Сулейменова «Ноктюрн»: *«Берёза - северный бамбук...»* [2]. Данное сравнение северной березы и южного бамбука представляет собой выявление точек, объединяющих две на первый взгляд контрастных культуры – азиатскую и славянскую. В какой-то степени Сулейменову необходимо находить бинарные пары, которые представляли бы реалии двух культур, при этом часто поэт выходит на более масштабный уровень сопоставления континентов и сторон света. В данном случае березу он удачно отождествляет с бамбуком, во-первых, по внешнему сходству, во-вторых – по символике: и бамбук, и береза олицетворяют чистоту, молодость, женственность.

Бинарные оппозиции в творчестве Мартынова и Сулейменова представлены, в первую очередь, как архетипы, репрезентирующие общечеловеческие символы. Во-вторых, элементы системы «верх-низ» служат «формой», внутри которой можно найти оппозиции «земля-небо», «степь-горы», служащие константами, репрезентирующими казахскую или русскую культуры. В-третьих, философская природа творчества обоих поэтов добавляет в данные оппозиции второй пласт, преимущественно несущий исторический или мифологический смысл.

Например, сравним строки стихотворений Мартынова: *«Я плёлся по горбам Тарбагатая»* [3, т. 1, с. 22] и Сулейменова: *«восхищаюсь... всеми горбами земного шара»* [4]. Здесь элементы «степь-горы» являются некосмологическими составляющими общей оппозиции «верх-низ». В обоих отрывках употреблена нераспространённая метафора «горбы», которую Сулейменов использует как сопоставление с плоскостью Земли, а Мартынов – для описания невысоких гор Казахстана. Горы с такой метафорой ассоциируются с горбами верблюда, иначе говоря, оба поэта для создания правдоподобного образа гор отталкиваются от образов, характерных для степи. Кроме того, стремление Сулейменова к образам, демонстрирующим реалии казахской культуры, показательно и в следующем отрывке из стихотворения «Эмильхан Хазбулатов» (1967-1969 гг.): *«Холмы, холмы, // о горы моей родины, // как опрокинутые казаны...»* [5].

Отрывок из стихотворения «Вы меня любите, горы...» позволит нам полнее представить восприятие Сулейменовым оппозиций «верх-низ» и «степь-горы», их деконструкцию и последующую трансформацию.

*Горным рейсфедером
правлю равнинную бьель <...>.
Вас не исправит,
не превратит в плоскость,
ваши изломы,
горы,*

*неизгладимы,
Вы так неправильны,
горы,
правильность – пошлость,
вас не сравнять, горы,
вы – несравнимы. [5]*

Бинарная оппозиция «степь-горы» противопоставляется у Сулейменова по при знаку «правильности /неправильности», где второе значение несут горы. Таким образом, автор разрушает свойственный оппозиции «верх-низ» принцип положительной оценки элементов, репрезентирующих верхний слой. Следует принять во внимание общечеловеческие представления о данных бинарных элементах, рассматриваемыми «верх» как исключительно положительный элемент. Ярчайшим примером является греческий миф о проживании всего «высшего» и сверхъестественного на горе Олимп. Подобные верования отражены и в тюркской мифологии, согласно которой божество Тенгри обитало в горах, что олицетворяло его могущество [6].

Историк А.К. Бисенбаев в труде «Мифы древних тюрков» приводит многочисленные примеры поклонения тюркских народов горам с постоянным упоминанием эпитетов «священный» и «сакральный». В подразделе «Священные горы» он пишет, что «горы были для тюрков сосредоточием силы, богатства и духа» [7]. Стремление к возвышению проявляется и в способе захоронения, традиционного для казахской культуры, – кургане. Строя курган над могилой умершего, его приближали к небу, к «верху» и соотносили с местом обитания Тенгри – горами.

С учетом данных общемировых представлений путь разрушения общего восприятия в поэзии Сулейменова очевиден. «Горы», ставшие деконструктивным элементом, вносят хаос в «правильность» земли, «низа». К этому относится и упомянутая выше строка, сравнивающая горы с опрокинутыми казанами. Кроме того, вопреки сложившейся системе противопоставления бинарных элементов, деконструктивная составляющая не несет негативной коннотации, а превозносится над низом.

Интересную трансформацию приобретает рассматриваемая нами оппозиция и в стихотворении «Спи спокойно, дада. Спи спокойно, отец...» (1963):

*Спи спокойно, дада. Спи спокойно, отец.
Я бодрствую.
Меня слушают дети с открытыми ртами
от гордости.
Всё равно, что взлететь,
что на камни слететь водопадом.
Я богат, все мне - дорого.
Ты хотел меня видеть богатым?
Я иду через робость в ночи
по тропе овечьей,
в темноту руки всунув
и голову подняв, как горб.
Что-то мутит меня,
я-то знаю, что степь бесконечна.
Но предчувствие!*

*Брат, что мне делать с предчувствием
гор?... [5]*

Снова перед нами метафора «горб» – характерная для поэзии Сулейменова и соотносящая лирического героя не только с верблюдом, но и со стремлением вверх. Голова, как замечено в многочисленных исследованиях по бинарным оппозициям, соотносится именно с элементом «верх». Как описано Е.М. Мелетинским, человеческое тело в индийской мифологии является антропоморфным образом мира, так как «из головы возникло небо. Из ног – земля» [1].

Поднимая голову и сравнивая ее с горбом, автор усиливает стремление своего лирического героя вверх. При этом низ – степь – снова характеризуется постоянством, «правильностью», бесконечностью и соотносится с жизнью героя, наделенного талантом и богатством внутреннего мира. Эту правильность снова нарушают горы, предчувствуемые героем в ровной, бесконечной степи и олицетворяющие, с одной стороны, высоту, к которой стремится герой, с другой стороны – нарушение правильности и, таким образом, устойчивого восприятия верха и низа.

Аналогично в стихотворении «Звезда»: *«Под круглой плоскостью степи // углами дыбятся породы. // Над равнодушием степи // встанут взволнованные руды, // как над поклоном - // голова <...>»* [5]. Породы и руды составляют неровности степи, которым могут быть холмами, горами и другими возвышенностями. При этом степи свойственны правильность и постоянство («круглая плоскость», «равнодушие»), а возвышенностям – нарушение порядка, что отражено в глагольных метафорах (породы «дыбятся», «взволнованные руды» «встанут»). Завершает цепочку аллегорий голова, снова олицетворяющая верх в сравнении с сопоставляемым с ней словом «поклон».

Уровневое разделение мира присутствует и в поэзии Леонида Мартынова и наиболее часто повторяется в бинарной паре «суша-море», например, в стихотворении «Воздушные фрегаты» [3, т. 1, с. 18]:

*Померк багряный свет заката,
Громада туч росла вдали,
Когда воздушные фрегаты
Над самым городом прошли.*

*<...> И через рупор отвечали
Мне капитаны с высоты:
"Большие волны нас качали
Над этим миром. Верись ты -*

*Внизу мы видим улиц сети,
И мы беседуем с тобой,
Но в призрачном зеленом свете
Ваш город будто под волной.*

*Пусть наши речи долетают
В твое открытое окно,
Но карты, карты утверждают,
Что здесь лежит морское дно.*

Восприятие суши и моря Мартыновым соответствует общечеловеческим представлениям о первичности мирового океана, но при этом море он разглядывает в историческом плане, показывая сушу (степь) как его дно («большие волны нас качали // над этим миром», далее в стихотворении – «над вами триста футов горько-соленой глубины»). Итак, этот образ вполне отвечает привычным представлениям, но снова, принимая во внимание философичность поэзии Мартынова, эта пара подвергается деконструкции. «Хаотичным» и нарушающим правильность элементом становится суша, совершенно изменившая свой облик («внизу мы видим сети улиц», «твое открытое окно»).

Интересна метафора «воздушные фрегаты», которую в буквальном смысле следует рассматривать как мираж исторического моря, возникший над современным городом. В более углубленном понимании – это память, история степи. Если вспомнить, что Мартынов дал такое название всему сборнику своих автобиографических новелл, то можно сказать, что эта метафора воплощает для него все образы прошлого, которые встают в его памяти, как призрачные миражи.

Аналогичный по смыслу отрывок есть и у Сулейменова в стихотворении «Ноктюрн», где верх и низ олицетворяют земля и море: «Торчат прямые сосны над песками, // как мачты затонувших кораблей» [2]. Присутствие моря не очевидно на первый взгляд, но к нему отсылает сравнение сосен с мачтами, которые олицетворяют степь как дно моря.

В качестве последнего примера деконструкции бинарных оппозиций приведем строки из стихотворения Сулейменова «Бетпак-Дала...»: «Над головой // Раскалённый камень, // Пустыня взбешена, // Копыта высекают жёлтый пламень // Из белой глины» [5]. Мы снова наблюдаем нарушение универсальной восприятия, так как поэт использует явления, свойственные небу и земле, наоборот: солнце названо раскаленным камнем, песок – желтым пламенем. Так поэт переворачивает привычные явления, так как подобная деконструкция сближает привычную бинарную пару с образом степи, бесконечной, однообразной и сливающейся с небом.

Бинарные оппозиции в художественном тексте часто становятся не только способом передачи символичности мира и отражения общечеловеческих представлений, но и точкой, от которой отталкивается автор для выражения собственного восприятия. Деконструкция бинарных оппозиций, которую мы рассматривали на примерах выше, можно объяснить двумя причинами. Во-первых, философской природой лирики взятых нами поэтов. Во-вторых, мышлением, сформированным на основе двух культур.

Подобное мышление определяет нарушение общих представлений, подстраивая их под особенности того культурного пространства, в котором живет автор. Это проявляется в приближении бинарной пары к культуре, чьи реалии нарушают привычное противопоставление элементов пары, а также в обогащении их другими философскими, историческими, эстетическими значениями. По словам Е.В. Казаковой, «Смена культурной парадигмы в начале XXI века, «размывание границ» влекут за собой еще более высокую коммуникативность, преодоление замкнутости культур и многочисленных традиционных стереотипов. Именно в этот период зарождается научный интерес к Другому. Многие бинарные оппозиции утрачиваются либо теряют свою категоричность. Тем не менее деконструкция бинаризов не означает отказ от бинарности» [8].

Таким образом, именно природа биментального автора предопределяет наиболее глубокое понимание бинарности. Биментальное мышление способно нарушить общие представления об элементах бинарных пар, вложив в их традиционное понимание

художественное отражение не только личного восприятия, но и представлений культурного пространства автора.

Список литературы:

1. Мелетинский Е.М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky9.htm> (дата обращения: 01.02.2016).
2. Сулейменов О.О. Стихотворения [Электронный ресурс] // Журнал поэзии «Плавучий мост». – Режим доступа: <http://www.plavmost.org/?p=4725> (дата обращения: 05.09.2015).
3. Мартынов Л.Н. Собрание сочинений в трёх томах. – М.: Художественная литература, 1977.
4. Сулейменов О.О. Определение берега. – Алма-Ата: Жазушы, 1979. – 456 с.
5. Сулейменов О.О. Определение берега. Избранные поэмы [Электронный ресурс] // Личная библиотека В. Высоцкого on-line. – Режим доступа: <http://wysotsky.com/0009/323.htm#099> (дата обращения: 05.10.2015).
6. Досымбаева А. Тюркский мир казахских степей [Электронный ресурс] // Жамбылская областная газета «Знамя труда»: электронная версия. 03.06.2015. – Режим доступа: <http://ztgz.kz/recent-publications/tyurkskij-mir-kazaxskix-stepej.html> (дата обращения: 04.02.2016).
7. Бисенбаев А.К. Мифы древних тюрков [Электронный ресурс] // Eurasica: Евразийский исторический сервер. – Режим доступа: http://www.eurasica.ru/articles/library/ak_bisenbaev_mify_drevnih_tyurkov/2/ (дата обращения: 03.02.2016).
8. Казакова Е. В. Реализация бинарной оппозиции «свой/ чужой» на материале современной анималистической литературы Франции [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 4-2. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-binarnoy-oppozitsii-svoy-chuzhoj-na-materiale-sovremennoy-animalisticheskoy-literatury-frantsii> (дата обращения: 15.01.2016).

UDC 378 | DOI: 10.17809/0557468427-09

FUNCTIONAL AND COMMUNICATION TECHNIQUES FOR TRAINING THE STUDENTS FOR EFFECTIVE COMMUNICATION

Nurmanov, A. T.^{1*}

1 Tashkent State Pedagogical University, Tashkent, Uzbekistan. Corresponding author: anurmanovjizzax@mail.ru.

CrossMark

Citation: Nurmanov, A. T. (2016). Functional and communication techniques for training the students for effective communication. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-09.

Received: February 16, 2016.

Copyright: Nurmanov, A. T.

Accepted: March 18, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ К ЭФФЕКТИВНОМУ ОБЩЕНИЮ

В системе непрерывного образования республики особое внимание уделяется подготовке высококвалифицированных педагогических кадров, владеющих современными техно-

логиями развития и соморазвития. В этом процессе важную роль играет практическое овладение мировыми языками для эффективного общения. Наряду с английским языком русский язык оказывается востребованным в высшем педагогическом образовании. В практическом овладении русским языком для эффективного общения велико значение внедрения функционально-коммуникативных технологий. Однако в практике изучения русского языка возможности этих технологий используются в недостаточной степени. Функционально-коммуникативные технологии рассматриваются автором статьи в узком и широком значениях в контексте подготовки студентов к эффективному общению.

Ключевые слова: функционально-коммуникативный подход; эффективное общение; коммуникативная компетенция; языковые и профессиональные потребности; имитационное моделирование.

В современных условиях развитие системы непрерывного образования республики характеризуется бурным подъемом ее национального самоопределения, которое открывает новые возможности для международного общения, взаимного обогащения межкультурных отношений. Реализация закона «О государственном языке Республики Узбекистан» [1] создала благоприятные условия для коренного улучшения преподавания не только узбекского языка, но и иностранных языков, русского языка в том числе, ставшего в силу исторических обстоятельств языком межнационального общения. Как показывают наши наблюдения, интерес к изучению русского языка среди студентов педагогических вузов вновь возрастает. Владение русским языком необходимо будущим учителям: для изучения литературы по специальности (37% респондентов); для общения с представителями других национальностей (24% респондентов); для получения необходимой информации из русскоязычных сайтов Интернета (23% респондентов); для научно-исследовательской работы (17% респондентов).

В системе непрерывного образования республики изучение русского языка начинается с начальных классов. Русский язык наряду с английским является одним из востребованных в высшем педагогическом образовании. Однако, по мнению большинства студентов, программное количество часов на его изучение недостаточное. Проблема усугубляется и просчетами методического характера. В этих условиях задача состоит в том, каким образом за более короткие сроки и более экономными средствами добиться действенного успеха в практическом овладении русским языком для эффективного общения.

Эффективное общение мы понимаем в контексте определения коммуникативной компетенции в методике преподавания русского языка как «способность и реальная готовность к общению адекватно целям, сферам и ситуациям общения, готовность к речевому взаимодействию и взаимопониманию» [2, с. 27]. Тогда становится очевидна цель практического овладения языком для эффективного общения. Практическое овладение русским языком для эффективного общения означает знание его фонетики, лексики, грамматики, стилистики, культуры речи, владение этими средствами языка и технологиями их употребления в речи – говорении, аудировании, чтении, письме – в пределах социальных, профессиональных, межкультурных потребностей студентов, будущих специалистов в современных условиях.

Изучение языковых, межкультурных и профессиональных потребностей будущих учителей русского языка и литературы, определение их индивидуальных траекторий развития, самосовершенствования на базе бакалавриата (и на протяжении всей жизни), создание на этой основе реальной технологии удовлетворения этих потребностей

предполагает внедрение в вузовскую практику инновационных подходов, технологий. Одним из таких подходов, активно реализуемых в последние десятилетия, является функционально-коммуникативный подход к изучению языка.

Возможности этого подхода впервые были использованы в методике преподавания иностранных языков, а в области преподавания русского языка как иностранного - в 80-годы XX века, и сегодня функционально-коммуникативный подход стал одним из ведущих принципов описания языка в практических целях, презентации учебно-дидактического материала, организации учебного процесса. К сожалению, в методиках преподавания русского языка в *национальной школе* (мы преднамеренно использовали традиционный термин) до сих пор недостаточно эффективно реализуются возможности этого подхода. Дело в том, что функционально-коммуникативный подход к изучению языка до сих пор не имеет однозначного толкования в самой лингвистике [3; 4], и естественно, реализуется на практике по-разному. Опыт применения на практике данного подхода показывает, что в практическом изучении любого языка для эффективного общения целесообразно использовать сочетание системно-структурного и функционального аспектов языковой системы. Следовательно, описание русского языка в учебниках должно быть системно-функциональным. При этом на начальном этапе обучения русскому языку (например, в начальных классах узбекской общеобразовательной школы) представление и презентация лексико-грамматического материала должно осуществляться по формуле «форма – значение – функция» в их единстве, а в старших классах, в академических лицеях и колледжах – по формуле «функция – значение – форма». Это означает, что для формирования коммуникативной компетенции учащиеся сначала должны освоить фонетические, лексические, грамматические и стилистические основы русского языка в неразрывном единстве их назначения в эффективном речевом общении.

В процессе подготовки учителей русского языка и литературы в педагогическом вузе функционально-коммуникативные технологии приобретают целенаправленный и интегративный характер. В результате изучения психолого - педагогических дисциплин студенты получают представления о современных образовательных технологиях, об особенностях их использования в образовательной практике. У них формируются функционально-коммуникативные умения: *выбирать* современные образовательные технологии в зависимости от целей педагогического процесса и уровня подготовки обучающихся; *проектировать, прогнозировать и оценивать* педагогические воздействия в соответствии с используемой технологией; *анализировать и обосновывать свои суждения* о целесообразности применения современных образовательных технологий, используя знания о процессе развития личности ребенка; *осмысливать свои собственные действия* при организации воспитательно-образовательного процесса и т.д.

Функционально-коммуникативные технологии в подготовке студентов к эффективному общению предполагают интеграцию наиболее эффективных технологий образования в целостную систему. Они охватывают психологические, общепедагогические, дидактические и частнометодические процедуры взаимодействия преподавателей со студентами при использовании в учебном процессе самых современных технических средств. «Функциональное объединение «технологий психологии», «педагогических технологий» и «технических технологий» создает благоприятные условия для целенаправленного формирования у обучаемых взаимосвязанных разносторонних знаний, свойств, навыков и умений, определяющих высокий творческий, продук-

тивный, уровень будущей профессиональной деятельности, что соответствует акмео-ориентированной стратегии высшего профессионального образования» [5, с. 112].

По нашему мнению, единство различных технологий, подходов, методик, приемов, стратегий, технических средств позволяет наиболее продуктивно использовать учебное и внеучебное время для подготовки студентов к эффективному общению. В этом отношении перспективными для нашего исследования являются технология контекстного обучения, технология проблемного обучения, технология проектного обучения, игровые технологии, технологии обучения через дискуссию, информационно-коммуникационные технологии и др. К современным технологиям подготовки студентов к эффективному профессиональному общению можно отнести также технологии развития критического мышления, технологии педагогики сотрудничества, исследовательские технологии. Использование в процессе подготовки студентов к эффективному общению данных технологий способствует формированию и развитию их критического мышления, корпоративной культуры, ответственного отношения за выполнение личного задания и т.д. Остановимся более подробно на технологии «имитационного моделирования». Суть этой технологии заключается в имитации реальных условий профессиональной деятельности будущих учителей. Создаются на занятиях ситуации, где студенты выполняют различные роли педагогической деятельности: роль учителя в различных ситуациях межличностного взаимодействия (учитель - ученик, ученик - ученик, учитель-родители, учитель- учащиеся, учитель - педагогический коллектив, директор – учитель и т.д.).

Особое место в подготовке студентов к эффективному общению занимают **риторические технологии**, так как «умение вести конструктивный диалог, выступать публично, строить свою речь в соответствии с ситуацией общения, добиваться поставленных целей, используя слово как важнейший инструмент коммуникации, является одним из главных качеств в профессиональной деятельности любого специалиста» [6, с.5]. В процессе целенаправленной подготовки студентов к эффективному общечеловеческому и педагогическому общению на внеаудиторных занятиях по Искусству общения [7, с. 43-78] осуществляем развитие и совершенствование их коммуникативной компетентности, что предполагает:

- овладение знаниями о коммуникативных нормах, соответствующих менталитету общества и общечеловеческим ценностям;
- овладение литературными нормами родного и изучаемого языка;
- овладение коммуникативными качествами речи;
- знание теории общечеловеческого и педагогического общения, его эффективных технологий, средств вербального и невербального общения и условий их эффективного использования;
- знание индивидуальных особенностей учащихся, ценностный подход к личности;
- овладение риторическими технологиями и искусством общения;
- самосовершенствование в культуре общения, стремление к риторическому идеалу.

В заключении следует отметить, что инновационные подходы к развитию и совершенствованию коммуникативной компетентности у будущих учителей в процессе педагогического образования предусматривают усовершенствование цикла педагогических дисциплин в соответствии с требованиями времени; приведение их в соответствие с логикой развития педагогической коммуникативной деятельности на современном этапе; введение в учебные планы педагогических вузов республики риторических курсов, создание учебно-методических комплексов; широкое применение в

учебно-воспитательном процессе интерактивных стратегий, основанных на субъект – субъектных отношениях, носящих диалоговый характер; использование технологий межнаучного характера, соотнесение с практикой преподавания на различных этапах обучения с целью наиболее эффективной организации учебного процесса в системе педагогического образования.

Список литературы:

1. Закон Республики Узбекистан о государственном языке (новая редакция). Постановление Олий Мажлиса Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 года № 168-I. – Ташкент, 21 декабря 1995 г., № 167-I.
2. Обучение русскому языку в школе: учеб. пособие для студентов педагогических вузов / Е.А. Быстрова, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; под ред. Е.А. Быстровой. – М.: Дрофа, 2004.
3. Нурманов А.Т. Интерпретация понятия «функциональный подход» в лингвистической литературе // Преподавание языка и литературы. – 1999. – № 4. – С.19-24.
4. Хидирова Г.Н. О функциональных подходах к изучению языка // Преподавание языка и литературы. – 2013. – № 7. – С.42-45.
5. Козлова Н.В., Берестнева О.Г., Сивицкая Л.А.. Образовательный потенциал акмеологии [Коллективная монография]. – Томск – Издательство ТПУ, 2007.
6. Риторика : учебник для бакалавров / В. А. Ефремов [и др.] ; под общ. ред. В. Д. Черняк. — М.: Издательство Юрайт, 2013. — 430 с. — Серия: Бакалавр. Базовый курс.
7. Нурманов А.Т., Ким О.А., Касымова Ф.С. Технологии эффективного общения студентов в педагогическом вузе. Методическое пособие. – Ташкент: Ташкентский государственный педагогический университет, 2015. – 160 с.

UDC 82-2 | DOI: 10.17809/0557468427-10

FEATURES OF THE GENRE AND THE CONFLICT IN THE PLAY «ZOYKA'S APARTMENT»

BY M. BULGAKOV

Petrov, V. B.^{1*}

1 Ural Forestry Engineering University, Yekaterinburg, Russia. * Corresponding author: 45master91@mail.ru.

Citation: Petrov, V. B. (2016). Features of the genre and the conflict in the play “Zoyka’s Apartment” by M. Bulgakov. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-10.

Received: February 11, 2016.

Accepted: March 23, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Petrov, V. B.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА И КОНФЛИКТА В ПЬЕСЕ М.БУЛГАКОВА «ЗОЙКИНА КВАРТИРА»

В статье рассматриваются особенности жанра и конфликта в пьесе Михаила Булгакова «Зойкина квартира». Подобно большинству сатирических комедий 20-х годов пьеса Булгакова посвящена критике обывателей, бюрократов и приспособленцев. Михаил Булгаков неохотно давал жанровые определения своим произведениям, чаще всего называя их повестями, романами, пьесами. Между тем именно жанровая дефиниция по-

зволяет выявить своеобразие конфликта и авторской позиции. Булгаков обращается к использованию изобразительно-выразительных ресурсов фарса. Именно здесь берут свое начало элементы буффонады и резкие преувеличения, окарикатуренные образы и грубоватый комизм, зачастую связанный с пародированием драматических ситуаций. В булгаковской трактовке «Зойкиной квартиры» элемент трагического «брался за скобки». Свообразие конфликта позволяет отнести произведение к жанру трагифарсовой буффонады, поскольку драматург выходит за рамки традиционных представлений о бытовой сатирической комедии. Этическая позиция Булгакова в трагифарсовой буффонаде «Зойкина квартира» проявляется не столько в утверждении неких неизменных ценностей, сколько в последовательном развенчании антиценностей, в сближении и сатирическом освещении таких уродливых явлений, как бюрократизм и мещанство, приспособленчество и тоска по стороне чужой, как авантюризм и преступный промысел.

Ключевые слова: Булгаков; жанр; конфликт; трагифарс; буффонада.

Размышляя о причинах отрицательного отношения критики к своим сатирическим произведениям, Булгаков с глубокой болью писал: «М.Булгаков стал сатириком <...> как раз в то время, когда никакая настоящая сатира <...> абсолютно немыслима...» [5, с.4]. Вместе с тем, именно 20-е годы с их резкими контрастами и кричащими противоречиями породили множество пьес, вскрывающих социальную мимикрию буржуазии и подвергающих критике обывателей, бюрократов и приспособленцев («Воздушный пирог» Б.Ромашова, «Выстрел» А.Безыменского, «Человек с портфелем» А.Файко, «Клоп» и «Баня» В.Маяковского и др.). Несмотря на различия в постановке частных проблем в индивидуальной поэтике и в уровне художественного мастерства, драматурги «смехом казнили несовершенство мира, очищая и обновляя человека и утверждая радость бытия» [1, с. 26].

Михаил Булгаков неохотно давал жанровые определения своим произведениям, чаще всего называя их повестями, романами, пьесами. Между тем именно жанровая дефиниция позволяет выявить своеобразие конфликта и авторской позиции. В критике пьеса М.Булгакова «Зойкина квартира» традиционно рассматривается как бытовая сатирическая комедия, однако уже первая редакция пьесы имела авторский подзаголовок «трагический фарс» [3]; в письме к брату по поводу белградской постановки «Зойкиной квартиры» Булгаков называет ее «трагикомедией» [2], а в интервью корреспонденту газеты «Новый зритель» именуется «трагической буффонадой» [7, с. 14]. Во всех случаях Булгаков указывает на специфический фарсово-буффонадный характер комизма. Драматург выходит за рамки традиционных представлений о бытовой сатирической комедии и обращается к использованию изобразительно-выразительных ресурсов фарса. Именно здесь берут свое начало элементы буффонады и резкие преувеличения, окарикатуренные образы и грубоватый комизм, зачастую связанный с пародированием драматических ситуаций. В булгаковской трактовке «Зойкиной квартиры» элемент трагического «брался за скобки».

Грубым, нелепым фарсом представляется драматургу само существование бюрократов, приспособленцев и обывателей. Обнажая подлинную суть этих людей, Булгаков пародийно переосмысливает их «трагедию». Режиссер студии им. Е.Вахтангова А.Попов замечает, что «трагично для зрителя не то, что переживают персонажи (потеря любовниц, арест и пр.), а то, что люди потеряли человеческий облик – стали социальной слякотью» [6].

Как и в большинстве сатирических комедий 20-х годов («Усмирение Бададошкина» Л.Леонова, «Мандат» и «Самоубийца» Н.Эрдмана), сюжет «Зойкиной квартиры» построен на анекдотических фактах: во-первых, в самом центре Москвы с разрешения одного ответственного бюрократа и при попустительстве другого, рангом помельче, под вывеской показательной пошивочной мастерской возникает заурядный публичный дом; во-вторых, в этом «заведении» вышеупомянутый «ответственный работник» встречает... предмет своей симпатии; в-третьих, роль аккомпаниатора в этом заведении исполняет бывший граф, а верховодит проходимец. Целый ряд острокомедийных эпизодов, объединенных общей интригой – историей «предприятия» Зои Денисовны Пельц, – составляют фабулу произведения, раскрывающую сущность внешнего конфликта. В то же время «случайная», в традициях Н.Гоголя («Ревизор») и Д.Фонвизина («Недоросль»), развязка – арест сотрудниками уголовного розыска всех обитателей и навсегда запертая зойкиной квартиры – попытка разрешить тот глубинный конфликт, в котором находятся персонажи пьесы с действительностью и с авторской точкой зрения.

Тему критики бюрократизма и мещанства Булгаков, подобно Маяковскому, разрабатывает сначала в фельетонах, чтобы впоследствии запечатлеть эти уродливые явления в драматургии. Причем приемы фельетонной поэтики привели обоих драматургов к публицистически заостренной форме комедии. Близость нравственно-эстетических позиций Маяковского и Булгакова по отношению к мещанству влечет за собой использование сходных мотивов, сюжетно организующих пьесы «Клоп» и «Зойкина квартира». Прежде всего, это общетипологический для сатирической драматургии 20-х годов мотив «бумажки». Этот мотив находится в центре внимания Эрдмана в комедии «Мандат», где обыватели Сметаничи, пытаясь приспособиться к обстоятельствам, хотят заполучить в дом «собственного коммуниста» в качестве приданого. «Такой человек, – поучает сына Олимп Валерьянович, – даже не человек, а охранная грамота» [10, с. 19]. В пьесе Маяковского «Клоп» предприимчивая Розалия Павловна Ренессанс жаждет выдать дочь за «древнее, незапятнанное пролетарское происхождение и профсоюзный билет» [8, с. 9].

В «Зойкиной квартире» завязкой интриги становится первая же реплика: «Есть бумажка!.. Я достала.. Есть бумажка...» [4, с. 196]. Хозяйка квартиры Зоя Денисовна Пельц любой ценой старается сохранить за собой огромную жилплощадь. Подбросила «мифическая личность» бумажку из фарфортреста и исчезла, и Зойка, манипулируя ей, приказывает управдому: «... Манюшку (горничную – П.В.) и мифическую личность <...> отстоять» [4, с.199]. Характерен ответ управдома-бюрократа: «Манюшку отстоять невозможно. Весь дом знает, что прислуга... А мифическую личность можно: у его документ» [4, с. 199]. Так драматург ставит в прямую зависимость появление притона в зойкиной квартире от близорукости, нечестности и ротозейства бюрократов.

Творчески переосмысливая традиции сатирической драматургии Н.Гоголя и А.Сухово-Кобылина, Булгаков создает почти плакатные, окарикатуренные образы бюрократов. Авторская ирония слышится уже в фамилиях бюрократов: управдом Анисим Зотикович Портупея, коммерческий директор треста тугоплавких металлов Борис Семенович Гусь.

Если в «Бане» В.Маяковского и в «Выстреле» А.Безыменского сделан акцент на изображении бюрократа у власти в его служебной деятельности, то в «Зойкиной квартире» так же, как в комедии А.Файко «Человек с портфелем», – на том, чем может обернуться в быту использование «ответственным лицом» служебного положения. «Ответственный портфель» в руках такого человека, как Портупея, вполне устраивает

«комбинаторов» из зойкиной квартиры, а для оправдания он – средство личного обогащения, и символ безнаказанности.

Булгаков-сатирик точно подметил кровное родство всех бюрократов, скрывающих под маской «должностного лица» внутреннюю ничтожность и пустоту. Портупей и Гусь как бы дополняют друг друга. Если Портупей откровенно берет взятки, нимало не смущаясь, когда это обнаруживается, то Гусь с апломбом загулявшего купчика щедро раздаст их: «Ах, ты не хочешь брать? Ну, а я хочу давать. Гусь широк, как Волга, когда пылает его душа. Зоя, бери триста рублей!» [4, с. 256]. По масштабу своей деятельности Гусь значительно крупнее Портупей, а значит, и опаснее. Если «мандат» Павла Гулячкина («Мандат» Н.Эрдмана), приводящий в трепет окружающих, оказывается на проверку никчемной справкой, то «бумажное могущество» Гуся вполне реально. Он способен достать любую «бумажку».

Авторская оценка этого персонажа просматривается не только в его саморазоблачительных высказываниях, но и в использовании сатирической иронии, когда в повествование, «обогащая эмоциональный мир комедии» [9, с. 49], вплетаются поданные в пародийном ключе драматические мотивы. Булгаков ставит Гуся в напряженную драматическую ситуацию: он встречает любимую женщину в публичном доме. Монолог Гуся, «разыгрывающего» трагедию наедине с самим собой, и иронический «комментарий» Аметинова, создают пародийно-фарсовую струю, причем в дисгармонии интонаций персонажей слышится едкая авторская ирония по отношению к «всемогущему» коммерческому директору:

«ГУСЬ. Гусь тоскует. Ах, до чего Гусь тоскует! Отчего ты, Гусь, тоскуешь? Оттого, что ты потерпел непоправимую драму. Ах, я, бедный Борис! Всего ты, Борис, достиг, чего можно, и даже больше этого. И вот ядовитая любовь сразила Бориса, и он лежит, как труп в пустыне, и где? На ковре публичного дома! Я, коммерческий директор! Алла, вернись!»;

«АМЕТИНОВ. Пардон – пардон. Тихонечко, а то внизу пролетариат слышит...» [4, с. 263].

За внешним единством интересов персонажей комедии просматривается беспощадная борьба хищников, в которой каждый проявляет как себя, так и своего конкурента. Опираясь на фарсово-буффонадные приемы, Булгаков рисует картину, вызывающую гневный, саркастический смех. Шантаж в этом мире – испытанное орудие. Зойка шантажирует Портупею и Аллу Вадимовну, но вот появляется Аметинов, который, в свою очередь, шантажирует Зойку. Стоило Аметинову «свою грустную повесть скитальца доверить змее» [4, с. 213], как Зойка вновь обретает над ним власть. Теми же методами действует Херувим по отношению к Газолину и Манюшке. В этом карнавале комбинаторов Булгаков представляет двойников, разница между которыми лишь в том, что один изворотливее и хитрее другого.

Все, что происходит в квартире Зойки Пельц, направляется руками Аметинова. Это он создает своего рода «Париж на Садовой», это он нагнетает ту атмосферу, где эппманы, прожигающие жизнь, легко расстаются с деньгами, это он умело маскирует публичный дом благозвучной вывеской «Ателье». Проходимец-администратор прекрасно понимает, что обыватели и омещанившиеся советские граждане падки на все экзотическое, «заграничное». И парижские («прямо от Пакена») туалеты, и «уважаемый сын Поднебесной империи» – все это лишь антураж, фальшивая позолота, которую Аметинов ловко обращает в настоящее золото. Раскрывая извилистый путь Аметинова, автор прибегает к циничному саморазоблачению персонажа: «Белые пришли. Мне, значит, красные дали денег на эвакуацию в Москву, а я, стало быть, эвакуировал-

ся к белым в Ростов. <...> Красные немного погодя. Я, значит, у белых получил на эвакуацию и к красным. <...> Белые, мне красные на эвакуацию, я к белым в Крым. <...> Нуте-с, и пошел я нырять при советском строе» [4, с. 212]. Подобно гоголевскому Хлестакову, Аметистов жлет вдохновенно, с упоением. Гусю он намекает на «тайны своего деторождения» и как бы между прочим упоминает о службе в Париже; Алле Вадимовне говорит, что был когда-то кирасиром; Португее – о бывлой принадлежности к партии; рекомендуясь Обольянинову, выдает себя за отпрыска знатной фамилии.

Аметистов, несомненно, является объектом авторской сатиры. Однако ловкач, аферист и гений приспособляемости, он в силу этих же качеств, стремясь подняться над окружающими, срывает с них респектабельные маски. Поэтому в «Зойкиной квартире» мы смеемся как *над* Аметистовым, так и *вместе* с ним. При столкновении Аметистова с обитателями и гостями зойкиной квартиры острое сатиры направлено, прежде всего, на них; на долю же «администратора» выпадает авторская ирония, поскольку именно его взгляд помогает дать оценку гримасам мещанского быта. В этом случае «меру смеха» определяет не столько подлинное лицо персонажа, сколько его функциональная нагрузка в произведении.

По своим композиционным функциям Аметистов близок Остапу Бендеру. Однако Бендер «не столько реальный проходимец, сколько проявитель всего подлинно комического в жизни... <...> Этот Фигаро нэпмановских времен, перехитривший не одного жулика и разию, не вызывает у нас неприязни» [1, с. 94 -95]. Иное дело Аметистов. Его характер лишен внутренних противоречий, это мошенник без каких бы то ни было нравственных норм.

Булгаков отнюдь не испытывает ностальгических чувств по отношению «к прошлому вообще». Если героям И.Бунина и Б.Зайцева, И.Шмелева и М.Осоргина, Д.Мережковского и А.Ремизова оно виделось идеальным, то М.Булгаков, не принимая многое в настоящем, зачастую иронически оглядывается и на прошлое. Затхлый, порочный мир «бывших» стал в 20-е годы объектом сатирического развенчания в комедиях Н.Эрдмана, Л.Леонова, Б.Ромашова. В «Зойкиной квартире» эта тема является одной из центральных, и сюжет построен таким образом, что духовное банкротство обломков уходящего мира высвечивается изнутри.

Раскрытию нравственной опустошенности и исторической обреченности «бывших» подчинен своеобразный музыкальный лейтмотив «Напоминают мне они...». Этот нежный романс Рахманинова на протяжении всего первого акта звучит в устах бывшего графа Обольянинова, символизируя его тоску по безвозвратно утраченному прошлому. Булгаков отнюдь не испытывает жалости к подобным персонажам, то иронизируя над ними, то сатирически пародируя их чувства и переживания. Так, понятие чести у Обольянинова с успехом заменяет дворянская спесь. При этом бывший граф соглашается с авантюрным планом Зойки – открыть публичный дом.

Итак, сюжетообразующий конфликт произведения, основан не на борьбе положительного и отрицательного начал, а на столкновении интересов одинаково ничтожных людей. Поэтому этическая позиция Булгакова в трагифарсовой буффонаде «Зойкина квартира» проявляется не столько в утверждении неких неизменных ценностей, сколько в последовательном развенчании антиценностей, в сближении и сатирическом освещении таких уродливых явлений, как бюрократизм и мещанство, приспособленчество и тоска по стороне чужой, как авантюризм и преступный промысел.

Список литературы:

1. Боров Ю. Комическое. – М., 1970. – 272 с.
2. Булгаков М.А. – Булгакову Н.А. / ИРЛИ, ОР, ф.369. – № 367.

3. Булгаков М.А. Зойкина квартира: (Первая редакция, 1926) / РГБ, ОР, ф.562, карт. 11, ед. хр. 5.
4. Булгаков М.А. Избр. соч.: В 3 т. – М.– СПб.: Литература–Кристалл, 1997. – Т.3. – 736с.
5. Булгаков М.А. – Правительству СССР. 28 марта. 1930 / РГБ, ОР, ф. 562, карт. 19, ед. хр.30.
6. «Зойкина квартира» в студии им. Вахтангова: Беседа с режиссером А. Поповым // Веч. Москва. – 1926. – 26 окт.
7. «Зойкина квартира» М.Булгакова: Из беседы с автором // Новый зритель. – 1926. – № 40. – С.14.
8. Маяковский В. Собр. соч.: В 12 т. – М., 1978. – Т.10. – 432 с.
9. Сахновский-Панкеев В.А. О комедии. – М.; Л., 1964. – 223 с.
10. Эрдман Н. Мандат / ЦГАЛИ, ф. 2570, д 178. – С.19.

UDC 331.1 | DOI: 10.17809/0557468427-11

ABOUT POSSIBLE OUTLOOKS OF THE DEVELOPMENT OF MODERN LINGUISTICS

Popova, L. G.^{1*}

1 Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia.

* Corresponding author: larageorg5@gmail.com.

CrossMark

Citation: Popova, L. G. (2016). About possible outlooks of the development of modern linguistics. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (00). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-11.

Received: February 16, 2016.

Accepted: March 16, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Popova, L. G.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

О ВОЗМОЖНЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В статье дается трактовка термина «перспектива» на базе толковых словарей и энциклопедий. Далее перечисляются перспективные и актуальные направления развития современной лингвистики. Делается выбор в пользу антропоцентрической парадигмы исследования языковых явлений. Далее в исследовательской части статьи предлагается новый подход установления культурной памяти слов на основе сравнения номинаций орудий труда, а именно пилы в родственных языках: русском, английском, французском и латинском. Обращение к данным толковых и этимологических словарей этих языков дало вероятность установить возможный внешний вид первоначальной пилы в виде своеобразного ножа, предназначенного для разрезки древесины. Кроме этого удалось выяснить различия возможной первоначальной пилы во французской лингвокультуре, что выражается в приспособлении первоначальной пилы для скашивания зерновых на полях. В конце статьи предлагается заглянуть в будущее использования данного орудия труда в родственных лингвокультурах, делается вывод о том, что пила как орудие труда больше будет применяться с подключением механики, так как работа с этим инструментом требует большой физической силы. В заключении автор статьи подчеркивает, что данный подход к сопоставительному изучению родственных языков является новым и может вызвать заслуженную критику.

Ключевые слова: перспектива; культурная память; орудие труда; сравнение родственных языков; пила.

В начале данной статьи хотелось бы перечислить значения термина «перспектива», исходя из данных толковых словарей. По словарю Ефремовой перспектива рассматривается как возможность или неизбежность чего-либо в будущем, как план, программа действий [1]. В словаре С.И. Ожегова мы отмечаем, что под перспективой понимается будущее, ожидаемое, виды на будущее [2]. Перспектива в Энциклопедическом словаре – это планы, виды на будущее [3]. А в словаре Д.Н. Ушакова перспектива – это планы, виды на будущее, судьбы кого-чего-нибудь . в будущем [4]. Значение слова Перспектива по словарю В.И. Даля: все, чего ждет и чает человек впереди, чего может, по соображениям своим, надеяться от судьбы, участи, счастья [5].

Размышляя о перспективах развития лингвистики, можно перечислить активно развивающиеся направления, к числу которых причисляют генеративную, когнитивную, синхроническую и диахроническую, структурную, антропологическую, математическую, дескриптивную, контрастивную или сопоставительную, прикладную, компьютерную лингвистику. Но особо отмечается стремительное развитие антропологической лингвистики – науке о языке на культурных перекрестках времен [6].

Как справедливо отмечает Л.К. Жаналина, развитие современного языкознания характеризуется рядом черт, которые представляются через определения разных научных принципов (экспансионизма, антро-, этноцентризма, когнитивизма, функционализма и т.д.), подходов, направлений (системно-структурного / функционального и т.д.), аспектов языка (статического / динамического синхронного / диахронического и др.), через выявление особенностей научного описания (интегративность / синтетичность, гипотетичность / плюралистичность и подобное). Исследователь говорит со ссылкой на Е.С. Кубрякову об одновременном сосуществовании в языкознании соответствующих научных направлений и подходов, которые подводятся под одну парадигму, что, по сложившейся традиции, является критерием ее целостности, самостоятельности.

Размышляя о статусе антропоцентрической парадигмы, она подчеркивает тот факт, что данная парадигма пополняет и накапливает знания о языке в связи с его носителем – индивидуумом и социумом в их пространственно-временном континууме, в виде истории, географии, культуры. Углубление в мир человека мы находим в лингвокультурологических, прагматических концепциях через представление невербальной информации, отражающей как национально-культурную, так и типовую ситуативную, индивидуальную ситуативную информацию. При этом лингвист высказывает опасения по поводу угрозы размывания границ науки и предлагает путь сохранения лингвистикой собственного облика за счет разработки интегративной лингвистики. В основу интегративной лингвистики предлагается положить интегративный принцип – научный принцип, который диктует изучение языка в единстве его статики и динамики, языковой системы и языковой деятельности, исследование языка в синхронии и диахронии на основе объединения семасиолого-ономасиологического и синхронно-диахронического и когнитивного подходов [7].

С высказанной точкой зрения можно согласиться, а можно и поспорить в зависимости от позиций того или иного исследователя языка. Но в одном языкевед прав, а именно в том, что современная лингвистика стала другой, повернувшись лицом к самому человеку. И в этом плане можно с уверенностью констатировать ее современный антропоцентрический облик. И в данном ракурсе выскажу свои соображения о возможностях разработки новых подходов к исследованию явлений языка.

И коснусь, прежде всего, перспективы развития современного сопоставительного и сравнительно-исторического языкознания с позиций лингвокультурологии, когда

внимание исследователей привлекает возможность посредством сравнения языков заглянуть как в историю культуры народов, так и наметить возможные опять же перспективы культуры будущего. А поможет в этом сохранившаяся память лексических единиц самых древних тематических слоев языка, к числу которых можно с правом причислить номинации орудий труда.

В качестве примера сравним номинации такого орудия труда, как пилы в родственных языках, относящихся к одной языковой семье языков: русского, английского, французского и латинского. В качестве источников материала обратимся к данным переводных, толковых и этимологических словарей.

В русском языке пила – это инструмент для разрезания на части твердого вещества (дерева, металла) в виде стальной пластины или диска с заостренными зубцами по краям. Пила может быть ручной, механической [8, с. 688].

Пила бывает вдольная, продольная самого крупного и косога зуба для распилки бревен на доски; фанерочная, помельче и в станочке, для резки фанерок; поперечная, двуручная, широкая, брюшистая полоса, зуб крупный, прямой, ручки по оба конца, для пилки плах, дров; камнерезная, такая же. Пила может быть столярной, одноручной в виде полосы, которая вставлена в станочек, сверху скручивается веревкой.

Пила может называться ножовкой. Это пила с одной ручкой, она к концу уже. Ножовка бывает двурядная, а прочие пилы однорядные, зубья в один ряд. Пила встречается лучковая, в железном лучке, небольшая; садовая, как ножовка, но пошире ее; слесарная, железорезная, лучковая, узенькая, закаленная, для резки меди, железа [9, с.94].

Рабочий инструмент в виде стальной полосы с нарезными зубьями для разрезывания главным образом древесины, так описывается пила в этимологическом словаре русского языка. Это слово сходно с украинским пила, белорусским піла, болгарским пила (напильник), сербохорватским пила (пила, напильник), словенским *řila* (напильник), чешским *řila* (пила), польским, верхнелужицким, нижнелужицким *řila* (пила). Существует мнение, что это слово является заимствованием из германских языков, сравните древневерхненемецкое *řila* (напильник), сравните с тем же значением английское *file*, голландское *vijl*, шведское, датское, норвежское *fil* [10, с.32]. Слово «пила» родственно греческому *τέχων* (чешу, стригу, царапаю), *πῆρος* (острый), древнеиндийскому *řimcati* (вырубает) [11, с.261]. В английском языке это слово переводится как *saw* [12, с. 457; 13, с.691]. В этимологическом словаре английского языка читаем: пила - это режущая пластина с зубцами, в древнеанглийском языке это были слова *sagu*, *saga*, сравните средненижненемецкое, средненидерландское *sage*, нидерландское *zaag*, древневерхненемецкое *saga*, древнорвежское *sog*. Это слово восходит к общегерманскому **sazō*, **sazan-*, в древнеанглийском языке *seax* (нож), к индоевропейской основе **sak-*, **sak-* (резать) [14, P.419].

В толковом словаре английского языка мы читаем: пила – это резец, орудие труда, которое используется для разрезания древесины. Она имеет плоское полотно с кромкой, нарезанной в виде многочисленных V формы зубьев [15, P. 1459]. Во французском языке пила – *scie*, ручная пила – *scie à main*, лучковая пила – *scie ordinaire*, поперечная пила – *passerpartout*, циркулярная пила – *scie circulaire*, ленточная пила – *scie à ruban*, механическая пила *scie mécanique* [16, с.330]. Слово *scie* означает пилу, может обозначать и ножовку – *scie égoïne* [17, с. 965]. Глагол *scier* стал употребляться во французском языке с 12 века, обозначая пилить, восходит к латинскому *sēcare* – разрезать, разделять. В галлороманском существовало и значение этой словоформы

пилить. В старофранцузском языке *soier* означал и косить. Возможно имел вил серпа с зубьями, затем появилось существительное в 13 веке *scie* – пила [18, с.798].

В латинском языке пила – *sega*, пилить – *segtā seare* [19, с.212]. А слово *sega* означало пилу [20, с.784].

Сравним эти номинации и увидим, что в историческом плане в сравниваемых лингвокультурах это был первоначально нож, но особой формы, предназначенный для разрезания древесины. На это указывают данные английского языка, восходящие к индоевропейской основе **sak-*, **sak-* (резать) английское слово *saw*, латинское слово *sēcage* – разрезать, разделять. Не исключается возможность присутствия в галльской пратокультуре первоначальной пилы в виде особого серпа, на что указывает во французском языке существование замечания словарей о присутствии в старофранцузском языке слова *soier*, означавшего и косить. Не исключаем возможности такого вида первоначальной пилы, как присутствия только одной ручки, как на это указывают словари русского, французского и английского языков, отсылая нас к возможности использования упомянутых лексем при номинации ножовки, то есть инструмента – пилы с одной ручкой.

О будущем можно только предположить, что использование пилы будет направлено на применение большей механики, облегчающей физический труд человека. А эта работа с пилой требует колоссальных физических усилий и это монотонный труд. Предложенный в данной статье подход может вне всяких сомнений очертить одну из перспектив развития современного языкознания. Но это новое, молодое направление в лингвистике, способное вызвать и справедливую критику, которая поможет найти слабые и сильные стороны в предлагаемой позиции и наметить перспективы дальнейшего развития.

Список литературы:

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.inf> (дата обращения 10.04.16).
2. Толковый словарь русского языка Ожегова С. И. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ozhegov.textologia.ru/> (дата обращения 10.04.16).
3. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedu.ru/bigencdic/> (дата обращения 10.04.16).
4. Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dictt-mm.ru/ushakov/> (дата обращения 10.04.16).
5. Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/> (дата обращения 10.04.16).
6. Электронный ресурс. Режим доступа <https://sites.google.com/site/lingvolingvol/home/problemy-i-perspektivy-razvitiya-lingvistiki> (дата обращения 10.04.16).
7. Жаналина Л.К. Современная лингвистика: полипарадигмальность и тенденции развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/14_NPRТ_2010/Philologia/66920.doc.htm (дата обращения 10.04.16).
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка, М.: Азбука, 1996.- 1239 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dal.slovaronline.com/C/СѢ/37766-SERPT.4> (дата обращения: 20.02.2012).
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 томах. – М.: Русский язык, 2001. – Т.2. – 560 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – В 4 томах. – С.-Петербург: Азбука, 1996. – Т.3. – 831 с.
12. Мюллер В. Большой русско-английский словарь. – М.: Рипол классик, 2010. – 715 с.

13. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М.: Дрофа, 2008. – 945 с.
14. Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford: Univ. print, 2003. – 552 p.
15. Longman. Dictionary of Contemporary English. – Edinburgh: Pearson Longman, 2007. – 2082 p.
16. Большой русско-французский словарь. – М.: Русский язык Медиа, 2007. – 561 с.
17. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык Медиа, 2006. – 1161 с.
18. Gamilscheg E. Etymologisches Woerterbuch der franzoesischen Sprache. – Heidelberg Universitaetsverlag C.Winter, 1997. – В. 2. – Р. 1325.
19. Громыко И.Н. Русско-латинский словарь. – 2-е изд., доп. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2005. – 456 с.
20. Латинско-русский словарь / Сост. К.А.Тананушко. – Минск: Харвест, 2008. – 1040 с.

UDC 82.091 | DOI: 10.17809/0557468427-12

THE FLASHBACK TECHNIQUE IN THE MODERN LITERATURE (BASED ON THE NOVEL “AMERICAN PASTORAL” BY PHILIP ROTH)

Samosiuk, N. L.^{1*}

1 Saint Petersburg State University of Culture and Arts, Saint Petersburg, Russia.

* Corresponding author: s.n.l@rambler.ru.

Citation: Samosiuk, N. L. (2016). The flashback technique in the modern literature (based on the novel “American Pastoral” by Philip Roth). In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice*. London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-12.

Received: February 13, 2016.

Accepted: March 21, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Samosiuk, N. L.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Работа посвящена вопросу реализации кинематографического приема «флэшбек» в условиях современной литературы. Основной задачей исследования является утверждение соответствий между элементом киноискусства и литературы, а так же демонстрация способов воплощения этого элемента в литературном творчестве.

Ключевые слова: флэшбек; ретроспекция; вектор времени; условное моделирование времени; смещение во времени.

Стилистический прием флэшбека может быть классифицирован как частный случай ретроспекции. Для проблематики романа Филипа Рота «Американская пастораль» (2007), в котором достоверность сиюминутных переживаний противопоставлена реальности, зафиксированной в образах-символах, что по сути преобразует реальность, вопрос достоверности становится принципиальным и сродни вопросу истинности. Именно для этих целей, на наш взгляд, автор использует прием флэшбека, именно в том виде, как этот прием нашел свое воплощение в киноискусстве. Флэшбек позволяет ему в условиях литературного творчества по своему усмотрению разрешить основной конфликт романа. Прежде чем понять механизмы взаимодействия литературы и киноискусства, необходимо обратиться к истории создания приема флэшбек в кино и обозначить его характерные особенности.

Открытие флэшбека, сделанное Орсоном Уэллсом в его знаменитой картине «Гражданин Кейн» (1941), стало одним из частых стилистических приемов кино. Благодаря флэшбеку могут быть раскрыты причины конфликта или показана предыстория

событий, восстановлена их логика, определены мотивы поступков героев. Для флэшбека характерно создание ретроспекции, когда, например, за условное настоящее принимается время смерти героя, а при помощи моментального временного переноса, сюжет обращается к моменту зарождения конфликта. Этот прием может нести разные смысловые нагрузки. Флэшбек используется в фильмах с детективным сюжетом, как прием, в котором можно показать «объективную» картину свершения преступления, уже раскрытого гениальным сыщиком или как в «Гражданине Кейне» флэшбеки воссоздают последовательную историю гибели души в мире власти и денег, рассказанную живыми людьми, знавшими Уолиса Кейна.

Примеры флэшбека можно найти в таких фильмах как: «Миллионер из трущоб» (2008), «Титаник» (1997), «Загадочная история Бенджамина Баттона» (2008) «Отступники» (2014) и многие другие. При соотношении разных временных срезов этот прием позволяет определить значение происходящих событий относительно друг друга и главной темы произведения. Возможность проследить создание флэшбека в литературе представлена, на наш взгляд, автором романа «Американская пастораль».

Характерной чертой романа является временная непоследовательность в передаче событий. Автор выстраивает сюжет, используя прием постоянных временных переносов, так что читатель все время оказывается в условном настоящем одновременно относительно момента повествования и относительно условного прошлого, если за точку отсчета брать рассказчика Натана Цукермана. Чтобы определить смысл художественного приема, позаимствованного автором из другого вида искусств, необходимо в первую очередь определить принцип временного соотношения в эпизодах романа и его художественное значение в раскрытие главной проблемы.

Историческая перспектива в романе насчитывает сто лет. Наиболее удаленный от «условного» сейчас период – 90-е годы XIX века. Время, когда дед Сеймура Лейвоу, приехав в Ньюарк из Старого Света добиться на новом месте осуществления возможностей, чему дано было определение - Американская мечта. Условное настоящее – это 1995 год, к которому относится день встречи выпускников Натана Цукермана, на котором он узнает о смерти Сеймура Лейвоу. Само обращение к характеру Сеймура Лейвоу – легенде школы – уже задана как ретроспекция. Герой просит своего школьного товарища, знаменитого писателя Натана Цукермана написать историю жизни его отца, воплотившего своей жизнью мечты каждого американца о благополучной жизни.

Для всех трех глав можно выделить свое временное ограничение, протекаемое в условном настоящем. Взаимоотношения прошлого и настоящего в каждом эпизоде романа связаны между собой с помощью разных приемов организации внутритекстовых связей, принцип этих связей может быть различным: ассоциативные параллели, монтажные разрывы, символические единства.

Той же логике ретроспекции подчинено и наименование глав романа и их последовательность. Первая глава названа «Воспоминания о рае», (Paradise Remembered) в то время как вторая называется «Грехопадение» (The Fall) а третья - «Потерянный рай» (Paradise Lost), что идет вразрез с официальной трактовкой этого мифологического сюжета. Но тем не мене уже само наименование глав отсылает к событиям прошлого, имеющим значение для понимания настоящего. Принципиальным оказывается и соотношение с мифом, и баланс временных перспектив.

Значимым для организации текста является следующая деталь: имя «Swede» оказывается первым словом романа, а после слово романа - фамилия «Levovs». Любое изменение порядка глав нарушало бы основной принцип построения романа, эмоциональной, фабульной и философской доминантой которого становится фигура Сеймура

Лейвоу, по прозвищу Швед. Воспоминания о Шведе, как и воспоминания самого Шведа, переданные в романе как череда эпизодов, каждый со своим сюжетом и своей лирической тональностью, становятся смысловой доминантой произведения.

В этом хаосе временная последовательность событий регулярно нарушается, тем, что в эпизодах, следующих друг за другом, совершенно неожиданно возникает собственная временная перспектива. Подобные временные «скачки» позволяют говорить об условно прошедшем и условно настоящем времени. Условным временем будет, в таком случае, соответствие между временной координатой в одном эпизоде по отношению к временной координатой в другом и, что не менее важно, соотношение с моментом прочтения, то есть временем, которое создает иллюзию совпадения момента события с моментом прочтения.

Однако, эпизоды из прошлого и настоящего, не всегда связаны через ситуацию воспоминания. Переход от ситуации вопросов и ответов, воспоминаний и рассуждений в романе к описанию событий, приоткрывающих завесу тайны «римрокской террористки», начинается именно по принципу флэшбэка, который и дает возможность моментальной смены временных пластов.

В каждой из трех глав можно наблюдать этот прием мгновенной смены временных срезов. Художественное значение этого приема совпадает с его аналогом в кино. Целью ретроспекции является обращение к событиям предшествующим настоящему, чтобы выяснить причины конфликта. Попытка, предпринятая Натаном Цукерманом, сродни детективному сюжету, задача которого расследовать причину феномена, названного «Сеймур Лейвоу». Смена временных сдвигов оформляется не столько как воспоминание, сколько как «вживание» в него. По сути, автор применяет принцип создания образа своего героя, как бы проникая в его плоть и кровь с тем, чтобы воссоздать его на страницах романа, что является традиционным в рамках литературного творчества. Однако оформляется подобное явление, уже с опорой на особенности презентации временных соотношений, характерных для кино.

Благодаря тому, что Натан Цукерман творческая личность он может позволить себе вжиться в образ, воссоздать его во плоти. Именно в этом эпизоде автор применяет временной сдвиг, как прием переноса из одного условного настоящего в другое условное настоящее. «To the honeysweet strains of "Dream", I pulled away from myself, pulled away from the reunion, and I dreamed... I dreamed a realistic chronicle. I began gazing into his life – not his life as a god or a demigod in whose triumphs one could exult as a boy but his life as another assailable man – and inexplicably, which is to say lo and behold, I found him in Deal, New Jersey, at the seaside cottage, the summer his daughter was eleven, back when she couldn't stay out of his lap or stop calling him by cote pet names, couldn't "resist", as she put it, examining with the tip of her finger the close way his ears were fitted to his skull» [1, с.89].

В этом случае флэшбек отвечает целям, ради которых и предпринята попытка проникнуть в суть образа Сеймура Лейвоу. Временная преемственность событий сохраняется, так как на момент временного переноса рассказчик уже знает о смерти своего кумира. И вот это желание «воскресить» его в своем сознании оказывается отправной точкой для воссоздания драмы двадцатилетней давности. Не говоря уже о том, что в этом повороте сюжета можно проследить открытую цитату из кинематографа, автор фокусирует внимание на этом приеме, как на возможности раскрыть проблематику романа, как факта художественной литературы.

Причиной обращения к объективному прошлому становится видимое несоответствие между внешним образом, запечатленным в памяти рассказчика «as a god or a demigod in whose triumphs» и внутренней драмой, раскрыть которую можно только

при пристальном рассмотрении событий, стать как бы «свидетелем» происходящего. Опять-таки перенос из одного времени в другое через воспоминание позволил бы упрекнуть рассказчика в субъективности. Но так как основная причина конфликта лежит в противоречии между видимостью и сутью, то наиболее удачное решение автора - самоустраниться и описывать события с точки зрения невидимого свидетеля или с точки зрения самих героев. В этом случае возникает эффект, который в стилистике кино соответствует слиянию точек видения героя и камеры, которая в свою очередь становится аналогом взгляда зрителя.

Формирование нескольких временных систем происходит на уровне языковых средств, использовании грамматических конструкций. Лексико-грамматические средства, которые автор использует при этом, утверждают доминирование зрительного восприятия: «I dreamed a realistic chronicle», «I began gazing into his life». И когда произошла внутренняя трансформация временного контекста, рассказчик позволил себе констатировать: «I found him in Deal, New Jersey, at the seaside cottage». То есть объективность существования Сеймура Лейвоу уже утверждается через факт его пребывания в определенном месте в определенное время, которое постепенно приобретает статус условного настоящего. Это условное настоящее обрастает событиями, в которых просматриваются свои доминанты смысла: «when she couldn't stay out of his lap», «couldn't "resist", as she put it, examining with the tip of her finger the close way his ears». Эти доминанты смысла могут потеряться при внесении временной перспективы, они принадлежат миру частной жизни и балансируют между субъективными и незначительными. Но раз обозначенные в романе они становятся важным элементом в разбирательстве причин разразившейся катастрофы.

Такой же переход от условного настоящего к условному прошлому происходит во второй части романа, когда сетования Доун, находящейся под присмотром в психиатрической больнице, прерываются описанием конкурса красоты в 1949 году. В этом случае поводом обращения к флэшбэку становится сравнение Доун настоящей, которая, будучи в больнице, отрицает свой энтузиазм и восторг относительно конкурса «Мисс Америка» и с Доун, которая проживает это время в ситуации своего настоящего. «It was a great help to him, driving home after one of those visits, to remember her as a girl she had really been back then, who, as he recalled it, was nothing like the girl she portrayed in those tirades. During the week in September of 1949 leading up to the Miss America Pageant, when she called Newark every night from the Dennis Hotel to tell him about what happened to her that day as a Miss America contestant, what radiated from her voice was sheer delight in being herself» [1, с. 181].

В этом случае флэшбек помогает установить истину. Если бы не было этого абсолютного переноса из 1973 года в 1949, невозможно было бы разобраться в тех изменениях восприятия себя в прошлом и настоящем, которые замечает Сеймур Лейвоу в своей жене. Перенос из одного условного настоящего в другое условное настоящее происходит за счет лексических средств и глагольных форм.

В первом случае подчеркивается регулярность, уже ставших обыденными посещениями больницы «driving home after one of those visits», в тоже время здесь еще ситуация с конкурсом дана через видения Сеймура «to remember her as a girl she had really been back then». Субъективность его восприятия, которая, безусловно, связана с сомнениями, одолевающими его в 1973, подчеркивается словами «It was a great help to him..... to remember her as a girl», «as he recalled it».

Временной отрезок после даты 1949 конкретизируется до одной недели. «During the week in September of 1949», тут же появляется регулярность, связанная с насыщен-

ностью действия в этот небольшой период «she called Newark every night from the Denis Hotel». И уже в продолжении к событиям 1949 года появляется свое прошлое «what radiated from her voice was sheer delight in being herself. He'd never heard her like that before – it was almost frightening, this undisguised exulting in being where she was and who she was and what she was» [1, 181]. Обращает на себя внимание использование глагольных форм, при помощи которых и создается эффект настоящего, который в данный момент соотносится с 1949 годом. Использование Perfect tens: «He'd never heard her like that before», выстраивает свою временную парадигму относительно Past Continuous и форм с «-ing», имеющим значение длительности, продолжительности действия. «it was almost frightening, this undisguised exulting in being where she was and who she was and what she was»».

События конкурса красоты описываются как настоящее, высвечивая детали, которые при использовании временной перспективы могли быть забыты или признаны незначительными. Так, например, в этом эпизоде 1949 года подчеркивается деталь, которая при временной дистанции, как если бы то были воспоминания, не привлекала к себе такого пристального внимания. «white kid gloves», «tremendously expensive gloves», «sixteen-button kid glove» «who did fabric gloves made them for Dawn», «nice dresses and four-button gloves» [1, с. 181-182]

Эмоциональная реакция героев на события их жизни также описывается очень драматично и остро, создает эффект непосредственной сопричастности к происходящему. «They would talk long distance for as long as a hour at a time – she was too excited to sleep...» [1, с. 181]. Повествование в этом эпизоде прерывается диалогами, которые также фиксируют внимание на происходящем как настоящем. «I hate to late them down», she told him «You're not going to. You're going to win, he told her» [1, с. 183].

Для создания эффекта объективности событий в эпизоде появляется марка товара, сопровождающая конкурс, на правах логотипа компании-спонсора. «Then it would be the car from which you waved to the capacity crowd when you were driven around the edge of the field at the most famous of college football games. The pageant was pushing the Rambler because American Motors was one of the sponsors» [1, с. 183].

Еще одним элементом, формирующим стилистический прием флэшбека, является обращение к визуальным образам-знакам, которые участвуют в создании оппозиции: публичное - частное. В этом случае символическое значение приобретают знаки, которые так или иначе связаны со временем, вернее с его основной характеристикой – необратимостью.

Сеймур Лейвоу не замечает того, что открыто рассказчику. В эпизоде с конкурсом красоты частные, хранимые от посторонних взглядов переживания Доун, объективируются в публичное. Как результат, наблюдающий за ее переживаниями взгляд публики навязывает ей интерпретации мотивов поведения. Этот взгляд извне заставляет Доун смотреть на себя глазами чужих людей, что провоцирует конфликт личности с самой собой.

Доун перестает быть хозяйкой своего собственного образа, она оказывается не в состоянии гармонизировать свои индивидуальные переживания с тем навязанным ей извне образом, в рамки которого, по мнению публики, должна укладываться победительница конкурса мисс Нью-Джерси. Визуальный образ, который складывается из ряда видимых деталей, получает самостоятельное звучание в мире виртуальной публичности. Поэтому ее фотография в журнале с так же как и ее пластическая операция - вопросы одного порядка, соединяющие в себе два аспекта: проблему противопоставления публичного и частного и проблему необратимости и обратимости изменений,

приобретенных во времени. И в этом случае флэшбек, с помощью которого организованы эпизоды с фотографией и с Доун, страдающей после пластической операции, предоставляет возможность оценить реальную ситуацию, протекающую в условиях естественной эмоциональной реакции, от условного образа. Реакция Доун на фотографию – раздражение, острота которого не была бы воспринята так остро не будь этого временного переноса.

Фотография останавливает время, одновременно с этим происходит раздвоение образа. Публичное вмешивается в личностное, требуя однозначности, создавая вместе с тем примитивное, плоскостное видение жизни.

Пластическая операция имеет обратный вектор движения. Стремясь избавиться от безобразия, наложенного на лицо временем и душевными переживаниями, Доун «останавливает» время, возвращая себе внешний вид, соответствующий статусу публичного человека. И тот и другой факт художественной действительности связан с течением времени. А так же со способностью людей фиксировать время в определенных образах, или даже вопреки естественному ходу времени изменять образы в соответствии с собственными пристрастиями. Таким образом, прием флэшбека позволяет острее воссоздать сиюминутность переживаний героев, которые противопоставлены по принципу живая жизнь и ее подобие.

В третьей главе единым условным настоящим становится обед в доме Сеймура и Доун Лейвоу, на который собираются только близкие друзья и родственники. Флэшбек в этой части романа выхватывает из прошлого эпизод «допроса», учиненный Лу Лейвоу, отцом Сеймура, его будущей жене Доун. Эпизод, имеющий смысл допроса, построен также по принципу допроса. Он состоит из лаконичных вопросов и ответов, выделенных по принципу диалога в драме. «Here's the opening of the inquisition that the Swede never forgot:

«What is your full name, Miss Dwyer?

Mary Dawn Dwyer.

Do you wear a cross around your neck, Mary Dawn?

I have. In high school I did for a while.

So you think of yourself as a religious person?» [1, с. 391] (изменение шрифта - авторское).

Нет смысла приводить здесь всю сцену с диалогом, поскольку в данном случае нас интересует не столько содержание, сколько форма реализации сюжета с точки зрения временных соответствий и характера развития сюжета в условном настоящем.

Другая возможность, которая позволяет реализовать прием флэшбека, – это возможность растягивать и спрессовывать время. Наблюдение и размышления Натана Цукермана имеют ярко выраженные особенности субъективного восприятия, эмоционально окрашенного, переданного через ассоциации значимые только для него одного. И опять-таки обращения к историческому прошлому страны происходят с помощью своеобразных скачков в хронологически фиксированное прошлое, которые могут быть описаны как сиюминутно происходящие, а могут включать в себя обобщенные знаков-символов, характеризующих эпоху в целом.

Однако и здесь, в демонстрации индивидуального стиля, наблюдается своеобразное чередование больших и малых величин. Индивидуальность восприятия связана с образом малой родины, которая может передаваться через детальные описания местности. Или через субъективную оценку событий, связанных с сугубо личностными переживаниями. Через все это проходят картины реальной истории американского общества, охватывающего указанные выше сто лет. В этом случае наполненность кон-

кретными датами страниц романа, не только создает иллюзию документальности, в тех эпизодах, когда речь идет о судьбе вымышленных героев, но и репрезентирует каждый отрезок исторического времени через систему узнаваемых символов. Прическа Анжели Дэвис или фasons купальников, которые носили молодые девушки на конкурсах красоты в 1949, или дотошное описание производства перчаток, благодаря которому Лейвоу приобрели свое благосостояние, как и повсеместное увлечение образом Одри Хепберн в фильме «Завтрак у Тиффани» (1964), через которое проходит дочь Сеймура Мерри Лейвоу – только возможные варианты этих визуальных знаков-символов.

Самым ярким примером такой временной сжатости является перечисление серии разговоров между Мерри и ее отцом, который также напоминает прием, созданный в том же фильме «Гражданин Кейн». В романе каждый разговор оформлен в небольшой диалог, а сами диалоги пронумерованы, поскольку подобны друг другу по теме, по характеру, по количеству участников.

«Conversation #1 about New York. "What do you do when you go to New York? Who do you see in New York?" "What do I do? I go to see New York..." [1, с. 104].

«Conversation #18 about New York, after she fails to return home on a Saturday night. "You're never to do that again. You're never to stay over with people who we don't know». [1, с. 104].

.....

«Conversation #24, 25, and 26 about New York. I can't have these conversations, Daddy. I won't! I refuse to! Who talks to their parents like this!" "If you are underage and you go away for the day and don't come home at night, then you damn well talk to your parents like this." "B-b-but you drive me c-c-c-crazy, this kind of sensible parent, trying to be understanding!" [1, с. 107]

Выбранная форма диалога близка по форме диалогу в кино. Читатель не просто присутствует при разговорах, он еще оказывается вовлеченным в историю конфликта, очевидность которого передается через эскалацию эмоционального напряжения. Этот художественный прием возможен, при условии создания контекста, в котором манипуляции с временными координатами становятся обычным явлением. Такое свободное обращение с временной парадигмой считалось прерогативой кино. Однако, как показывает данное исследование, его использование оказывается возможным и в условиях литературного творчества.

История драмы человека и ее влечение в историческую перспективу жизни страны при использовании приема флэшбек создает своеобразный стиль произведения, который при минимально ресурсных затратах позволяет предоставить максимум информации, отвечающей на вопрос о трагедии героя. А также этот прием, позаимствованный у кинематографа, позволяет наиболее полно представить авторский взгляд на те черты американского образа жизни, и на те противоречия, которые создали условия для этой трагедии.

Стилистический прием флэшбека используется автором для организации временных соотношений, делящий целое на ряд эпизодов, выстроенных по принципу их значимости друг для друга. Этот прием позволяет создать иллюзию объективности, при помощи которой автор раскрывает основной конфликт романа.

Снятием временных ограничений, связанных с поступательным движением времени, автор добивается следующих эффектов. Возникает близость эмоционального сопереживания, связанная с возможностью выявить мельчайшие изменения душевных состояний героев, и это на протяжении относительно большого промежутка вре-

мени. Пристальное внимание к сиюминутной реакции, к рефлексии над этими состояниями, а также к рефлексии через множественные призмы чужих мнений, позволяет проследить эволюцию основного конфликта. Особенностью стилистического приема флэшбек является возможность переноса в прошлое не как воспоминание, зафиксированное в памяти одного человека, а следовательно искаженное субъективными предпосылками, а как самостоятельный, взятый во всей полноте сиюминутных взаимоотношений срез действительности, имевший место в прошлом.

По принципу функциональной значимости в романе «Американская пастораль» флэшбек аналогичен кинематографическому приему. Он используется при необходимости осмыслить предпосылки конфликта, «своими глазами», увидеть последовательность событий, убедиться в их достоверности, что создает иллюзию присутствия зрителя, такую понятную, когда речь идет о киноискусстве. Однако теперь можно говорить, что приемы кинематографа могут быть реализованы и в условиях другой формы творчества, которая в рамках своего существования мобилизует внутренние ресурсы для передачи новых элементов смысла.

Таким образом, можно наблюдать возможность трансформации форм одного вида искусства – кино в формы другого вида искусства – литературы, сохраняя при этом все условия словесного творчества.

Список литературы:

1. Philip R. American Pastoral. – London: Random House, 1998.
2. Делез, Ж. Кино. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. – 560 с.

UDC 81 | DOI: 10.17809/0557468427-13

LINGUOCULTURAL ASPECTS OF STUDYING THE CONCEPT OF “REST” IN MODERN LINGUISTICS

Zezyulya, I. N. ^{1*}

1 Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

* Corresponding author: irkaminskaya@yandex.ru.

CrossMark

Citation: Zezyulya, I. N. (2016). D Linguocultural aspects of studying the concept of “rest” in modern linguistics In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-13.

Received: February 20, 2016.

Accepted: March 29, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Zezyulya, I. N. V.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА «ОТДЫХ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Исследованиями лингвокультурного аспекта «Отдых» занимались Л.К. Байрамова [Байрамова, 2013], С.В. Колтакова [Колтакова, 2008], Н.М. Пожитной, В.М. Хромешкин [Пожитной, Хромешкин 2012], Ч.Р. Мукагдесова [Мукагдесова, 2012], И.Н. Кузьмина [Кузьмина, 2014], А.П. Суходулов [Суходулов, 2012]. В научной литературе категория «Отдых» до сих пор рассматривается частично или опосредовано по отношению к другим видам досуговой деятельности (курортному делу, туризму, краеведению и т.д.). Необходимо отме-

тить, что понятие отдых чаще всего ассоциируют с рекреацией, туризмом и другими видами деятельности человека в свободное от работы время [Суходулов, 2012, 173].

Н.М. Пожитной и В.М. Хромешкин в своей монографии понимают отдых как фундаментальную социально-экономическую и философскую категорию, определяющую специфику данного вида жизнедеятельности людей [Суходулов, 2012, 173]. Согласно данному подходу, отдых выступает как подсистема жизнедеятельности человека.

Основой любого человеческого бытия, как личного, так и общественного, является деятельность (понимая эту категорию широко, так что то, что мы в обиходе называем «бездеятельностью», тоже есть разновидность деятельности). Следовательно, в первую очередь, следует рассмотреть соотношение в образе жизни таких категорий, как «труд», «отдых», «хобби», «развлечение», «досуг». Данные понятия представляются ключевыми для понимания всех отличительных черт образа жизни: без них человек перестает быть человеком в культурологическом смысле [Есин, 1999, 76].

Так, например, слово «отдых» в немецком языке многозначно и в зависимости от ситуации может принимать разные значения. Поэтому, ядро лингвокультурного концепта «отдых» в немецкой лингвокультуре представлено несколькими компонентами. Каждый компонент определяется значениями, встречающимися в общем коллективном сознании и закрепленными в толковых словарях. Каждому значению соответствует лексическая единица, маркирующая языковую объективацию концепта в конкретной ситуации. Отдых, как:

- свободное от работы и иных интенсивных занятий время – «freie Zeit», которое предполагает «отдых-развлечение» (Unterhaltung) и «отдых-отпуск» (Urlaub);
- фаза спокойствия для восстановления истощенной физической и умственной способности или израсходованных психических сил (в широком смысле) – «Ruhe» (покой, спокойствие);
- лечение, восстановление, обусловленное болезнью, повреждением организма или отдельных органов, принятие солнечных ванн в бассейне – «Heilung» (лечение) [Götz, 2009, 262].

Рассматривая место труда в жизни человека, Ч.Р. Мукатдесов приводит следующие примеры, характеризующие особенности немецкой культуры;

- Nach getaner Arbeitistgutruhn.(Необходимость менять работу с отдыхом);
- ErstdieArbeit, dann das Vergnügen (Нужно предпочитать труд отдыху) [Мукатдесов, 2012, 57].

Таким образом, центральные ценностные составляющие концепта «Отдых» представлены лексемами «Freizeit» (свободное время), трактуемой как «Unterhaltung» (развлечение) и «Urlaub» (отпуск), «Ruhe» (покой) и «Heilung» (лечение) [Уткина, 2014, 58].

Лингвокультурный концепт «Отдых» также находит свое выражение в русском и английском языках. Л.К. Абрамова отмечает, что наиболее полное представление о данном концепте мы получаем через афоризмы, крылатые выражения, пословицы, аксеологемы. В русском фразеологическом фонде очень мало фразеологизмов со значением «Отдых». В качестве примеров служат следующие выражения: «выходной день», «сушить весла» (прекратить работу с целью отдыха), мертвый/тихий час (время послеобеденного отдыха в больницах и т.д.) Рассматривая крылатые выражения, следует упомянуть «Подожди немного, отдохнешь и ты», служащее в качестве реплики-утешения. Довольно распространённым и известным является фразеологизм «Делу время, а потехе час». Он служит для обозначения важности времени, отводимого для работы, а не потраченного на отдых и развлечения.

В английском языке следует отметить многогранность лингвокультурного аспекта «Отдых». Мы можем обратить внимание, как на положительные, так и на отрицательные стороны данного аспекта. Определяя Отдых как ценность, можно привести в качестве примеров: “get/take the weight off one’s feet” (просто сесть и отдохнуть), “beat grass” (быть на отдыхе,

каникулах), “take ten” (передохнуть, сделать перерыв в работе). Также рассматривается антиценностная сторона, а именно отрицательная сторона или аксиологический вектор. Фразеологизм “dirty weekend” в его дословном переводе грязный уик-энд указывает на отрицательную сторону отдыха.

Ряд английских и русских фразеологизмов включают не только компонент об отдыхе, но и о труде, отводя последнему лидирующую позицию:

- “Work/business before leisure” (Сначала работа, потом отдых)

- “The busiest man finds the most pleasure” (Кто много работает, тот умеет и отдыхать)

- All work and no play makes Jack a dull boy. – От одной работы без развлечения загрузит и Джек. Данный фразеологизм выражает идею о том, что тяжелый труд не приносит удовольствия, если не чередуется с работой.

Однако прослеживается и схожие черты данного аспекта в рассматриваемых языках, главным образом, в содержании высказываний. Немецкий фразеологизм *eine Auszeit nehmen*, обозначающий «взять перерыв во время спортивной игры, либо «взять короткий отпуск, сделать небольшой перерыв для отдыха», - калька английского фразеологизма ‘to take a time-out’, который также находит отражение и в русском языке (брать тайм-аут) [Л.К. Байрамова, 2013, 12].

Изучение разноязычных фразеологизмов с общей семантикой ‘отдых’, работа’, ‘труд’ позволяет сделать следующие выводы:

- разноязычные фразеологизмы с общей семантикой имеют общую образную форму;

- все три аксиологемы связаны;

- разноязычные фразеологизмы иногда объединяются не только общей семантикой, но и компонентным составом.

Список литературы:

1. Есин А.Б. Литературоведение. Культурология [Текст] : избр. тр. / А.Б. Есин ; сост. С. Я. Долинина, Е. Аверина. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 351 с.
2. Колтакова С.В. Национальная специфика тематических групп «Труд» и «Отдых» в русском и английском языках: дис...канд. фил. наук. – Воронеж, 2008.
3. Байрамова Л.К. Аксиологемы «Отдых», «Безделье», «Лень» во фразеологической парадигме русского, английского, французского и немецкого языков // Филология и культура [Philology and culture]. – 2013. – № 2. – С. 11 – 15.
4. Мукатдесова Ч. Р. Вербализация концепта «труд» в татарском и немецком языках (на материале пословиц и поговорок) // Филология и культура [Philology and culture]. – 2012. – № 1. – С. 56 – 60.
5. Пожитной Н.М., Хромешкин В.М. Основы теории отдыха / под общ. ред. А.И. Добрынина. – Спб.: Изд-во С. – Петерб. ун-та управления и экономики, 2011. – 180 с.
6. Уткина, Ю.К. Концепт «отдых» в немецкой лингвокультуре // Язык и культура: теоретические и методические проблемы лингвистики [Текст]: материалы 16-й международной научно-практической конференции учащихся, студентов и аспирантов (Бийск, 25 апреля 2014) / Отв. ред. Е.А. Коржнева; Алтайская государственная академия образования им. В.М. Шукшина. - Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. – С. 57 – 61.
7. Уженцева А. С. Дискурсивная вариативность концепта HAPPINESS (на материале американского религиозного, политического и бытового типов дискурса): Автореф. дис. канд. фил. наук. Барнаул, 2014. – 21 с.

INTELLECTUAL ORIGINS OF ARAB FEMINISM

Abdikadyrova, Zh. B.,^{1*} & Akhmetbekova, A. K.¹

¹ Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

* Corresponding author: nuraliyun@mail.ru.

CrossMark

Citation: Abdikadyrova, Zh. B., & Akhmetbekova, A. K. (2016). Intellectual origins of Arab feminism. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-14.

Received: February 6, 2016.

Accepted: March 8, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Abdikadyrova, Zh. B., & Akhmetbekova, A. K.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Arab feminism is a form of feminism concerned with the role of Arab women in society. It aims for the full equality of all Arabs, regardless of gender, in public and private life. Arabic feminists advocate women's rights, gender equality, and social justice grounded in an Islamic framework. The roots of the political and social phenomenon originate in modern times. The aim of the article is to give coverage of intellectual origins of Arab feminism. It highlights the ideas of early advocates of women's rights in Arabic society, such as Qasim Amin, Malak Hifni Nasif, Jamil Sidqi al-Zahawi, and others.

Keywords: Arab feminism, Arab women's liberation, intellectual history.

Despite the fact that the feminist movement appeared relatively recently, in the Arabic society were those who advocated the improvement of women's rights. For the first time women's issue was raised in December 1849 in Beirut at a public meeting of the Syrian Scientific Society. It was said that only an educated woman can fully perform her duty of mother and wife. The Syrian Scientific Society (al-Jam'iya al-Ilmiya al-Suriya) was a group of intellectuals who took part in promoting the study of science in educational institutions in Syria. At that public meeting the women's issue was raised by the most prominent Christian Arab educator Butrus al-Bustani. He then called the enslavement of women one of the main reasons for the backwardness of the Arab nation.

The tradition of scientific interpretation (in the light of the Qur'an) of the rights and status of women in the society was established in the end of the 19th century by the Egyptian jurist and publicist, Islamic modernist Qasim Amin [1]. He was Kurd by origin, was considered by many as the "first feminist" in the Arab world, and received his law degree in France. In his writings Q. Amin relied on the works of the theologian Muhammed Abduh. Qasim Amin proclaimed the need to return the legitimate rights of the woman in the family, the destruction of polygamy, the recognition of women's rights to demand a divorce, the right to have education and profession. He led a political movement for women's equality, arguing that women can play an equally important role in society as men.

Greatly influenced by the works of Herbert Spencer and John Stuart Mill who argued for gender equality, Qasim Amin believed that "heightening a women's status in society would greatly improve the nation" [2, p. 233].

His book "The Liberation of Women" (1899) argued for the abolition of the veil, and that's why caused controversy in all the Arab countries and in India. Q. Amin pointed out that the veiling and segregation constituted "a huge barrier between woman and her elevation, and consequently a barrier between the nation and its advance" [3, p. 160].

Qasim Amin was active supporter of divorce legislation. He thought that repeating the words of divorce, such as "I have divorced you" or "you are divorced" three times was not serious agreement. He criticized the Muslim scholars for being narrowly interested in the various expressions of "divorce", thinking that these efforts were only useful in the study of grammar and language, not in the development of discipline in jurisprudence [4, p. 95]. The lack of legal system in the divorce process was what he believed that contributed to the high divorce rate in Cairo [5, p. 10].

Amin's next book "The New Woman" (1901) contained a response to his opponents. When his first soft enough critical remarks were perceived as an unheard-of heresy, he wrote a much more radical book in which he argued that the level of cultural development of a nation depends on how high the level of cultural development of its women who teach children and do men humane. He went so far as to say about the superiority of Western culture over the classic Arab culture, at least in this respect. The book was subjected to violent attacks by the opponents.

Qasim Amin's famous quotes about women are the following:

- "The number of children killed by ignorant women every year exceeds the number of people who die in the most brutal wars."
- "A good mother is more useful to her species than a corrupt mother is more harmful than a corrupt man."
- "It is impossible to be successful men if they do not have mothers capable of raising them to be successful."
- "There is no doubt that the man's decision to imprison his wife contradicts the freedom which is the woman's natural right."
- "The woman who is forbidden to educate herself save in the duties of the servant, or is limited in her educational pursuits is indeed a slave, because her natural instincts and God-given talents are subordinated in deference to her condition, which is tantamount to moral enslavement" [6].

His views influenced the development of the women's movement in the Arab world. For the first time the position of Muslim women in the society received systemic understanding.

At the same time in the interwar period feminism was becoming increasingly popular in Western Europe, and some Egyptian women, including those who were taking part in European conferences of feminists returned home and began to appear in public with an open face. Some women from the higher strata of society began to acquire a profession, which were previously considered "male", and took an active part in social life.

In the second half of the 19th century woman theme gained a foothold in the Arab fiction, especially in Syrian. Love and sympathy to the woman were the main motives of novels and journalism of Salim al-Bustani, poems and novels of Jurji Zaydan.

Associate professor of sociology at Qatar University Dr. Kaltham Al Ghanim states: "Using unrealistic and exaggerated language, feminist writing by female authors began appearing in Arabic literature and became a basic factor in the criticism of the situation of Arab women. Women were made to appear as though the saviours of humanity from injustice, hatred and war, and the most active and rebellious element in society; this of course was a reaction to the powerlessness from which Arab women suffered" [7, p. 84].

The first Arab women's newspapers and magazines played an important role in the development of the women's movement in the Arab countries.

"Layla" was the first women's magazine published in Iraq. This magazine, first released in 1923, was dedicated to the latest useful matters related to science, art, literature, sociology and, in particular, education and training of girls, family health and other issues related to

housekeeping. After the establishment of a national government in Iraq has several magazines and newspapers devoted to women's issues. "Layla" marked the birth of the women's press in Iraq, the magazine is considered one of the factors that influenced the emergence and formation of the Arab women's movement. The magazine was produced under the motto "Towards a revival of the Iraqi woman" and spread the news of culture, education, and issues relating to the family, as well as led the campaign for the liberation of women. Among its sections were the following: "The Crucible of right", "Tax News", "Housewives Corner", "Strange News", "Rings of Magic Strings", and others. The magazine also highlighted issues relating to medical research, literature and poetry, and published the works of famous Iraqi poets al-Rasafi and al-Zahawi. One of the most important articles published in the magazine was an article published in Issue 6 on May 15, 1924, addressed to the Constituent Assembly of Iraq to grant women their legal rights. A total of 20 issues was issued by "Layla". Its last issue of August 15, 1925 contained a sad article, in which the readers were informed about the difficult financial situation of the magazine. Shortly thereafter, the owner of the magazine Paulina Hassoun left Iraq and the magazine ceased to exist.

At the beginning of the 20th century in Syria, Christian Arab women grouped around the progressive women's magazines "Al-Hasna" and "Al-Arous" expanded journalistic and literary activities. Among the Muslim writers Gibran Khalil Gibran and Mohammad Hussein Haykal, supporters of the emancipation and authors of the novel "Broken Wings" and "Zaynab" won the great popularity at that time. At the same time an Egyptian journalist and teacher Malak Hifni Nasif declared her ideas on improvement of women's rights. In 1909 she published "Al-Nisa'iyat" ("Homage to Women"), a collection of many of her talks and essays [8, p. 54]. Through these articles, she raised her own voice for the advancement of women.

"Al-Nisa'iyat" received a great reputation in the Muslim world. The path to the liberation of women, she thought, is through education and training, and the vocation of women is education of children, but such an education "so that they were not slaves". She believed that family, and necessarily school can provide the best guide to the development of boys and girls. In the article "Hijab" she wrote that Muslim women were not ready to abolish it, only an overcoming of ignorance and education can help them to take off the hijab. In her another article publicist She stated that the marriage must be preceded by an acquaintance and love.

This issue of the marital rights of women was one of the feminist issues with which she had significant personal experience. Her husband had two wives and this fact caused her to strongly protest against the polygamy. In an article entitled "Or Co-Wives", she passionately condemned polygamy, calling this practice "women's mortal enemy" [3, p. 182].

Malak thought that reforms in education could be the best solution to many of the problems that Arab women faced. She wrote that any girl who did not have an opportunity to attend and finish school had been treated unjustly [9, p. 145]. She opposed the implementation of missionary schools in Egypt, arguing that "the most ignorant of girls are the graduates of the missionary schools" [10, p. 84].

In 1910, a series of articles of Iraqi poet Jamil Sidqi al-Zahawi were published in the newspaper "Al-Mu'ayyad" in Cairo, in which the rights and status of women were more decisive, and most importantly, were highlighted through religious interpretation. Al-Zahawi raised the question of women's equation in cases of inheritance, divorce, testimony, the women's rights to require strict monogamy and taking off the veil. He considered necessary the implementation of measures to improve the education of women and their social roles. The reaction of the conservative part of the Iraqi society to the articles of Al-Zahawi was so violent that in Baghdad a large protest demonstration took place, many required to kill the author, in the clerical periodicals he was accused of undermining the foundations of faith.

At the beginning of the 20th century, “women’s issue” first manifested itself in the public documents of the revolutionary-democratic and socialist movements, declarations of governments in the Arab world. Then the women of the Arab countries were involved in national and anti-colonial movements. In 1919, Egyptian women participated in armed rebellion against the British colonialists. This action combined with the efforts to change the status of women in society.

There are numerous literature, discourses and the agendas used to explore and analyse the history of Arab feminism. Thus, the Professor of Political Science at Howard University PhD Mervat Hatem critically examined the founding myths of the modern history of Arab women, especially the role that men played in it, as well as the contributions that modernization and nationalism made to their roles and rights. She also explained how the state emerged as an important agent in the definition of, response to and the appropriation of the agendas of women following decolonization [11, p. 91].

In conclusion, we state that Arab feminism served the great intellectual impulse in the history of Arab countries. And we support the hopes of Professor Mervat Hatem in her words: “We have come a long way, but our journey is far from over. There is a lot of work that still needs to be done, but I am more than confident in our collective ability to do it” [11, p. 100].

References

1. Kurzman, Charles, ed. (2002). *The Emancipation of Woman and the New Woman*. Modernist Islam, 1840-1940: A Sourcebook. Oxford University Press. P. 61-69.
 2. Smith, Charles D. (1983). *Islam and The Search for Social Order in Modern Egypt: A Biography of Muhammad Husayn Haykal*. Middle Eastern Studies. New York: State University of New York Press.
 3. Ahmed, Leila (1992). *Women and Gender in Islam*. New Heaven and London: Yale University Press.
 4. Amin, Qasim (2000). *The Liberation of Women and The New Women*. Cairo: American University in Cairo Press.
 5. Cuno, Kenneth M. (2009). *Family, Gender and Law in the Globalizing Middle East and South Asia*. Syracuse University Press.
 6. Nergis, Mazid. Western Mimicry or Cultural Hybridity: Deconstructing Qasim Amin’s Colonized Voice. Retrieved from <http://i-epistemology.net/v1/gender-studies/726-western-mimicry-or-cultural-hybridity-deconstructing-qasim-amins-colonized-voice.html>
 7. Al-Ghanim, Kaltham (2013). The intellectual frameworks and theoretical limits of Arab feminist thought. *Contemporary Arab Affairs*, 6(1), 82-90.
 8. Badran, Margot (1995). *Feminists, Islam, and nation: gender and the making of modern Egypt*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
 9. Shakry, Omnia (1998). *Schooled mothers and structured play: child rearing in turn-of-the-century Egypt 126-170*. In Abu-Lughod, Lila. *Remaking women: feminism and modernity in the Middle East*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
 10. Yousef, Reina (Winter 2011). Malak Hifni Nasif: negotiations of a feminist agenda between the European and the Colonial. *Journal of Middle East Women’s Studies* (Duke University Press), 7(1), 70-89.
 11. Hatem, Mervat (2013). What do women want? A critical mapping of future directions for Arab feminisms. *Contemporary Arab Affairs*, 6(1), 91-101.
-

PHOTO MESSAGE AS A SOCIAL TRANSACTION INTO THE ETHNOGRAPHICAL DISCOURSE

Bakytova, L. B.^{1*}

1 L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. * Corresponding author: 1992-leila@mail.ru

Citation: Bakytova, L. B. (2016). Photo message as a social transformation into the ethnographical discourse. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-15.

Received: February 29, 2016.

Accepted: March 30, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Bakytova, L. B.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

ФОТОМЕСЕДЖ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСАКЦИЯ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена проблеме достоверности фотисточника на примере проекта Джими Нельсона «Пока они не исчезли». Предпринимаются попытки объяснить причины недоверия к фотосообщению, с точки зрения сложившихся стереотипов на маргинальных групп. В исследовании используются методы: контент-анализ, матрица визуальных данных.

Ключевые слова: фотография; контекст; социальная стигматизация; этнография; этика визуального исследования.

В цикле фотографии с драматическим названием «Пока они не исчезли» («Beforetheyrassaway»), представленный фотографом Джимми Нельсоном, мое внимание привлекли фотографии казахов в Монголии. Серия фотографий, выполненных в стиле этнографического повествования: колоритная охота с ловчими птицами, бытовые зарисовки на фоне величественных природных пейзажей и фотопортреты в интерьере кочевого жилища – юрты.

Первое свое ощущение назвала бы протестом. Я, казашка, живу в стране под названием Казахстан, и вдруг оказывается, что казахи попадают в категорию исчезающих этнических групп.

Приглядываясь к этой серии в целом, и к фотографиям казахов из Монголии, в частности, допускаю, что, возможно, кто-то из нас находится в плену стереотипов. Либо фотограф, работающий в стиле глянцевої фотографии, либо я, городской житель, потерявший связь с традиционной культурой. Фотографические меседжи стали настолько частым приемом в исследованиях культур, что сформировалось специфическое доверие к фотографическому протоколированию культурного разнообразия. Но в этой статье я попробую разобраться в том, насколько фотограф имеет право на сообщение о «смерти отдельных культурных традиций» и в том, как мы можем верифицировать подобного рода фотосообщения, каков теоретический запас должен быть у современного культуролога, работающего с аналитикой визуального.

В этой статье я разберу теоретические подходы интерпретации фотографии для того, чтобы проверить, насколько моё эмоциональное неприятие этой коллекции имеет право быть. Опираясь на идеи, концепции Х.Беккера, Колиера, П.Штомка,

П.Бурдые с тем, как происходит переход из состояния «объекта» (а классическая этнографическая фотография предполагает, что снимаемое есть объект) в состояние субъекта, то есть того, кто рефлексирует о возможностях классификации своей культуры представителями иной.

Фотография как сообщение. Фотографии могут быть документированным сообщением, а также играть роль экспрессивного послания. В целом проект Джимми Нельсона можно назвать глянцево-этнографией - на фоне величественных пейзажей изображены брутальные кочевники и экзотика ловчей охоты. Именно эта нарочитая глянцево-этнографичность вызвала у меня ощущение неуверенности, я стала сомневаться в том, как следует «читать» эти фотопослания. Внешний вид фотографических казахов сильно отличался от привычной для меня действительности: персонажи были одеты в чапаны из овечьей шкуры сорнаментам (головные уборы, которые редко используются в наше время).

Для меня вся атрибутика этих снимков ассоциируется жизнью казахов XIX века, или музейной атрибутикой, поэтому, думаю, что они могут ввести в заблуждение стороннего зрителя. Конечно, как городской житель, могу не знать деталей повседневной жизни в аулах, в сельской местности, но в современном мире, в быту, в моде, в одежде так много функционального, что нарочитая связь с традиционными материалами в виде грубой выделки овечьих шкур, очевидно, является постановочной.

На сайте фотографа основную коллекцию были выбраны фотопортреты крупным планом с экзотическими реконструкциями. Но помимо этих фотографий на авторском ресурсе имелись дополнительные фотографии, описывающие процесс того, как происходила эта съемка. И тогда в кадрах мы видим рядом с людьми в условно «национальной повседневной» одежде тех, кто был одет на «современный» лад. Общий интерьер жилища отличался от фокусных портретов. Один и тот же ковер на стене используется как фон и как деталь общего плана мог быть элементом разных сообщений. Ковер в фокусе это- отсылка к этнографии, ковер в интерьере отсылка к повседневным практикам достатка.

Джимми Нельсон – британский фотожурналист и фотограф считает себя «инициатором и фотографом уникально-глобальных художественных документации последних, наикрасивейших племен и культур мира» [1]. Целью, своей серии снимков, он обозначил - фиксирование древних туземных культур, находящихся на грани исчезновения. В этом проекте фотограф как бы не скрывает свое удивление такими «маленькими по масштабу» локальным культурам, сохраняющими свою культурную идентичность, несмотря на глобализацию во всех уголках земного шара [2].

Работа над альбомом длилась три года (2010-2013 гг.), в альбом вошли фотоотчеты о жизни 35 «туземных» племен из 43 стран мира. Элементом его послания, своеобразным референсом в сторону фотографов, было то, что он использовал 50-летнюю старую фотокамеру [3]. Он снимает «исчезающее» «устаревшим», конечно это определенный стиль, стиль художника. Поэтому этот проект скорее сообщение о стиле, по черке одного фотохудожника, но не сообщение о достоверности этнографического характера.

Фотография как метод визуального исследования. На сайте Дж.Нельсона, помимо основной экспозиции, встречаются и коллаборативные фотографии с автором исследования, где запечатлены сюжеты подготовки к съёмкам, например, есть серия фотографий, где фотограф разговаривает с теми, кого он будет снимать, но в большинстве случаев он занимает позицию в центре фотографии. Это символизирует его важность как автора проекта исследования, и указывает на дискурсивный характер функ-

ции автора [4, с. 19]. Анализ коллаборативного материала, показывает, что статус «автора» является доминирующим по отношению к статусу «объектов». Быть фотографическим «объектом», это как то, на что обратил внимание Маршалл Маклюэн: фотография создается из ничего, это просто копия живых существ, фиксируя их, они превращаются в предметы [5, с. 213]. Таким образом, как объекты, как копия настоящего, фотографические изображения несут определенную информацию, которая способствует формированию мнений об обществе, следовательно, они могут выступать в роли метода исследования.

Отсюда вытекает следующий исследовательский вопрос - «Что я вижу или какую информацию несет фотографии этого проекта?». Для этого вопроса используем интерпретации, предлагаемые социологами Э.Холла, Э.Зубе, а также воспользуемся матрицей визуальных данных П.Штомпки.

Визуальные образы, исследуемые социологами, связаны с деятельностью человека [6, с. 53]. Человек меняет окружающую среду и культивирует её и поэтому именно человеческое поведение, поведение социальных групп, структуры социальных отношений все это привлекает внимание и зрителей и исследователей.

Так как пространство в широком смысле означает не только физическую или биологическую форму материи, но это и социальное пространство общества, на фоне которого представлены социальные агенты, и их жизнедеятельность полностью пронизана осознанием пространства» [7, с. 50-51; 8, с. 36],

Как отмечает американский социолог Эрвин Зубе, месторасположение человека показывает важную информацию об отношении его к природным ценностям своей земли. Человек – агент влияния физических и биологических изменений земли [9, 39]. Человек может использовать природу по-разному: она может оставаться нетронутой или на ней могут появляться эрозии, отходы, и т.д., и все это проявление человеческой деятельности.

На исследуемых фотографиях, мы видим, что окружающая среда, ландшафт состоит из горных равнин и озер, что казахи как объекты фото-исследования, живут далеко от урбанизированных пространств, в фотографиях нет электрических проводов, дорог для общественного транспорта (как то поездов, автобусов, и.д.), личных автомобилей, следовательно, они обитатели дикой природы. Казахи в этой серии- это те, кто культивировали орлов и лошадей, и поэтому они кажутся теми, кто показывает бережное отношение к природе. Все запечатленные орудия труда и охоты связаны с орлом и наездничеством, и это работает на четкую картину о стиле жизни, о том, как ведется кочевой образ жизни.

Природный, нетронутый городскими преобразованиями ландшафт является значимым для определения ценности к земле. Такое отношение к природе предполагается существованием норм поведения в своей среде обитания, даже добыча еды производится по природному циклу - орел охотится на зверей.

Стоит обратить внимание и на интерьер дома как искусственное окружение человека, считающиеся также средой обитания [6, 40]. Внутреннее оформление жилища показывает не только специфику культуры, но и финансовое положение жителей. Из всех отобранных фотографий, только в одной, с детьми, видны аксессуары и интерьер. На стене висит настенный цветной ковер, шкура лисицы и макет индюка, а также видны аксессуары из серебра, похожие на саблю и тарелку. На полу палас, более современный, чем настенный ковер и традиционный кииз (войлочное покрытие) с орнаментами в стиле кошкармуиз. А в коллаборативных фотографиях с самим автором можно увидеть намного больше и яснее сам дом - в одном из таких снимков представлен ин-

терьер юрты, где в центре стоит «ошак» или печь, на полу также застелен кииз и разные виды ковров, сам дом скуден в аксессуарах. На другом снимке, где представлена подготовка к съемке, бросаются в глаза ковры с казахскими орнаментами и шкуры диких зверей, что демонстрирует охотничью культуру. Все остальные элементы интерьера: старый магнитофон, диван, тюль (занавески на окнах) разного цвета, линолеум (вид синтетического напольного покрытия), стулья с кожаной обивкой, фотопортреты – показатели интеграции в современный мир.

Прослеживается гендерный аспект проекта Джимми Нельсона. В большинстве случаев фотоматериалы Джимми Нельсона акцентированы на мужчинах, из 18 фотографий на 16 в центре композиции находятся мужчины, только на одной фотографии запечатлена молодая девушка 25-30 лет и есть дети. На всех 18 фотографиях мужчины запечатлены в действии: они готовятся к охоте или едут верхом, те же, кто позировал в статике, смотрят в объектив. То есть это не подсмотренные, репортажные фотосюжеты, это постановочно-договорная коммуникация между фотографом и его объектами.

Возрастная категории фотографируемых составлены из охотников от 30 до 60 лет, молодой женщины- около 25 лет, девочки- примерно лет 7-9, мальчики- лет 8-11. В фотографиях мужчина зрелого возраста встречается чаще, чем другие, он фигурирует и в коллективных фотографиях и в фотопортрете.

Верхняя одежда респондентов состоит из меховых шапок и ушанок, шуб грубой отделки и дубленки, кожаных сапог и ремней с металлическими заклепками и украшенных камнями. Только у одного представителя фотографируемых зафиксирована шерстяная шапка и дубленка с вышивкой типичных казахских национальных орнаментов, под верхней одеждой видны современные пуловеры, и другие элементы одежды, которую носят по всему миру. Специфична фотография молодого мужчины, у которого нарядное одеяние, он представлен только в одном фотопортрете, одет в пуловер коричневого цвета, чапан, украшенный орнаментами из красных нитей, головной убор сделан из меха и красного материала с золотыми нитями. Если одежда служит показателем социального статуса, то в этой фотографии зафиксирован мужчина из высшего слоя этого общества. На фотоснимке детей девочка тоже выглядит немного отлично от остальных: фотография сделана в домашней обстановке, однако мальчики одеты в меховые шапки и шубы, тогда как девочка нарядилась в красное платье из тонкого материала, камзол украшен пайетками, а головной убор, «такяя», с пухом, орнаментами и монетами.

Также примечательно то, что действия в фотографиях остаются в статике, хотя, этнографические проекты создаются на движении визуальных образов, которые информируют об обыденной жизни [10, с. 15]. Для верификации этого исследовательского сюжета воспользуюсь матрицей визуальных образов, предложенной Петром Штомка. Матрица визуальных данных состоит из следующих структур: контекст, личность, действия, интеракция, коллектив, культура/техника, окружающая среда (см. Таблица 1).

Контекст используется в смысле «типичных областях общественной жизни, в которых люди как-то входят и из которых выходят в течение своего повседневного функционирования, а также в течение своей жизни» [11, с. 32].

Понятие «личности» здесь понимается не как духовная составляющая индивидуума, а как телесная характеристика. Тело, в отличие от «души» или «личности», несомненно, является объектом визуальным и поэтому представляет собой богатый источник данных [11, с. 19].

Действие определяется как функция, которую выполняет человек в момент фиксирования. Флориан Знанецкий предлагает классифицировать общественные функции такими как образовательная, пропагандистская, интеграционная, экономическая, художественная, политическая и др. [12, 153]. Если рассматривать действия как определенный вид поведения, то условно поделим, как предлагает Петр Штомка, на ритуальное, рутинное, церемониальное и девиантное (в смысле поведение, отклоняющееся от первичности).

В виде интеракции могут выступать разные аспекты общественной жизни, например, общение, деление пространства (Эдвард Холл), образование, воспитание, и т.д.

Коллектив – еще один аспект человеческой деятельности, он показатель социализации личности, а также может выступать индикатором идентификации.

Культура понимается как состоящая из паттернов поведения и для поведения, эксплицитных и имплицитных, приобретаемых и передаваемых посредством символов, конституирующих характерное достижение человеческих групп, включая их воплощение в артефактах [13, с. 53].

Средой обитания может выступать и природа и все искусственное окружение, созданное человеком.

Для анализа я выбрала несколько фотографий Джимми Нельсоном и коллаборативные фотографии с ним, чтобы определить, какие фотографии информативные, а какие не поддаются визуальному анализу с позиции визуальной социологии.

Интерпретация рисунков:

Рисунок 1. Контекст «охота» был выбран, поскольку охота для казахов – это типичное ремесло, под личностью подразумевается охотник, социальный агент общества. Ответ на вопрос о том, какой вид действия был запечатлен в фотографии, вызвал затруднение, но было решено указать подготовку к охоте, так как это рутинное поведение кочевников, связывающее коллектив из четырех лиц, которые собрались добывать еду с помощью беркута, и все действие происходит в горах.

Рисунок 2. В виде контекста служит исследование, потому что фотограф, изучая эту культуру, приковывает к себе внимание окружающих его информантов, показывая им результаты трудов. Интеракция представлена как обсуждение, а техника – фотоаппарат.

Рисунок 3. Здесь аналогичны параметры контекста, личности, культуры, среды с рисунком 1. Однако, действие трех охотников заметно остается в статике, что демонстрирует их позирирование перед камерой, что более непривычное поведение лиц в этой обстановке.

Рисунок 4. В следующем фотоматериале контекстом выступает «отдых», поскольку вся группа «казахов» и сам фотограф отдыхают в юрте, сидя на корпешках, возле печи. При этом, все предметы быта и есть часть культуры, которое показывает где и как живут представители текущего социума.

Рисунок 5. В доме охотник готовится к фотосессии, где коллективом была выбрана семья, а не группа охотников, так как действие происходит в домашней обстановке, также на снимке фигурирует беркут как символ этой локальной культуры.

Рисунок 6. Сцена с детьми – одна из наиболее важных сигналов для визуальной социологии. Снимок сделан в домашней обстановке, что есть контекст, как личность задействовано лицо фотографа, дети ждут, пока он не зафиксирует документ своим старинным фотоаппаратом.

Рисунок 7. Фотография молодой девушки снятой в доме, что является контекстом, а она позирует, в виде культуры выступает её одежда, а среда обитания – жилище.

Рисунок 8. Сюжет охоты представлен и на этом снимке, где охотники после добычи еды или наоборот, для добычи едут верхом в степи.

Рисунок 9. Фотограф в следующем визуальном материале зафиксировал детей, где личностью является ребенок, они позируют в жилище, где интерьер дома не менее интересен чем информанты.

Фотографии, сделанные в процессе, намного легче описать и интерпретировать, также, коллаборативные снимки информативнее, так как никому не приходится позировать, каждый занимается своим привычным делом: группа фотографов готовится к съёмке, а кочевники любят результаты работы или отдыхают в повседневной обстановке, а не в костюмированном неестественном виде.

Результат таких исследований показал, что в этой культуре предпочтение фотографирования отдается старшему поколению, по гендерным различиям приоритетными остаются представители мужского пола, даже в фотоснимке маленьких детей представлены два мальчика и одна девочка. Во всех визуальных материалах присутствует намек на охотничью культуру, что отражается на верхней меховой одежде или в аксессуарах интерьера (лисий мех, сабля, и т.д.). Также визуальные данные показывают наличие модернизационных процессов: наличие магнитофона, ковров, и современной одежды: пуловеров, шерстяных шапок, и т.д.

Однако, существует несколько обязательных правил работы с этнографическими фотоизложениями. Так, например, документальный фотограф Берри Голдштейн, в своём «All photos Lie: Images as data» аргументирует доводы недоверия к фотографиям как данным исследования. Его тезисы апеллируются на следующих заключениях:

1 «Каждая фотография манипулирует, соответственно не репрезентирует реальность».

2 «Контент зависит от большого количества технических и эстетических выборов фотографа базируемых из его точки зрения (intent) [14, с. 3].

3 «Восприятие зрителем фотографии определяется контентом, восприятием контекстом (intent)» [15, с. 79].

Рисунок 1.

Рисунок 2.

Рисунок 3.

Рисунок 4.

Рисунок 5.

Рисунок 6.

Рисунок 7.

Рисунок 8.

Рисунок 9.

Источник фотографии: Официальный сайт фото-проекта «Before they pass away» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://beforethey.com/> (дата обращения 22.08.2015).

Х.Беккер рассматривая эти нюансы, предлагает следующую конфигурацию верифицирования. Во-первых, материал, имеющий научную сопоставимость с реалиями и информацией, которая доказывает правдивость: знание культуры, традиции и обычаев, нравов и нормах референтного общества – один из ключевых моментов работы с этим инструментарием. Во-вторых, знание социологических теории и концептов, которые используется для интерпретации визуального текста, что помогает закрепить достоверность фактов. Для полевых исследований используется регулярная проверка субъекта или объекта в течении определенного времени. Исследователи при этом записывают все что видят и слышат [11, с. 7-11].

Так как выставленные фотографии были собраны за короткий срок, предполагается, что концепт Джими Нельсон был выбран по стереотипам, которые выдвигались медиа. Тот факт, что казахи жили в юртах и вели кочевой образ жизни, не дает полного права утверждать о такой статике жизненного уклада. В контексте «исчезающих социальных групп» чувствуется стигматизация данного маргинального общества, что влечет за собой нелогичное, безаргументированное понимание. Следовательно, я считаю, что этот фотопроект не может отражать действительность.

Таблица 1. Анализ по визуальной матрице по методу П.Штомпка

Но-мер рис.	Кон-текст	Лич-ность	Дейст-вия	Интерак-ция	Коллек-тив	Культ./ техника	Среда
1	Охота	Охотник	Подго-товка к охоте	Добыча еды	4 охотни-ка	Беркут	Горы
2	Иссле-дова-ния	Фото-граф	Показ резуль-татов	Обсужде-ние	Инфор-манты	Фото-аппарат	Жилище
3	Охота	Охотник	Позиро-вание	Ожидание	3 охотни-ка	Беркут	Горы -
4	Отдых	Фото-граф	Сидят	Общение	Группа так назы-ваемых «казахов»	Печь	Юрта
5	Дом	Моло-дая девушка	Позиро-вание	Фотогра-фирование	Номады	Меховая шапка и шуба	Жилище
6	Дом	Охотник	Фото-сессия	Подготов-ка	Семья	Беркут	Жилище
7	Фото-сессия	Фото-граф	Готовка к фик-сированию	Ожидание	Дети	Фото-аппарат	Дом
8	Охота	Охотник	Едут верхом	Добыча еды	Охотники	Лошадь	Степь
9	Дом	Ребенок	Позиро-вание	Ожидание	Дети	Интерь-ер	Жилище

Заключение

Проект Джими Нельсона акцентируется на социальной проблеме, в которой локальная культура борется за жизнь, постепенно исчезая из этого мира. И эта двусмысленность подтолкнула меня обратить внимание на фотографические образы и контент, содержащийся в медиатексте. Безусловно, как художественный и информативный источник, проект оправдал все ожидания. Однако, существует другая реальность, над которой нужно задуматься, и этот дискурс, в котором важным компонентом выступает этика антрополога, исследователя, посвящается отношениям между фотографом и референтом,

В ходе исследования были использованы разные подходы изучения, в которых фотоматериалы верифицировались по разным стандартам. С начала появления фотоаппарата, визуальные материалы начали использоваться как инструментальный исследо-

вания. Фотографы учились у социологов интерпретировать события, а социологи фотографировать. Джимми Нельсон, переняв на себя роль исследователя, проделал огромную работу, зафиксировав более тридцати локальных культур, заставляющие задуматься о другом мире, о других социальных проблемах, существующих на планете и в то же время он акцентируется на категориях возвышенности прекрасного. Анализ визуальных данных привел к выводу, что коллаборативные фотографии, сделанные без режиссерских идей более информативны, чем те, которые были отшлифованы концептом автора. Фотография не только демонстрирует концепт автора, но и самоопределение положений референтов в обществе. Вот поэтому очень важно понимать и придерживаться этических канонов в коммуникации и показе референтной группы

Список литературы:

1. Личная страница Джимми Нельсона в Твиттере [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://twitter.com/jimmy_p_nelson (дата обращения 02.10.2015)
2. Официальная биография Джимми Нельсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://en.m.wikipedia.org/wiki/Jimmy_Nelson_\(photographer\)](https://en.m.wikipedia.org/wiki/Jimmy_Nelson_(photographer)) (дата обращения 08.09.2015)
3. Официальный сайт фото-проекта «Before they pass away» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://beforethey.com/> (дата обращения 22.08.2015)
4. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности // Работа разных лет. М. – 1996. – С. 117.
5. Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. – 2003.
6. Штомпка П. и др. Визуальная социология // Фотография как метод. – 2013.
7. Бурдые П. Социология социального пространства // М.: Ин-т эксперимент социологии. – 2005.
8. Hall E. T. The silent language. – Anchor, 1973.
9. Zube E. H. Perceived land use patterns and landscape values // Landscape Ecology. – 1987. – Т. 1. – № 1. – С. 37-45.
10. Harper D. Talking about pictures: A case for photo elicitation // Visual studies. – 2002. – Т. 17. – № 1. – С. 13-26.
11. Becker H. S. Photography and sociology // Studies in the anthropology of visual communication. – 1974. – Т. 1. – № 1. – С. 3-26.
12. Znaniecki F. Social actions. – New York: Russell & Russell, 1936.
13. Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture: A critical review of concepts and definitions // Papers. Peabody Museum of Archaeology & Ethnology, Harvard University. – 1952.
14. Rosenblum B. Photographers and their photographs: An empirical study in the sociology of aesthetics. – Northwestern University, 1973.
15. Goldstein B. M. All photos lie: Images as data // Visual research methods: Image, society, and representation. – 2007. – С. 61-81.

UDC 1(091) | DOI: 10.17809/0557468427-16

THE GENESIS OF THE TASAWWUF PHILOSOPHICAL OUTLOOK OF KHUJVIRI

Narziyev, Z. I.^{1*}

¹ Bukhara State University, Bukhara, Uzbekistan.

* Corresponding author: zubaydillojon.narziyev@mail.ru.

CrossMark

Citation: Narziyev, Z. I. (2016). The genesis of the tasawwuf philosophical outlook of Khujviri. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5) London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-16.

Received: February 3, 2016.

Accepted: March 10, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Narziyev, Z. I.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

The article analyses the formation of the philosophical Sufi weltanschauung by the great theoretician of the 11th century Abulkhasan Ali ibn Osman Jullabi Khujviri and his importance in the history of the Sufism. Also, several related works of other prominent Sufi scholars are evaluated according to the contemporary studies.

Key words: Sufism; religious order; perfect man; tasawwuf; philosophical problems; human being.

It is difficult to imagine the history and the philosophy of the people of Orient in the 9th-11th centuries without the concept of Sufism. In the same period, there were many famous Sufis, and the several scientific, historic works related to the theoretical and analytical facets and problems of tasawwuf. One of them is the “Kashf-ul Makhjoob” by the Abulkhasan Ali ibn Osman Jullabi Khudjviri. Khujviri was born circa in the beginning of the 11th century in Ghazna, and according to the sources died in 1072-1076 in Lahore. From the history of the Sufism, it is known that the theoretical foundation of the Sufism was problematic to determine. The main reason is that from the 8th century till the 11th century there was a lot of factions, schools, and parties existing simultaneously. They tried to comment in various ways the problems of the theology.

It is important to mention the contribution of the Khujviri, a devout supporter of the school of the Khanafiyya, part of the sunnism to the concept and the philosophy of Sufism. The main source giving complete information about the life of Khujviri is his main work “Kashf ul-makhjoob li arbab al qulub” [“The opening of the curtain for the owners of the soul”]. The scholar in “Kashf ul makhjoob” mentions several important details of his life, and from these data we can comprehend that he was well aware of the teaching and philosophy of Islam. More than that, he was interested in philosophy and theology, which later become known as tasawwuf. He showed great respect to the famous scholars and the educated people of his native land and studied a lot from them. After that he visited Syria, Iraq, Baghdad, Medina, Fars (Iran), Kuhestan, Azerbaijan, Tabaristan, Khuzestan, Khorasan, and Mawaraunnakhr and became the disciple of the famous people of the Islamic world, while learning a lot regarding these aspects. He approached Islam as a treatment for every illness, as a concept of enlightenment for every obscurity and studied a lot in this issue. Khujviri became famous in Ghazna as a great imam and the scholar, who was well aware of the school of the Sufism. As a person reaching all these degrees and levels, he met with the famous sheikhs of the world and had numerous conversations about these issues.

Consequently, Khujviri’s first scientific journey was to Mawaraunnakhr, where he met several mashayikhs, who became famous as a shaykhs among the populace, the pirs of the tariqas, and had several conversations with them. Such conversations had spiritual-irfani benefits that led Khujviri to Turkestan, where he had a meeting and conversations with Bob Umar. In the chapter “al Kalamu fi zikri karomothim” of “Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub”, there is a story about the meeting of these mashayikhs.

In the chapter eleven of this work he gives complete and precious data on “the imams who lived in the last periods of tabiins.” In this chapter he also talks about the contribution of 64 imams and Sufi sheikhs to the development of Sufism. Consequently Khujviri makes an in-depth analysis of the ideo-theoretical facets of the order of “Khakimiyya” founded by Khakim at Termizi. In the chapter thirteen of the canon, he gives information on Sufis and Sufi scholars,

shaykhs, who lived in several countries, such as Syria, Iraq, Iran, Kuhestan, Azerbaijan, Tabaristan, Kish, Kirman, Khuzestan, Khorasan, Mawaraunnakhr, and Ghazna. It is worth to mention that Khujviri talks in detail about 5 prominent Sufi representatives of Mawaraunnakhr in the chapter "Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub." These representatives are Abu Jafar Mukhammad ibn al-Khusayni al-Kharami, Khoja Abu Mukhammad Bayghazi, Akhmad Ilaqi, Khoja Arif, and Ali ibn Ishak.

Also, Khujviri esteems Termizi in his book. Writing about Termizi, Khujviri mentions that he had written a lot of books, such as "Khatm an nakhd", "Navodir ul usul", "Kitab at tawhid," "Tarikh-ul mashayikh," and "Kitab azab al qabr." The scholar considers Termizi's ethical views and devotes some attention to "Adab ul muridin" ("The book of ethics for disciples") in the chapter twenty three of the "Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub." The teaching of Termizi has a tremendous effect on the formation of sufi-irfani, socio-ethical views of Khujviri. As a proof of our opinion it is worth to mention the following commentaries of the Sufi scholar. Khujviri says about Termizi, "In my view he is great, because my heart is prisoned by him" (8, p. 50). Later the scholar says, "The basis and the rule of the Sufism and ma'rifat is the divination and its proof and all the sheikhs are agreed on it, but Mukhammad bin Ali is better and higher in estimation" (1, p. 256). The Sufi scholar speaks about his master's, Abulfazl Khuttalis, opinion about Termizi, "My shaykh states, Mukhammad (Termizi, Z. N.), is the real precious pearl. In all universe, there is no equivalence like him" (3, p. 140).

As Akhmad Abdullayev, Doctor of Philosophy in Philology confirms, "The Tarikh-ul mashayikh" by Termizi is mentioned in no sources but the book "Khujviri Kashf ul-makhjoob li arbab al qulub." This book is the first sufi-philosophical source nourishing the Sufi views of Khujviri. In this book, the information on the Sufi scholars who lived in the 6th -9th centuries is given. He introduced the concept of vali to the tasawwuf (2, p. 18). Our compatriot Khakim at-Termizi has in-depth theoretical analysis on the qualities of vali, the status and the degrees of vali. In his views, in order to reach the Truth, there is a third thing besides knowledge and the reason - the divine one - vali (5, p. 35). The book "Khatm ul-anbiya" by Khakim at-Termizi is the first short volume devoted to the problems of valayat and vali, in this place the themes of degrees of vali, khatm ul-avliya are thoroughly analysed (5, p. 64). There are scarce sources which give complete, precise, and trustworthy information about the life of Khakim at-Termizi.

One of these reliable sources, "Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub" by Abulkhasan Khujviri was written in the 11th century. In this book, the Sufi scholar pays great attention to the tariqat of "Khakimiyya" and the activities of the members of this tariqat. It is obvious that the sheikhs, the pirs of tariqat, imams, and the Sufi scholars occupy the most important place in the formation of the weltanschauung and the teaching of Khujviri. It is worth mentioning that the cities like Bahdad, Basra, Balkh, Nishabur, Bukhara, and Termiz are important as the centers of tasawwuf and tariqats. Universally famous Sufi scholars and first tasawwuf tariqats were formed there. The Sufi scholar tried to acquire all the knowledge existing in his epoch. He learned tasawwuf under the supervision of Abul Fazl al-Khuttali, who was the supporter of the "sakhf" (abstinence) rationalistic teaching founded by Junaid Baghdadi. From this point we can conclude without doubt that Khujviri was also the supporter of the Junaidiyya tariqat. The sufi scholar, at the same time with making forward the main concepts of the tasawwuf tariqat, was learning the ethics of tariqat.

Pir Muhammad Karam Shah, who has written the foreword to the English edition of "Kashf ul-makhjoob li arbab al qulub" in Lahore, determines the chain of Baiyyat (trust or fidelity) in the following way: "Khujviri is the disciple of Khazrat Sheikh Abul Fazl bin Khasan Khuttali; Sheikh Abul Fazl is the disciple of Sheikh Abul Khasan Khusri; Khusri is the disciple of

Abu Bakr Shibli; Shibli is the disciple of Khazrat Junaid Baghdadi; Baghdadi is the disciple of Sheikh Sari Saqati; Saqati is the disciple of the Sheikh Ma'ruf Karkhi. Karkhi was the disciple of Khazrat Davud Tain, who was the disciple of Khazrat Khabib Ajami. Khazrat Khabib Ajami was the disciple of Khazrat Khoja Khasan Basri, who was educated under aegis of Khazrat Ali (r.a.), who was under the spiritual protection of the great prophet Khazrat Muhammad Mustafa (s.a.v.)" (7, p. 47).

Khujviri specially mentions Sheikh Khazrat Khuttali in "Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub" and tells the following: "He is the ornament of the *avtad* (representatives of tariqat) and is the leader of the fair people, who are the followers of Islam. I have high estimation about him in the world of the tariqat. In tasawwuf, he followed the path of Khazrat Junaid Baghdadi, became the fidel-trustworthy disciple of Khazrat Sheikh Khusri. We can also add that, our famous grandfather Alisher Navai gives the following opinions from the tongue of Khujviri in his "Nasayim-ul mukhabbat": In tariqat I follow him. He was the scholar in the field of tafsir (commenting Quran) and narration. He was the disciple of Khusri and holder of his secrets, akran of Abu Amr Qazvini and Abulkhusayn Salbih. He lived for sixty years far from people and most part of his life spent in the Lugham Mountains. He lived a long life and was the holder of the prediction; he was not wearing clothes of the Sufis. And I cannot see any people better than him" (4, p. 214).

In order to reach his main target, perfection Khujviri was in the service of the sheikh (Abulfazl Khuttali- Z.N.) until his last breath, when his master was passing away (leaving this world), the head of the master was on the knees of Khujviri. It means that the perfect disciple had a deep reverence and devotion for his master. The Sufi scholar determines the Khuttali as the leader of the inner secrets. In each chapter of the "Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub", writing like commenting in several places, he uses the views of his master in order to confirm his some sufi-philosophical problems.

Besides Khuttali the Sufi scholars, Khujviri studied under the supervision of several other Sufi scholar and sheikhs. While counting the names of the masters who taught him, he shows his high appraisals for them. One of them was Sheikh Abul Abbas Amad bin Muhammad Al-Ashkani. There is a lot of written regarding this issue in "Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub." Alisher Navai in "Nasayim ul-mukhabbat" says, "His name is Akhmad b. Muhammad. He was the imam in the usulu furu, in the science of ulum; he had seen a lot of the sheikhs." According to information provided by Navai, Khujviri admired the teaching of Abulabbas Ashqani. Also, the Sufi scholar brings information about Abulabbas Shaqani in several places of "Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub" and states that he studied tasawwuf sciences from him. In addition to the Sufi scholars and sheikhs, Khujviri studied the science of Tasawwuf under the supervision of Abulqasim Gurgani, Muzaffar Khamdan, and Abulkarim Qushayri. Besides that, during the lifetime of Khujvir, the development of the concrete and natural sciences was flourishing in the countries of Orient. The activities by scientific academies, the support of the Greek philosophy, and the culture of the Arab caliphs affected the weltanschauung and the thinking of the ethnicities, which lived in that period.

The activities and studies by Musa al Khorezmi, Akhmad al Ferghani, Abu Nasr Farabi, Abu Raykhan Biruni, Abu Ali Ibn Sina, and other scholars and encyclopedic scientists can serve as proof of our opinion. These scientists influenced the development of various directions of the Muslim epistemology and gnoseology and became the base for the acquaintance of the Orient with the Greek peripatetism. This situation was not left without attention from the Khujviri. In several places of "Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub," the author brings information in this issue.

Many East and Western scholars and researchers highly appreciated the role of Khujviri as a representative of the tasawwuf. For instance, the teaching of Khujviri is studied thoroughly by the Russian orientalists, such as Y. E. Bertels, V. Jukovsky, A. Knish, I. Shakh, S. M. Prozorov, V. V. Lavsky, L. Yakovlev, I. S. Nasirov, N. I. Prigarina, and A. Orlov. They all illuminated the role of Khujviri in the world of tasawwuf. Western scholars of tasawwuf and orientalists. such as D. J. Trimmingham, A. Schiimmel, A. Korben, A. Arberry, Karl W. Ernst, R. Nicholson, and several others, have analysed Khujviri and his valuable, multifaceted ideas. The Russian orientalist A. Orlov has translated “Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub” from English to Russian and edited for the attention of the wide public in 2004. R. Nicholson for the first time translated “Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub” to English in 1911. Here R. Nicholson mentions the name of Abu Nasr Sarraj as having deep impact in the weltanschauung of Khujviri besides above-mentioned scholars. The tasawwuf legacy of Khujviri is also studied by the Turkish researchers. Khasan Kamil Yilmaz, Osman Turar, and Suleyman Uludag have studied the teaching of Khujviri and the ideas analysed in “Kashf ul- makhjoob li arbab al qulub.”

In conclusion, there several main points in the formation of the tasawwuf-philosophical weltanschauung of the Khujviri:

- First, the role of the Sufi scholars, who lived in first periods of tasawwuf, especially the sheikhs lived in Central Asia, was inestimable in the formation of the tasawwuf-philosophical weltanschauung of the Sufi scholar.

- Second, during the period which is analyzed in the aforementioned paragraphs. there were various ideas and philosophical factions existing in the socio-spiritual and cultural life of the society. The existence of such ideo-philosophical schools and factions, the religious diversity, and especially the existence of various sects (shariah, kalam, mutazila sects), influenced the formation of the weltanschauung of Khujviri.

- Third, during the period in which Khujviri was living and writing at the same time with the development Islamic theology and peripatetic philosophy, concrete and natural sciences developed rapidly. More than that, also their representatives had serious contradictions and confrontations with the mutakallims occupied with the Islamic theology, muta'zilis, qadaris, kharijis, the representatives of the science of shariah, which, in turn, attracted the views and weltanschauung of Khujviri, influencing his life path, tasawwuf-irfani, philosophical, and cultural legacy.

References

1. Ansari, Q. (Ed.). (n.d.). *Abulkhasan A. Osman al-Jullabi al-Khujviri al Ghaznavi: Kashf ul-makhjoob*. Teheran.
2. Abdullayev, A. (2007). *Tasavvuf va uning namoyandalari: Ilmiy-ommabop risola*. Termiz.
3. Al-Hudjviri, A. (2004). “Raskritiye skritogo za zavesi”: Stareyshiy traktat po sufizmu (Trans. A. Orlova). Moscow: Yedinstvo.
4. Navai, A. (2001). *Nasayim ul mukhabbat*. Tashkent: Fan.
5. Uvatov, U. (2001). *Al-Khakim at-Termizi*. Tashkent: Ma'naviyat.
6. Uvatov, U. (2005). *Ikki buyuk donishmand (Abu Iso at-Termizi, Al Khakim at Termizi)*. Tashkent: Sharq.
7. Al-Makhjub, K. (2001). *Hazrat Ali bin Usman al-Khujviri (R.A.)*. Lahore-Karachi: Zia-ul Quran Publications.
8. Yakovlev, L. (2003). *Sufii: Voskhojdeniye k istine*. Moscow: Izdatelstvo Eksmo.

THE VIEW OF THE INDIANS OF NORTH AMERICA ABOUT THE FEAT

Popov, M. E.^{1*}

1 Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia.

* Corresponding author: mr.popov1234@list.ru.

CrossMark

Citation: Popov, M. E. (2016). The view of the Indians of North America about the feat. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice*. London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-17.

Received: February 21, 2016.

Accepted: March 29, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Popov, M. E.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИНДЕЙЦЕВ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ О ПОДВИГЕ

В статье сделана попытка рассмотрения такого явления как подвиг в представлении индейцев Северной Америки. Подвиг представлял из себя важную составляющую в военной концепции индейцев Северной Америки. Его изучение позволяет разобраться в причинах бесконечных межплеменных войн у индейцев. В рассмотрении характерных особенностей подвига сделан акцент на выявление его влияния на различные стороны повседневной и военной жизни индейских племён, в частности на социальный статус мужчин в племени, на его роль в военном походе. Также сделана попытка выявления причин ментального характера, побуждающих индейцев Северной Америки совершать подвиг, как в крупных войнах, так и в небольших рейдах. Кроме того рассмотрена система и градация подвигов у индейцев, определена степень важности в восприятии индейцев каждого из приведённых во внимание подвигов. Сделана попытка выявления связи индейского подвига с ярко-выраженным индивидуализмом, обуславливающим стремление война к свершению подвига, вопреки стратегическим правилам. Помимо всего прочего, подвиг определял характер военной системы индейских племён. Рассмотрен характер влияния подвига на исход военных действий индейских племён с армией США.

Ключевые слова: подвиг; индеец; воинский индивидуализм; война; военная концепция; «ку».

Анализ военных действий между индейскими племенами и армией США показывает, что индейцы вряд ли могли отстоять свою независимость: людские и материальные ресурсы были несравнимы. Но они могли бы дольше продержаться на своей территории, если не ряд факторов, которые повлияли на конечный исход борьбы. Помимо, безусловно решающего экономического фактора, необходимо выделить ряд ментальных аспектов, обусловивших их специфическое отношение к войне.

К основным особенностям военной концепции индейцев относится понятие подвига. Для достижения определенного положения в племени от индейца требовалось совершить ряд конкретных подвигов [1, с. 34]. Воины, совершившие четыре величайших подвига, и принимавшие участие во всех типах военных действий назывались катэйсопан. К четырем величайшим подвигам относились: посчитать первый «ку»; атаковать врага, прикрывая отступление соплеменников; спасти соплеменника от

атакующих врагов; в одиночку атаковать лидера вражеского отряда, пока не начался всеобщий бой [1, с. 36].

Система военных подвигов является важной составляющей для степных племён Северной Америки. В частности, воинам из племени чайенов подвиг в решающем сражении позволял стремительно подняться в военной иерархии племени [2, с. 47].

Больше, чем захват территории и убийство противника индейцы ценили достойное поведение в бою, которое казалось европейцам полным безумием, но свидетельствовало о надежной поддержке духов-покровителей. В частности, даже в самом ожесточенном сражении индейцы стремились зафиксировать и посчитать «ку». «Ку» можно было получить, к примеру, коснувшись врага рукой, копьем или специальной палочкой. При этом убить врага было совсем не обязательно. Интересные сведения, касающиеся важности данного подвига содержатся в мемуарах Мато Нажина. Когда воины сиу выходили на военную тропу против пауни, отец юного Мато Нажина сказал ему следующее: «Мне хочется, сын мой, чтобы ты поскакал в лагерь врага. В руках у тебя не должно быть никакого оружия – ты будешь держать только длинную тросточку. Я тебя провожу к самому лагерю неприятеля. И когда на рассвете кто-нибудь выйдет из своего типа, догони его и коснись своей палочкой, а потом – стремглав через весь лагерь в обратный путь» [3].

Прикосновение к живому врагу в ходе сражения, по мнению Гриннеля, являлось самым значительным в ряду выдающихся подвигов. Некоторые воины брали с собой длинный шест вместо оружия, стремясь сделать как можно больше таких прикосновений. Индеец в этом случае, как правило, погибал. Зная о почти гарантированной своей гибели, он заявлял перед сражением, что решил умереть, чтобы остаться в памяти своих родственников и друзей храбрым воином [4, с. 153].

После боя происходила церемония объявления засчитанных «ку», на которой не редко происходили споры среди воинов. Для доказательства своего подвига воин подходил к священным предметам, среди которых был череп бизона и стрелы, и стоя над ними с протянутыми к небу руками говорил: «Ma i yunasts' niah' tu» - «Священные силы, выслушайте меня». Затем воин прикасался к предметам, говоря «Naniit' shu» - «Я коснулся их». После этой клятвы он добавлял: «Если я говорю неправду, пусть меня настигнет пуля в чужой стране», - и дальше в подробностях рассказывал о том, как он атаковал врага и как прикоснулся к нему. Затем приглашались воины, засчитавшие на том же убитом враге второй и третий «ку», и каждый из них подробно описывал свой подвиг. Те воины, которые давали ложную клятву, по мнению Шайенов наказывались духами, в связи с чем, некоторые воздерживались от произнесения клятвы, если сомневались в своих суждениях [4, с. 154].

К середине XIX века подсчет «ку» стал, скорее, формальным элементом боевых действий, чем реальным проявлением храбрости в опасной для жизни ситуации. И действительно, у некоторых племен коснувшийся врага первым удаивался большей похвалы, чем убивший его. Было уже сказано, что «ку» можно было посчитать на мертвом враге, и кто его убил – не имело значения. Рассказывают, как один из индейцев заработал славу, спустив с возвышенности веревку, коснувшись ею беспечного врага [1, с. 60].

Помимо «ку» у индейцев кроу подвигом считалось отобрать оружие у врага в рукопашной схватке (после этого победитель мог украсить свою одежду хвостами горносталя), увести лошадь, привязанную у жилища врага (удачливый воин крепил к шее своего скакуна веревку, завязанную узлом), быть предводителем в успешном набеге. Кроу по имени Без Большеберцовой Кости, перечисляя свои подвиги, добавил, кроме

вышеназванных, свое ранение в бою, убийство в бою лошади врага, убийство в бою противника, а также убийство преследующего противника: «сиу преследовали меня, и я застрелил одного из них» [1, с. 64-65].

Каждый индейский воин, по словам Секоя, стремился, в первую очередь, удовлетворить своё эго, подчеркнуть значимость собственного «я» [5, с. 1], что и заставляло его использовать любую возможность для свершения подвига. Не стоит забывать, что подвиг давал возможность продвигаться по социальной лестнице своего племени. Представление индейцев о подвиге, стремление совершить подвиг, являлись, своего рода сильнейшим катализатором межплеменных войн.

Следующей особенностью военной концепции индейцев, которая тесно переплетается с пониманием сути индейского подвига, является ярко выраженный индивидуализм. Именно индивидуализм обуславливал отсутствие общего командования в племени, разногласия и в племени и между племенами даже в минуту сильной опасности, а также отсутствие дисциплины в европейском ее понимании.

Индивидуализм индейца Равнин в общих чертах напоминает психологию западноевропейского средневекового рыцаря, стремившегося продемонстрировать, прежде всего, свою личную отвагу, даже в ущерб общему делу. Примечателен случай, произошедший в 1857 году с отрядом конокрадов из племени кроу. Кроу, совершая далекий рейд по чужим землям, обнаружили лагерь сиу. Предводитель отряда выслал разведку. Однако лазутчик не справился с задачей: увидев понравившихся ему лошадей, он забыл обо всем, угнал их, а в ответ на справедливый выговор со стороны предводителя предложил тому отобрать себе любых из уведённых лошадей. Но предводитель отряда отказался от предложенной доли, желая самолично захватить добычу. С ним были согласны и другие воины, но не разведчик, который был удовлетворен трофеем и отправился домой, бросив собратьев. Их судьба была незавидной: при попытке проникнуть в лагерь кроу были замечены и перебиты воинами сиу, которые заметили к тому времени пропажу и своевременно организовались. Стоит ли удивляться, что в индейских войнах редко срабатывала тактика засады: в отряде всегда находился юный смельчак, рушивший планы – намеревавшийся показать соплеменникам свою удалость и первым посчитать «ку», захватить лошадей или убить противника [6].

Об отсутствии дисциплины и согласованности действий в бою свидетельствует рассказ Железного Ястреба о битве на Роузбад. В разгар сражения «неожиданно впереди я заметил дымок, который струился из глубокого оврага, там, где протекает ручей. Подбежав к оврагу, я увидел внизу троих дакотов. Они подстрелили бизона и прямо здесь пировали, пока вокруг, на холмах, бушевало сражение» [7].

Видимо по этой причине большинство индейских военачальников были не способны сплотить даже свое племя, тем более создать союз племён. Они не могли постоянно поддерживать дисциплину среди своих воинов. Ситуация усугублялась и тем, что многие из вождей стали жертвами подкупа, либо запугивания со стороны белых. Исключения составляли такие личности, как Сидящий Бык, Красное Облако, Бешеный Конь, которые являлись вождями племени сиу и имели большой авторитет среди своих соплеменников и среди других племён, что позволило этим вождям объединить разрозненные племена, и дать отпор войскам США. Однако, несмотря на то, что эти вожди внесли неоценимый вклад в борьбу с армией США, индейцы Великих равнин не смогли отстоять свою независимость и сохранить территориальную целостность. К концу XIX века индейские войны закончились полным поражением краснокожих: племена были уничтожены или загнаны в резервации, оказавшись там в полной зависимости от государственных структур США и Канады. Помимо превосходства белых в

материальных и людских ресурсах, свою немаловажную, на наш взгляд, роль сыграл ментальный фактор, а именно – представление индейцев о подвиге и войне.

Ирокезы, в отличие от племен Великих равнин, имели достаточно стабильное и эффективное верховное командование в лице двух выборных вождей. Однако их функции, по мнению Л. Г Моргана, ограничивались лишь планированием боя и самым общим руководством, а также устранением разногласий между рядовыми вождями отрядов. Что касается самого сражения, то там инициатива была в руках младших командиров и рядовых воинов. Война благодаря этому превращалась в личное приключение многих индейцев, либо сражавшихся в одиночку, либо организовывавших свой небольшой отряд и выступавших в любом направлении против врага [8, с. 303].

Военная система ирокезов приносила победы над более слабыми и неорганизованными индейскими племенами. Но их военное могущество было подорвано в постоянных войнах с дисциплинированными и хорошо вооруженными европейскими армиями. Разгромный удар по Лиге ирокезов нанес генерал Салливан, опустошивший их селения в ходе Американской революции [9, с. 69].

Успех Салливана был обусловлен, помимо преимуществ военной системы армии США, стратегическим расчётом, дисциплиной и согласованностью военных действий. Данные аспекты не входили в военную концепцию ирокезов. Их отсутствие явилось одной из ключевых причин поражения ирокезов в войне с белыми.

Таким образом, принятая у индейцев система военных подвигов позволяет считать индейскую войну, прежде всего, состязанием воинов, а не мероприятием, направленным на получение политических и экономических выгод. Индивидуализм как важнейшая составляющая психологии воина не позволял племенам Равнин создавать устойчивые и действенные военные союзы, что самым негативным образом сказывалось на их борьбе с европейскими армиями. Некоторым исключением можно считать военную организацию ирокезов, однако и их Лига не могла сдержать натиск армии США. Одной из основных причин поражения индейцев следует считать их специфическое отношение к войне.

Список литературы:

1. Стукалин Ю. Хороший день для смерти / Стукалин Ю. – М.: Гелиос, 2005. – 384 с.
2. Wishart. D. Encyclopedia of the Great Plains Indians.- Nebraska.: Lincoln I London, 2007.- 252 s.
3. Мато Нажин. Мой народ Сиу. Мемуары вождя племени тетондакотавоиглала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mezoamerica.ru> (дата обращения 29.08.15)
4. Grinnell G. B. The Cheyenne Indians. Their history and lifeways. - New York: World wisdom, 2008.- 293 s.
5. Secoy F. R. Changing Military Patterns on the Great Plains (17th Century - Early 19th Century).- New York.: J.J.Augustin, 1953.- 61 s.
6. Военные походы индейцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://westernfilm.ru> (дата обращения 30.08.15).
7. Говорит Чёрный лось, история жизни святого мужа из племени оглала сиу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mezoamerica.ru> (дата обращения 29.08.15).
8. Морган, Л. Г. Лига ходеносауни, или ирокезов / Л.Г. Морган. – М.: Наука, 1983.- 303 с.
9. Graymont B. The Iroquois (Indians of North America). – Philadelphia.: University of Wisconsin-Madison, 2005.- 144 s.

PHYSICAL CULTURE AS AN IMPORTANT COMPONENT OF THE COMPETITIVENESS OF THE FUTURE ARCHITECT

Ryazantsev, A. A.,¹ & Petunina, S. M.^{1*}

1 Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering, Astrakhan, Russia.

* Corresponding author: Sveta1526@mail.ru.

Citation: Ryazantsev, A. A., & Petunina, S. M. (2016). Physical culture as an important component of the competitiveness of the future architect. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-18.

Received: February 4, 2016.

Copyright: Ryazantsev, A. A., & Petunina S. M.

Accepted: March 19, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА, КАК ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНКУРЕНТНОСПОСОБНОСТИ БУДУЩЕГО АРХИТЕКТОРА

В статье рассматривается роль физической культуры для совершенствования профессионально важных знаний, навыков и умений будущего архитектора.

Ключевые слова: физические качества; учебный процесс; средства, формы и методы физического воспитания.

В настоящее время важнейшую роль в учебном процессе подготовки студентов к производственной деятельности играет профессионально-прикладная физическая подготовка (ППФП), как одно из основополагающих направлений в системе физического воспитания.

ППФП ставит своей целью формирование прикладных знаний, совершенствование физических и специальных качеств, умений и навыков, имеющих профессионально важное значение, а также способности адаптироваться к условиям производственной и внешней среды. Вопросам ППФП в высших учебных заведениях строительного профиля посвящен целый ряд работ: Кабачков В.Л., 1997-97; Ильинич В.А., 1978-90; Жидких В.П., 1988-90; Зуев С.Н., 1991-99; Сигов Н.Д., 1998; Каравашкина О.В., 2000. Но учебный процесс по подготовке конкурентоспособного архитектора требует более пристального внимания, так как перечень профессионально важных психофизических качеств этой творческой профессии недостаточно изучен и определен. Также требует более тщательной разработки научно обоснованные формы, средства и методы физического воспитания данной категории студентов. Немаловажен и тот факт, что в основах Законодательства РФ о физической культуре и спорте, а также в требованиях программы «ФГОС+З», физическая культура представлена в ВУЗах, как учебная дисциплина и важнейший компонент развития личности. Необходимый и достаточный минимум развития профессионально важных качеств и функций должен определяться параметрами модели и уровнем значимости для обеспечения профессиональной пригодности. Потому актуальным является изучение и подбор научно обоснованных форм, средств и методов физической культуры для воспитания и коррекции профессионально важных физических качеств и функций. Значение ППФП, включённой во

все разделы программ по физическому воспитанию в том, что уровень развитая профессионально важных качеств к моменту получения диплома будет максимально приближен к параметрам модели [2].

Для начала определимся, кто же такой архитектор, что входит в его обязанности, какими качествами и способностями он должен обладать? «Архитектор-специалист, который осуществляет архитектурное проектирование, разрабатывая в том числе объемно-планировочные и интерьерные решения»[4]. Когда идет речь о воспитании молодых архитекторов, то ВУЗ должен помнить о том, что будущие архитекторы должны быть не только высокопрофессиональными специалистами, но и людьми высокой культуры, широкого кругозора. Физическая культура, которой мы посвятим значительную часть нашей публикации, также является важной составляющей общей культуры человека.

Академик В.Веснин был глубоко убежден, что будущему архитектору в первую очередь должны быть интересны такие дисциплины, как живопись, скульптура, поэзия, музыка [1]. Особенно значимым для архитектора является владение живописью и рисунком, так как для него они являются средствами выражения своей мысли. Неспособность выразить идею на бумаге делает ее нереализованной. Также важным качеством для архитектора является пространственное мышление, претворяющее в жизнь решения практических и творческих задач. Это качество крайне необходимо студентам при изучении таких дисциплин как начертательная геометрия, сопромат, архитектурные конструкции и некоторых других. Пробудить любовь к искусству, воспитать вкус на прекрасных образах зодчества, развивать творческие способности будущих архитекторов и направлять их в нужном направлении первостепенная задача в подготовке архитектора в ВУЗе. В поле зрения студента должны быть книги по архитектуре, искусство, библиотечные новинки.

Период обучения в ВУЗе должен быть насыщен посещением музеев, выставок и экскурсий для знакомства и изучения отечественных памятников архитектуры и путей ее исторического развития. Сложность обсуждаемой проблемы еще и в том, что будущий архитектор должен профессионально знать все виды строительных работ, их последовательность, представлять полный цикл процесса стройки и его организацию, включая транспорт и механизацию. Для молодого архитектора немаловажным должны быть архитектурные качества фактуры, цвета и поверхности строительных материалов, таких как кирпич, камень, бетон, различные виды дерева и т.д., а также их строительные и физические качества. Достижения современных строительных технологий также должны быть известны архитектору, который должен хорошо представлять себе работу конструкций и методику их расчета. «Архитектор, незнающий строительства, неполноценный архитектор» [1].

Анализ литературных источников; педагогические наблюдения; хронометраж профессиональной деятельности опытных архитекторов, имеющих стаж работы от 10 до 30 лет, опрос, беседа; анкетирование- позволило определить, что будущий архитектор помимо творческих навыков, также должен обладать высокой степенью развития статической выносливости, быстротой зрительно-моторной реакции, глазомером, точностью движений, переключением внимания, оперативной памятью и устойчивостью к стрессовым воздействиям[1]. Также архитектору важно обладать хорошей памятью, быть ответственным и внимательным, потому как любая ошибка при проектировании может привести к непредсказуемым и даже опасным для жизни людей последствиям. К важным профессиональным качествам необходимо отнести трудолюбие, усидчивость, выносливость. Большие требования выполняема работа предъ-

являет к быстроте движения рук и координации движений[5]. Будущий архитектор также должен обладать и профессионально важными качествами инженера-строителя: обей выносливостью, быстротой движения, силой, выдержкой, решительностью, коммуникабельностью, самообладанием.

Данные проведенного нами исследования показали, что производственный процесс архитектора характеризуется малоподвижной рабочей позой, напряжением нервно-мышечного аппарата и центральной нервной системой. По результатам анкетного опроса проанализировано также состояние *здоровья* специалистов-архитекторов и причины возникновения *профессиональных* заболеваний. К ним относятся: заболевания органов зрения, костной системы (нарушение осанки, радикулит, остеохондроз, *проблемы* суставов и т.д.), нарушения сердечно-сосудистой системы. В зависимости от стажа работы заболевания органов зрения колеблются от 13.1% (*стаж 1-10 лет*), до 40.4% (*стаж 11-20 лет*); заболевания костной системы достигали 36.3%; сердечно-сосудистой - 43.5% [3]. *Основными* причинами заболеваний являются гиподинамия, так как 82% рабочего времени архитекторы находятся в сидячем положении, недостаточная вентиляция воздуха в помещении, что приводит к кислородному голоданию головного мозга и быстрому утомлению; напряжение зрительного анализатора; эмоциональное выгорание и стресс; постоянное и монотонное напряжение мышц рук, плечевого пояса и спины. Условия производственной деятельности архитекторов приводят также к возникновению простудных заболеваний, а малоподвижная поза при работе приводит к возникновению варикоза, застойным явлением в области малого таза, к нарушениям осанки. Архитектору также необходимы хорошо развитые мышцы спины, поддерживающие позвоночник[3].

Освоению профессии на всем периоде обучения в ВУЗе и дальнейшему профессиональному совершенствованию способствует определенный и достаточно высокий уровень физической подготовки. Исходя из вышеперечисленных факторов и требований к физическим, психофизическим и функциональным качествам и способностям, учитывая творческий характер деятельности будущего архитектора, нами осуществлён комплексный, научно-обоснованный подбор упражнений и видов спорта для внедрения в учебный процесс профессионально-прикладной физической подготовки.

Для развития быстроты движений необходимы упражнения в беге спринтерского характера, челночный бег, старт из неудобных положений (лёжа, сидя, спиной вперед), выполнение упражнений с заданным ритмом и темпом, пальчиковая гимнастика, танцевальная гимнастика и общеразвивающие упражнения под музыкальное сопровождение. Большое значение для развития скоростных качеств и ловкости имеют спортивные игры и единоборства[2]. Также для совершенствования ловкости рук рекомендуется упражнения с предметами (мячи, обручи, булавы, ленты).

Для развития силы мышц и укрепления мышечного корсета спины, формирующего правильную осанку, рекомендуются упражнения с *отягощением собственного* веса, упражнения с гантелями, упражнения на гимнастической скамейке с предметами, такими как набивные мячи, блины от штанги, упражнения на тренажерах. Оптимально проводить их по методу круговой тренировки. Довольно высокий уровень развития силы выявлен у студентов, занимающихся волейболом и баскетболом, при условии дополнительных занятиях в тренажерном зале и упражнений для развития прыгучести. Научно обоснованными видами спорта для развития силы и мышц спины являются гимнастика, плавание и единоборства.

Единоборства, внесенные в 2016 году в комплекс ГТО, развивают физические и специальные способности, ловкость, вестибулярную устойчивость, оперативное

мышление, внимание и эмоциональную устойчивость. Особенно необходимо выделить спортивные игры (баскетбол, *волейбол*, *футбол*, настольный теннис), развивающие до необходимого *уровня* профессионально важные качества будущего архитектора. За счет эмоциональности эти виды спорт снимают нервную напряженность (стресс) и *утомляемость*, совершенствуют двигательные качества и дифференцировку *мышечных* усилий, улучшают умственную и физическую работоспособность, *улучшают* оперативное мышление, внимание и память, а командные *действия* в игре способствуют воспитанию коллективизма, *коммуникабельности*, волевых усилий, организаторских способностей.

Упражнения из раздела гимнастики формируют и корректируют правильную осанку, способствуют совершенствованию силовых, скоростно-силовых и координационных качеств, улучшают гибкость, формируют морально-волевые качества (смелость и решительность при оправданном риске, формирую функцию памяти и внимания).

Плавание способствует укреплению дыхательной и сердечно-сосудистой систем, совершенствует координацию движений, улучшает выносливость и быстроту движений, способствует не только снятию стресса, но и является хорошим средством профилактики профессиональных заболеваний. Наиболее высокий уровень развития такого профессионально качества, как выносливость, наблюдается у студентов, занимающихся лёгкой атлетикой и плаванием (в условиях Астраханской области, где отсутствует лыжный спорт).

Научно-обоснованными для совершенствования координации движения являются упражнения со сменой исходного положения и направлений, одноименные и разноименные упражнения. Также рекомендуется частые чередования темпа и ритма в танцевальных связках на 32 и 64 счета («Барыня», «Кадриль»).

Для совершенствования глазомера обоснованными являются упражнения с точностью попадания теннисным мячом в цель, дартс и броски мяча в баскетбольное кольцо. Для развития внимания рекомендуется строевые упражнения и перестроения, спортивные игры и танцевальные упражнения в стиле народного танца и классики для чередования быстрого и медленного темпа. Также эффективны элементы хореографии у опоры. Для улучшения качеств гибкости научно-обоснованным является стрейтчинг (растяжка из “положения стоя, наклоны, выпады, махи ногами”); сидя (наклоны вперед, в стороны, с помощью партнера). Подбор практически всех упражнений осуществляется для возможности их выполнения самостоятельно и в домашних условиях, а также для проведения производственной гимнастики в процессе учебного дня.

Сравнительный анализ результатов тестирования физических качеств позволяет сделать вывод, что внедрение в учебный процесс легкой атлетики, спортивных игр, элементов гимнастики и строевых упражнений, единоборств, плавания и элементов танца являются необходимыми и достаточными средствами формирования профессионально важных качеств и функций инженеров строительного профиля и будущих архитекторов.

Список литературы:

1. Веснин В. Каким должен быть архитектор // Архитектура СССР. 1938, №6, стр 6-14
2. Каравашкина О.В. «Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов в ВУЗах строительного профиля» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/professionalno-prikladnaya-fizicheskaya-podgotovka-studentov-v-vuzakh-stroitel'nogo-profilya> (дата обращения: 10.02.2016).

3. Колокатова Л.Ф. Дифференцирование профессионально-прикладной физической подготовки студентов архитектурно-строительного профиля с использованием компьютерных технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/differentsirovanie-professionalno-prikladnoi-fizicheskoi-podgotovki-studentov-arkhitektuno> (дата обращения: 10.02.2016).

4. Какие качества нужны архитектору? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kakprosto.ru/kak-888162-kakie-kachestva-nuzhny-arhitectory> (дата обращения: 10.02.2016).

5. Библиотека международной спортивной информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bmsi.ru/doc/9Se725e3-4403-4713-90ce-8772e08bdbe1> (дата обращения: 10.02.2016).

UDC 111.85 | DOI: 10.17809/0557468427-19

HAIR AS A DOMINANT COMPONENT OF THE EVERYDAY CULTURE

Svetlichnaja, I. V.^{1*}

1 Russian State Professional Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. * Corresponding author: irisvetlichnaja@mail.ru

CrossMark

Citation: Svetlichnaja, I. V. (2016). Hair as a dominant component of the everyday culture. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-19.

Received: February 3, 2016.

Accepted: March 19, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Svetlichnaja, I. V.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

ПРИЧЕСКА КАК ДОМИНАНТНЫЙ КОМПОНЕНТ СЕМИОТИКИ ОБРАЗА В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье говорится о значимости прически в семиотике внешнего образа человека, формируемого с учетом всего контекста актуальной визуальной культуры. Проводится сравнительный анализ внешних образов в повседневной культуре, позволяющий выявить популярные визуальные стилевые приемы и элементы. Также проводится сравнительный анализ семиотических визуальных характеристик причесок популярных стилей. В результате прическа определяется как компонент, влияющий на смену семиотики образа при спонтанной незапланированной реорганизации формы и элементов. Данное влияние прически проявляется в трансформации семиотики костюма и образа с учетом стиля и назначения прически. Это позволяет выявить приемы кодирования семиотики образов в виде имитации и символизма, выбор которых зависит от стилового решения визуализации образа. Дан анализ таких приемов кодирования семиотики причесок, как тождество, нюанс и контраст, влияющих на формирование назначения причесок. Визуализация назначения и стилового решения проявляется через комбинацию таких визуальных элементов, как форма, линии и цвет. При помощи данных элементов выявляется доминирующая роль семиотики причесок в создании повседневных образов. Изучение знаковой кодировки прически способствует повышению значимости семиотики прически в культуре повседневности и определению прически как доминирующего семиотического компонента визуализации образа человека.

Ключевые слова: прическа; семиотика; стиль; назначение; компонент; прием; имитация; символизм; тождество; нюанс; контраст.

Одним из интересных направлений исследования культуры повседневности является изучение семиотических аспектов внешнего образа человека. Внешний образ является средством коммуникации, а потому системой кодов, передаваемых другим с их помощью значений. В современной визуальной культуре яркими семиотическими компонентами являются костюм и прическа. Семиотика данных компонентов находится в прямой зависимости друг от друга и влияет на стилевое решение и\или назначение внешнего образа.

Самыми востребованными стилями в формировании образа являются классический, романтический, фольклорный и спортивный, в связи с тем, что их семиотика эмоционально понятна многим представителям общества, вне зависимости от социокультурных предпочтений. Данные стили символизируют: классический – силу и власть, романтический – свободу и пластичность, фольклорный – самобытность и гармонию природы, спортивный – силу духа и движение, авангардный – нереальность и неординарность [2, с. 236-237].

Любое стилевое решение находится в прямой зависимости от назначения образа. Наиболее востребованными в современной визуальной культуре являются образы повседневного, вечернего назначения и зрелищные образы, так как их семиотика позволяет целенаправленно воздействовать на восприятие окружающими образа с учетом сферы деятельности [2, с. 240]. Зрелищный – с целью эпатажа или презентации своего мастерства в индустрии моды и красоты. Вечерний – с целью презентации социального статуса. И повседневный – с целью органичного взаимодействия с актуальной визуальной культурой, с учетом социокультурных предпочтений.

Огромную значимость выявления семиотических аспектов в изучении визуальной культуры подтверждают тексты таких авторов, как Е.И. Фадеева, Е.А. Царева, Е.А. Кожемякин и Д.К. Манохин [9, с. 125-139], [9, с. 94-104], [5, с. 115-130]. Актуальность изучения внешнего образа человека как компонента культуры повседневности подтверждается текстами О.О. Рогинской, А.К. Орловой и Т.О. Бердник [7, с. 117-125], [6], [1]. О визуализации образа в культуре повседневности на основе взаимодействия костюма и прически говорят исследования А.И. Затулий, В.В. Давыдовой и О.А. Цесевичене [4], [3], [10].

В результате изучения представленных исследований и возникают вопросы. Какой из представленных компонентов внешнего образа является доминирующим в процессе визуализации на основе стилевое решения и назначения? Может ли семиотика таких компонентов визуализации, как костюм и прическа, влиять друг на друга и на весь образ?

Выявлению популярных стилевых характеристик способствовал анализ внешних образов в современной визуальной культуре. В исследовании символики стилевых характеристик причесок в рамках классического, романтического, фольклорного, спортивного и авангардного стилей в современной визуальной культуре был использован семиотический метод. Приемы сравнения дали возможность соотнести символические характеристики причесок (форма, линии и цвет) с их проявлением в современной визуальной культуре с учетом стиля и назначения причесок.

Установленные выводы о приемах кодирования символических характеристик причесок с учетом смены стилей и их назначения в создании и трансформации повсе-

дневных образов современной визуальной культуры способствовали определению прически как доминирующего компонента визуализации.

В процессе визуализации внешнего образа человека выделяют несколько компонентов, таких как костюм, аксессуары и прическа. Но исследователи в области изучения костюма как феномена культуры рассматривают его как доминантный семиотический компонент визуализации [8]. На основании данной концепции образ должен проектироваться с учетом стиливого решения костюма, который определяет семиотику и дополнительных компонентов в виде аксессуаров и прически.

Если выдвинуть предположение, что в условиях ускоренного ритма жизни один из заранее продуманных компонентов образа не был организован с учетом проектируемой семиотики, то тогда другие компоненты образа необходимо будет подвергнуть трансформации с целью гармонизации образа. Костюм – это составной семиотический компонент состоящий из комбинации основных конструктивных элементов, зависящих от телесности человека и дополнительных декоративных деталей, замена которых влияет на стиль внешнего образа человека. А прическа – это такой семиотический компонент, который является пластичным инструментом, отражающим эмоциональное состояние обладателя через перенаправление формы и реорганизацию фактуры и линий. Возникает вопрос: что в данном случае быстрее поддается трансформации за счет смены деталей – прическа или костюм?

Безусловно, в данной ситуации логичной и эффективной будет смена деталей костюма. Но данные обстоятельства являются актуальными для культуры повседневности, а не для заранее спроектированных и отрепетированных образов. Так как в процессе разработки образа и выбора его символических компонентов, характерных для культуры повседневности, наблюдается спонтанность.

Спонтанность может проявляться в смене комбинации семиотических характеристик костюма и прически, таких как объем форм, характеристика линий, цветочные детали. В таком случае семиотика образа будет подвержена трансформации семиотических знаков за счет смены и комбинации кодировки внешних компонентов. К примеру в проектировании этнического образа можно наблюдать прием стилизации в организации форм и декора и прием тождества в симметричной комбинации элементов и линий внутри формы, характерных для семиотики данного образа. Спонтанная замена одной характеристики только в прическе, нарушающая симметричное расположение линий, влечет за собой смену приемов кодирования за счет реорганизации таких характеристик как форма, линии и декор костюма, влияющих на формирование стиля и назначения внешнего образа. Прием тождества в таком случае может быть заменен на нюанс или контраст, с учетом доли смещения симметрии, а в семиотику изначально этнического образа можно будет наблюдать проникновение другого стиля, например романтического или спортивного.

Для семиотики образа в определенном стиле характерны различные знаки, реализующиеся через формы, линии и цвет [3, с. 37-39]. Знаки семиотической системы образа передают информацию через коды, прочтение которых может говорить об определенном положении обладателя в обществе. Данное положение может проявляться и в положении власти (форма доминирует над элементами), и свободы (элементы доминируют над формой) и стороннем (равнозначное соотношение элементов и формы). В текстах авторов, изучающих предпосылки смены визуальных культур, можно проследить, что данное кодирование может быть организовано на основе приемов стилизации или имитации внешних характеристик стиливого решения древних визуальных культур в современной повседневной культуре [6, с. 76], [7, с. 120], [10, с. 152].

Образ в классическом стиле отличается гармоничными геометрическими формами, прямыми вертикальными и горизонтальными линиями, монохромным цветовым решением [2, с. 198], [8]. В объектах с данными характеристиками закодирован стабильный, целеустремленный и завершённый эмоциональный фон внутреннего образа, который посредством приема имитации визуальных стилевых особенностей древних культур проявляется во внешних повседневных деловых и вечерних творческих образах современной визуальной культуры.

По мнению авторов, изучающих семиотику образа, таких как О.О. Рогинская и Ф. Готтенрот, семиотика образов в классическом стиле многозначна. Например, у представителей делового мира при создании искусственных образов, наполнение характерной для классического стиля геометрической формы в виде круга, прямоугольника, трапеции и треугольника вертикальными и горизонтальными линиями символизирует эмоциональную власть, силу и значимость обладателя над окружающими и подчиненными. У представителей творческих сообществ при создании художественного образа данные семиотические характеристики, организованные при помощи приема имитации говорят о эмоциональной принадлежности к стилю в зависимости от тематики мероприятия. Но в визуализации классических образов всегда можно наблюдать доминирование формы над элементами.

Образ в романтическом стиле отличается пластичными овальными формами, изогнутыми диагональными линиями, плавными цветовыми переходами [2, с. 201], [8]. В романтических образах закодирован нежный, возвышенный и текучий эмоциональный фон представителя социокультурного общества. Данные внутренние эмоциональные особенности через комбинацию элементов посредством приема стилизации характеристик древних культур, проявляется во внешних повседневных и вечерних нарядных образах современной визуальной культуры.

По мнению большинства исследователей, например, таких как Ф. Готтенрот и Т.О. Бердник, романтические образы полисемантически и широко используются представителями разных социальных слоев. Например, использование семиотики романтических образов в повседневной культуре применяется с целью создания текста, который символично говорит о легкости, подвижности и свободе духа представителя общества. Данная семиотика характеризуется стилизацией овальных форм изогнутыми вертикальными и диагональными линиями. При этом данная символика усиливается только в одном из компонентов образа. Семиотика, выбираемая для вечерних романтических образов, говорит о сексуальности и чувственности человека и находится в прямой зависимости от социокультурных предпочтений того общества в котором презентуется. В семиотике данных образов можно наблюдать усиление символического значения элементов во всех компонентах образа. В визуализации любых романтических образов можно наблюдать доминирование элементов над формой.

Образ в фольклорном стиле отличается органическими природными формами или формами народных головных уборов, круговыми дугообразными линиями, природными цветовыми оттенками [2, с. 202]. В объектах с данными характеристиками закодирован независимый, органичный и естественный эмоциональный фон внутреннего образа, который посредством приема стилизации визуальных стилевых особенностей древних народных культур, проявляется не только в зрелищных образах, но и в повседневных образах современной визуальной культуры.

По мнению таких исследователей, как Ф. Готтенрот и О.А.Цесевичене, символика фольклорных образов многозначна, и их востребованность находится в прямой зависимости от визуальной культуры. Наполнение характерной для фольклорного стиля

формы в виде геометрии природных силуэтов и текучих линий говорит об органичных отношениях обладателя с миром природы, который может находиться в независимом положении от моды и визуальной культуры. Например, в комбинации семиотических средств зрелищного фольклорного образа наблюдается стилизованная доминанта всех компонентов образа, а в повседневных фольклорных образах наблюдается только стилизация некоторых средств компонентов образа. Вне зависимости от назначения, в семиотика фольклорных образов отличается равнозначным соотношением элементов и формы, стилизация которых выполняется с учетом принадлежности к народной культуре.

Образ в спортивном стиле отличается естественными формами, повторяющими изгибы тела, естественными линиями, и различными цветовыми решениями [2, с. 204]. В объектах с данными характеристиками закодирован динамичный эмоциональный фон внутреннего образа, который посредством приема имитации визуальных стилистических особенностей древних культур проявляется во внешних повседневных образах современной визуальной культуры.

По мнению таких исследователей, как Т.О. Бердник и А.К. Орлова, символика спортивного стиля одновременно говорит о пластичности, движении и эмоциональной силе, так как можно наблюдать геометрию силуэтов и подвижность элементов, что символизирует контроль над своими физическими возможностями. В визуализации образа можно наблюдать равное соотношение формы и элементов, которые посредством приема имитации органики телесных особенностей могут использоваться в профессиональных спортивных образах или городских спортивных образах. Изменение назначения в данном случае будет изменяться в зависимости от массовой доли семиотических элементов характерных для спортивного образа.

Авангардный образ отличается неестественными сложными геометрическими формами, комбинированными ломаными линиями, контрастом цвета [2, с. 205-206], [4, с. 24]. В объектах с данными характеристиками закодирован нереальный эмоциональный фон внутреннего образа, который посредством смещения приемов имитации и стилизации визуальных стилистических особенностей различных культур проявляется во внешних повседневных образах современной визуальной культуры.

По мнению таких исследователей, как В.В. Давыдова и Т.О. Бердник, символика авангардных образов многозначна и их востребованность находится в прямой зависимости не только от визуальной культуры, но и от социокультурных предпочтений и фантазии автора. Например, в семиотике образа в авангардном стиле можно наблюдать эффект диспропорциональности в комбинации форм и линий с совершенно разной символикой. При демонстрации данных образов творческой публике, их восприятие находится в прямой взаимосвязи с социокультурными предпочтениями представителей данного сообщества и будет трактоваться по-разному. А представителями общества далеких от искусства, данные образы зачастую воспринимаются неоднозначно или негативно. В связи с тем, что в символике данных элементов, организованных при помощи одновременного проникновения приемов стилизации и имитации, прослеживается смещение таких эмоциональных характеристик, как власть, свобода духа и отстранение от социокультурных норм. Данные характеристики способствуют формированию зрелищного, театрального и неестественного образа, в визуализации которого можно наблюдать одновременное доминирование и давление формы и элементов друг над другом.

Выбор представленных приемов кодирования, таких как стилизация или имитация, зависит от стилистического решения образа, проявляющегося через визуальные семио-

тические характеристики. Прием имитации для кодирования выбирается, если в компонентах образа семиотические элементы комбинируются с целью акцентирования внимания на силуэте формы. А прием стилизации выбирается, если в компонентах образа семиотические элементы комбинируются с целью создания активного рисунка элементов формы. При выборе одного из приемов или их одновременного проникновения можно наблюдать равнозначное соотношение формы и элементов или их одновременное доминирование, что соответствует гармоничным или нестандартным решениям в визуализации образов.

Как показывают тексты авторов в области исследования семиотики костюма, прическа является дополнительным знаком семиотической в процессе визуализации образов [3, с. 9-10]. Данный знак является акцентом семиотического текста, который влияет на эмоциональное восприятие образа посредством прочтения кода. Данная кодировка может быть организована через приемы тождества, нюанса или контраста форм, элементов и цвета, влияющих уже не на стиль, а на назначение прически.

Как показывает практика по подбору костюмов и причесок в условиях повседневной культуры, в визуализации образов зачастую можно наблюдать спонтанность в выборе семиотических компонентов внешнего образа и их элементов. В данных условиях трансформация даже одного элемента, влияет не только на семиотику того компонента к которому относится, но и на другие компоненты внешнего образа. При этом можно наблюдать изменение приемов кодирования семиотических компонентов, влияющих на стилевое решение и назначение внешнего образа.

Если предположить, что семиотика всего образа на основе костюма классического стиля должна символизировать власть над ситуацией, то прическа в этом случае будет дополнять символику эмоциональной силы обладателя через форму. При незапланированной смене организации прически происходит замена неактивных элементов на подвижные или доминирующие, происходит излом формы, влияющий и на смену элементов костюма. Семиотика образа в данном случае будет кодироваться через смешение приемов тождества или нюанса в имитации стиля и может восприниматься уже не так категорично и жестко. То есть произойдет смягчение формы за счет элементов, в котором прием тождества будет влиять на создание повседневной прически с учетом социокультурных предпочтений, а прием нюанса – на создание вечерней прически с целью презентации социального статуса.

Если предположить, что семиотика всего образа на основе костюма романтического стиля должна символизировать свободу духа, то прическа в этом случае будет дополнять символ эмоциональной гибкости обладателя через пластичные подвижные элементы и волнообразные линии. При незапланированной смене организации прически происходит замена активных элементов на менее подвижные или статичные, в результате происходит эффект сглаживания элементов и обозначения формы, влияющих и на уменьшение активности аксессуаров и многослойности элементов костюма. Семиотика образа в данном случае будет кодироваться через смешение приемов тождества и нюанса в стилизации прически и может восприниматься более жестко. То есть произойдет обозначение геометрии формы за счет стирания значимости элементов, в котором прием тождества будет влиять на создание повседневной прически на основе смешения стилей с учетом социокультурных предпочтений, а прием нюанса – на создание вечерней прически с целью презентации социального статуса и принадлежности к профессии.

Если предположить, что семиотика всего образа на основе костюма фольклорного стиля должна символизировать свободу от влияния урбанизма, то прическа в этом

случае будет символизировать предназначение к народной культуре через органическую форму и фактурные этнические элементы. При незапланированной смене организации прически происходит замена формы на геометрическую и фактурных элементов на более пластичные, в результате происходит трансформация формы и элементов, влияющих и на кардинальную замену аксессуаров и некоторых элементов костюма на элементы в классическом, романтическом или спортивном стиле. Семиотика образа в данном случае будет кодироваться через прием тождества в имитации народной культуры и может восприниматься уже более адаптировано к современным городским образам, посредством проникновения символики одного стиля в символику другого. То есть произойдет усиление силуэта формы за счет удаления активной фактуры элементов с целью создания повседневной прически для органичного взаимодействия с визуальной современной культуры.

Если предположить, что семиотика всего образа на основе костюма спортивного стиля должна символизировать власть над возможностями тела, то прическа в этом случае будет символизировать комфорт через форму. При незапланированной смене организации прически происходит замена характера элементов внутри формы или переорганизации формы за счет элементов, влияющий и на смену иных элементов костюма. Семиотика образа в данном случае будет кодироваться через прием тождества в стилизации принадлежности к спортивному стилю и может восприниматься взаимозаменяемо. То есть произойдет замена в организации формы и движении элементов, что будет способствовать изменению специальной спортивной прически на повседневную (элементы внутри формы становятся более активными) или вечернюю (элементы увеличиваются для усложнения формы). Акценты в стилевом решении будут расставляться с учетом социокультурных и спортивных предпочтений обладателя.

Если предположить, что семиотика всего образа на основе костюма авангардного стиля должна символизировать зрелищность, то прическа в этом случае будет отражать внутренний мир обладателя и фантазию мастера через форму, элементы и цвет. При незапланированной смене организации прически происходит замена одних активных элементов на другие, преломление одной формы в другую, влияющий и на смену элементов костюма. Семиотика образа в данном случае будет кодироваться через приемы контраста в имитации форм и стилизации элементов и может восприниматься так же нереалистично. То есть произойдет перестановка или переорганизация формы и элементов для создания зрелищного образа с целью эпатажа или презентации своего мастерства в индустрии моды и красоты.

Выбор представленных приемов кодирования, таких как тождество, нюанс или контраст, зависит от назначения прически, проявляющегося через семиотические характеристики. При организации данных характеристик с целью создания повседневной прически используется прием тождества, для создания нарядной прически – нюанс, а для создания зрелищной – контраст. Можно наблюдать их одновременное проникновение при организации знаковой системы семиотики прически, что способствует акцентированию в проявлении доминанты формы или элементов в визуализации образов.

Данные организации приемов кодирования семиотики прически характерны для повседневной визуальной культуры, а не для заранее спроектированных и отрепетированных образов. В образах для шоу, театральной деятельности, мастер-классов все происходит по другой схеме, в которой эмоциональный текст семиотики образа и его компонентов проектируется заранее.

В результате можно сделать вывод, на смену семиотики всего образа может повлиять такой компонент как прическа, посредством спонтанной реорганизации ее семиотических элементов. Семиотике костюма, в данном случае, приходится трансформироваться с учетом смены приемов кодировки семиотических компонентов прически. То есть семиотика прически может претерпеть изменения за счет трансформации ее пластичных элементов и приемов их кодирования внутри формы, что является доминирующим фактором для спонтанного изменения элементов костюма, влияющих на семиотику всего образа за счет смены назначения и стилового решения его компонентов. На определение назначения прически влияет выбор таких приемов кодировки элементов прически, как тождество, нюанс и контраст. А на выбор стилового решения внешнего образа влияют такие приемы организации форм, как стилизация и имитация.

На основании того, что прическа является пластичным эмоциональным компонентом внешнего образа, а костюм составным семиотическим компонентом внешнего образа, трансформация элементов которого зависит от спонтанной смены семиотики прически, то можно утверждать, что прическа может являться доминирующим семиотическим компонентом визуализации повседневного образа.

Список литературы:

1. Бердник Т.О. Архитектоника костюма : Социокультурная динамика: дис. ... канд. философ. наук. – Ростов-на-Дону, 2004.
2. Готтенрот Ф. Иллюстрированная история стиля и моды с древнейших времён. – М.: Эксмо, 2009. – 256 с.
3. Давыдова В.В. Костюм как феномен культуры: дис. ... канд. философ. наук. – СПб., 2001.
4. Затулин А.И. Костюм в социокультурном контексте авангарда: дис. ... канд. культур. наук. – Комсомольск-на-Амуре, 2003.
5. Кожемякин Е.А., Манохин Д.К. Семиотические аспекты массовой культуры // Культура и текст. – 2013. – №1(14). – С. 115-130.
6. Орлова А.К. Индустрия красоты : Социокультурные аспекты: дис. ... канд. соц. наук. - М., 2005.
7. Рогинская О.О. Мода и современные модели жизнеописания // Коммуникативные проекты в контексте современной теории моды. – М.: РГГУ. – 2005. – С. 117-125.
8. Светличная И.В. Трансформации семиотики прически // Человек и культура. – 2016. – № 1. – С. 101-120. DOI: 10.7256/2409-8744.2016.1.17820.
9. Семиотика культуры: антропологический поворот. Коллективная монография. – СПб: Эйдос, 2011. – 362 с.
10. Цесевичене О.А. “Свое-чужое” в русской моде XVII-XX веков: философско-культурологический анализ: дис. ... канд. философ. наук. – Омск, 2011.

UDC 316.6 | DOI: 10.17809/0557468427-20

THE CRIMEANS' STATE IDENTITY IN THE PERIOD OF SOCIAL TRANSFORMATION

Devlikamova, O. O.^{1*}

1 V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia. * Corresponding author: smartist@bk.ru.

CrossMark

Citation: Devlikamova, O. O. (2016). The Crimeans' state identity in the period of social transformation. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-20.

Received: February 15, 2016.

Accepted: March 22, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Devlikamova, O. O.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ ВЫРАЖЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В статье представлен краткий анализ современных тенденций отечественной психологии касательно вопросов исследования социальной идентичности личности. Рассматриваются теории отечественных социологов о проблемах социальной трансформации. Эмпирически продемонстрирована взаимосвязь социальной трансформации общества и идентичности личности. Выявлено, что социальная психология не оперирует таким понятием как «государственная идентичность». В связи с этим, в данной работе представлены результаты теоретического обоснования необходимости введения данного термина в качестве самостоятельной психологической единицы. В работе описаны первичные результаты пилотажного эмпирического исследования, демонстрирующие актуальность заявленной темы исследования. Исследование проводилось в городе Симферополе, Республика Крым. Так как Крымский полуостров всего два года назад вернулся в состав Российской Федерации, на примере его жителей имеется возможность наиболее наглядно проследить влияние социальных изменений на все сферы жизнедеятельности индивида. В эмпирической части исследования были задействованы крымчане трех возрастных групп: подростки, взрослые и группа испытуемых зрелого возраста.

Ключевые слова: социальная психология; идентичность; социальная трансформация; социальная идентичность; государственная идентичность; крымчане.

Постановка проблемы. С переходом в третье тысячелетие мы все наблюдаем, как общество движется в русле непрерывных инновационных процессов и социальных трансформаций. Столь стремительные изменения ведут к совершенствованию, казалось бы, уже устоявшихся норм, к их прогрессу, однако психологическое давление любых существенных перемен неизбежно. Подобные периоды социальных трансформаций, приводят к стремительным изменениям концептуальных взглядов на культуру и этику, на самосознание и самоощущение человека в своем окружении, городе, стране, в мире в целом; на формирование феномена аффиляции, влияющего на идентичность личности, то есть изменения в социуме провоцируют ментальные изменения, которые являются объектом данного исследования.

Э. Фромм говорил о том, что коммерциализация общества приводит к распаду традиционных ценностей и морали, что собственно мы с вами и наблюдаем. «Современный человек отчужден от себя, от своих близких, от природы. Он превращен в товар, свои жизненные силы он воспринимает как инвестицию, которая должна принносить прибыль...» и что, не смотря на все усилия человека быть максимально ближе к «стаду», каждый остается крайне одиноким [8]. Несмотря на то, что книга «Искусство любить» была написана совершенно в другой эпохе, изречение автора несколько не утратило своей актуальности. Дополнить его можно рассуждениями З. Баумана об индивидуализации современного общества [1], для которого характерна тенденция разрыва устойчивых социальных связей и недолговечность любого союза, а также нарциссическая заикленность человека на своем «Я» на фоне безразличия к другому. В своей работе З. Бауман объясняет данное положение дел тем, что коллективные действия воспринимаются человеком в лучшем случае как бесполезные, а в худшем – как раз-

рушительно влияние с точки зрения субъективного благополучия. Социум же, как фон, влияет на потребность человека соответствовать всем правилам, быть «актуальным», что в свою очередь неизбежно влияет на формирование Я – концепции личности и на один из ее важнейших компонентов – идентичность.

Говоря о социальной трансформации, опора идет на исследования отечественных социологов. Например, Т.И. Заславская объясняет феномен социальной трансформации как радикальное, относительно быстрое изменение социальной природы общества [3]; В.А. Ядов объяснял данный феномен как преобразование общества, отличающееся национально-культурным своеобразием [7]; Н.И. Лапин объясняет социальную трансформацию как комплексное преобразование общества как социокультурной системы [5].

Исходя из вышеозвученной трактовки, мы можем говорить о наличии феномена социальной трансформации на территории Крыма, связанного с возвращением в состав Российской Федерации, и развитием Крыма, как новой экономической и культурной единицы, переживающей значительные преобразования. В системе охраны региона особое внимание уделяется как внешней, так и внутренней безопасности, наблюдаются изменения в юридической структуре, в сфере экономики, образовательной системе, в транспортном сообщении и т.д., что влечет за собой существенные изменения в системе социальных идентичностей крымчан. Исходя из того, что человек является ключевым элементом любой социальной системы, нам важно знать то, как меняется его психолого-личностная структура. Также в Крыму наблюдается усиления социальной общности «российский народ», происходит акцентирование региональных тенденций, что в свою очередь усиливает структурные особенности социальной идентичности и оказывает влияние на социальное поведение людей.

Как и в любом другом значимом историческом событии, всегда имеются группа тех, кто «за» и группа тех, кто «против». В рамках данного исследования подобные позициональные противоречия будут отражены и проанализированы через призму гражданской и государственной идентичности личности. То есть существует процент крымчан, который настаивает на исконной принадлежности Крыма, как региона и людей, как его представителей, к Российской Федерации. Есть определенный процент крымчан, который будучи гражданами Российской Федерации настаивает на том, что их государство – Украина. Несмотря на различность во взглядах, эти группы объединяет одна мощная составляющая социальной идентичности – наличие гражданской и государственной идентичности. Однако есть и третья группа граждан – крымчане, не идентифицирующие себя ни с одним государством, обладатели «размытой» государственной идентичности. Тем не менее, все три группы объединены региональной идентичностью, усиление которой мы наблюдаем с марта 2014 года. В частности, наблюдается возрастание культурного интереса к местности и истории Крыма, повышается востребованность потребления товаров крымского производства, в названиях продукции прослеживается крымская тематика и т.д.

Вопрос противоречивости в сфере гражданской и государственной идентичности в Крыму, как в многоэтничном регионе, осложнен тем, что социальные изменения затронули сферу базовых потребностей в безопасности, в принадлежности и в признании. На фоне данных вопросов возникают конфликты, разрешение которых возможно только с учетом социальных идентичностей крымчан. Следовательно, социально-психологические исследования государственной идентичности, ее динамики и специфики, как обязательной составляющей социальной идентичности, оказывается суще-

ственно важным этапом просветительской работы, направленной на выявление основных тенденций возникновения и разработку путей предотвращения конфликтов.

Для современной отечественной социальной психологии характерна новая волна исследований в области изучения идентичности. В частности, центром внимания российских психологов является изучение региональной идентичности (Г.В. Акопов), изучение И.С. Самошкина восприятия городского пространства, изучение городской идентичности А.В. Микляевой, Л.В. Румянцевой, Н.А. Даудрих [2, 6], идентичности с местом проживания – исследования Н.Е. Голосова и так далее.

Содержание концепции гражданской идентичности, связанного с феноменами гражданства, гражданственности, гражданского общества, - весьма неоднозначно. Так, А.С. Ку выделяет следующие парадоксы: «гражданство», рассмотренное как производное от собственности и как юридический статус в государстве, становится категорией статуса без действия, а гражданское общество – областью действия без практики гражданства. Кроме того, гражданство понимается как статус человека, определяемый государством, а гражданское общество обозначает социальную сферу вне государства [4]. На фоне этого мы попытались ввести понятие государственной идентичности, которое характеризует наличие у каждого члена гражданского общества чувства принадлежности к такой социальной системе как государство, которая в свою очередь удовлетворяет базовые потребности человека в безопасности, принадлежности, в признании, в возможности самоактуализации.

То есть цель нашего исследования – сформулировать понятие «государственной идентичности» как психологической единицы, а также – проанализировать особенности выраженности государственной идентичности россиян с учетом социальных изменений, на примере жителей Республики Крым.

В нашем исследовании, проведенном в городе Симферополе, были задействованы три группы испытуемых: первая группа - подростки в возрасте 16-17 лет (50 человек), вторая - молодые люди и девушки от 20 до 35 лет (63 человека), третья группа - люди от 56 до 70 лет (27 человек). Нами были использованы такие методы исследования как «Кто Я?» - испытуемым предоставлялся список с десятью существительными (Россия, Украина, Крым, гражданин РФ/ Украины, крымчанин, украинец, русский, крымский татарин симферополец,) и в инструкции давалось задание проранжировать исходя из личных внутренних ощущений существительные по степени личностной значимости. Также был использован метод составления нарратива по теме «Я - житель Крыма». На данном этапе исследования были использованы проективные методики, так как феномен государственной идентичности является трудно уловимым, а психологическая наука не оперирует стандартизированными опросниками, посвященными данной проблематике. Было обнаружено, что в ходе социальных изменений у жителей Республики Крым обострилось самосознание себя как «крымчанина», «россиянина». Таким образом, проявился структурный компонент социальной идентичности - территориальная идентичность («я - крымчанин», средний показатель - 43%. Государственная идентичность занимает значительное место в структуре представлений испытуемых о себе (средний показатель 36%) - человек идентифицирует себя, как представителя определенного государства, вкладывая в это глубокий личностный смысл, что мы заметили при анализе нарративных рассказов испытуемых. С учетом того, что в исследовании принимали участие представители различных национальностей, из их рассказов можно сделать следующий вывод: в самосознании личности просматривается сформированность государственной идентичности, проявляемая во фразах: «как гражданин России. . .», «я - крымчанин и россиянин.» и т.п.

Примечателен факт того, что значимую роль государственная идентичность занимает в структуре представлений о себе у подростков (41%) и взрослых людей (37%). Показатели второй группы испытуемых значительно ниже (16%); из анализа их нарративов, можно сделать вывод, что они разделились на две группы: одна группа осознает себя как гражданина одного определенного государства, другая же характеризуется размытостью государственной идентичности и проявлением тревожности, связанной с условиями социальных изменений, на что мы акцентируем внимание в нашем дальнейшем исследовании данного вопроса.

На основании вышеизложенного материала, можно сделать следующие **выводы**:

1. В силу того, что подростковый возраст характеризуется активным процессом самоопределения и становления определенных социальных ролей, в структуре социальной идентичности государственная идентификация занимает одно из основополагающих мест;

2. Выявлено, что у испытуемых в возрасте от 20 до 35 лет государственная идентичность занимает значительное положение, однако, в анализе нарративов испытуемых, была обнаружена нечеткость и недифференцированность государственной идентичности, на что необходимо обратить пристальное внимание и, возможно, использовать другие методы;

3. Эмпирически определена значимость государственной принадлежности в структуре Я - концепции личности у жителей Крымского региона. Примечателен факт того, что значимую роль государственная идентичность занимает в структуре представлений о себе у подростков 41% и у 37 % зрелых людей. Показатели группы испытуемых в возрасте от 20 до 35 лет значительно ниже - 16%;

4. Таким образом, исходя из полученных данных, считаем целесообразным ввести понятие «государственная идентичность» в социально-психологический контекст. На данном этапе исследования мы трактуем его как представление человека о своем «государственном» я, которое характеризует наличие у каждого члена гражданского общества чувства принадлежности к такой социальной системе как государство, которая в свою очередь удовлетворяет базовые потребности человека в безопасности, принадлежности, в признании и в возможности самоактуализации.

Список литературы:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005.
2. Даудрих Н.А. Социальная идентичность: методический аспект // Социологические исследования. – 2000. – №13. – С. 77-95.
3. Заславская Т.И. Социентальная трансформация российского общества. – М., 2003.
4. Ку А.С. *Парадокс-гражданское общество без гражданства* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/data/809/153/1217/002.KU.pdf> (дата обращения: 16.02.2016).
5. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. – М.: ИФРАН, 2000.
6. Микляева А.В., Румянцева П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. – С. 8 -47.
7. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ/ под ред. В.А. Ядова. – М.: МПСИ, 2005.
8. Фромм Э. Искусство любить: исследование природы любви. Пер. Л. Трубицына, А. Ярхо, А. Соловейчик. – СПб.: ИД «Азбука-классика», 2007.

HOW INCOME AFFECTS FERTILITY: THE CASE OF RUSSIA

Trofimova, G. S.^{1*}

1 Vladimir State University, Vladimir, Russia.

* Corresponding author: 2trofim@mail.ru.

CrossMark

Citation: Trofimova, G. S. (2016). How income affects fertility: The case of Russia. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC.

Received: February 3, 2016.

Copyright: Trofimova, G. S.

Accepted: March 19, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

В статье исследуется взаимосвязь между рождаемостью и доходами. Вопрос: эта связь прямая или обратная? Известная теория демографического перехода предполагает отрицательную корреляцию. Недавние эмпирические исследования, проведенные по новой методологии, опровергли это представление. Но эти исследования проводились в богатых странах со среднедушевым доходом более \$25тыс. Автор сопоставил рождаемость и душевой доход для России в переходный период 1990-2010 г., когда страна испытала одновременно два вида шоков - экономический и демографический. Сопоставление дало значимую статистическую зависимость фертильности от реального душевого доходов, и эта зависимость является прямой. Это означает, что политика увеличения семейных доходов в России будет иметь позитивный демографический эффект.

Ключевые слова: демографический переход; фертильность; суммарный коэффициент рождаемости; доход взрослого; прожиточный минимум; прямая и обратная связь.

Долгосрочное моделирование и прогнозирование устойчивого развития страны невозможно без оценки взаимодействия экономических и демографических показателей. В первую очередь это касается связи между семейным благосостоянием и рождаемостью. Но именно в этой точке соприкосновения экономики и демографии имеются диаметрально противоположные оценки этой связи – от отрицательной до положительной.

Рождаемость и доходы – связь прямая или обратная?

Начнем с преобладающей точки зрения - обратной взаимосвязи. Среди многих профессиональных демографов распространилось мнение, что падение рождаемости — неизбежное следствие социальной модернизации и никакие меры не помогут увеличить рождаемость. Например, в России так считает самый известный демограф - Анатолий Вишневский [1]. Для объяснения тотального падения рождаемости в развитых странах была создана теория демографического перехода от традиционного, то есть аграрного, способа хозяйствования к урбанизированному. И статистика, казалось бы, окончательно подтвердила тезис о непременном снижении рождаемости вследствие социальных модернизаций.

Однако исследования демографических трендов начала XXI века, опубликованные в журнале *Nature*, опровергают этот тезис [2]. С одной стороны, авторы статьи «Advances in Development Reverse Fertility Declines» подтвердили наличие отрицательной корреляции между уровнем развития (Human Development Index, HMI) и суммар-

ным коэффициентом рождаемости (Total Fertility Rate, TFR). Но одновременно они установили, что она работает до уровня $HMI \approx 0,85-0,9$, что соответствует подушевому валовому продукту около 25 тысяч долларов и средней продолжительности жизни 75 лет. Но после этой точки происходит перелом — корреляция становится положительной. В 2005 году появилось 37 стран с очень высоким уровнем доходов и другими высокими показателями благосостояния. Для них прослеживается тенденция к увеличению темпа рождаемости: рождаемость уже достигает необходимого порогового уровня именно в развитых странах. Статья вызвала много споров. Звучали обвинения в том, что это всего лишь статистический «фокус-покус» [3]. И все же гипотеза о существовании положительной корреляции между этими величинами не опровергнута. Более того, появились и теории, и статистические эксперименты, объясняющие повышение рождаемости вследствие повышения уровня жизни. Российские исследователи из МГУ - Андрей Коротаев с соавторами - рассматривает современное повышение рождаемости как следующую фазу второго демографического перехода. На этой стадии дальнейшее повышение уровня образования женщин и их вовлеченность в экономику уже положительно коррелирует с рождаемостью. Новая закономерность подтверждается некоторыми конкретными примерами. Например, успешными результатами пронаталистской политики во Франции, где серьезные меры помощи семьям с детьми привели к повышению рождаемости у коренных французов до уровня воспроизводства. Журнал «Review of Economics and Statistics» в 2013 году опубликовал на эту тему статьи, раскрывающие влияние шоков богатства на рождаемость. Две группы исследователей привели два разных примера на разном материале, обработанном по разной методологии, но пришли к одинаковому выводу о наличии положительной связи между богатством и рождаемостью. В одной статье сообщался статистический факт повышения рождаемости в угольных регионах США в период высоких цен на уголь в сравнении с соседними «неугольными» районами [4]. В другой статье [5] сделан вывод, что увеличение чистого дохода семьи на \$100.000 увеличивает вероятность рождения ребенка на 16%. Интересно, что в этом случае исследователи связали чистый доход с ценовыми колебаниями на жилье в течение 22-х летнего периода, поскольку дом составляет 84% всего богатства среднего американского домохозяйства.

Вопрос в том, насколько результаты этих зарубежных исследований актуальны для России. Если уровень доходов упоминаемых здесь 37 богатых стран, например во Франция и США, превысил \$25 тыс.на душу, то в России имеется пятикратное отставание от этого предела. Следовательно, в соответствии с результатами исследовательского мейнстрима, Россия находится в зоне с отрицательной корреляцией рождаемости от доходов и еще долго будет там пребывать. Тогда напрашивается вывод об еще одной, демографической ловушке бедности, в которую попала Россия. Вероятность попадания страны с огромным природным потенциалом в ловушку демографической деградации - вопрос слишком серьезный, чтобы отмахнуться от него. Поэтому нами было решено выявить реальную связь между доходом и рождаемостью в современной урбанизированной России. А главное - понять, является ли она положительной или отрицательной. Естественно, в моделировании доход принимается за экзогенную величину, коэффициент фертильности – за эндогенную.

Предлагаемое статистическое исследование предварялось обоснованиями двух составляющих эксперимента – выбора периода наблюдений и отбором переменных.

Принцип выбора периода наблюдений. Выбирается «шоковый» период в истории страны, желательно продолжительностью не менее 10-15 лет. Под шоком понимается существенные изменения в благосостоянии населения, как положительные,

так и отрицательные. Этот период не должен включать военные действия, неурожайные годы, периоды репрессий, так как в подобные периоды рождаемость падала не только из-за экономических факторов, но и по другим причинам. Наилучшим кандидатом на такой период является 15-20 лет трансформации российской экономики, происходившей на рубеже XX и XXI веков. Поэтому предлагаемое статистическое исследование было проведено именно на материалах этого периода.

Выбор зависимой переменной. Из всех возможных коэффициентов предлагаем использовать суммарный коэффициент рождаемости - Total Fertility Rate, или TFR. TFR есть количество рождений на женщину в течение ее жизни, а точнее – репродуктивного периода. С помощью этого коэффициента можно описать образ семьи с желаемым количеством детей и ее экономические параметры. Можно, несмотря на некоторые технические сложности, моделировать сценарии демографического развития. Таким образом, TFR – хороший индикатор, так как дает политикам ясные сигналы по выбору решений в демографической и социально-экономической сферах. Если TFR оказывается ниже порогового значения 2,1 рождений на одну женщину, то есть необходимого для простого воспроизводства населения, численность населения в перспективе снижается и нация начинает «стареть». Для России демографические процессы приобрели драматический характер именно в период трансформаций 90-х годов, когда рождаемость стремительно упала до 1,19 ребенка на женщину. В настоящее время в России коэффициент суммарной рождаемости TFR превысил 1,7 рождений на женщину, что улучшило демографическую перспективу, но принципиально ее не изменило.

Выбор независимой переменной. Мы не считаем правильным в качестве независимой переменной принимать абсолютный размер душевого дохода или размер душевого ВВП. На это есть несколько причин. Первая и главная состоит в том, что душевой доход, как и душевой ВВП, более или менее зависит от количества детей в семье. Эти величины не являются в экономико-демографических моделях независимыми переменными, так как по определению зависят и от репродуктивного поведения тоже. Наилучшим кандидатом на предиктор является доход взрослого члена семьи (incomereg-adult). Для обычной семьи таким показателем является заработная плата. Доля заработной платы в доходах населения преобладает и составляет 82,4% в целом по стране. Но в конечном итоге решение, иметь или не иметь ребенка, принимается молодыми людьми, находящимися в репродуктивном возрасте. И именно для них заработная плата является, как правило, 100%-м источником дохода. Таким образом, заработную плату можно трактовать как доход одного взрослого.

Но и зарплата не безупречна, по крайней мере до тех пор, пока мы не ответим на вопрос: а достаточен ли ее абсолютный размер для выживания отдельного взрослого индивидуума? И будет ли она достаточна для выживания работающего плюс иждивенца? Ответ на этот вопрос содержит другой показатель - прожиточный минимум. Несмотря на спорную методологию, он является официально исчисляемым показателем, и, кроме того, дает представление о пороговой доходности, ниже которой не только деторождение, но и жизнь без иждивенцев становится проблемой.

Одновременное использование двух показателей подсказывает необходимость выработки производного индикатора. Поэтому было принято решение сконструировать такой производный индикатор, как относительная заработная плата, в котором абсолютная заработная плата – числитель, прожиточный минимум – знаменатель. Этот индикатор удобен тем, что вычисляется на основе данных официальной статистики и, помимо прочего, представляет собой безразмерную величину, сопоставляемую с TFR.

На рис. 1 представлен график динамики TFR и относительной заработной платы по данным Росстата за период 1992- 2010 гг. (<http://www.gks.ru/bgd>).

Итак, мы имеем заметную статистическую зависимость коэффициента рождаемости *TFR* от относительного душевого дохода *Y*, которую можно описать формулой:

$$TFR = 0,15 \cdot Y + 1 \quad (1)$$

Эластичность рождаемости по доходу в соответствии с этой формулой является низкой (что естественно), но, тем не менее, положительная корреляция явно имеет место.

Подтверждением гипотезы о том, что коэффициент суммарной рождаемости прямо пропорционален относительным доходам взрослых, может являться не только приведенная выше статистическая зависимость, но и уже очевидные результаты реализации программы материнского капитала. Материнский капитал можно рассматривать как дополнительный доход, получаемый при рождении второго и более ребенка. Существенный рост рождений вторых-третьих детей в период реализации программы материнского капитала, показанный нами в [6], однозначно говорит о том, что в предыдущие двадцать лет рождаемость сдерживалась низким уровнем доходов населения.

Наличие формульной зависимости (1) позволяет построить модели, которые бы прогнозировали совместную траекторию демографического и экономического развития. Нация может выйти на коэффициент рождаемости, достаточный хотя бы для простого воспроизводства населения, то есть на $TFR = 2$, но для этого надо повысить относительный доход семьи (необязательно только заработную плату) примерно в два раза - с 3,5 до 6,5. Этого можно достичь как за счет повышения заработной платы, так и за счет совершенствования распределительных процессов в обществе. В любом случае демографическое «планирование и управление» не может обойтись без регулирования в фундаментальных сферах экономики – политики заработной платы, семейных доходов, уровня жизни.

Список литературы:

1. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rus-lib.ru/book/30/eko/02/02-4/005-014.html> (дата обращения: 20.04.2012)
2. Myrskylä, M., Kohler, H.-P., & Billari, F. C. (2009). Advances in development reverse fertility declines. *Nature*, 460, 741-743.
3. Hugh, E. Advances in Development Reverse Fertility Declines" – Science or Hocus Pocus? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fistfulofeuros.net/afoc/advances-in-development-reverse-fertility-declines-science-or-hocus-pocus/> (дата обращения: 15.01.2016)
4. Black, D. A., Kolesnikova, N., Sanders, S. G., & Taylor, L. J. (2013). Are Children 'Normal'? *Review of Economics and Statistics*, 95(1), 21-33.
5. Lovenheim, M. F., & Mumford, K. J. (2013). Do Family Wealth Shocks Affect Fertility Choices? Evidence from the Housing Market. *The Review of Economics and Statistics*, 95, (2), 464-475.
6. Трофимова Г.А., Павлова М.А. Материнский капитал: быть или не быть? // Экономка и социум. – 2015. – №6(19).

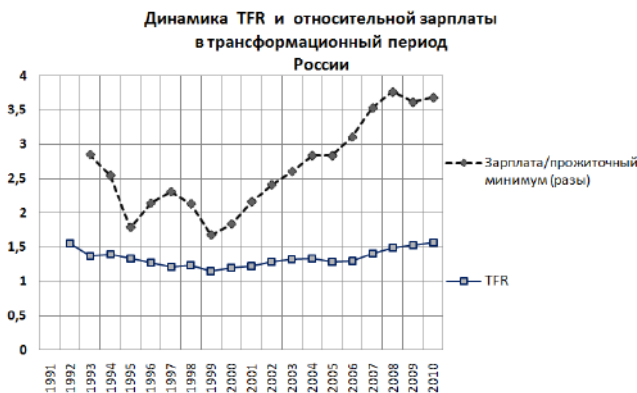

Рис. 1. Динамика относительной заработной платы (верхняя линия) и суммарного коэффициента рождаемости (нижняя линия) в России.

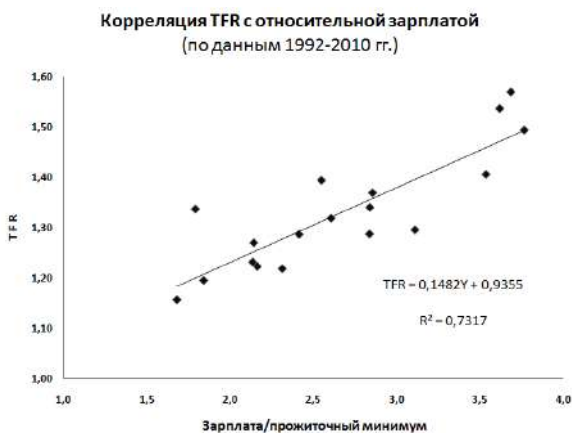

Рис. 2. Корреляция суммарного коэффициента рождаемости и относительной заработной платы.

UDC 316.351 | DOI: 10.17809/0557468427-22

TECHNOLOGY OF EXPRESS SOCIOLOGY

Zarubin, V.G.,^{1*} Makaridina, V.A.²

1 Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia. 2 Leningrad State University of Russia, St. Petersburg, Russia. * Corresponding author: vg_zarubin@mail.ru.

Citation: Zarubin, V. G., & Makaridina V.A. (2016). Technology of express sociology. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice*. London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-22.

Received: February 26, 2016.

Accepted: March 13, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Zarubin, V. G., & Makaridina, V.A.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

This paper describes the trend of express sociology as a new branch of scientific knowledge. The reasons of occurrence of express sociology are revealed. They include the time factor and the dynamics of social processes. The peculiarity of the technology consists in the unity of quantitative and qualitative research strategies. Technological bases of express sociology are identified. Express sociology relates to the field of humanitarian technologies and is a management tool. The objectives of express sociology are: (i) examining management decisions, (ii) changing the situation in an organization, and (iii) regulating public attitudes. The benefits and risks of the technology of express sociology are substantiated. The advantages of this humanitarian technology are: efficiency, reliability, and concreteness. The technology risks include the contradiction between the desire for short-term information and the reliability of information. The contradiction is resolved due to the professionalism and responsibility of a scientist. A sociologist using express technology is included in the change management process in an organization. He/she is a member of the design team, participates in the development of targeted programs of social development of the organization, is a mediator between employees and heads of structural divisions, and performs the functions of a communicator in relations with the partners of the organization.

Key words: express sociology; technology; social processes; time factor; humanitarian technology; management.

Express sociology is a management tool. Its purpose is to create appropriate conditions and a meaningful information context for the solution of social problems within an organization. A quality sociological research promotes self-realization of organization members and creates a new quality of the organizational environment. The new quality is based on the interaction between different target groups within a particular organization. This feature of express sociology is its specificity and expresses a qualitative difference from other types of sociological activities.

Express sociology belongs to a class of technologies. In the sociological literature, the attitude to the content of “social technologies” and “humanitarian technologies” is ambiguous.

The concept of “social technologies” originates earlier than the concept of “humanitarian technologies.” Its foundations lie in Karl Popper’s ideas of social engineering. Russian sociologist B. F. Usmanov could generalize different approaches in order to reveal the content of this category. Social technologies are (i) a variety of methods and techniques aimed at solving social problems; (ii) a system of knowledge about the organization of social interaction; (iii) practices for solving contradictions and conflicts; (iv) an integral part of the control mechanism for problematic situations; (v) and a set of innovative techniques to achieve results (Tulinov, 2000, p. 17).

Unlike researchers studying the problems of social technologies, proponents of a humanitarian approach adhere to other positions. A. A. Belov and S. M. Eliseev indicate the connection of universal and situational moments, “Humanitarian technologies are both a successful brand and an independent methodology simultaneously, which is perhaps still not fully set out clearly and consistently” (Belov & Eliseev, 2001, p. 32). Humanitarian technologies focus their attention on the problem of identifying the potential of a group. On the other hand, they focus on the development of communication strategy.

Express sociology belongs to the class of humanitarian technologies, which are constructed in accordance with the principle of “here and now.” This kind of humanitarian technologies involves temporal and spatial constraints. Temporal constraints synchronize the process of sociological observation with the process of decision-making. The received infor-

mation has a value, when it becomes an organic part of the administrative decision. Spatial constraints structure the channels of sociological information flows.

Spatial and temporal constraints identify the contents of those problems that are addressed by the technology of sociological support of management activities.

The first task is focused on the analysis and examination of decision-making. It reveals those conditions that contribute to the changes within an organization.

The second task involves changes in a situation that prevails in an organization. Its implementation is aimed at determining the content of decisions, which are modified in the process of studying a problem situation.

The next task involves identifying the results of the project research. Its solution helps detect hidden innovative features of an organization.

Performing another task is aimed at regulating moods within the target groups that make up an organization. First, its implementation reveals the creation of a symbolic space for management solutions. Second, it motivates the target group on the implementation of solutions

Originality of the express technology is the unity of quantitative and qualitative research strategies. The quantitative strategy includes methodological foundations and empirical practice, which are based on testable hypotheses. Thus, the procedure of hypothesis testing is built on the use of formal mathematical methods: on the discovery of the signs of social processes and the formal-logical analysis of the information received.

The quality strategy includes methodological foundations and the empirical practice, which involve the study of a particular individual. This individual is considered as the beginning of sociality. He/she interprets the world and acts in it relying on his/her own interpretations. Using high-quality strategies, a sociologist must discover the subjective world of the individual and explain his/her motives. As a result, the symbolic structure is created, the aim of which is to incorporate the subjective experience of the members of a particular organization.

The differences between these two strategies are essential. They are caused by the choice of cognitive constructs and, accordingly, the choice of methods. The quantitative strategy is focused on the description of the statistical distribution of signs. However, a sociologist in this case does not consider actions of the individual. In contrast, high-quality strategies focus on the inner world of the individual, but they do not reflect the contours of the symbolic space of the organization. However, these two strategies are combined with the logic of a given study. Logic is an ordered set of elements: a goal – programming – information – an information product – results – a decision.

More than that, both these strategies are mutually opposite and complementary to each other simultaneously. In case of the express technology, the principle of complementarity of these two strategies is a truly manifestation of the interdisciplinary approach. The combination of the two strategies creates a number of opportunities for the bulk of social reconstruction and provides an adequate reflection of the reality.

A sociologist who uses the express technology is included in the change management process in the organization. He/she is (i) a member of the design team, (ii) participates in the development of targeted social development programs of the organization, (iii) is a mediator between employees and heads of departments, and (iv) functions as a communicator in the relationship with the partners of the organization.

What is the heuristic potential of express sociology? First of all, this technology performs a function of operational diagnostics. It is aimed at solving specific problems and adopting case management solutions. The locality is its other feature. As a rule, a study is initiated by the customer. The head of the organization or the head of a particular unit acts as the customer.

The third feature is that the outcome of the research is an integral part of the solution, which is aimed at achieving the result.

The proportion of the fundamental bases of sociology is minimal; express methods constitute its foundation. This is due to information openness of the organization and the orientation of the research on the result, which is necessary "here and now." In this case, the researcher must follow one simple rule: it is necessary to collect and analyze only the minimum of information, which works for making specific management decisions.

The traditional version of a sociological research program includes the following components: (i) stating the problem; (ii) formulating the subject, the object, objectives, and tasks of the research; (iii) the process of conceptualization and operationalization of the concepts; and (iv) stating the hypotheses. In contrast, the express technology relies on only two stages: (i) formulation of the problems and (ii) justification of the hypotheses.

We need to impose restrictions on the hypotheses. Hypotheses justification in the traditional sense is the field of the professionals in methodology. Such hypotheses are formulated on the basis of the indicators included in the questionnaire. These hypotheses are not intended to have a scientific depth and solidity. In order to efficiently conduct an express study, the bank of standardized methods is needed. A sociologist can develop a program to conduct a study in a short time and get a result.

What are the advantages of the tools of express sociology? First of all, in its efficiency. Efficiency, as an effective tool, allows diagnosing the specific situation in the short term in order to identify positive or negative trends. Simplification of the procedures of investigating, collecting, and processing empirical information is a means to achieve efficiency.

Reliability is a further advantage of the aforementioned technology. Reliability of information is an essential attribute of any sociological research that meets professional requirements. Reliability, as is known, depends on the quality of the sample, the reliability of the techniques, and the sensitivity of the tools. In addition, specificity is also an advantage in express sociology. Due to its nature, an express study is aimed at achieving purely practical results.

Application of this technology is associated with certain risks. A specialist in the express technology seeks to obtain *short-term* and *reliable* information. This creates a dissonance: the desire for authenticity requires the compliance with the procedures and methods, which slow down the pace of the study; in turn, the customer is interested in the timely resolution of the problems and wants a sociologist to provide the results as soon as possible. How is it possible to overcome this contradiction? Professionalism and responsibility of the scientist are of paramount importance in this case. Only a professional can determine how to simplify the method of their research and reduce the number of respondents, while not distorting the result itself. Only a professional can find a balance between the truth and the result.

References:

- Belov, A. A., & Eliseev, S. M. (2001). Politicheskiye protsessy i instituty Sovremennoy Rossii [Political processes and institutions of modern Russia]. In *Gumanitarnyye tekhnologii i politicheskiy protsess v Rossii* (29-40). St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. (In Russian).
- Tulinov, K. N. (2000). Sotsialnyye tekhnologii i tekhnologicheskoye predstavleniye obshchestva [Social technologies and technological representation of society]. In *Sotsialnyye tekhnologii: sushchnost, vidy i rol v sovremennom obshchestve* (15-19). Ufa: Ufa State University Publishing House. (In Russian).
-

PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE PURCHASERS WHILE SIGNING A LICENSE AGREEMENT ON THE USE OF A COMPUTER PROGRAM

Gromov, G. A.^{1*}

1 Kursk State University, Kursk, Russia.

* Corresponding author: kirigromov@yandex.ru.

Citation: Gromov, G. A. (2016). Protection of the rights of purchasers while signing a license agreement on the use of a computer program. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-23.

Received: February 13, 2016.

Copyright: Gromov, G. A.

Accepted: March 19, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

ЗАЩИТА ПРАВ ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ

Защита прав лицензиатов в современном обществе стала одной из наиболее серьезных вопросов в сфере реализации и использования прав интеллектуальной собственности. Занимаются этими вопросами профильные комитеты представительных собраний разных государств, международные организации и компании, которые осуществляют непосредственный мониторинг за соблюдением прав правообладателей. Однако проблемы до сих пор не решены.

Ключевые слова: программа для ЭВМ; лицензионный договор; лицензиар; лицензиат; международный договор.

Современное общество переживает один из самых кульминационных моментов своего существования. Резкий подъем в развитии программирования, совершенствования компьютерных технологий требует соответствующего внимания в сфере защиты интеллектуальных прав, особенно это касается защиты прав на программы для ЭВМ. Последнее время законодатель довольно много внимания уделяет этому вопросу [5, с. 7].

Вместе с развитием процедур и механизмов по защите интеллектуальных прав правообладателей, логично будет признать, что законодателем слабо уделяется внимание процедуре и механизму защиты прав субъектов, которые правомерно пользуются результатами интеллектуальной деятельности правообладателей.

Согласно статье 1286 ГК РФ между лицами, которые имеют намерение пользоваться результатом интеллектуальной деятельности, программой для ЭВМ, и лицами, которые являются правообладателями программы для ЭВМ, заключается лицензионный договор [2].

Итак, физическое или юридическое лицо, приобретает, в лицензируемой точке продаж соответствующий носитель, на котором находится сама программа для ЭВМ. В процессе установки на свое устройство ЭВМ программы открывается дефект программы, который может привести к сбою в работе системы ЭВМ, а в некоторых случаях приводит возникновению неполадок в системе, которые не дают возможности использовать соответствующее устройство ЭВМ по назначению. Возникает логичный

вопрос, а может ли лицо, добросовестно приобретшее лицензию на программу для ЭВМ, как потребитель, рассчитывать на то, что денежные средства за недоброкачественный товар ему будут возвращены. Реальность такова, что для субъекта, приобретшего соответствующий материальный носитель, на котором находится программа для ЭВМ, становится проблемным и почти неисполнимым возврат уплаченных денежных средств [3]. Для того, чтобы понять причину такой проблемной ситуации, лучше всего будет проиллюстрировать это на примере.

Физическое лицо приобретает программу для ЭВМ на каком-либо материальном носителе (например, компакт-диск) или в любой иной объективной форме (передачей файлов через Интернет). Далее лицо производит установку соответствующей программы для ЭВМ. После установки лицо обнаруживает, что программа либо не соответствует функциональным требованиям ЭВМ и не может свободно использоваться на соответствующей ЭВМ по тому назначению, которое изначально предполагалось и заявлялось, или программа не соответствует техническим требованиям и не может функционировать в принципе на данной ЭВМ из-за отсутствия программного обеспечения на ЭВМ.

В результате возникает конфликтная ситуация, которая требует разрешения с помощью привлечения к ответственности виновных лиц. С точки зрения Закона о защите прав потребителей за товар ненадлежащего качества отвечает всегда продавец. Такая правовая логика благоприятствует потребителю [3]. Однако в случае приобретения программы для ЭВМ все происходит совсем не по правилам Закона о защите прав потребителя. Когда лицо в претензионной форме требует вернуть уплаченные денежные средства, противная сторона отказывает ему. Как бы с этим были ни согласны потребители, но в данном случае отказ правомерен. Дело в том, что в данном случае участниками договора не являются не продавец и потребитель [4]. Программа для ЭВМ в данном случае не является продуктом, работой или услугой. А следовательно применяться Закон о защите прав потребителей не может. Компания, которая передавала программу для ЭВМ на материальном носителе приобретателю, детально и правомерно с точки зрения действующего законодательства объясняет свою позицию на претензию последнего относительно невозможности установки или отсутствия функционального значения программы ЭВМ. А именно, приобретатель приобрел не товар, а право на использование. То есть приобретатель заключил лицензионный договор, по которому одна сторона (лицензиар) передает право на использование программы для ЭВМ (авторизационный код или ключ доступа) другой стороне (лицензиату) за лицензионное вознаграждение. Вознаграждение получено, право пользования предоставлено – лицензионный договор исполнен.

Подведем итог, стороны договора не совпадают с критериями сторон договора в соответствии с Законом о защите прав потребителей, предметом договора не является товар, работа, услуга. Вывод – претензия приобретателя к компании, предоставившей право использования соответствующей программы для ЭВМ, является необоснованной.

Вместе с тем остается открытой проблема неурегулированного законодательства в сфере защиты прав лицензиатов программы для ЭВМ, поскольку лицензионное вознаграждение вернуть невозможно, хотя воспользоваться программой для ЭВМ не получилось.

По этому поводу возникают разные позиции. Кто-то говорит о том, что целесообразнее было бы в области распространения программ для ЭВМ в торговых точках использовать по аналогии законодательство о защите прав потребителей. Такая по-

зияция кажется необоснованной. Поскольку, как уже было указано выше, присутствует в этих отношениях разный предмет договора, совершенно разные стороны договора, которые невозможно приравнять к сторонам продавец-потребитель. Аналогию закона согласно статье 6 ГК РФ можно применить только в том случае, если отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон, отсутствующим применимым к ним обычай и если это не противоречит их существу [1].

Такая проблема касается не только Российской Федерации. Аналогичные примеры можно встретить на пространстве всего СНГ. Такую же проблему можно встретить и в других развивающихся и даже развитых государствах Азии, Южной и Северной Америки, Африки и даже Европы. Приобретатели, которые добросовестно заключали лицензионный договор, сталкиваются с проблемой возврата своих денежных средств, в случае невозможности использования программы для ЭВМ. По сути, вся представленная выше ситуация и проблема касается всех развивающихся государств. Такая ситуация ставит в крайне ущемленное положение добросовестных приобретателей. Вместе с тем, необходимо понимать, что такая ситуация в конце концов становится источником для возникновения разнообразных форм информационных пиратских объединений, которые уже в грубой форме нарушают права правообладателей. Компания NetNames провела исследование и обнаружила только за 2013 год более 400 млн. информационных пиратов [6]. Это говорит о том, что общество предпочитает пиратскую, нелегальную версию лицензионной и качественной версии программы для ЭВМ. Мы не говорим, что это проблема нарушения прав лицензиатов в первую очередь повлияла на результаты, которые показала статистика, но определенную роль в этом сыграла. Возникает вопрос, каким образом решить указанную проблему.

В первую очередь, необходимо создать на международном уровне многостороннее соглашение, по которому будет детализированы положения по защите программ для ЭВМ, а также условия заключения договоров на отчуждение и использование программы для ЭВМ. Должны быть прописаны условия, согласно которым получение лицензии на программу для ЭВМ с одной стороны и лицензионного вознаграждения с другой стороны не будет считаться по умолчанию моментом исполнения договора.

Чтобы решить проблему защиты прав добросовестных лицензиатов, необходимо предусмотреть отдельный комплекс статей в национальном законодательстве каждого государства, в котором будет детально прописан порядок и условия открытого лицензионного договора на программу для ЭВМ. Должно быть детально указано, что обязаны предусмотреть и обозначить обе стороны договора. А именно, сторона лицензиар должна разработать детально инструкцию к программе для ЭВМ, в которой для лицензиатов будет прописаны все функциональные и системные требования к программе для ЭВМ. Кроме того, необходимо обязать лицензиара осуществлять проверку работы программ для ЭВМ, право на использование которой он предоставляет. Если иное не предусмотрено договором, сторона лицензиар после получения лицензионного вознаграждения считается по умолчанию ответственной за то, что программа для ЭВМ готова к функциональному использованию. В случае если возникают проблемы в использовании, сторона лицензиар должна будет нести ответственность за то, что программу ЭВМ невозможно использовать, так как знала или должна была это знать до заключения лицензионного договора. Это положение пересматривает положение о том, когда лицензионный договор будет считаться исполненным.

Таким образом, придерживаясь подобного рода правовой конструкции, можно урегулировать вопрос защиты прав добросовестных лицензиатов по лицензионному договору, предметом которых является использование программ для ЭВМ.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ.
3. Неменок Н.П. Понятие и виды административно-правовых форм защиты прав потребителей в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.center-bereg.ru/k249.html>.
4. Саввин А.М., Фадеева Ю.В. Основы маркетинга и его правового регулирования: Учеб.-метод. пособие для студентов вузов. – Тула: Папирус, 2012.
5. Власенко Н.А., Назаренко Т.Н. Неопределенность в праве: понятие и содержание // Государство и право. – 2007. – №6. – С. 7.
6. Сулейманов С. В мире насчитали 430 миллионов Интернет-пиратов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tjournal.ru/p/pirates-worldwide> (дата обращения: 10.01.2016).
7. Кассель П. Обзор законов США по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jurinform.ru/conf/law/1997-002/97002-01.php> (дата обращения: 10.01.2016).

UDC 343.1263.1 | DOI: 10.17809/0557468427-24

LEGISLATIVE AMENDMENTS TO THE STRUCTURE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE CONTEXT OF THE TENDENCY TO UNIFICATION OF THE PROCEDURAL FORM OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION AND THE INQUIRY

Lomachenko, E. I.,¹ Dudorov, T. D.^{1*}

1 Russian State University of Justice (Central Branch), Voronezh, Russia.

* Corresponding author: tanushe4ka_31@mail.ru.

CrossMark

Citation: Lomachenko, E. I., & Dudorov, T. D. (2016). Legislative amendments to the structure of the preliminary investigation in the context of the tendency to unification of the procedural form of the preliminary investigation and the inquiry. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-24.

Received: February 26, 2016.

Copyright: Lomachenko, E. I., & Dudorov, T. D.

Accepted: March 30, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИИ К УНИФИКАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

Процессуальная форма является специфической разновидностью правовой формы государственной деятельности, а ее ценность в том, что она создает детально урегулированный, устойчивый, юридически определенный, строго обязательный, стабильный

правовой режим производства по уголовному делу, отвечающий задачам судопроизводства и его принципам. Уголовно-процессуальную деятельность невозможно представить без традиционного рассмотрения ее сквозь призму определенной процессуальной формы. Деятельность всех участников уголовного судопроизводства детально регламентируется уголовно-процессуальным законом, который устанавливает определенную процессуальную форму совершения и закрепления (фиксации) этих действий. В доктрине уголовно-процессуального права вопросы процессуальной формы являются наиболее дискуссионными и обсуждаемыми, что обусловлено ее спецификой. В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство идет по пути все более углубленной дифференциации уголовно-процессуальной формы, однако, закрепляя при этом и унифицированную форму. Следует отметить, что на сегодняшний день предварительное расследование принято делить на следствие и дознание, выделяя из дознания его редуцированную форму - сокращенное дознание. Уголовный процесс предусматривает в качестве унифицированной уголовно-процессуальной формы - предварительное следствие, а в качестве упрощенной - дознание. Однако, дополнения и изменения законодательной базы за последние годы сблизили две рассматриваемые формы, в качестве унифицированных, обособив сокращенное дознание в виде упрощенной формы. В соответствии с этим, в теории и практике уголовного процесса возникает ряд вопросов, относительно существенного изменения структуры предварительного расследования.

Ключевые слова: уголовный процесс; судопроизводство; мера пресечения; принуждение; система мер; правосудие; участники судопроизводства; обвиняемый; подозреваемый.

Вопросы процессуальной формы традиционно относятся к числу наиболее обсуждаемых в доктрине уголовного процесса, что обусловлено не только их значимостью в рамках системы судопроизводства, но и перманентным реформированием законодательства в части регламентации многочисленных дифференцированных процедур, к числу которых традиционно относилось дознание. Вместе с тем, в последние годы наметилась достаточно выраженная тенденция к сближению порядка производства предварительного следствия и дознания, что связывается с введением редуцированной формы расследования – сокращенного дознания [1, с. 22]. Осмысление указанной тенденции предполагает, на наш взгляд, последовательное обращение к вопросам процессуальной формы предварительного расследования, признакам, ее характеризующим, а также установленному законодателем порядку досудебного производства по уголовным делам.

Анализ обширной библиографии вопроса позволяет сделать вывод о том, что в науке уголовного процесса форма предварительного расследования позиционируется как часть общей формы уголовного судопроизводства, опосредующей правовой режим расследования уголовного дела. Как справедливо отмечает Ю.П. Якубина, основой всей процедуры предварительного расследования является уголовное преследование [2, с. 41], т.е. деятельность стороны обвинения, направленная на избрание лица в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). С учетом обозначенной цели уголовно-процессуальной деятельности, а также, основываясь на общем назначении уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), позволим себе выделить несколько признаков, характеризующих процессуальную форму предварительного расследования.

Во-первых, раздел 8 УПК РФ детально регламентирует процедуру расследования, устанавливая три его вида: предварительное следствие, дознание и сокращенное доз-

вание, что позволяет сделать вывод о наличии установленного законом порядка организации расследования по уголовному делу.

Во-вторых, в соответствии с ч. 1 ст. 151 УПК РФ субъектами, уполномоченными на производство предварительного расследования, являются следователь и дознаватель, полномочия которых устанавливаются ст.ст. 38 и 41 УПК РФ. Это позволяет в качестве самостоятельного признака формы предварительного расследования выделить круг субъектов, уполномоченных на осуществление уголовно-процессуальной деятельности, содержанием которой является уголовное преследование лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления.

В-третьих, законодатель устанавливает четкий временной промежуток, в течение которого реализуется функция уголовного преследования в стадии предварительного расследования. Так, предварительное следствие по уголовному делу должно быть окончено не позднее 2 месяцев со дня возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 162 УПК РФ), дознание – не позднее 30 суток со дня возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 223 УПК РФ), сокращенное дознание – не позднее 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме (ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ). Названные сроки подлежат продлению в установленном законом порядке. Таким образом, в качестве самостоятельного признака процессуальной формы предварительного расследования выступает процессуальный срок его производства.

В-четвертых, прямую взаимосвязь с названным выше признаком, на наш взгляд, имеют моменты начала и окончания соответствующей стадии процесса, которые определяются датой составления определенного процессуального акта. Традиционно начало предварительного расследования в форме следствия и дознания связывается с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела, содержание которого регламентируется ч. 2 ст. 146 УПК РФ. Сокращенное дознание начинается вынесением постановления о его производстве по ходатайству подозреваемого, заявленному в порядке, предусмотренном ст. 226.4 УПК РФ. Завершенность и самостоятельный характер форме расследования придают итоговые процессуальные акты, содержащие результаты деятельности компетентных субъектов (обвинительное заключение, обвинительный акт, обвинительное постановление, постановление о прекращении уголовного дела).

Таким образом, форма предварительного расследования, с учетом обозначенных выше признаков, может быть определена как предусмотренный уголовно-процессуальным законом порядок деятельности уполномоченных должностных лиц по расследованию совершенного преступления в рамках установленных сроков, состоящий из ряда последовательных процессуальных и организационно-правовых действий, направленных на решение задач уголовного процесса и завершающийся принятием итогового процессуального решения о дальнейшем движении уголовного дела или о его прекращении.

Наиболее остро в контексте проблемы процессуальной формы предварительного расследования стоит вопрос о ее дифференциации. Анализ библиографии вопроса позволяет выделить два направления дифференциации уголовного процесса, которые в настоящее время практически не оспариваются и находят законодательное воплощение в тексте УПК РФ: 1) установление дополнительных гарантий законности по отдельным категориям уголовных дел; 2) упрощение некоторых процессуальных форм рассмотрения и разрешения уголовных дел [3, с. 31]. Сторонники «умеренной» дифференциации указывают на производность таковой от унифицированной процедуры расследования и рассмотрения уголовного дела с соблюдением следующих ос-

новых требований: правильное определение целей и оснований дифференциации; соблюдение прав и свобод граждан, вовлеченных в орбиту уголовного процесса; создание дополнительных гарантий реализации соответствующих прав [4, с. 20-21]. Тезис о необходимости оптимизации стадии предварительного расследования с целью повышения его эффективности именно в контексте редуцирования производства уже давно никем не оспаривается. Традиционно в качестве унифицированной процедуры расследования рассматривается предварительное следствие, а в качестве упрощенной – дознание. При этом к уголовно-правовым основаниям выделения названных форм относят уголовно-правовой характер деяния, а к процессуальным – уровень сложности установления обстоятельств дела [5, с. 136]. В качестве признаков редуцирования процессуальной формы в специальной литературе указываются следующие. Во-первых, упрощенная, по сравнению с предварительным следствием, процедура уголовного преследования, когда отсутствует этап привлечения лица в качестве обвиняемого, а соответствующий статус у подозреваемого появляется только при составлении обвинительного акта в порядке, предусмотренном ст. 225 УПК РФ. Во-вторых, дознание имеет сокращенные сроки производства (от 30 суток до 12 месяцев в исключительных случаях при исполнении запроса о правовой помощи). В-третьих, в соответствии с ч. 2 ст. 150 УПК РФ производство дознания носит факультативный характер, т.е. оно проводится в тех случаях, когда не является обязательным производством следствия, а, кроме того, при необходимости по письменному указанию прокурора эта форма может быть заменена на предварительное следствие.

Совокупность дополнений и изменений, внесенных в уголовно-процессуальный закон за последние годы, выражает отчетливую тенденцию сближения двух рассматриваемых форм предварительного расследования. В частности, существенно расширена подследственность органов дознания (она проводилась поэтапно с 2002 по 2015 годы (например: Федеральный закон от 31.12.2014г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий»; Федеральный закон от 30.12.2015г. № 441-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), появилась процессуальная фигура начальника подразделения дознания, соединяющая в себе полномочия прокурора и руководителя следственного органа. При этом по отношению к органам дознания прокурор сохраняет свои полномочия, утраченные им по отношению к органам следствия после создания Следственного комитета. Именно названные изменения явились причиной появления в специальной литературе утверждений о трансформации упрощенной процедуры расследования в «прокурорское дознание», неоднократно подвергавшееся критике за розыскной характер и излишнюю подконтрольность прокурору в части реализации функции уголовного преследования [6, с. 19]. Кроме того, процессуальный порядок дознания стал значительно приближаться к порядку производства следствия в части общих условий и итоговых решений: введена возможность производства дознания группой дознавателей (Федеральный закон от 23.07.2010 № 172-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»); описательная часть обвинительного акта была приближена к обвинительному заключению (Федеральный закон от 09.03.2010 № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»); справка о результатах дознания стала обязательным приложением к обвинительному акту (Федеральный закон от 06.11.2011 № 293-ФЗ «О внесении изменения в статью 225

Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации») и т.д. В этой связи, на наш взгляд, невозможно не согласиться с Л.В. Головкин в том, что «дуализм дознания и предварительного следствия как двух форм расследования не только изжил себя, но и просто не имеет надлежащих теоретических оснований ...»[7, с. 11].

На наш взгляд, перечисленные выше и иные факторы обусловили необходимость законодательного пересмотра дифференцированной процедуры предварительного расследования, что было сделано посредством введения сокращенного дознания Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Анализ положений гл. 32.1. УПК РФ позволяет выделить следующие признаки, характеризующие упрощенную форму предварительного расследования. Во-первых, пределы реализации упрощенной процедуры: 1) только по уголовным делам, возбужденным в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, относящихся к подследственности органов дознания; 2) признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного вреда, а также правовой оценки деяния, содержащейся в постановлении о возбуждении уголовного дела; 3) отсутствие обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме. Во-вторых, существенно сокращен срок дознания. В соответствии с ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ он составляет 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, и может быть продлен прокурором до 20 суток. В-третьих, значительно сужен предмет доказывания, а следовательно, и объем следственных и иных процессуальных действий, которые проводит дознаватель. В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 226.5 УПК РФ доказыванию подлежат только событие преступления, характер и размер причиненного вреда, а также виновность лица в совершении преступления, что явно не исчерпывает унифицированного предмета доказывания, предусмотренного ст. 73 УПК РФ. Кроме того, законодателем предусмотрена возможность дознавателя отказать от: 1) проверки доказательств, если они не оспариваются сторонами; 2) допроса лиц, чьи объяснения содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении; 3) производства экспертизы по вопросам, которые были предметом исследования в стадии возбуждения уголовного дела, при наличии в материалах дела заключения специалиста (ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). В-четвертых, как следствие производства дознания в сокращенной форме, выступает редуцирование стадии судебного разбирательства, предусмотренное ст. 316, 317 УПК РФ.

Все вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет утверждать, что за последние годы произошло существенное изменение структуры предварительного расследования. Фактически порядок производства дознания, предусмотренный гл. 32 УПК РФ, стал разновидностью следствия. С этой точки зрения было бы более логичным оставить две формы расследования: унифицированную – предварительное следствие и редуцированную сокращенное дознание. Если, исходя из обстоятельств дела, требуется проведение длительного и тщательного расследования – надлежит применять одну из форм предварительного следствия, а там, где на момент возбуждения уголовного дела небольшой или средней тяжести известно лицо, совершившее преступление и признающее свою вину, а также известны обстоятельства его совершения – должно применяться сокращенное дознание.

Список литературы:

1. Виданов А.М. Предварительное расследование в форме дознания: проблемы законодательного регулирования А.М. Виданов // Российский судья. – 2013. – № 9. – С. 22-24.
2. Якубина Ю.П. Актуальные вопросы совершенствования форм предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.П. Якубина. Хабаровск, 2010. 193с.

3. Алексеев Н.С. Очерк развития науки уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Коко-рев. – Воронеж: ВГУ, 1980. – 251с.
4. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М.Л. Якуб. – М.: Юридическая литература, 1981. – 132с.
5. Баранов А.М. Обеспечение законности в досудебном производстве по уголовным делам / А.М. Баранов. – Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2006. – 220с.
6. Власова Н.А. Концептуальная модель досудебного производства по уголовным делам / Н.А. Власова, Д.В. Осипов, Н.А. Кузнецова, Е.А. Нагаев // Проблемы следствия и дознания: Сборник научных трудов № 225. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – С. 18-23.
7. Головки Л.В. Унификация досудебного расследования // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 11-13.

UDC 343.126 | DOI: 10.17809/0557468427-25

MEASURES FOR SUPPRESSION IN THE SYSTEM OF THE CRIMINAL PROCEDURE LAW

Yushko, T. I.,¹ Dudorov, T. D.^{1*}

1 Russian State University of Justice (Central Branch), Voronezh, Russia.

* Corresponding author: tanushe4ka_31@mail.ru.

Citation: Yushko, T. I., & Dudorov, T. D. (2016). Measures for suppression in the system of the criminal procedure law. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-25.

Received: February 19, 2016.

Accepted: March 26, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Yushko, T. I., & Dudorov, T. D.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Кардинальные преобразования во всех сферах общественной жизни, связанные с развитием демократии, ставят перед юридической практикой вопросы в какой мере и в какой форме, а также при каких обстоятельствах в современных условиях органы государства правомочны применять процессуальное принуждение. На основе глубокого анализа значительного количества первоисточников, авторы приходят к выводу о том, что принуждение, какие бы формы оно не принимало, всегда будет оставаться неизменным атрибутом государства. Раскрытие, расследование, а также судебное разбирательство преступлений объективно обуславливают необходимость применения к подозреваемым, обвиняемым мер процессуального принуждения. Оно необходимо хотя бы для того, чтобы всей мощью государственного аппарата обеспечивать исполнение и соблюдение правовых норм теми лицами, которые не желают это делать добровольно. В настоящей работе дается понятие мер уголовно-процессуального принуждения и исследуется их система. Система мер пресечения представлена в порядке увеличения строгости. Приводится общая характеристика, раскрываются особенности избрания мер пресечения при осуществлении уголовного судопроизводства, а также указываются иные меры процессуального принуждения. В статье показаны роль и место мер пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения.

Ключевые слова: уголовный процесс; судопроизводство; мера пресечения; принуждение; система мер; правосудие; участники судопроизводства; обвиняемый; подозреваемый.

Раскрытие, расследование, а также судебное разбирательство преступлений объективно обуславливают необходимость применения к гражданам, участвующим в уголовном судопроизводстве мер процессуального принуждения. Очень часто участники и другие субъекты процесса препятствуют расследованию и разрешению уголовного дела неисполнением своих процессуальных обязанностей и совершением таких действий, которые нарушают порядок производства по делу. Именно поэтому закон предусматривает целую систему мер уголовно-процессуального принуждения направленную на обеспечение нормального хода раскрытия и расследования преступлений.

Меры уголовно-процессуального принуждения – это установленные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации средства принудительного характера, которые применяются следователем, дознавателем, прокурором и судом, в первую очередь, к обвиняемому (подозреваемому), а в некоторых случаях и к потерпевшему, свидетелю и иным субъектам уголовного судопроизводства для пресечения и предотвращения их противозаконного поведения, получения доказательств, осуществления возможной конфискации имущества и для обеспечения гражданского иска.

Все меры уголовно-процессуального принуждения по своему характеру многообразны и применяются для достижения различных целей. Эти различия и служат основанием для классификации мер уголовно-процессуального принуждения. Все меры принуждения можно разделить на такие, которые: пресекают или предотвращают неправомерное поведение участников судопроизводства, помогают получить и проверить доказательства, обеспечивают гражданский иск и конфискацию имущества [1, с. 58].

Меры уголовно-процессуального принуждения отличаются от других мер государственного принуждения тем, что носят процессуально-правовой характер и применяются только в период производства по уголовному делу.

Уголовно процессуальный кодекс РФ определяет систему мер уголовно-процессуального принуждения, которым посвящается раздел IV. Данный раздел все меры процессуального принуждения разделяет на три вида:

- 1) задержание подозреваемого (глава 12);
- 2) меры пресечения (глава 13);
- 3) иные меры уголовно-процессуального принуждения (глава 14).

Задержание подозреваемого - мера процессуального принуждения, которая применяется органом дознания, дознавателем, следователем или прокурором на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Сущность данной меры заключается в кратковременном лишении свободы лица, подозреваемого в совершении общественно-опасного деяния, в целях выяснения его личности, причастности к преступлению и решения вопроса о применении к нему меры пресечения.

Кроме мер пресечения и задержания подозреваемого, уголовно-процессуальный закон называет еще и группу иных мер процессуального принуждения. К ним относятся: обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество, денежное взыскание и обращение залога в доход государства. Основанием применения иных мер уголовно-процессуального принуждения является необходимость обеспечения установленного законом порядка уголовного судопроиз-

водства т.е. обеспечение своевременного проведения процессуальных действий, надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства, а также надлежащего исполнения приговора.

Иные меры уголовно-процессуального принуждения отличаются от мер пресечения по нескольким признакам. Во-первых, иные меры уголовно-процессуального принуждения являются менее строгими по сравнению с мерами пресечения и влекут за собой меньшие правоограничения. Во-вторых, в отличие от мер пресечения, к лицу могут быть применены одновременно несколько иных мер уголовно-процессуального принуждения.

Меры пресечения являются разновидностью уголовно-процессуальных мер принуждения.

Под мерами пресечения понимаются предусмотренные уголовным законом меры процессуального принуждения, применяемые следователем, дознавателем, прокурором и судом в отношении обвиняемых в установленном законом порядке, а в некоторых случаях и в отношении подозреваемых, и заключаются в ограничении свободы указанных лиц или в установлении за ними наблюдения, для обеспечения их участия в судопроизводстве, а также воспрепятствования помешать установлению истины по делу, либо попыткам скрыться от следствия и суда.

Статья 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает исчерпывающий список мер пресечения в который входят:

- 1) подписка о невыезде;
- 2) личное поручительство;
- 3) наблюдение командования воинской части;
- 4) присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- 5) залог;
- 6) домашний арест;
- 7) заключение под стражу.

Перечисленные меры пресечения заключаются в следующем:

1) подписка о невыезде, предусмотрена статьей 102 УПК РФ и состоит даче подозреваемым (обвиняемым) письменного обязательства не покидать без разрешения суда, дознавателя, либо следователя своего места жительства, а также являться по вызову дознавателя, следователя или суда в указанное время.

В том случае, если обязательство будет нарушено, то данная мера может быть заменена на другую.

2) личное поручительство (статья 103 УПК РФ), заключается в письменном обязательстве лица, которое заслуживает доверия, о том, что оно отвечает за исполнение подозреваемым (обвиняемым) таких обязанностей как: не оставлять своё место жительства без разрешения суда, следователя и дознавателя, в указанный срок являться по вызову и не затруднять осуществление производства по делу.

3) наблюдение командования воинской части (статья 104 УПК РФ) совершается в отношении подозреваемого (обвиняемого), который является гражданином, проходящим военные сборы или военнослужащим и заключается в принятии мер, содержащихся в уставе Вооруженных Сил России, для обеспечения тех же обязанностей, которые указаны в вышеперечисленных пунктах.

Особенностью этой меры пресечения заключается в том, что её применение допускается только с согласия подозреваемого лица.

4) присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (статья 105 УПК РФ) заключается в обеспечении должного, предусмотренного статьей 102 УПК

РФ, поведения несовершеннолетних родителями, опекунами и иными лицами, заслуживающими доверия и должностными лицами учреждений, в которых они находятся. Указанные лица так же дают письменное обязательство.

На лица, у которых под присмотром находился несовершеннолетний подозреваемый, может быть наложено денежное взыскание, если они не выполняют приятое ими обязательство.

5) залог (статья 106 УПК РФ) состоит из недвижимого или движимого имущества в виде денег, облигаций, ценностей, акций, которые передает подозреваемый (обвиняемый) или иное лицо в суд, либо в орган, в производстве которого находится дело. Целью передачи имущества является – предупреждение подозреваемым (обвиняемым) нового преступления и его явка по вызову в суд, либо к следователю и дознавателю.

Существует несколько особенностей рассматриваемой меры пресечения:

1) влияние этой меры обосновывается материальной заинтересованностью залогодателя, а также чувством ответственности подозреваемого перед теми лицами, которые внесли залог;

2) мера пресечения в виде залога может назначаться только по решению суда.

Закон не ограничивает круг лиц, имеющих право вносить материальные блага.

Суд определяет размер и вид залога, учитывая данные личности подозреваемого и его имущественного положения, а также характер совершенного преступления.

Залог будет обращен в доход государства, если подозреваемым (обвиняемым) будут нарушены обязательства.

6) домашний арест (статья 107 УПК РФ) это нахождение подозреваемого (обвиняемого) в частичной или полной изоляции от общества, в помещении, находящемся у него на правах собственности, или на других основаниях, предусмотренных законом, с возложением на него дополнительных запретов и ограничений и с установлением за ним контроля.

К запретам и ограничениям закон относит:

- выход за границы помещения, где проживает подозреваемый (обвиняемый);
- общение с конкретными лицами;
- пользование какими-либо средствами связи.

Суд имеет право назначить подозреваемому (обвиняемому) все запреты или какие-либо определенные, это зависит от тяжести предъявленному ему обвинению и иных обстоятельств.

7) заключение под стражу (статья 108 УПК РФ) является самой строгой мерой пресечения, которая заключается в изоляции подозреваемого (обвиняемого) от общества и в помещение его в место предварительного заключения.

Основная цель применения мер пресечения заключается в обеспечении успешного расследования и рассмотрения уголовного дела. Меры пресечения не имеют воспитательного и карательного назначения, в отличие от мер наказания, и действуют они только до вступления в законную силу приговора.

Меры пресечения невозможно отнести к мерам процессуальной ответственности, поскольку они применяются лишь для предупреждения и предотвращения совершения подозреваемым (обвиняемым) новых преступлений и совершения каких-либо процессуальных нарушений, а не за уже совершенное преступление.

Меры пресечения занимают основополагающее место в системе мер уголовного принуждения, поскольку по сравнению с другими мерами они чаще всего применяются в качестве правовых ограничений [2, с.299].

Сущность мер пресечения обнаруживается, главным образом, при раскрытии их связи и возникающими перед ними основными целями. Для того, чтобы успешно подобрать решение для какой-либо задачи, используются не какие угодно способы и средства, а в основном те, какие могут явиться решением для нее и свойства их должны быть такими, чтобы позволили достичь ожидаемого результата. Главные цели практически всегда очень твердо выделяют общий критерий для выбора способа и средств. Но указанных средств, которые отвечали бы общим критериям, может быть огромное количество. Поэтому порядок их выбора так же должен соответствовать еще и специальному критерию – критерию допустимости и оптимальности по расходованию времени, материальных затрат, сил и других. Преимущество может быть, как у одного критерия, так и, в исключительных случаях, у нескольких. И в одном варианте задачу можно будет решить, используя минимум материальных затрат, но при этом будет использовано очень много времени, а в другом варианте, задача будет решена быстро, несмотря на затрату средств и сил.

Все это относится к уголовно-процессуальным мерам пресечения и к уголовному судопроизводству в целом. Возможность существования мер пресечения имеет место потому, что уголовно-процессуальный закон предусматривает надобность предотвращения уклонения подозреваемого (обвиняемого) от суда и предварительного расследования, пресечения дальнейшей деятельности преступного характера, устранения его попыток угрожать свидетелям или иным участникам судебного процесса, обеспечение исполнения приговора [4, с. 248].

Только лишь успешное осуществление судопроизводства может гарантировать защиту законных интересов и прав потерпевших, и защиту подозреваемого (обвиняемого) от необоснованного и противозаконного обвинения. Перечисленные обстоятельства для уголовно-процессуальных мер пресечения будут являться целью, а для уголовного процесса, в свою очередь, они являются задачей. Это говорит о том, что при производстве по уголовному делу задачи по обеспечению законного поведения подозреваемого, выражающегося в его не уклонении и в не совершении им новых преступлений, обязательно должны быть решены. Любой подозреваемый (обвиняемый), конечно же, ведет себя не самым лучшим образом. Его соответствующее закону поведение может быть достигнуто как его личными усилиями, так и путем его убеждения со стороны близких, знакомых, и путем убеждения со стороны органов, которые осуществляют уголовное преследование и уже только в последнюю очередь принуждением со стороны государства [3, с. 103]. Именно поэтому уголовно-процессуальные меры пресечения являются дополнительным институтом уголовного процесса. Соотношение между действительными данными и строгостью мер пресечения должно быть в прямой зависимости, т.е. серьезному противодействию должно соответствовать большее сопротивление.

Уголовное судопроизводство – это деятельность, основанная на законе и осуществляемая от имени государства и поэтому, для ее реализации подходят не все средства, а только те, которые соответствуют критериям допустимости и оптимальности, присущим для данной деятельности – защите и охране прав личности. Поэтому мерами пресечения могут быть лишь те, которые ограничивают права только подозреваемого (обвиняемого), за исключением материальных ограничений при залоге, вносимом другими лицами, но только с их согласия, которые соответствуют нормам нравственности, морали и не представляют никакой опасности для жизни и здоровья [4, с. 250].

Законодатель считает, что в настоящее время общим и специальным критериям отвечают семь, перечисленных в статье 98 УПК РФ, мер. Поэтому только указанные

меры могут являться мерами уголовно-процессуального пресечения. Но развитие общества, науки и техники не стоит на месте и поэтому вполне возможно в ближайшем будущем будут созданы новые меры пресечения, эффективность которых будет гораздо выше существующих, а объем ограниченных прав обвиняемых (подозреваемых) будет уменьшен.

Из всего вышесказанного можно заключить следующее, что законодатель указал в нормах уголовно-процессуального кодекса определенный всеисчерпывающий перечень мер пресечения. В 98 статье УПК РФ меры пресечения перечисляются от менее строгих к наиболее строгим. Суд, следователь, дознаватель не имеют права назначить иную меру пресечения, кроме тех, которые указаны в законе.

Такие меры пресечения как залог, домашний арест, подписка о невыезде, личное поручительство могут применяться ко всем подозреваемым (обвиняемым), тогда как наблюдение командования воинской части может быть применено к тем лицам, которые несут военную службу, а присмотр за несовершеннолетним, назначается только к лицу, не достигшему возраста 18 лет и совершившему противоправное общественно-опасное деяние.

Возможность назначения сразу нескольких мер пресечения законом не допускается. Все меры связаны между собой и если только выбранная мера пресечения не может обеспечить в полной мере раскрытие преступления, расследование и рассмотрение уголовного дела, она может быть заменена другой, более строгой мерой.

Список литературы:

1. Васильева, Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. – Уфа: Издательство Башкирского государственного университета, 2003. – 136 с.
 2. Гуценко, К.Ф. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. – М.: Издательство "Зерцало", 2005. – 736 с.
 3. Даньшина, Л.И. Меры пресечения при производстве по уголовному делу: монография. – М., 1991.
 4. Михайлов, В.А. Меры пресечения в российском уголовном процессе // Право и Закон. – 1996. – С. 4-5
 5. Смирнов, А. В. Уголовный процесс: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2004. – 697 с.
 6. Тухватулина, Р.З. Меры пресечения и их социальная сущность // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Правоведение. – 2005. – №6 (2). – С. 169-172.
 7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (УПК РФ): Составлен с учетом действующей редакции закона. С последними изменениями и дополнениями от 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakonirof.ru/?p=12124>.
 8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 30.12.2015).
-

RUSSIA: SHARED VALUES OF YOUNG PROFESSIONALS AS CULTURAL OBSTACLES TO ECONOMIC DEVELOPMENT

Aksenova, O. A.^{1*}

1 St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

* Corresponding author: olgaksenova@yandex.ru.

Citation: Aksenova, O. A. (2016). Russia: Shared values of young professionals as cultural obstacles to economic development. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-26.

Received: February 15, 2016.

Copyright: Aksenova, O. A.

Accepted: March 12, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

The article continues the studies of the impact of cultural factors on the economic progress of different cultures and societies around the world, which were initiated years ago in the Harvard Academy of International and Area Studies. The author's research specifically focuses on "value and attitude measurement" with the purpose to identify cultural values among Russian young professionals, because it is very important for the economic future of the country. Although questionnaires, which include checklists or pre-formulated answers, are commonly used for value studies, the author chooses a more "liberal" approach without a strict framework: data was gathered by the content-analysis of the short essays were written by 4th year students of St. Petersburg Polytechnic University, enrolled in the Governance and Public Administration program in 2010-2015. Based on the content analysis, the following conclusions are drawn: students showed a relatively high rating of values pertaining to comfort and success and significantly lower rating of moral and ethical values. One of the most important values for economic and social progress - "freedom" - was rated as the last one. Also, study showed the significant increase in the value of "power." In combining with other studies, author suggests that the cultural values that dominate the Russian society may be more non-productive than productive and could be an obstacle to the country's progress because it might give rise to economic stagnation and the lack of development of state institutions.

Key words: values and attitudes; Russian young professionals; content-analysis; non-productive culture; development.

Introduction: Culture, Mental Models as facilitators (or obstacles) of the progress.

G. Hofstede, F. Fukuyama, L. Harrison, S. Huntington, E. Yasn and many others have studied cultural barriers to the economic and political development of societies [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. The term "culture" describes all aspects of society: values, symbols, institutions, practices, and relationships between people. These studies show that there is a correlation between culture and the nature of the economy and introduce the concept of "productive" and "non-productive economic culture" [7]. For example, a system of values, mental models, attitudes and etc. in general could be called "productive" if it promotes economic development of a country. And on the contrary - "non-productive" - when it does not promote or inhibits the economic development of a country.

Several years ago, the Harvard Academy of International and Area Studies, initiated a project to study the impact of cultural factors on the economic progress of different cultures

and societies from around the world. The research agenda comprised six basic elements. These elements are: (i) a value/attitude typology; (ii) the relationship between culture and development; (iii) the relationship among values/attitudes, policies and institutions; (iv) cultural transmission; (v) value/attitude measurement; and (vi) assessing cultural initiatives already underway.

Research. The study specifically deals with “value and attitude measurement.” The purpose of this study is to identify cultural values among Russian youth. It is important to find out what values are shared by young professionals because it is very important for the economic future of the country.

Methods. Although questionnaires, which include checklists or pre-formulated answers, are commonly used for value studies (for instance, Schwartz’s Value Inventory) [8]. The author suggests values measuring based on content-analysis of the text which considers as more liberal, without a strict framework and more appropriate for the current situation in Russia.

In 2010, 2011, 2012, 2013, and 2015, a number of content analyses of texts (short essays) were conducted. These essays were written by the students of St. Petersburg State Polytechnic University enrolled in the Governance and Public Administration program. Each year approximately 48-52 essays were analyzed for a total of 250 responses. In essays, students explained the reasons of choosing the program specialty. Students were asked to write an answer to this open-ended question: “List the reasons why you have chosen this profession?” The researcher was interested in the students being able to be honest and complete their answers. So, it was important that their answers were based on life experience and not a forced choice answer. It should be noted that a real system of values occurs when a person makes a free choice, not a forced answer. The students were not required to specify name, sex, and age; therefore, they would feel freer and secure to answer honestly.

The content analysis began with the identification of *semantic units* [9, 10, 11], which used the concepts of *value orientations*. Semantic units associated with the values orientations were chosen from the results of the project “Tomsk Initiative-Core Values of Russians” [12], which was carried out by a large group of Russian researchers from Moscow and Tomsk in 2001-2003. The results were published in “Basovie Tzennosty Rossiyani: Sotzialnie Ustanovki. Ziznennie Strategii Cimvoli. Myphi.” The English translation is “Basic values of Russians: Social attitudes. Life Strategies. Symbols. Myths”. The concepts chosen were: independence, power, freedom, calmness/peace, mercy, justice, patriotism, pleasure, success, law, mind, selfless, development/growth, prosperity/wealth, comfort, integrity/honesty, work, and family. The indicators (words) corresponding with the semantic units were selected from the students’ texts (See Table 1 “Semantic units and text indicators”).

Next, the frequency of each reference in the texts was calculated. Since the samples from each year (2010, 2011, 2012, 2013, 2015) were different in the number of texts, the frequencies of responses were normalized, i.e. they were divided by the number of texts [11] (See Tables 2 -6 “The results of content analysis”).

Limitations on the use of the content analysis method. Limitations include interpretations of words and meaning between the students and the coder. As Weber notes, “To make valid inferences from the text, it is important that the classification procedure be reliable in the sense of being consistent: Different people should code the same text in the same way” [13]. Since there was only one coder, there is high reliability in the consistent interpretation of the words. Another limitation is the complexity of the process. The use of measures and numbers as a valid way to obtain “objectivity” and “systematicity,” may be spoiled by the human tendency to read textual material selectively, in support of expectations rather than against them [14].

Conclusions. Based on the content analysis, the following conclusions can be drawn. First, the most frequently used words by the students are associated with notions of “pleasure,” “comfort,” “success,” and “power.” Second, the least frequently used words by the students are associated with the concepts, such as “lawfulness,” “selfness,” “justice,” and “freedom.” From 2010 to 2015, these rankings have not changed with the exception of “power.” During this period of time, this value increased more than 2 times (from 20.8 to 48). Overall, students still showed a relatively high rating of values pertaining to comfort and success and significantly lower rating of moral and ethical values, and one of the most important values for economic development and social progress – “freedom” - was rated the last one. But it should be noted that for the development of an innovative economy two factors are very important to succeed: (i) *freedom* of creativity and (ii) *freedom* of enterprise. These data confirm that the trends identified in previous research (“Basic values of Russians: Social attitudes. Life Strategies. Symbols. Myths” (2003) [15]) remain the same: high ratings of vital values, lower ratings of moral and ethical values. Young professionals want to pursue pleasure and an exciting life.

The results of other studies [16, 17] show the increasing “string atomization” of the Russian society, reducing horizontal linkages, with the dominance of the étatist complex (from French “État” – “state”). The concept of “Etatism”, is close to “Statism”; it is the worldview and ideology, which absolutizes role of the state in society and promotes the maximum subordinate of the interests of individuals and groups with the interests of the state, which is supposed to be standing over society. Also it should be noted that surveys done in 2014 found the level of confidence or trust between people in Russia was not more than 20% [18, 19]. This corresponds to results of the survey conducted in January 2013 by independent center ROMIR in Russia. The ROMIR survey conducted (N=2000, 41 Russian Federation, 203 survey point) on a representative sample indicated that only 22.9% of respondents believed that people can be trusted. The majority of Russians (73.7%) believe that people cannot be trusted and need to be very careful in relationships (Undecided was 3.4%).

On the basis of the above, the system of values in the Russian culture can be attributed to non-productive culture, and it is an obstacle to the country's progress. There is a strong need for further research in this area to identify cultural trends in the Russian society and to understand the chief factors that influence to the values and attitude formation (such as university education, churches, child rearing practices, the media, the workplace etc.), to create the value and attitude guideline for the promotion of progressive values and attitudes.

References

1. Harrison, L. E. (2000). *Underdevelopment is a state of mind: The Latin-American case*. New York, NY: Madison Books
2. Huntington, S. F. (2000). Foreword, Culture Count. In L. E. Harrison & S. F. Huntington (Eds.), *Cultural matters: How values shape human progress* (xiii-xvii). New York, NY: Basic Books.
3. Ясин Е.Г. Новая эпоха-старые тревоги. – М.: Новое издательство, 2004. – 320с
4. Porter, M. E., & Kramer, M. R. (2011). Creating Shared Values. *Harvard Business Review*, 89(1/2), 62–77.
5. Fukuyama, F. Y. (1999). *The Great description: Human Nature and reconstitution of Social Order*. New York, NY: Free Press.
6. Geertz, C. J. (1973). Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture. In *The Interpretation of Culture: Selected Essays*. New York: Basic Books.
7. Lindsay, S. (2000). Culture, mental models, and national prosperity. In L. E. Harrison & S. P. Huntington (Eds.), *Culture matters: How values shape human progress* (282-295). New York: Basic Books.
8. Schwartz, S. H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology*. San Diego: Academic Press.

9. Berelson, B. R. (1971). *Content Analysis in Communications Research*. New York, NY: MacMillan Pub.
10. Krippendorff, K. S. (1980). *Content Analysis: An Introduction to its Methodology*, Beverly Hills, CA: Sage Publication.
11. Аверьянов, Л.Я. Контент-анализ. – Изд-во: КноРус, 2007. – 456 с
12. Смирнов, Л.М. Базовые ценности и «антиценности» современных россиян // Базовые ценности россиян: социальные установки, жизненные стратегии, символы, мифы. – М.: Дом интеллектуальной книги. – С. 16-21.
13. Weber, R. P. (1990). *Basic Content Analysis (2nd ed.)*. Newbury Park, CA: Sage.
14. Krippendorff, K. (2004). *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology (2nd ed.)*. Thousand Oaks, CA: Sage Publication.
15. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Сборник под ред. Рябова А.В. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.
16. Бызов Л.А. Социокультурная трансформация российского общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/09/14/1285> (дата обращения 03.03.2016)
17. Яковенко И.Г. Российское государство: дополнительность социального и культурного анализа // Россия трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Издательство «КАНОН-пресс-Ц», 2001. – С. 167-179.
18. Чурун С.Н. Гражданское общество на периферии на примере Кузбаса. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 174 с.
19. Доверие в обществе. О социальном, межличностном доверии и готовности объединяться для совместных действий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/11253> (дата обращения: 10.03.2016)

Table 1. Semantic units and text indicators.

	Semantic Units	Indicators (keywords)
	Power	Manage , lead, influence , authority, control, force
	Freedom	Choice
	Calmness	security , stability
	Mercy/ compassion	Help , love
	Justice	Diligent , impartiality
	Patriotism	My country, hometown, St.Petersburg University is the best, Russia
	Pleasure	Interestingly, I like , my friends
	Success,	Career development , prestige, prospects , promotion opportunities , the governor , the highest position
	Lawfulness	
0	Honesty	Truthful, frank
1	Development / growth	Education, knowledge , learn something new opportunities, to broaden my horizons
2	Prosperity/wealth	Good salary, high income
3	Comfort комфорт	Easy to apply to University, relationships, close to home , it is easy to get a job , not a lot of exams
4	Selfless	Concern for the welfare of others.
5	Labor	Job
6	Family	Father, mother, sister , parent's advice, my relatives

Table 2. The results of content analysis (2010).

2010 (48 texts)	Values	Frequency	
		Absolute	Norm.%
Max freq.			
	Development / growth	14	29,1
	Success,	37	77,0
	Pleasure	31	64,0
	Power	10	20,8
	Comfort	16	33,3
Min freq.	Patriotism	16	33,3
	Freedom	0	0
	lawfulness	0	0
	selfless	1	2,0
	justice	0	0
	calmness	1	2,0
	Labor	0	0

Table 3. The results of content- analysis (2011).

2011 (34 texts)	Values	Frequency	
		Absolute	Norm.%
Max freq.			
	Development / growth	8	23,5
	Success,	17	50,0
	Pleasure	30	88,2
	Power	10	29,4
	Comfort	15	44,1
Min freq.	Family	12	35,3
	Freedom	0	0
	Lawfulness	0	0
	Selfless	0	0
	Honesty	0	0
	Independence	0	0
	Labor	0	0

Table 4. The results of content analysis (2012).

2012 (65 texts)	Values	Frequency,	
		Absolute	Norm.%
Max freq.			
	Success,	46	70,7
	Pleasure	24	36,9
	Power	11	16,9
	Comfort	13	20,0
	Patriotism	12	18,4
Min freq.	Freedom	2	3,0
	Lawfulness	0	0
	Selfless	0	0
	Honesty	1	1,5
	Independence	0	0
	Labor	1	1,5

Table 5. The results of content analysis (2013).

2013(52)	Values	Frequency
-----------------	---------------	------------------

Max freq.		Absolute	Norm. %
	Development / growth	30	57,7
Success,	28	53,8	
Pleasure	24	46,2	
Power	21	40,4	
Labor	19	36,5	
Patriotism	17	32,6	
Min freq.	Freedom	0	0
	lawfulness	0	0
	selfless	0	0
	justice	1	1,9
	calmness	5	9,6

Table 6. The results of content- analysis (2015).

2015(50)	Values	Frequency	
Max freq.		Absolute	Norm. %
	Success	30	60%
	Development / growth	26	52%
	Pleasure	25	50%
	Power	24	48%
	Patriotism	20	40%
Min freq.	Labor	17	34%
	Freedom	0	0
	lawfulness	0	0
	selfless	1	2%
	justice	1	2%
	calmness	3	6%

UDC 336.027 | DOI: 10.17809/0557468427-27

THE ROLE OF GOVERNMENT AND BANKING SYSTEM IN THE DEVELOPMENT OF SMALL- AND MEDIUM- SIZED BUSINESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Babushkin, S. S.,^{1*} & Grebenshchikova, V. T.²

1 Saint Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia. 2 Russian Customs Academy, Saint Petersburg branch named after V. Bobkov, St. Petersburg, Russia.

* Corresponding author: ibabushkin3@gmail.com.

Citation: Babushkin, S. S., & Grebenshchikova, V. T. (2016). The role of Government and banking system in the development of small- and medium-sized businesses in the Russian Federation. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice*. London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-27.

Received: February 19, 2016.

Accepted: March 12, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Babushkin, S. S., & Grebenshchikova, V. T.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

This article examines what impact the government and the banking system have on the development of small- and medium-sized businesses. Different ways to impact on the company by the government and the banking system are studied and evaluated. The authors propose several methods for more effective state support in the development of new businesses.

Key words: government; banking system; small business; medium-sized enterprise; business; Russian Federation.

Nowadays, every person realizes that business is very important in their life. Thanks to different enterprises and companies every person with little efforts can choose a product, which is good enough for them. Small- and medium-sized enterprises (SME) take a big part in every market economy. Large enterprises usually develop either under the state's control or with its cooperation. Nevertheless, one should not forget that SME help develop the society as a system of large-scale cooperation. Some states forget about part of these enterprises and do not help them. Consequently, it might become a reason of why a state remains without changes in its economic development.

SME are well supported in the Russian Federation, because there are often new companies appearing, which help society and the whole country to develop. One of the most famous ways of supporting this economy sector is to give subventions, which are contributed to enterprises for free. The subventions must help in developing most perspective projects. Almost in the same way, start-up companies are supported. The state can also organize a competition, where a winner gets grant for developing their own project.

For example, the Government of Leningrad Oblast takes action in this direction. St. Petersburg takes first place in the amount of small enterprises: 100 thousands inhabitants – 368,7 points. There are also statistics of Moscow and the Moscow region, which we may use to compare the results: the Moscow region – 239,8 points; Moscow – 213,5 points.

St. Petersburg also takes good places in a world rating: in amount of small-scale enterprises for 100 thousands inhabitants, St. Petersburg takes 18th place in the world. This index exceeds the middle one in more than 3 times in the Russian Federation. In amount of workers at small-scale enterprises, St. Petersburg takes 33th place between Lithuania and Latvia. This index exceeds the middle one in 1,3 times in the Russian Federation.

Frequently SME get an opportunity to develop by receiving the state's support. Banks of the Russian Federation do not support this type of business. We can prove that with the undertaken studies of Aori Company.

According to the statistics, it is obvious that 19% of entrepreneurs would like to take out a loan, but they cannot do it. Therefore, 5th half of SME does not have an opportunity to get support from bank for its development. 12% of respondents often use bank's services. They are in requisition and are not afraid of paying back the bank if a crisis comes. 7% of respondents used bank services only once, very likely those entrepreneurs were not pleased with bank percents or with their relations. Finally, 62% of entrepreneurs had never used credit services. This category of entrepreneurs is not the same as that category, which often takes out a loan for developing its business. Respondents of this category are more likely to have set up business recently and haven't had a chance to become widely known. That is why, their market position is not stable, and loan interests during the crisis can ruin a company. Consequently, entrepreneurs try not to take out a loan until their market position is stable.

The next undertaken study made by Aori Company is connected with hindrance of SME to take out a loan. 36% of respondents noticed high percentages of bank. Undoubtedly, enterprises, which are not stable, cannot afford a loan with high interest rates. However, the most popular answer was: "Too many necessary documents." Companies, which have set up busi-

ness recently, face with difficulties trying to have a loan from a bank. Collecting all necessary documents takes a lot of time time, and many entrepreneurs do not want to do it. We also should not forget that banks ask for certificates about company's earnings. These certificates are necessary for assure the bank that a particular enterprise is available to pay back a loan. However, company, which has set up recently, does not have certificates about its incomings for last one or two years. That is how SME is limited in taking loans. 3% of our respondents mentioned that they had hindrance in receiving pawn. It shows limitations of SME in receiving credits. Those companies that want to have a credit may not have enough resources to pay them back. Last 3% of entrepreneurs mentioned that they did not have any problem in taking out a loan. These owners are of those enterprises, which are the most popular in the market which receive large profit.

In conclusion, SME are developing most of all with support from the state. The banking system does not often provide resources for development for this sector for many reasons. We consider the state to be more dynamic in supporting SME.

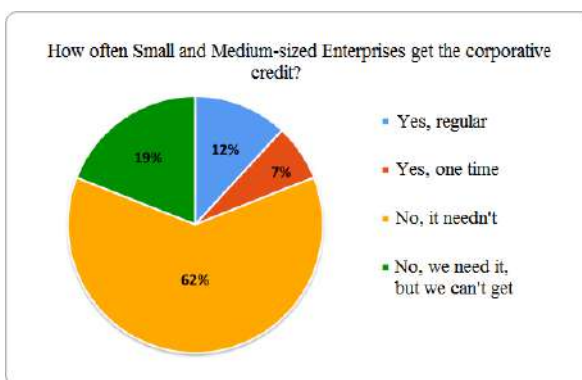

Diagram 1

Source: Исследование в области малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс] 01.12.2014 – Режим доступа: http://aori.ru/news/issledovanie_aori_bankovskie_uslugi_i_kreditovanie_dlya_malogo_i_srednego_biznesa/ (18.03.2016).

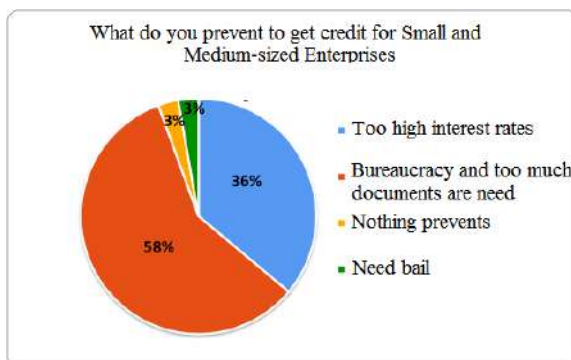

Diagram 2.

Source: Исследование в области малого и среднего бизнеса [Электронный ресурс] 01.12.2014 – Режим доступа: http://aori.ru/news/issledovanie_aori_bankovskie_uslugi_i_kreditovanie_dlya_malogo_i_srednego_biznesa/ (18.03.2016).

References:

1. Программа развития малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге на 2012-2015 годы [электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. – Режим доступа: http://gov.spb.ru/gov/terr/reg_kurort/biznes/programma-razvitiya-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-v-sankt-peter (Date of use: 19.04.2016).
2. Исследование в области малого и среднего бизнеса [электронный ресурс] 01.12.2014. – Режим доступа: http://aori.ru/news/issledovanie_aori_bankovskie_uslugi_i_kreditovanie_dlya_malogo_i_srednego_biznesa/ (Date of use: 18.04.2016).
3. Общероссийская конференция предпринимателей в Петербурге [электронный ресурс] // Общественный совет по развитию малого предпринимательства при губернаторе Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, 27.05.2015). – Режим доступа: <http://osspb.ru/osnews/15946>.

UDC 331.1 | DOI: 10.17809/0557468427-28

DEVELOPMENT OF THE INTERNAL ENTERPRISE ENVIRONMENT: THE LOGIC MODEL

Kulchitskaya, E. V.^{1*}

1 Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

* Corresponding author: School-art@mail.ru.

CrossMark

Citation: Kulchitskaya, E. V. (2016). Development of the internal enterprise environment: The logic model. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-28.

Received: February 21, 2016.

Accepted: March 29, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Kulchitskaya, E. V.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Personnel audit as the tool of an assessment of human resources of the modern enterprise is an effective information basis for development of the all system of elements of the internal enterprise environment of the organization.

Key words: internal enterprise environment; enterprise development; personnel audit.

Personnel audit in modern practice is understood as a complex assessment of human resources and a personnel management system regarding their compliance to the purposes and strategy of the company, and also identification of the reasons (with an assessment of their influence and the importance) emergence of problems in functioning of the company, with the subsequent recommendations about reduction of a control system of human resources and/or human resources in compliance with requirements of business.

The optimum and rational mechanism of realization of personnel audit will allow it to become a basis of development of the internal enterprise environment. Human resources of the organization provide development of all other elements of the internal environment of the organization. Therefore, due to improvement of elements of the internal enterprise environment their deep analysis in the context of influence of elements of a personnel management

system and the personnel on realization of these elements has to be the cornerstone of development of the enterprise.

According to the author, it is necessary to understand process of improvement of activity of the enterprise by increase of efficiency of functioning of elements of his internal environment as development of the internal enterprise environment. Elements of the internal enterprise environment accompanied by the possible directions of development and the main methods of realization of these directions are presented in Table 1.

In the conditions of transition to post-industrial society there was a revaluation of value of human resources for the organization. The personnel are recognized as a fundamental condition of ensuring competitiveness of the enterprises as the major innovative resource in economic, social and cultural development. Noticeable growth in improvement of the theory and practice of human resource management is connected with it.

Dynamic development of business causes need of development and deployment of new approaches to human resource management for the organizations. Today in the world economy the new paradigm of sustained economic growth which is based on use of knowledge and innovations as the major economic resources was created. Innovations create the strongest competitive advantages of the modern organizations, and as the prerequisite and a condition of innovative process serves existence in the organization of innovative potential. When it is told about the innovative potential of personnel, it is, first of all, about set of abilities and opportunities of workers to carry out a sustainable development of the organization. At realization of innovative strategy functions of service of human resource management extend: the importance gets consultation of heads, the role of work with expected information increases, to the forefront there are actions for development, motivation and stimulation of personnel. Innovative approach to human resource management in the organization is shown in realization of modern integration techniques, such as management of creativity, management of talents, management of knowledge, a HR benchmarking and MBO in human resource management, personnel monitoring, controlling of personnel, personnel audit.

For effective realization of modern integration technologies in human resource management, it is necessary to carry out the complex analysis of the internal enterprise environment in combination with personnel audit, and on the basis of the carried-out analysis to develop recommendations about improvement of elements of the internal environment.

After carrying out the analysis of elements of the internal enterprise environment, according to the offered model, realization of personnel audit follows directly. At the same time all activities for human resource management have to be proved by those characteristics of elements of the internal environment which are revealed by means of the VPS-analysis.

Following the results of carrying out the VPS-analysis the main are formulated strong and weaknesses of elements of the internal enterprise environment on the basis of which the group of target indicators and characteristics which need to be reached within development of the enterprise is formed. These indicators and characteristics are the cornerstone of development of the plan of carrying out personnel audit at the enterprise, and also implementation of the recommendations offered following the results of carrying out personnel audit.

Process of realization of personnel audit as estimates of a control system of human resources has to contain the following main objects presented in Figure 1.

Due to improvement of elements of the internal enterprise environment their deep analysis in the context of influence of elements of a personnel management system and the personnel on realization of these elements has to be the cornerstone of development of the enterprise.

Personnel audit at the enterprise is capable to reveal and open serious problems of the enterprise as a result of which solution all internal enterprise environment will successfully develop. But for achieving the maximum efficiency, it is necessary not just to carry out the procedure of personnel audit an enterprise, but to make it elaborately and rationally, establishing the organized mechanism of carrying out personnel audit as full-fledged technology of an assessment of a control system of human resources.

When the management of an enterprise makes the decision that it is necessary to book personnel audit, auditors at the enterprise, both the staff of this organization and consultants from other specialized companies may act as auditors. Then, the management and auditors in common formulate specific goals and problems of personnel audit. More precisely and correctly the purposes are formulated, than the probability subjects effectively to book personnel audit is higher. Therefore, it is impossible to underestimate the importance of this stage while carrying out personnel audit. The formulated purposes and tasks form a basis of the specification which needs to be developed before the process of personnel audit starts. The plan of carrying out personnel audit has to represent the document, in which the content of the procedure of personnel audit, specific performers of each element, and terms of its performance is stipulated.

The process of personnel audit is preceded with a number of preparatory activities to which the development of the system of personnel motivation belongs to an assessment, preliminary conversations with personnel, etc. Thus, the mechanism of carrying out personnel audit includes such elements as an object and the direction of an assessment, the subject and participants of an assessment, methods of an assessment, and approximate expenses of time for carrying out an assessment.

Separately, it should be noted that the specification of tests and requirements to employees at a preparatory stage occurs depending on to which element of the internal enterprise environment this or that position belongs. To define the accessory of a position and the degree of its importance, it is necessary to use the method of grading the positions adapted to this technique.

Following the results of carrying out organizational actions within personnel audit, the final document should include conclusions from the protocols of an assessment and also a complex of recommendations about possible ways to correct the defects and to improve personnel management systems at the enterprise.

It is expedient to book personnel audit with a certain frequency, especially when the managers constantly have actual information on the personnel structure of the enterprise, and when they also need the personnel audit in the following cases: the reorganization of the company; the inefficiency of regular structure (surplus of employees); the need to increase the controllability of branches or offices of the enterprise; the solution of a question of investing into the company; the release of a new product or service on the market; and the emergence of a question of production expansion.

The following information is the result of personnel audit:

- main personnel problems and their reasons;
- a development plan for optimization of costs of human resource management of the company;
- an assessment of degree of compliance of the existing structure and the number of personnel structure to the strategy of the enterprise;
- critical points and zones of risk in the developed personnel management system;
- an assessment of readiness of personnel for realization of the purposes and tasks of the organization;

- obvious, hidden, and potential sources of threats and risks connected with personnel;
- sources of new problem and conflict situations emerging;
- recommendations on optimization in order to increase effective management of human resources of the company;
- recommendations on the development of elements of the internal enterprise environment on the basis of the carried-out analysis.

The mechanism of carrying out personnel audit offered above is rather universal and might be applied at the enterprises of various fields of activity. And nevertheless, it is necessary to consider specifics of each branch and requirements to the personnel while conducting personnel audit. Personnel audit promotes the professional development of the personnel by means of a complex step-by-step assessment of strong elements and weaknesses of personnel management systems; it also identifies the ways to improve and develop both human resource management and the personnel.

The scheme of development of the internal enterprise environment on the basis of personnel audit is presented in a general view in Figure 2.

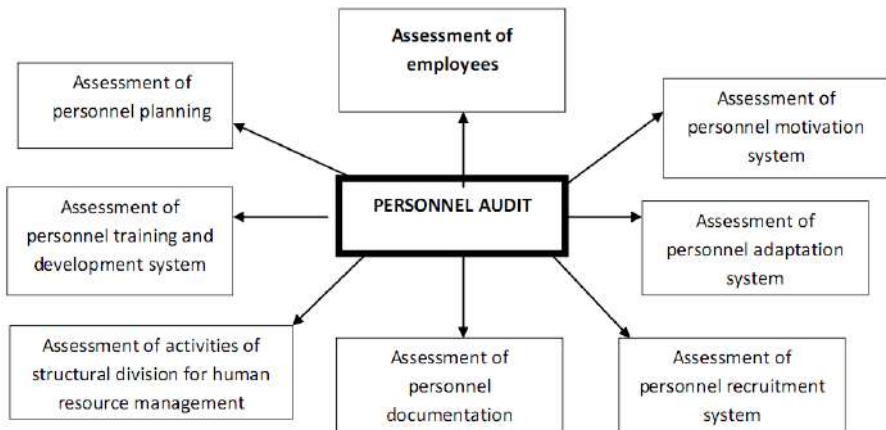

Figure 1. Objects of personnel audit estimation

Table 1

Directions of development of the internal enterprise environment elements

Element of the internal enterprise environment	Purpose of development	Necessary information	Direction of development	Ways of realization
Human resources (managers and personnel)	Increase of indicators of labor productivity; decrease in turnover of staff	Qualification and level of competence of an administrative board of the organization; list of recognized administrative mistakes; indicators of economic efficiency of the enterprise; labor productivity; dynamics of change of level of turnover of staff; education level and vocational training of personnel; the list of praises, collectings and remarks to employees from the management	Training and professional development of the highest administrative board of the organization; application of the latest administrative technologies. Training and professional development of personnel at all positions in the organization; increase of motivation of personnel	Organization of training of the highest administrative board of the organization; MBA programs, etc. Organization of effective system of training of personnel; development and realization of system of motivation of personnel; monitoring of activity of personnel
Mission, purposes, strategy	Improvement of strategic business management	Analysis of the market, competitive analysis	Specification and updating of the strategy of the company	Adoption of administrative decisions on timely modification of the formulated missions, the purposes, strategy
Organizational structure	Optimization of communications at the enterprise	Scheme of organizational structure; the business processes existing in the organization	Rationalization of structural relationship at the enterprise; increase of efficiency of business processes in the organization.	Realization of process approach in the organization; reengineering of business processes
Financial resources	Increase of the enterprise profit	Financial performance of the enterprise activity	Rationalization of decisions within investment of means; improvement of financial planning	Financial benchmarking, professional development of financial managers

Organization culture	Increase of the degree of the employees loyalty	Traditions and corporate actions existing in the organization; absenteeism level	Increase in number of corporate offers and traditions; increase of degree of a sharing of culture by members of the organization	Development of internal marketing at the enterprise; development and realization of new corporate actions
Technologies and MTB	Increase of labor productivity at the expense of improvement of technologies and MTB	Dynamics of change of labor productivity; existence of outdated means of production; number of the applied results of scientific researches and modern developments; ecological indicators and indicators of safety of work	MTB updating; application of modern and innovative technologies; observance of standards of ecological safety and labor protection	Monitoring of functioning of MTB; application of technologies of a benchmarking; investment into research and development; MTB updating; realization of ecological management at the enterprise
Activity product	Increase in sales due to improvement of quality and the product range	Product line of the enterprise; marriage coefficient on production; analysis of questionnaires and responses of consumers	Improvement of quality of the made production; expansion of the range of production of the enterprise; improvement of the range and structure of a product on the basis of market researches	Realization of TQM, quality monitoring; realization of marketing analytics; updating of an assortment ruler

THE PATH OF DEVELOPMENT OF THE BANKING SYSTEM OF UZBEKISTAN

Otamurodov, K. K.^{1*}

¹ Tashkent Financial Institute, Tashkent, Uzbekistan.

* Corresponding author: hakimjon_otamurodov@mail.ru.

CrossMark

Citation: Otamurodov, K. K. (2016). The path of development of the banking system of Uzbekistan. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-29.

Received: February 29, 2016.

Accepted: March 30 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Otamurodov, K. K.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

The need to strengthen the institutional foundations of number of banking system and increase the efficiency of the whole system behind the adoption in recent years, a number of policy documents aimed at the liberalization and reform of the banking system.

Key words: commercial banks; liberalization; privatization of banks; financial stability.

Banks of Uzbekistan had to develop for many years and overcome considerable difficulties in order to become a powerful system, influencing the national economy. In 1991 initiated the formation of a number of banks, which were acting in changed conditions of the economic growth in Uzbekistan, acquiring new traits stage by stage and mastering modern methods of work. 1991-1992 years became the turning point for the approach to the banking system. Enactment of the law of Uzbekistan "About banks and banking system" became the base for formation of two-level banking system and foundation of the Central bank along with entrusting to it new functions. The bank was faced with duties to control money circulation and payment system, to form commercial bank structures.

The need to enhance the institutional basis of banking system operation and to increase the efficiency of the whole system predetermined the acceptance of program documents in recent years, aimed at liberalization and reformation of the banking system in Uzbekistan. In that case, systematic and approach to liberalization of banking forms the basis of documents. It is noteworthy that adherence to these principles made it possible for Uzbekistan to avoid the loss of people's trust in native banks, which was observed in a number of countries with transit economy. It is undoubtedly great success in creating a stable and reliable banking system, and it serves as basis for further improvement of the whole financial system.

Nowadays, Uzbekistan has a goal to create an effective banking sector with a modern bank structure. The banking reform program, which is being implemented, determines the guidelines of its liberalization by the activation of the banks privatization process, attraction of additional foreign and domestic investments to the funds of banks, including the further commercialization of their activity and enhancement of the access of entrepreneurial structures to the bank financing and efforts aimed at increasing investors' trust in banks.

In medium-term prospect, there are two main strategic goals, which will define the development of the Uzbekistan banking sector. The first one is the increase of the financial stability of the banks and the spreading of a spectrum of financial services in internal markets. The second one is the activation of banks of Uzbekistan in the international capital market. All the

steps undoubtedly indicate aspiration, intention, and readiness of the country to integrate into the globalizing world economy.

At present time, the banking sector of Uzbekistan is presented by the Central bank and 30 commercial banks, 3 of them are the state banks, 5 include participation of foreign capital, in 9 banks dominates the private capital, and 13 banks consist of mixed forms of property.

Development of new banking system with only private capital is the priority direction in the reforming banking sector of Uzbekistan, the government and the Central bank in every possible way stimulate the development of private banks. So, they are granted tax remission and other different privileges, they are given a technical support in personnel training. At present, the number of private banks makes up nearly the half of the total number of commercial banks of the country. Stimulation of development of private banks favored the growth of competition, the improvement of the quality of banking services and the effective market allocation of financial resources. This, in its turn, was to impact the developing process and stimulate private enterprises in the country.

Even having started stage of real economic self-sufficiency and having begun the universalization of its activity, some commercial banks, which were organized on the basis of former national specialized banks, kept not only economic potential and the infrastructure created over the years, but also the clientele and the originality of functional service area. Being forced to continue to work with numerous clients whose financial positions were becoming more difficult due to the worsening of economic circumstances in the country and the raise of non-payment, these banks were becoming hostages to problems, which solutions considerably depended directly on their own activity.

High inflation in the first half of 90's made troubles for many industrial enterprise-borrowers in finding cash assets to pay off debts to banks because of the worsening gap between outputting costs and selling prices. Solution to most problems of bank supervision is regarded as the enhancement of the system approach, eliminating isolation of separate departments in the supervision section and further development of their activity. Effective principles of bank supervision were enshrined in the documents of the Basel committee of bank supervision. Most of these regulations in one form or another reflected in normative acts of the Central bank of Uzbekistan and government legislation. However, efficiency of supervision is provided by the integral system of supervision actions.

One of the Basel principles is the need to license the banking activity. The approach to licensing must be strict. Organizations, which do not meet certain criteria, do not have a right to do banking business. When considering applications for the grant of license, banking supervisors carefully analyze the minimum amount of nominal capital and the structure of bank property, its membership, and personal of directors and chief executives, the operational financial plan, the organization of internal control, and the development plan in the near future.

During the conditions of assessment of efficient asset allocation and formation of their loan portfolio, banks solve macroeconomic problem of efficient resources allocation. From these positions over control (or rather non-regulation) of their activity deprives the economy of crucial mechanism for the market economy. Consequently, there also has to be wise supervision (dominance the principle of "no harm"). In its place, commercial banks are objectively interested in maximum social trust in them based on reliability and stability, which can provide competent regulation of banking activity. Commercial banks and the Central Bank are mirrors to each other. Their activity and interests cross with each other. Efficient banking system cannot survive in the case of confrontation and unreliability. The Central Bank should not be in an excessively strict position, but commercial banks should understand that after the long run the supervision positively reflects in their long-term collective interests.

Today banking community of Uzbekistan should tackle many difficult problems, but the development perspective of this sector is very optimistic. Definitely, the crucial development of banking system will not occur on its own. It will be the result of raised efficiency of banking business and its further liberalization, which will eventually found the real basis for the support sustainable growth of the whole economy.

References

1. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan № 4057 "About additional measures to provide the guarantee of safeguarding the citizens' investments in commercial banks of the Republic of Uzbekistan", November 28, 2008.
2. Gulamov, S. S. (2000). Main directions of modernization in banking system. *Russian entrepreneurship*, 9(9), 87-95.
3. Kalistratov, N. V., Kuznetsov, V. A., & Pukhov, A. V. (2006). *Bank retail business*. Moscow.

UDC 338 | DOI: 10.17809/0557468427-30

PROSPECTS OF SMALL ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT IN RUSSIA

Sokolov, I. S.^{1*}

1 Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia. * Corresponding author: Fb-sta@yandex.ru

CrossMark

Citation: Sokolov, I. S. (2016). Prospects of small entrepreneurship development in Russia. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-30.

Received: February 6, 2016.

Accepted: March 6, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Sokolov, I. S.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

This article will be considered the problems hampering the effective development of small business sector in Russia. The characteristic of the recent developments in this direction is listed and the prospects for further development in the near future are outlined.

Key words: small business; Russian Government; small enterprise sector; perspectives; developing country.

In today's reality, all developing countries feel the impact of small business sector on the economy and try to use the most effective methods of solving problems that are related with firms implementing their financial performers in small scale.

Small enterprise in comparison with large corporations has a number of advantages that ensure their undeniable efficiency:

- Secure the market with those goods and services that are inefficient to produce or provide for large organizations because of high economic costs and low reimbursement of expenses;
- Large quantity of money circulation;
- Quick adaptation to constantly changing economic conditions;
- Efficacious application of groundbreaking ideas and innovations.

Currently, in the Russian economy the development of small business is a key source of production efficiency growth, market saturation with necessary goods and services, im-

provement of living standards. However, at the moment, small business is objectively having weaker market position than large and medium enterprise.

On the one hand, small companies are characterized by significant growth potential and flexibility of market behavior that provide their survival and development, and at the same time, it is required to provide access to resources that give practical opportunity for small enterprises to carry out active business activities. The concept of “small enterprises’ potential” refers to the least explored categories of market economy, as there are no unified algorithm and tool for measuring and evaluating the potential of small business, its formation and reproduction. The potential of a small enterprise relies on many factors, such as technology equipment, professional qualification of staff, financial resources, market position, etc. Reproduction is main potential objective for small enterprises. The possibilities of reproduction depend on those resources that are owned by small enterprises. They include:

- technical resources – production equipment;
- material resources – raw, materials;
- human resources – the number and qualifications of personnel, etc.;
- information resources – data about the system and its external environment;
- financial resources – the amount and usage of funds;
- management resources – ways of decision-making, system planning, registration and control;

Today, there are different approaches to the assessment of small business potential. Among them are: the comparative method, in which considered firm is compared with firms-analogues; the cost method, associated with the valuation of the company’s property. Tool, which is used to capacity calculation, based on the most complete list of resources’ types and limitations of their use. Note, that the potential of small business in the country is not fully implemented.

To resist the influence of those factors that hinder the development of small business is one of the most important challenges for the economy. Today small organizations face some problems, that can be placed in the following order by the degree of importance:

- High taxes;
- Excessive obstacles by the administrative apparatus;
- Unfavorable conditions for lending;
- Lack of social protection.

The economic growth rate in a particular industry directly depend on the number of effective and competitive enterprises of small and average business in this sector; therefore it is necessary to create powerful mechanisms of small business supporting for the economic weath of our country [1, p. 197].

Are there any prospects for small business segment developing in Russia for coming years? Is it possible to develop this economic sector, considering the numerous sanctions imposed on Russian Federation by the European Union and the United States?

Plans for the future. Assistance and preservation of small business are among the most urgent issues for the state, as precisely the small enterprise sector has a significant impact on GDP growth in the country.

For solving the existing problems the Russian Government intends to use the instruments of state support, such as:

- Improvement of credit and tax policy mechanisms;
- Implementation of uniform investment standards.

In November, 2008 the Government of Russian Federation approved "the Concept of long-term socially-economic development in the country", according to this document the entities of small and average business will have achieved certain indicators by 2020:

- The relative share of small business will be 30% in GDP of the country, and the total volume of small and average enterprises will be 50% of total GDP;
- The percentage of companies included in small business sector will increase to 80%;
- The number of people working in small business industry will grow to 60% of total population;

Over the last two years, the state apparatus has been paying more and more attention to the problem of small business developing. Mainly, such interest is caused by the introduced sanctions of foreign countries, which leads to enhancement of Russian entrepreneurship, including small business sector.

It is expected that the efficiency index of small enterprises will increase to Western-European level during the next 5 years. Nonetheless, the perspectives for the small businesses developing directly depend on the aid, which is rendered by the government; therefore, the following statements must be accomplished for achieving the target:

- enforce schemes for competitiveness maintenance of promising enterprises;
- devise institutional mechanisms for the effective lending institutions activity;
- formulate the most favorable conditions for microfinance institution functioning;
- ensure the accessibility of state and municipal property for Russian manufacturers;
- renovate the mechanisms of business incubators in innovative business sphere;
- produce infrastructure for small enterprise improving;
- provide access to government tenders for businessmen of small and average business;
- eliminate administrative barriers by legislative framework perfecting.

In addition to previously mentioned, the Russian Government has established a project for creating more than 500 business incubators, providing each region with the 100 million rubles guarantee Fund, the investment Fund and the necessary microfinance infrastructure for small business developing [3, p. 3]. The Government should use the small business subsidizing projects to create such mechanisms.

First changes. According to analysts, the results of some implementations have already appeared. This is reflected in activity structure changing of some credit and financial entities, which has shifted to short-term loans that are often used by entrepreneurs in small business sector [2, p. 58].

In the opinion of the expert services, because of many factors have influenced on ruble and oil prices falling, the main hope shouldn't be imposed on large corporations, but on small businesses, as currently the development of this industry is more promising.

References

1. Morozova, I. M. (2016). How will small business be developing. *Symbol of science*, 2(2), 196-198.
 2. Spatar, A. V. (2015). Development of small enterprise in Russia. In *Economy and modern management: Theory and practice*. Moscow.
 3. Roy, V. I. (n.d.). Problems and prospects of small and average business development in Russia. Proceedings of the VIII International student electronic scientific conference "Student scientific forum."
-

PRINCIPLES OF EFFECTIVE ASSESSMENT OF THE QUALITY OF PERSONNEL POTENTIAL OF THE MEDICAL ORGANIZATION

Vardanyan, N. B.^{1*}

1 Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia.

* Corresponding author: rostgmu@mail.ru.

CrossMark

Citation: Vardanyan, N. B. (2016). Principles of effective assessment of the quality of personnel potential of the medical organization. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-31.

Received: February 2, 2016.

Copyright: Vardanyan, N. B.

Accepted: March 20, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

ПРИНЦИПЫ ЭФФЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МЕДИЦИНСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В статье рассматривают принципы эффективной оценки качества кадрового потенциала медицинской организации. Разобраны существующие методы, применяемые кадровыми службами в оценке потенциала системы управления персоналом и потенциала самого персонала. Дана рекомендация по выбору эффективной методики управления кадровым потенциалом медицинской организации. Разработано графическое представление кадрового потенциала работника. Предложены рекомендации, которые могут быть использованы при оценке кадрового потенциала медицинской организации.

Ключевые слова: медицинская организация; управление персоналом; кадровый потенциал; здравоохранение; кадровая политика.

Согласно мнению ученых труд медицинских работников характеризуется значительной интеллектуальной нагрузкой, обилием стрессовых ситуаций, требует большого объема оперативной и долговременной памяти, больших физических сил и выносливости, содержит элементы творчества, связан с ответственностью за здоровье и жизнь других людей, необходимостью самодисциплины, особенно у специалистов первичной медико-санитарной помощи, чья деятельность сопровождается повышенными психоэмоциональными и физическими перегрузками, определяющими не только состояние здоровья медицинских работников, но и результативность их деятельности.

Наличие комплекса характеристик у медицинских работников-производителей медицинских услуг определяет необходимость соответствующего построения методических подходов к оценке кадрового потенциала на комплексной основе. Однако, как показал анализ проведенных исследований, работы по комплексному изучению характеристик врачебного персонала, их взаимовлияния и влиянию на качество и результативность профессиональной деятельности не нашли широкого внимания.

Важность же развития комплексного подхода с использованием интегральной количественной оценки личного потенциала врачей подтверждается выполненными в этом направлении единичными исследованиями: по врачам эндокринологам (Батыгина Т.Н., 2008), хирургам (Ратманов М.А., 2009), стоматологам (Куксенко В.М., 2005), терапевтам (Дубачинский Л.Я., 2005), кардиологам (Субботина М.Л., 2006), которые

показали возможность получения дополнительной теоретической информации для научного обоснования путей дальнейшего улучшения качества оказываемых медицинских услуг, повышения социальной и медицинской эффективности здравоохранения за счет улучшения удовлетворенности населения оказываемыми медицинскими услугами [1].

Проблемы медицинских кадров исследовали также Г. М. Вялкова, К. Г. Дзугаев, Т. И. Расторгуева, В. О. Щепин и О. П. Щепин и др.

Медицинские кадры являются главной, наиболее значимой частью ресурсов здравоохранения и в конечном итоге обеспечивают результативность и эффективность работы не только отдельных структурных подразделений, но и здравоохранения в целом. В настоящее время ее построение на основе взаимозависимости и взаимообусловленности по возможности всех элементов, входящих в региональную систему (модель) здравоохранения, обосновано реальными экономическими условиями, требующими установления порядка определения неэффективных расходов на управление медицинскими кадрами [2].

В методику оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, принятую Постановлением Правительства, внесены изменения, включающие установленные значения численности врачей и среднего медицинского персонала. Вместо «среднероссийских» значений численности на 10 тыс. населения должны учитываться рекомендуемые целевые показатели (41,0 врачей и 114,3 среднего медицинского персонала соответственно) в расчетах неэффективных расходов на управление медицинскими кадрами.

В соответствии с предъявляемыми требованиями повышается внимание к составу и численности «прочего» персонала, задействованного в работе медицинских организаций. При неоспоримой значимости немедицинских человеческих ресурсов, используемых в системе здравоохранения, рекомендовано осуществлять оптимизацию общего числа трудового (прочего) персонала организаций здравоохранения, включая обязательные меры в случае, если численность данного персонала превышает 15 процентов общей численности врачебных и сестринских медицинских кадров [3].

Оценка кадрового потенциала для медицинских организаций является проблемой, что отрицательно сказывается на результатах их деятельности. Методов оценки разработано достаточно много. При этом ключевой задачей является улучшение результатов их деятельности, включая работу отделов, подразделений, организации в целом. Результаты оценки имеют определенные последствия для организации, в том числе сокращение, увольнение, а также расширение штата сотрудников. Кроме того, это влечет за собой изменения в организационной структуре, в системе оплаты труда, организационного климата, степени удовлетворения работников результатами и условиями труда, а также снижение конфликтности. Оценка призвана обеспечивать руководство предприятия важнейшими для управления статистическими данными.

Таким образом, процесс оценки призван решать задачи по улучшению текущей деятельности медицинского персонала, а также определения перспектив и направлений развития персонала медицинских организаций, создания благоприятного социально-психологического климата в коллективе. Несмотря на значительное множество методов, они не являются идеальными, имеют определенные достоинства и недостатки, что послужило основанием для их исследования [4].

Основными принципами эффективной оценки кадрового потенциала считают направленность на улучшение деятельности; тщательную подготовку; наличие конфиденциальности; всестороннего непредвзятого обсуждения итогов работы, а также

деловые и личные качества человека, их соответствие должностным обязанностям; оптимальное сочетание похвалы и критики; унифицированность критериев, достоверность методов.

Ко всем показателям предъявляют требования полноты и достоверности отражения результатов, конкретности, обеспечения сопоставимости с предыдущим периодом, а также с достижением других лиц [5].

Методы, применяемые кадровыми службами в оценке потенциала системы управления персоналом и потенциала самого персонала можно разделить на две группы:

1) количественные методы, которые можно охарактеризовать как формализованные и массовые. Формализация выражается в направленности на изучение строго определенных анализируемых переменных, заданных заранее, и их количественном измерении. Высокий уровень формализации количественных методов связан с их статистической обработкой [6].

2) качественные методы являются неформализованными и нацелены на получение информации путем глубинного исследования небольшого по объему материала. Данный подход предлагает, оценивать эффективность работы системы управления персоналом в зависимости от форм и методов работы с кадрами, то есть от организации работы персонала, его мотивации, социально-психологического климата в коллективе.

Одной из часто используемых методик оценки эффективности управления кадровым потенциалом согласно Г.Х. Попову называют комплексным подходом. Суть данного подхода состоит в том, что он позволяет получить комплексную оценку, с интегрированными показателями оценки времени работы, учитывая также сложность и результаты труда, личностные качества медицинского работника. Идея получения комплексной оценки требует предварительного получения частных интегрированных показателей оценки труда медицинского работника, включая интегрированные показатели затрат труда; сложности труда; оценки результатов труда отдельного медицинского работника.

Далее необходимо рассчитать интегрированную оценку личностных качеств медицинского работника, включая знания, опыт, характер. Затем получаем интегрированные оценки труда, результатов труда и личности, объединенные в комплексную оценку. Согласно исследованиям Г.Х. Попова, чтобы получить качественные показатели результатов труда для работника, необходимо перед проведением оценки найти методы получения общего интегрированного показателя работы аппарата управления медицинской организации.

Выбор методики управления кадровым потенциалом зависит от предварительно выявленных проблем, которые связаны с оценкой персонала. По данным исследований В.В. Маслова проблемы классифицированы следующим образом:

- подбор кадров, включая оценку личностных качеств и квалификации претендентов;
- определение соответствия квалификации персонала занимаемой должности, которое также учитывает переаттестацию медицинских работников, анализ рациональности кадровой расстановки, оценку четкости исполнения должностных обязанностей;
- улучшение использования медицинских кадров, которое содержит определение степени нагрузки работников, совершенствование управленческого труда;
- выявление вклада медицинских работников в результат работы, включая организацию поощрения, а также меры взыскания;

- продвижение медицинских работников, а также повышение их квалификации;
- улучшение структуры управления, которое предполагает обоснование численности состава структуры управления, проверку нормативов численного состава, обоснование кадровой структуры по должности;
- совершенствование управления, включая совершенствование стиля и выбор оптимального метода управления, повышение ответственности медицинских работников, укрепление взаимосвязи руководителей и младшего медицинского персонала [7].

Система развитий компетенций работника представлена на рисунке 1.

Исходя из рисунка 5 видно, что оцениваемый работник в достаточной степени обладает компетенциями 2 и 4, уровень компетенций 1 и 4 чуть ниже требуемого. Кроме того, оцениваемый обладает компетенцией 5, которая не является необходимой при занятии данной должности. В график также можно включать уровень допустимого отклонения, который показывает, насколько допустимо снижение уровня каждой компетенции для данной должности. Эта процедура незаменима, если подобную методику применять для принятия решения о приёме на работу будущего сотрудника.

Представленный график наглядным образом иллюстрирует кадровый потенциал: он может быть получен вычитанием из фактического уровня компетенций работника требуемого уровня для конкретного рабочего места. Такие графики могут быть построены для работника, подразделения или предприятия в целом. Пожалуй, единственным его недостатком является тот факт, что график не учитывает коэффициенты значимости каждой компетенции как для рабочего места, так и для организации в целом. Поэтому кроме построения графического представления следует анализировать и данные, полученные в результате расчётов.

Таким образом, с учётом всего вышеизложенного, в статье были предложены рекомендации, которые могут быть использованы при оценке кадрового потенциала медицинской организации, так как в этих рекомендациях учитывается не только требования рабочего места, но и интерес организации, выраженный в коэффициентах значимости, а также личность работника, уровень его развития [8].

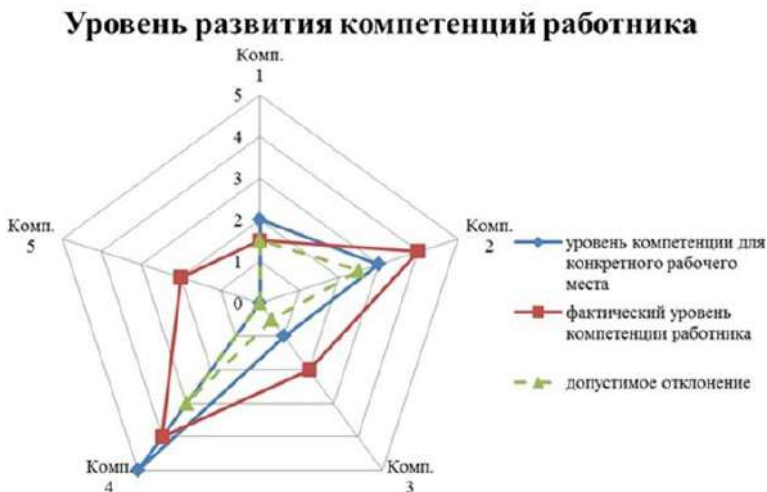

Рисунок 1. Графическое представление кадрового потенциала работника.

Список литературы:

1. Инстратова Т.А. Методические и медико-организационные подходы улучшения кадрового ресурса качества медицинских услуг акушерско-гинекологического профиля. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. – Санкт-Петербург, 2011.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 14.06.2011 № 470 «О внесении изменений в методику оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.fso.gov.ru/proxu> (Дата обращения: 01.11.2015)
3. Н.В. Данилова Анализ состояния медицинских кадров на этапе обновления региональных систем здравоохранения ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздравсоцразвития России, Москва. Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». 2012 г.
4. Мироседи С.А., Щедрина А.В. Методы оценки кадрового потенциала предприятия. Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.volpri.ru
5. Шамина, Л. К. Методология и методы управления адаптацией инновационных процессов на промышленном предприятии / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук – Санкт – Петербург. – 2012. – 36 с.
6. Гаврилова О. Обзор систем, методов и методик оценки персонала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.library.ru/help/docs/n76575/4.rtf> (дата обращения 15.10.2014)
7. Бардадым О. «Инновационно-активное предприятие: модель новаторских компетенций персонала» // Проблемы практики управления. – 2009. – № 12.
8. Купоров Ю. Ю. Внедрение системы оценки кадрового потенциала / Ю. Ю. Купоров // Экономическая наука и практика: материалы III междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2014 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2014. – С. 133-139.

UDC 337.300 | DOI: 10.17809/0557468427-32

CONTENT OF THE SCHOOL SOCIAL TEACHER'S WORK IN CURRENT CONDITIONS

Ashymbaeva, T. A.,¹ Amerkhanova, S. A.^{2*}

1 I. Arabaev Kyrgyz State University, Bishkek, Kyrgyzstan. 2
Institute of Continuing Distance Education, Bishkek Humanitarian University, Bishkek, Kyrgyzstan.

* Corresponding author: amerkhanova.s@gmail.com.

CrossMark

Citation: Ashymbaeva, T. A., & Amerkhanova, S. A. (2016). Content of the school social teacher's work in current conditions. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-32.

Received: February 9, 2016.

Accepted: March 21, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Ashymbaeva, T. A., & Amerkhanova, S. A.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

This article deals with the basic directions of the social teacher's activities in the educational environment in the conditions of the Kyrgyz Republic. It analyses a questionnaire survey conducted among school directors and students regarding ordinary activities of a social teacher in modern conditions of the school education development. A social worker is noted to be a significant figure in socialization of children's personalities, building communication channels among the children, their families, and the teaching staff.

Key words: educational institutions; social pedagogy; school social teacher; activities of the social teacher; areas of social teacher's activities.

The educational system aims at creating a comfortable school learning environment for children through improving curricula, introducing diversity into the learning process with the use of innovative technologies. At the same time, it is mindful to the characteristics of socialization of children in the educational institutions. The so-called Institute of Social Workers was introduced in the schools of the Kyrgyz Republic in 2011 in order to create acceptable conditions for students' socialization. School administrations accepted the introduction of the aforementioned service in the education system.

The questionnaire survey conducted among school directors shows that they believe that the position of a school social teacher to be important. 112 school directors participated in the survey in total. They explain their point of view by the fact that the social teachers act as a mediator between the students and the teaching staff. The reason why they were surveyed is that they could examine a social status of their students and had many opportunities to work with them on an individual basis. Also, there are many parents who externally or internally migrated to/in Kyrgyzstan; therefore, the social teachers have to cooperate with a number of different social organizations in order to uphold children's rights and help them in solving educational challenges. Their entire activities are aimed at ensuring that teachers fulfil their main function, which is to pay sufficient attention to the process of education. According to the school directors, various measures to prevent crimes among the students are the most important thing of any social teacher. Scope of the social teachers' work is extremely versatile, since they work closely with the parents, students, and the whole community. It is surprising that some directors think that the presence of a full-time employee with special education in social work is not necessary, because any teacher can easily cope with such duties. Of course, future teachers study psychology in the course of training in universities but not to the extent that is necessary for the social teacher.

Being engaged in personality development, social pedagogy regulates system of relations in the family and in the school team. In the crisis conditions of the existence of the personality in the family or at school, the social teacher helps a child to find a place in society and adapt for changing conditions in life. Knowledge of child psychology and communication methods with children are very important in such a profession. In this case, social pedagogy analyses the impact of these relations on the family system, performing family functions by its members. Subject of the social pedagogy is, in the first place, an individual in childhood. Childhood turns out to be the most vulnerable, unprotected period.

Addressing current challenges, there is a growing understanding that the expertise and knowledge about the role of a person in society, the process of personality formation, individual socialization, and difficulties of the childhood in current conditions are required to ensure the efficient operation of the Institute of Social Teachers within the education system of Kyrgyzstan. For instance, DeYoung (2007) states, "Kyrgyzstan's social fabric continues to unravel, with unclear and contested understandings of free market dynamics, democratic processes, and how a multiethnic nation can collaborate now..." (p. 254). The practice of social teachers aims to help children (adolescents) to achieve social and mental stability in society and establish new relationships. This predetermines the main goals of the social pedagogy, i.e. to help a child to navigate in the society's current crisis conditions, teaching how to overcoming difficulties. Society, along with individuals' inner circles and personal relations, is the main area of social teachers' activities. In addition, the sphere of relations in the family, immediate surroundings, and neighbourhoods is the priority, especially in current conditions.

Modern requirements for the social teachers include: (i) to work with the children from troubled families and orphanages; (ii) to work at different social educational centers and at the centers of social and psychological assistance (Smirnyagina, n.d.).

Work of the social teachers with children and families is a key element in all these institutions. Let's try to identify the core in social teachers' activities in any of the aforementioned social pedagogical and social educational institutions. Let's consider what common features the work of the social teachers has in these institutions.

1. Knowledge about a child (adolescent) will help the social teachers make right decision regarding the type of assistance they can provide to a child in the process of socialization. One needs to know about his/her health, relations in the family, at school, and among the peers. The social teachers are able to make any decision only after compiling "Identity Card" and "Environment Card." They get knowledge about children from conversations with their surrounding, analysing behavioural patterns and social networks;

2. The next stage in the social teachers' work is to understand the problem situation, in which a child finds him/herself in, paying attention to behavioural patterns. Having conducted a comprehensive analysis of the situation, the ways to overcome the crisis should be outlined;

3. Any social teacher should have pedagogical thoughtfulness and tact, communication skills, the ability not to violate personal boundaries, making an educational impact on the child. It is important not only to influence a child (adolescent), but also to coordinate the influence coming from the family, school, and the peers, deeply affecting the relations with him/her. Also, this is a step-by-step process: more ambitious goals might be set up once there is a clear progress has been achieved;

4. An ability of a social teacher to convince a child (adolescent) that only he/she can change his/her live and overcome the existing situation is very important in social teachers' everyday work. In addition, they need to establish an environment to ensure that a child (adolescent) is willing to settle down to a course of self-improvement and self-organization;

5. Social teachers' organizational activities aims at mediating between a child and the whole society, state, and public organizations, and most importantly at helping this child to constantly adapt to life new conditions (Nikitina, 2007).

In organizing their work, the school social teachers give the priority to creating a healthy microclimate in each team. They also invest in the humanization of interpersonal relations, encourage personal development, and promote protection of individual interests, organizing leisure and inclusive activities, inclusion in socially useful activities. More than that, professional social teachers also explore personal problems of students and teachers, taking all possible measures to address them. Also, they give special attention to the issues of child protection against cruelty, selfishness, and permissiveness of the parents.

What is the core in the social teachers' work, and how does it differ from the work of other school teachers, subject teachers, and even supervising their teachers or tutors? Usually, teachers have to work with a class or a group, and their methods are mainly focused on teamwork. The social teachers work with a person, an individual child (adolescent), or with a group of people, but a small one. If the social teachers work with a family, the work is carried out individually with each member. Also, they work in the field of child and adolescent protection, providing social or medical assistance. They should be able to organize education, rehabilitation, and adaptation for those who need this type of professional assistance.

Different countries have two approaches to social teachers' activities: a social teacher either cooperates with a school or is a full-time employee. In Kyrgyzstan, this is a full-time job. Working with children at school, the social teachers should visit students' families, providing assistance for parents and students in normalizing their relations and finding out the reasons

for students' absence. They also identify families that maltreat children, physically or mentally underdeveloped children, deprived children, and provide care to them. These are those children who cannot have a good academic standing due to their intellectual abilities, experience stress either within a group of peers at school or in their families, or have diseases and other health disabilities, being even addicted to drugs or alcohol. They are usually observed by a commission on juvenile affairs. In addition, the social teachers should work with the gifted children. In some cases, assistance to this group of children may include the understanding of their relations with others, while in other cases it goes further and consists of helping to learn how to control his/her actions, being a confident person. However, in both cases, the social teachers are required to be sensitive and warm-hearted.

The social teachers coordinate the teaching staff to work with difficult children, families, creating a positive social microenvironment, which is also important today. They regularly inform the school teaching staff about the psychological climate in classrooms, any problem a child. Also, they play a major role in preparing and drawing up a school social work plan.

Children who illegally work during school hours should get more attention from the social teachers, who deal with a range of issues regarding their education, checking whether the legal norms of child labour are fulfilled. This issue is very serious in current conditions and very relevant today. The social teachers make sure whether all those in need visit rehabilitation centres, and receive a number of social benefits, provided to all large families in Kyrgyzstan, such as free breakfasts at schools and free clothing.

Crisis in education and lack of funding resulted in staff shortage; in turn, the isolation of schools from dynamic social processes affected the education of the younger generation. According to DeYoung (2007), "Neither is it clear how schools will be able to implement whatever vospitaniye activities they are commanded to perform without additional resources and where most other public institutions also remain in shambles" (p. 254). Kabulov (2007) also states, "Kyrgyzstan teachers feel burdened by shortages of equipment and supplies such as paper, textbooks and other audio-visual materials; teachers rely on chalk and the blackboard" (p. 124). There are various negative processes in society, which affect the development of the Kyrgyz educational system; however, the social teachers take a worthy place in the educational environment.

This is proved by the questionnaire survey conducted in many schools of Kyrgyzstan. A total of 112 students were involved in the survey. When asked "Do you have a school social teacher?" 100% of the students said "Yes." This suggests that a school social teacher is not just a nominal staff member, but a person who is known by all students. When asked "Do you turn to him/her for support?" 78 students answered in the affirmative, which was 69.6% of the total number of the respondents, and 34 students (or 30.35%) answered in the negative. Comparing statistic data, only about 30% of the students appear to be trouble-free ones at schools. When asked "When did you turn to them?" the respondents listed a wide range of problems, such as (i) conflicts with classmates and teachers, (ii) racketeering, (iii) family conflicts, (iv) theft of money, and others. In all cases, the social teachers responded and held talks, training sessions, discussed the issues during advisory hours, and showed movies.

The next question was devoted to the level of satisfaction with the quality of social teachers' activities. When asked "Are you satisfied with his/her help, if you received any?" 50 students (or 64.1%) from those seeking assistance answered in the affirmative, while 16 students (20.5%) responded that the assistance from their social teachers was of low quality and did not change the situation. Eight students (10.3%) were partially satisfied with the help of the social teachers. What has changed after receiving the help? Children note the following positive aspects: (i) their conflicts with the classmates have been resolved; (ii) children could build

peacefull relations and become friends; (iii) a conflict girl learned to control her behaviour after participating in conflict management trainings. Additionally, through conversations and training sessions, racketeering decreased significantly, etc.

“What a social teacher should be like?” Here is the vision of the school students. A social teacher is a person, who can easily find a common language with children and adults; is fair, friendly, able to use the Internet, diligent, intelligent, kind, educated, humane, decisive, able to approach every individual student, active, able to read students’ minds, cultural, easy, able to correctly solve problems, calm; knows psychology, protects interests and the rights of students, knows his/her business, can keep secrets, knows the ethics of behaviour. This is only part of children’s description of a nearly ideal social teacher.

The last question in the survey was “Would you choose the profession of a social teacher?” A positive response was received from 50 students or 44% of the total number of survey participants, 52 students (46%) answered in the negative, and 10 students (8.9%) responded “I do not know”. The students indicated the following reasons to choose this profession in the future. On the one hand, they were interested in such work, and they would like to help other students, visiting households with a purpose of establishing communication chanles for resolving personal and educational issues effectively with both the students and their parents. On the other hand, they would like to organize educational programs, such as “Akylordo,” a club of experts, etc. Students also want to be like their social teachers, because they admire their personal characteristics and understand the social importance of this profession.

Students indicated the following reasons that might prevent them from choosing this profession. They were of opinion that it was a very difficult, demanding, and poorly paid work. It should be stressed that young people believe that the current generation is uneducated, and this fact complicates the teachers’ work at schools. Some of them said that they had already chosen their profession.

In sum, the social teachers are in charge of creating a situation that could enable children to cope with any crisis they find themselves in or to prevent such situations in life. Their professionalism and trust relations with children are of great importance here.

Acknowledgements

We express our gratitude to the school directors and students, who participated in the questionnaire survey. Analysis of the social teachers’ activity and understanding their importance in the educational environment would be impossible without their participation.

References

- Aktualnost raboty sotsialnogo pedagoga v shkole v sovremennykh usloviyakh.* (2014). Retrieved from <http://vmeste.opredelim.com/docs/95600/index-15759.html>. (In Russian).
- Bocharova, V. G. (2003). Sotsialnaya pedagogika: dialog nauki i praktiki [Social pedagogy: The dialogue of science and practice]. *Pedagogika*, 9, 3-10. (In Russian).
- DeYong, A. J. (2007). The erosion of vospitanie (social upbringing) in post-Soviet Kyrgyzstan: Voices from the schools. *Communist and Post-Communist Studies*, 40, 239-256.
- Kabulov, T. B. (2007). What is needed to improve teacher in-service education in Kyrgyzstan? *Journal of In-service Education*, 32(1), 123-128.
- Nikitina, L. (2001). Soderzhaniye raboty sotsialnogo pedagoga v obrazovatelnom uchrezhdenii [The content of a social teacher’ work at an educational institution]. *Vospitaniye shkolnikov*, 1, 33-36. (In Russian).
- Nikitina, L. E. (2003). *Sotsialnyy pedagog v shkole* [A social teacher at school]. Moscow: Akademicheskii proyekt. (In Russian). Toksonbayev, R. N. (2002). *Osnovy sotsialnoy pedagogiki* [Basics of social pedagogy]. Bishkek. (In Russian).

Smirnyagina, N. A. (n.d.). *Aktualnost prinadlezhnosti sotsialnogo pedagoga v sovremennykh obrazovatelnykh uchrezhdeniyakh*. Retrieved from <http://rudocs.exdat.com/docs/index-5301.html?page=40>. (In Russian).

Soderzhaniye i formy raboty sotsialnogo pedagoga v shkole. (n.d.). Retrieved from <http://ref.rushkolnik.ru/v98184/?page=7>. (In Russian).

UDC 371.263 | DOI: 10.17809/0557468427-33

TEST AS AN ASSESEMENT IN TEACHING ENGLISH: PROS AND CONS

Brashovan, E. A.^{1*}

1 Krasnodar Municipal Medical Institute of Higher Nursing
Education, Krasnodar, Russia.

* Corresponding author: hellbrash@yandex.ru.

CrossMark

Citation: Brashovan, E. A. (2016). Test as assessment in teaching English: Pros and cons. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-33.

Received: February 23, 2016.

Accepted: March 20, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Brashovan, E. A.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

The question of assessment appeared together with the processes of teaching and study. The relevance of it is indisputable due to its absolute necessity in the teaching process. It's quite understandable that any foreign language teaching has the aim of improvement and increase of students' skills of communication. Nowadays the most common used tools for assessment have become tests of different kinds. But the consequences of using them are not so good, especially when they take the first place without speaking. In my work with the help of investigations made on students' work with tests or without them it have proved that the usage of tests especially multiple choice tests or true false tests have to take the least positions in the process of stud, because they decrease students' abilities to speak and to communicate with each other. So it has been shown that in the process of foreign language study we can have tests as assessment but in very small doses and in combination with speaking.

Key words: assessment, tests, teaching English, skills, improvement, disadvantages.

From the time people began studying, there have always been a necessity to possess different ways of assessment. The question of assessment has a high level of relevance (and I'm sure will be constantly having for a very long period of time) due to its absolute necessity and indisputable role in the teaching process. Speaking about teaching English, it is absolutely clear that as any language it must be checked in all ways taking into consideration 4 types of activities: (i) listening; (ii) writing; (iii) reading, and (iv) speaking. And, of course, it goes without saying that in any kind of assessment, speaking should take the leading positions.

The first place in modern educational field is taken by different kinds of tests which year by year are regressing students' skills in English study. In one of my previous works I spoke about the educational investigation having been performed with my students. The investigation combined 3 groups of students that received either only tests as assessment or both speaking and multiple choice tests, and in the third group all the process was made in a communicative form, the results of which proved the negative influence and bad skills in those

groups whose only assessment were multiple choice tests. In Russia we have been having a test scale of assessment not for such a long time. Tests as we know came into the light in the beginning of the last century. At that time, Frederick Kelly showed his opinion that different teachers tended to give different judgments of student work. And he considered that to be a big problem in education (really, how can we, teachers, have different judgments?!). And he proposed eliminating this variation through the use of standard tests with predetermined answers. How bad that there was not a person who proved that theory to be imprudent. And from that time, the process of education was being constantly enlarged by new forms and variations of tests. Of course, in most cases it is a kind of teachers' work easement: for many it's better to check "a-b-c" variants than to listen to the student, or even check a lot of writings. But the fact still remains the fact – we teach English for one main purpose, i.e. to create or improve communicative skills of the students.

As we know tests can be classified according to different points. On the one hand, we have tests that can be divided into 4 main groups. They include: (i) placement, (ii) diagnostic, (iii) achievement, and (iv) proficiency tests. The first group helps sort new students into teaching groups of the same level. These tests often start simply and get more and more difficult. Their general standard is needed rather than testing specific language points and a variety of test activities give better results than a single assessment. The second group – diagnostic (also known as formative or progress) test how well the students have learnt some certain elements and are usually done at the end of a course. The content of the test and question types should be familiar to the students and a high degree of success is expected if they know what is in the test. The results also show which areas need to be revised with the class or individuals. The third group of achievement tests, also known as an attainment or summative test, aims to measure things having been learnt over a longer period of time compared to a diagnostic test. Such testing shows the standard reached and results can be compared to other students. One of the problems with these tests is that you cannot examine everything simultaneously in a few hours, so you have to choose samples. The fourth group of proficiency test, such as the Cambridge IELTS and the American TOEFL, are proficiency tests with the aim of providing a snapshot of a candidate's ability to apply what they know. Such kind of tests have a future orientation and are often used by further education bodies, employers, and immigration authorities to determine acceptable standards for applicants.

Speaking about forms of tests we mind the following:

- multiple choice tests in which there is a stem and various options to choose from. The advantages of this question type are that it is very easy to use our intuition. But the disadvantage is that it can have so-called "luck effect". Also it takes time for the candidate to process the information which leads to problems with the validity of the exam, because if a person has low level of knowledge it seems like reading skills are tested and not grammar or lexical ones;

- transformations, the type in which a candidate has to rewrite a sentence based on an instruction or a key word given. The problem with that is that a candidate may simply be able to rewrite sentences to a formula. Transformations are particularly effective for testing grammar and understanding a form. This would not be an appropriate question type if you wanted to test such skills as reading or listening;

- filling gaps where the candidate fills the gap to complete the sentence. A hint may sometimes be included, such as a root verb that needs to be changed, or the first letter of the word etc. This tests grammar or vocabulary. Again, this type of task is easy to mark and relatively easy to write. Gap-fills can be used to test a variety of areas, such as vocabulary and grammar, and are very effective at testing listening for specific words;

- matching when the candidate must link items from the first column to items in the second. This could be individual words, words and definitions, parts of sentences, pictures to words, etc. As it is easy to mark, candidates can get the right answers without knowing the words, if they have most of the answers correct they know the last one left must be right. To avoid this, there should be more words than it is necessary. Matching exercises are most often used to test vocabulary;

- cloze, the kind of much more integrative task type as candidates have to process the components of the language simultaneously. It has also been proved to be a good indicator of overall language proficiency. The teacher must be careful about multiple correct answers, and students may need some practice of this type of task. Cloze tests can be very effective for testing grammar, vocabulary, and intensive reading;

- true-false - here the candidate must decide if a statement is true or false. Again, this type is easy to mark but guessing can result in many correct answers. The best way to counteract this effect is to have a lot of items. This question type is mostly used to test listening and reading comprehension;

- error correction, it tests where errors must be found and corrected in a sentence or passage. It could be an extra word, mistakes with verb forms, words missed, etc. One problem with this question type is that some errors can be corrected in more than one way. Error correction is useful for testing grammar and vocabulary as well as readings and listening.

And, of course, all of them can be done in a written form, orally, online, and during any kind of exams (and that is absolutely indisputably).

If we try to complete the table with advantages and disadvantages of tests as an assessment we can clearly see that pluses in the first column will not take the leading position, and it will be easy to fulfill the second one. And if matching or completion tests can have some advantages, multiple choice tests can have much more disadvantages in them. MCT (multiple choice test) is such kind of assessment when the respondent is already given the right answers. We have already mentioned its structure with the stem and a question or a sentence that should be completed, and the set of options with 3, 4, 5 variants, but with already given right variant. And as a result, from the very beginning it deprives the respondent of the ability to think and evaluate leaving just an option of "choose". And in most cases, it is just a point of luck, especially for those who are not so really good at knowledge (*Test question...*, n.d.).

I'm not saying that all the tests are a complete evil, and we should avoid them absolutely. In my work I prefer using such kind of tests as matching, true-false, completion. But in all cases they should be used with speaking which will give us a combination of two communicative skills. Dealing with medical English, one of the most commonly used tests in my work is matching, when we match a word and its definition. As an example, here is the exercise used in "Digestive system" lessons in the form of matching, where the definition of the word have to be matched with the word itself: "A large gland behind the stomach which secretes digestive enzymes into the duodenum; the first part of the small intestine immediately beyond the stomach, leading to the jejunum; the final section of the large intestine; the part of the alimentary canal which connects the throat to the stomach and is a muscular tube lined with mucous membrane; The whole passage along which food passes through the body from mouth to anus during digestion (*rectum, esophagus, alimentary canal, duodenum, pancreas*)".

Or, for example, advantageous kind of test is completion: listening to the audiomaterial (combination of listening and speaking), the students have to find out right variant (completion test):

"the purpose of the digestion is

To help the body move
To circulate blood to all parts of the body
To carry away wastes from the body
To break down food into proteins and carbohydrates that body can use
the tube that transports food down into the stomach is _____
The small intestine
The mouth
The esophagus
The large intestine
the material that is not absorbed by the small intestine
- breaks down into proteins in the stomach
- passes into the large intestine
- turns into sugar in the pancreas
- moves into the liver
the gastric juices in the stomach _____
start the breakdown of proteins in the food pieces
help break down and absorb fats
absorb nutrients into your blood
move sugar from the blood into the body cell”.

And, of course, the process of learning has to be done orally. The problem of tests is that from the moment of their appearance less and less time is given to the speaking. But we all know that the main purpose of English learning is to create the best conditions for the learner’s communication and improvement of the communicative activity.

One more research has been made in this field by me, when the students were given just to fill the tests without being read or explained, and in the second group the students were given more oral exercises. The investigation took just one month and was stopped due to uprising wish of students of non talking activities. They were just glad to put that “a-b-c” answers, hand them and be free, but when the next lesson I tried to speak about the same material, there appeared some problematic moments. And on the other hand, the second group of students that even if doing some kind of testing did it orally, with explanations had no difficulties with the speaking.

So, from that moment more time was given to the speaking and communicative point of teaching in both groups. And the more students speak the better results we have. I have no purpose to belittle absolutely the good points of test assessment but as my research showed – any process of teaching first of all should include speaking. Any form of assessment you can use in your educational process but ask students to speak and have communicative skills being improved.

References

Test question types. (n.d). Retrieved from <https://www.teachingenglish.org.uk/article/test-question-types>

MUSICAL ACTIVITIES AS A MEANS OF OPTIMIZING THE DEVELOPMENT OF PRESCHOOL CHILDREN WITH DISABILITIES IN INCLUSIVE EDUCATIONAL SYSTEM

Shupikova, V. S.^{1*}

1 Municipal budget preschool educational institution Kindergarten "The Scarlet Flower," Noyabrsk, Russia.

* Corresponding author: vik-shupikova@yandex.ru.

CrossMark

Citation: Shupikova, V. S. (2016). Musical activities as a means of optimizing the development of preschool children with disabilities in inclusive education system. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-34.

Received: February 19, 2016.

Accepted: March 18, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Shupikova, V. S.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В СИСТЕМЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Актуальность модернизации образования в пространстве дошкольного инклюзивного образования является одной из важных вопросов современного образования. Возможность решения данных задач средствами творческой и музыкальной деятельности описаны в данной статье. Привлечение к вопросам развития детей с ограниченными возможностями здоровья внимание раскрывает автор статьи. Построение системы использования коррекционно-развивающей музыкальной деятельности для создания структурированного образовательно-развивающего пространства направленного на поддержку и разностороннее развитие воспитанников с отклонениями в развитии. Идеи интегративного подхода к реализации данных задач актуализированы автором. Предлагается внедрять в коррекционно-развивающий процесс этапы-модули: диагностический (комплексное изучение развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья, разработка коррекционно-образовательного маршрута); деятельностный (реализация индивидуальной коррекционно-развивающей программы сопровождения развития ребенка со сложным дефектом в развитии); рефлексивный (определяющий обобщение, анализ результативности и направления дальнейшей коррекции и развития детей с ограниченными возможностями здоровья). Комплексный подход к использованию творческой музыкальной деятельности в пространстве инклюзивного образования в дошкольном учреждении способствует значительной оптимизации развития детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: пространство дошкольного инклюзивного образования; дети со сложным дефектом в развитии; музыкальная и творческая деятельность.

Концепцией модернизации образования в России определены приоритеты коррекционной педагогики в виде адаптации и социализации в обществе детей с ограниченными возможностями здоровья. Развитие и социальная адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья становится все более доступной с раннего дошкольного возраста в условиях образовательного дошкольного учреждения.

В условиях дошкольного образовательного учреждения стремятся использовать весь педагогический потенциал и эффективность управления коррекционно-развивающим процессом, обусловленным наличием детей с ограниченными возможностями здоровья. В образовательном дошкольном учреждении обращаются к проблеме построения пространства инклюзивного образования как системы комплексно-индивидуализированного психолого-педагогического сопровождения детей со сложным дефектом в развитии. Инклюзивное образование в дошкольном образовательном учреждении – это гибкая система использования коррекционно-развивающей педагогики для создания структурированного образовательно-развивающего пространства направленного на поддержку и разностороннее развитие воспитанников. Инклюзивные подходы предполагают внесение в пространство дошкольного учреждения соответствующих дополнений адаптивной предметно-развивающей среды и ее реализации на основе интегративного подхода к развитию ребенка. Идеи инклюзивного образования предъявляют особые требования к специальным компонентам коррекционной педагогики и профессиональной квалификации педагогов. Инклюзивное образование подразумевает внедрение семейно-ориентированного сопровождения в различных формах взаимодействия сотрудничества. Внедрение инклюзивного образования в коррекционно-развивающий процесс включает этапы-модули:

1. Диагностический (комплексное изучение развития ребенка с ограниченными возможностями здоровья, разработка коррекционно-образовательного маршрута).
2. Деятельностный (реализация индивидуальной коррекционно-развивающей программы сопровождения развития ребенка со сложным дефектом в развитии).
3. Рефлексивный (определяющий обобщение, анализ результативности и направления дальнейшей коррекции и развития детей с ограниченными возможностями здоровья).

Актуальность введения инклюзивного образования в пространство дошкольного образовательного учреждения подтверждают ранняя социализация детей с ограниченными возможностями здоровья в обществе сверстников и взрослых, избавление от социальных и коммуникативных барьеров в среде и обществе, предоставление возможностей и площадок для реализации личностных потребностей и творческих способностей, развитие сотрудничества в пространстве инклюзивного образования школы и звена дошкольного образования.

Инклюзивное образование в пространстве дошкольного учреждения отражают следующие принципы:

1. Признание равной ценности воспитанников всех категорий и групп здоровья для социализации в обществе.
2. Повышение уровня участия воспитанников с ограниченными возможностями здоровья в творческой деятельности дошкольного учреждения и творческих площадок города.
3. Стремление к удовлетворению особых образовательных потребностей воспитанников со сложным дефектом в развитии.
4. Оптимизация отношений поддержки и сотрудничества родителей коллектива дошкольного учреждения.

Построение инклюзивного образовательного пространства в дошкольном учреждении предполагает интенсивное использование комплексного коррекционно-развивающего потенциала, основываясь на принципах динамического развития обра-

звательной модели дошкольного учреждения и активного взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Эффективность практической деятельности инклюзивного образования в дошкольном учреждении определяет активная социализация воспитанников в творческие общественные объединения, в которых естественным путем реализуются развитие и удовлетворение потребностей детей с ограниченными возможностями здоровья. Социализация, творческая деятельность способствует облегчению адаптации детей со сложным дефектом в развитии в обществе и социуме, повышает возможности самореализации, повышению самооценки, приводят к эмоциональным подъемам и улучшению темпа психофизического развития. Творческая и музыкальная деятельность в инклюзивном пространстве дошкольного учреждения приобретает специфические возможности: формирует творческие способности и готовность к сотрудничеству детей с ограниченными возможностями здоровья, облегчает адаптацию, позволяет положительно и эффективно воздействовать на психофизическое состояние воспитанников, подготавливает детей к взаимоотношениям массового характера, к подготовке детей с дефектом в развитии как полноценной и всесторонне развитой единице окружающего общества. Способность музыкального искусства влиять на прогресс развития детей с ограниченными возможностями здоровья рассматривались учеными на протяжении многих лет. Применение средств, методов и форм музыкальной деятельности создает для детей с дефектом в развитии «дополнительные» возможности и условия, где ребенок может обнаружить сопричастность с коллективом, востребованность своих творческих и музыкальных способностей, реализовать свой творческий потенциал. Все эти условия дают незаменимый мощный толчок в развитии для воспитанников с отклонениями в развитии. Музыкальная деятельность для детей с особыми образовательными потребностями является одним из важных средств развития и социализации. Ребенок обретает возможность через творческую деятельность почувствовать значимость своей сопричастности к музыкальному искусству, реализовать свой творческий потенциал, принести пользу и стать полноценным развитым членом общества. Детей в пространстве инклюзивного дошкольного образования активно социализируют средствами массовых мероприятий (фестивали, праздники, конкурсы, благотворительный акции), таким образом приобщая детей с особыми образовательными потребностями к участию в творческих мероприятиях учреждения и города, создавая модель оптимизации социокультурной интеграции воспитанников. Дети обретают активную позицию, уверенность в своих силах, расширяют свой кругозор, возможно улучшение эмоциональной сферы, стабилизации ситуативного и личностного социального взаимодействия со сверстниками и взрослыми.

Главные задачи музыкального руководителя в условиях дошкольного инклюзивного образования:

1. Создание средствами музыкальной деятельности положительного эмоционального фона в условиях индивидуальных и групповых формах взаимодействия.
2. Стремиться к удовлетворению творческих потребностей.
3. Формировать положительный опыт взаимодействия со сверстниками и взрослыми в творческой деятельности.
4. Учитывая индивидуальные особенности здоровья воспитанников с особыми образовательными потребностями, стремиться к созданию единого культурно творческого образовательного и музыкального развивающего пространства со сверстниками.

5. Используя ресурсы творческой музыкальной деятельности развивать навыки социального поведения, формировать опыт взаимодействия в обществе.

6. Объединить для достижения целей оптимизации развития детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья в системе инклюзивного образования в дошкольном учреждении специалистов, педагогов, родителей.

Музыкальному руководителю стоит регулярно повышать уровень профессиональной компетентности в вопросах инклюзивного образования детей. Проходить курсы повышения квалификации в данной области, изучать статьи ученых, интересоваться опытом зарубежных коллег и соотечественников. В программе музыкального воспитания в дошкольном учреждении в системе использовать для оптимизации развития детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья в пространстве инклюзивного образования коммуникативные танцы и игры, развивающие и повышающие динамику общения, эффективно использование музыкально-театрализованной деятельности. Музыкальные руководители планируют проектную деятельность, формирующей практическое применение средств музыкальной деятельности, осмысление применения разнообразных форм организации творческой деятельности. Профессионально организованная комплексная творческая музыкальная деятельность в пространстве инклюзивного образования в дошкольном учреждении способствует значительной оптимизации развития детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья, улучшает ситуацию социализации детей с отклонениями в развитии в обществе.

UDC 37.013 | DOI: 10.17809/0557468427-35

FORMATION OF SOCIAL READINESS OF A CHILD FOR SCHOOL

Slabko, L. S.^{1*}

1 Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Krasnoyarsk, Russia.

* Corresponding author: larisa-slabk@rambler.ru.

CrossMark

Citation: Slabko, L. S. (2016). Formation of social readiness of a child for school. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice*. London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-35.

Received: February 19, 2016.

Copyright: Slabko, L. S.

Accepted: March 21, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ РЕБЕНКА К ШКОЛЕ

На современном этапе подготовка к школьному обучению из психолого-педагогической переросла в проблему большой социальной значимости. В связи с этим особое внимание требует решение задачи формирования социальных черт личности будущего школьника, необходимых для благополучной адаптации к школе, укрепление и развитие эмоционального положительного отношения ребенка к школе, желание учиться, что, в конечном счете, формирует школьную позицию.

Ключевые слова: школьное обучение; подготовка; готовность; ребенок;

Акцентируя свое внимание на интеллектуальной подготовке ребенка к школе, родители иногда упускают из виду эмоциональную и социальную готовность, включающие в себя такие учебные навыки, от которых существенно зависят будущие школьные успехи. Социальная готовность подразумевает потребность в общении со сверстниками и умение подчинять свое поведение законам детских групп, способность принимать роль ученика, умение слушать и выполнять инструкции учителя, а также навыки коммуникативной инициативы и самопрезентации.

Социальная, или личностная, готовность к обучению в школе представляет собой готовность ребенка к новым формам общения, новому отношению к окружающему миру и самому себе, обусловленным ситуацией школьного обучения.

Часто родители дошкольников, рассказывая детям о школе, стараются создать эмоционально однозначный образ. То есть говорят о школе только в позитивном или только негативном ключе. Родители полагают, что тем самым они прививают ребенку заинтересованное отношение к учебной деятельности, которое будет способствовать школьным успехам. В действительности же ученик, настроенный на радостную, увлекательную деятельность, испытав даже незначительные негативные эмоции (обиду, ревность, зависть, досаду), может надолго потерять интерес к учебе.

Ни однозначно позитивный, ни однозначно негативный образ школы не приносит пользы будущему ученику. Родителям следует сосредоточить свои усилия на более подробном знакомстве ребенка со школьными требованиями, а главное - с самим собой, своими сильными и слабыми сторонами.

Большинство детей попадает в детский сад из дома, а иногда - из детского дома. Родители или опекуны обычно располагают более ограниченными знаниями, умениями и возможностями по развитию детей, чем работники дошкольных детских учреждений. Люди, входящие в одну и ту же возрастную группу, обладают многими общими чертами, но в то же время и многими индивидуальными особенностями - некоторые из них делают людей интереснее и самобытнее, о некоторых же предпочитают молчать. То же самое относится к дошкольникам - нет идеальных взрослых и идеальных людей. Дети с особыми потребностями приходят всё чаще в обыкновенный детский сад и обычную группу. Современные учителя детских садов нуждаются в знаниях в области особых потребностей, в готовности сотрудничать со специалистами, родителями и педагогами детских домов, в умениях формировать среду роста ребёнка исходя из потребностей каждого конкретного ребёнка.

Школьная готовность означает физическую, социальную, мотивационную и умственную готовность ребёнка к переходу от основной игровой деятельности к направленной деятельности более высокого уровня. Для достижения готовности к школе необходима соответствующая благоприятная среда и собственная активная деятельность ребёнка.

Показателями такой готовности являются изменения в физическом, социальном и психическом развитии ребёнка. Основой нового поведения

является готовность к выполнению более серьёзных обязанностей по примеру родителей и отказ от чего - либо в пользу другого. Главным признаком изменений будет отношение к работе. Предпосылкой психической готовности к школе является способность ребёнка выполнять разнообразные задания под руководством взрослого. У ребёнка должна проявиться также умственная активность, в том числе познавательный интерес к решению задач. В качестве проявления социального развития выступает появление волевого поведения. Ребёнок ставит перед собой цели и готов для их достижения приложить определённые усилия. В готовности к школе можно различать психо-физический, духовный и социальный аспект.

К моменту поступления в школу ребёнок уже прошёл один из существенных этапов в своей жизни и/или, опираясь на семью и детский сад, получил основу для следующего этапа формирования своей личности. Готовность к школе формируют как врождённые задатки и способности, так и окружающая ребёнка среда, в которой он живёт и развивается, а также люди, которые с ним общаются и направляют его развитие. Поэтому у детей, идущих в школу, могут быть очень разные физические и психические способности, особенности характера, а также знания и умения.

Важным показателем социального аспекта школьной готовности является мотивация к обучению, что проявляется в желании ребёнка учиться, усваивать новые знания, эмоциональной предрасположенности к требованиям взрослых, заинтересованности в познании окружающей действительности. В его сфере мотиваций должны произойти значительные изменения и сдвиги. К концу дошкольного периода формируется субординация: один мотив становится ведущим (основным). При совместной деятельности и под влиянием сверстников определяется ведущий мотив - позитивная оценка сверстников и симпатия к ним. Стимулирует и соревновательный момент, желание показать свою находчивость, сообразительность и умение найти оригинальное решение. Это одна из причин того, почему желательно, чтобы ещё до школы все дети получили опыт коллективного общения, хотя бы начальное знание об умении учиться, о различии мотиваций, о сравнении себя с другими и самостоятельном использовании знаний для удовлетворения своих возможностей и потребностей. Переход от одного этапа развития к другому характеризуется изменением социальной ситуации в развитии ребёнка. Изменяется система связей с окружающим миром и социальной действительностью. Эти изменения отражаются в перестройке психических процессов, обновлении и изменении связей и приоритетов. Восприятие теперь ведущий психический процесс только на уровне осмысления, на первое место выдвигаются гораздо более первичные процессы - анализ - синтез, сравнение, мышление. Ребёнок включается в школе в систему других социальных отношений, где ему будут предъявлены новые требования и ожидания.

В социальном развитии ребёнка-дошкольника ведущую роль играют коммуникативные способности. Они позволяют различать те или иные ситуации общения, понимать состояние других людей в различных ситуациях и

на основе этого адекватного выстраивать своё поведение. Оказываясь в какой-либо ситуации общения с взрослыми или сверстниками (в детском саду, на улице, в транспорте и т.д.), ребёнок с развитыми коммуникативными способностями сможет понять, каковы внешние признаки данной ситуации и по каким правилам в ней нужно действовать. В случае возникновения конфликтной или другой напряжённой ситуации такой ребёнок найдёт позитивные способы её преобразования.

При выяснении готовности детей к школе становится очевидно, что часть детей для достижения этого нуждается в занятиях в подготовительных группах и лишь небольшая часть детей имеет специфические потребности. В отношении последних, важна своевременная помощь, направление развития ребёнка специалистами и поддержка семьи.

При выявлении готовности к обучению детей к школе можно и обнаружить, что дети окажутся с особыми нуждами и появляются следующие моменты. Нужно обучить родителей тому, как развивать своего ребёнка-дошкольника (кругозор, наблюдательность, моторика) и необходимо организовать обучение родителей. Если надо открыть специальную группу в детском саду, тогда надо обучить воспитателей, найти для группы специалиста-педагога (логопеда), который сможет оказать поддержку как детям, так и их родителям. Необходима организация обучения детей со специфическими потребностями на административной территории или в рамках нескольких административных единиц. В этом случае школа сможет заранее подготовиться к посильному обучению детей с разной готовностью к школе.

Социализация является важным условием гармоничного развития ребёнка. Уже с момента рождения малыш является социальным существом, требующим для удовлетворения своих потребностей участия другого человека. Освоение ребёнком культуры, общечеловеческого опыта невозможно без взаимодействия и общения с другими людьми. Через коммуникацию происходит развитие сознания и высших психических функций. Умение ребёнка позитивно общаться позволяет ему комфортно жить в обществе людей; благодаря общению он не только познаёт другого человека (взрослого или сверстника), но и самого себя.

Не менее важным является общение и взаимодействие детей друг с другом. В обществе сверстников ребёнок чувствует себя «среди равных». Благодаря этому у него развиваются самостоятельность суждений, умение спорить, отстаивать своё мнение, задавать вопросы, инициировать получение новых знаний. Соответствующий уровень развития общения ребёнка со сверстниками, заложенный в дошкольном возрасте, позволяет ему адекватно действовать в школе.

Коммуникативные способности позволяют ребёнку различать ситуации общения и на этой основе определять собственные цели и цели партнёров по общению, понимать состояния и поступки других людей, выбирать адекватные способы поведения в конкретной ситуации и уметь преобразовывать её с целью оптимизации общения с окружающими.

В дошкольном возрасте местом и содержанием обучения является всё, что окружает ребёнка, то есть окружающая среда, в которой он живёт и развивается. От среды, в которой растёт ребёнок, зависит, какими у него будут ценностные ориентации, отношение к природе и взаимоотношения с окружающими людьми.

Игра является основной деятельностью ребёнка. В играх ребёнок достигает определённой социальной компетентности. Он вступает в различные отношения с детьми по игре. В совместных играх дети учатся считаться с желаниями и интересами своих товарищей, ставить общие цели и действовать сообща. В процессе знакомства с окружающей средой можно использовать всевозможные игры, беседы, обсуждения, чтение рассказов, сказок (язык и игра взаимосвязаны), а также рассматривание картинок, просмотр слайдов и видеофильмов (углубляют и обогащают понимание окружающего мира). Знакомство с природой позволяет широко интегрировать различные виды деятельности и темы, поэтому с природой и природными средствами можно связать большую часть учебной деятельности.

Можно сделать вывод, что социальная готовность подразумевает потребность в общении со сверстниками и умение подчинять свое поведение законам детских групп, способность принимать роль ученика, умение слушать и выполнять инструкции учителя, а также навыки коммуникативной инициативы и самопрезентации. Большинство детей попадает в детский сад из дома, а иногда – из детского дома. Современные учителя детских садов нуждаются в знаниях в области особых потребностей, в готовности сотрудничать со специалистами, родителями и педагогами детских домов, в умениях формировать среду роста ребёнка исходя из потребностей каждого конкретного ребёнка.

Методом исследования было интервьюирование.

Из данных исследования выяснилось, что дети, посещающие обычный детский сад имеют желание учиться, а также социальную, интеллектуальную и физическую готовность к обучению в школе. Так как педагоги проводят очень большую работу с детьми и их родителями, а также со специалистами, чтобы у ребенка была мотивация к обучению в школе, создавая благоприятную среду для их развития, повышая этим самооценку и самосознание ребенка.

В детском доме воспитатели прививают физические навыки детям и социализируют их, а интеллектуальной и социальной подготовкой детей к школе занимаются в специальном детском садике.

Среда в детском доме в целом благоприятная, семейная система, воспитатели прилагают все необходимые усилия для создания необходимой среды развития, при необходимости с детьми работают специалисты по индивидуальному плану, но детям не хватает защищенности, которая присутствует у детей, воспитывающихся дома с родителями.

По сравнению с детьми из общего типа детского сада желание учиться, а также социальная готовность к школе детей с особыми нуждами развита слабо и зависит от имеющихся форм отклонений в развитии воспитанников. Чем тяжелее степень тяжести нарушения, тем у меньшего количества детей

возникает желание обучаться в школе, умения общаться со сверстниками и взрослыми, самосознание и навыки самоконтроля ниже.

Дети в детском доме с особыми нуждами не готовы к школе с общеобразовательной программой обучения, но готовы для обучения по специальной программе, в зависимости от их индивидуальных особенностей и степени тяжести их особых нужд.

Список литературы:

1. Артемова Л. Формирование социальной активности // Дошкольное воспитание. – 1999.
2. Бабаева Т.И. У школьного порога // Дошкольное воспитание. – 2006.
3. Выготский Л.С. Психология. – М.: Издательство «ЭКСМО-Пресс», 2002. – 108 с
4. Каменская В. Г., Зверева С. В. К школьной жизни готов. Диагностика и критерии школьной готовности. – СПб., 2004.
5. Римашевская Л. Социально-личностное развитие // Дошкольное воспитание. – 2007.
6. Смирнова Е.О. Лучшая подготовка к школе – беззаботно прожитое детство // Дошкольное воспитание. – 2006.

UDC 612.621 | DOI: 10.17809/0557468427-36

HIGH SCHOOL TEACHERS' GENDER AND AGE DIFFERENCES OF MENTAL HEALTH IN PROFESSIONAL ACTIVITIES

Tnimova, G. T.,^{1*} Lebedeva V. I.¹

1 Pavlodar State Pedagogical Institute, Pavlodar, Kazakhstan. * Corresponding author: gulbagiza@bk.ru.

CrossMark

Citation: Tnimova, G. T., & Lebedeva, V. I. (2016). High school teachers' gender and age differences of mental health in professional activities. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-36.

Received: February 16, 2016.

Copyright: Tnimova, G. T., & Lebedeva, V. I.

Accepted: March 29, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ НЕКОТОРЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Адаптация к профессиональной деятельности преподавателей вуза имеет свои особенности, в частности, пролонгированный характер, зависящий от пола. Одна треть опрошенных мужчин и две трети женщин на начальном этапе профессиональной деятельности имеют высокие показатели «эмоциональной лабильности», «раздражительности» и «депрессивности», для измерения которых использовали Многофакторный личностный опросник FPI (И. Фаренберг, Х. Зарг, Р. Гампел; модифицированная форма «В»). Женщин, у которых стрессогенные факторы на начальном этапе преподавательской деятельности вызывают выраженное нервно-психическое напряжение,

значительно больше, чем мужчин, однако, они быстрее адаптируются к данной деятельности.

Ключевые слова: психическое здоровье; преподаватель вуза; пол; возраст; адаптация.

Молодой выпускник, вступая в педагогическую деятельность вуза, попадает в новую для него социальную и профессиональную среду. Как известно, трудовая деятельность преподавателей высшей школы характеризуется эмоциональной насыщенностью и значительным числом факторов, вызывающих различные стрессогенные ситуации, чреватые напряжением и психосоматической патологией. Так, проведенный скрининг здоровья показал более высокую распространенность факторов риска и патологических изменений среди профессорско-преподавательского состава, чем среди общей популяции [1]. Однако в доступной литературе опубликованы немногочисленные работы, посвященные данной проблеме [2-7], в которых изучались психологические свойства личности преподавателей высшей школы, особенности их эмоционального реагирования в возрастном аспекте. Вместе с тем, психологическое здоровье – важнейшая составляющая целостного здоровья индивида, его наличие, с позиций современного компетентностного подхода, способствует не только качественному выполнению профессиональных функций и ролей, но и позволяет быть адаптивным, мобильным, успешным.

Необходимо отметить, что среди имеющихся исследований деятельности, личности и здоровья педагога, очень мало работ, учитывающих гендерный аспект при интерпретации полученных данных. Большинство ученых постсоветского пространства изучает педагога «вообще», не дифференцируя полученные данные по полу, хотя в литературе имеются указания на гендерные различия в психологических качествах, способностях, реакции на стресс, стиле руководства, лидерства, в заболеваемости мужчин и женщин [8, 9].

В связи со сказанным, нами было проведено измерение показателей личностных свойств преподавателей вуза, которые имеют значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения и характеризуют состояние психологического здоровья. С этой целью использовался Многофакторный личностный опросник FPI (И. Фаренберг, Х. Зарг, Р. Гампел; модифицированная форма «В») [10, с. 24-44]. В эксперименте принимал участие профессорско-преподавательский состав ПГПИ г.Павлодара в количестве 79 человек (56 женщин и 23 мужчин), которые были разделены на 2 возрастные группы: 1-я группа преподавателей - 23-29 лет, 2-я группа преподавателей – 30-39 лет. Исследование проходило как индивидуально, так и в группе. Согласно методике, к низким были отнесены оценки в диапазоне 1–3 балла, к средним – 4-6 баллов, к высоким – 7-9 баллов. В первую очередь особое внимание было обращено на оценку по шкале IX, имеющую значение для общей характеристики достоверности ответов.

Интерпретация полученных результатов производилась на основе понимания сути вопросов в каждой шкале, глубинных связей исследуемых факторов между собой и с другими психологическими и психофизиологическими характеристиками и их роли в поведении и деятельности человека. Сбор информации осуществлялся на основе информированного согласия респондентов с соблюдением принципов биоэтики.

Анализ полученных данных (таблица) показал, что для опрошенных преподавателей вуза – мужчин (в возрастном диапазоне 23-29 и 30-39 лет), из исследованных психологических показателей личности «эмоциональная лабильность», «раздражительность» и «депрессивность», наибольшему количеству респондентов соответствует

показатель «раздражительность». Мы определили у одной трети (33,3%) высокий уровень данного показателя и у остальных – средний (66,7%). «Эмоциональная лабильность» и «депрессивность» высокого уровня выявлена также у трети опрошенных мужчин преподавателей вуза, однако, для 33,3% – характерен низкий уровень данных показателей (таблица). Следует особо подчеркнуть, что наблюдаемое распределение качеств характерно в одинаковой степени для мужчин 23-29 лет и 30-39 лет.

Опрос женщин преподавателей вуза в аналогичных возрастных группах показал следующее (таблица). По шкале IV «раздражительность» высокий уровень выявлен у 66,5% женщин в возрастном диапазоне 23-29 лет (что в 2 раза больше, чем у мужчин) и средний – у остальных опрошенных. Однако, во второй возрастной группе (30-39 лет), высокий уровень данного показателя отмечен только у 18,2% женщин, средний уровень характерен для 72,7% опрошенных, а 9,1% женщин имеют низкий уровень «раздражительности».

В первой возрастной группе (таблица) высокий уровень показателя «эмоциональная лабильность» выявлен у 62% опрошенных женщин, а показателя «депрессивность» - у 52,4% преподавателей женщин, у остальных – средний уровень этих показателей (что также выше, чем у мужчин). Однако, в следующей возрастной группе, в среднем, только у 22,7% опрошенных выявлен высокий уровень указанных показателей, а у 36,4% женщин наблюдается низкий уровень «депрессивности» и у 27,2% опрошенных – низкий уровень «эмоциональной лабильности».

Следует отметить, что высокий показатель по шкале IV «раздражительность» указывает на непостоянство, проявление конфликтного поведения как формы защиты от травмирующих переживаний. Шкала XI «эмоциональная лабильность» указывает на неустойчивость эмоционального состояния, проявляющуюся в частых колебаниях настроения, повышенной возбудимости, раздражительности, недостаточной саморегуляции,

а высокий показатель по шкале III «депрессивность» характеризует личность как отгороженную, погруженную в свои переживания. Однако за внешним фасадом отчужденности скрывается чуткость, душевная отзывчивость, постоянная готовность к самопожертвованию, старательность, добросовестность, обязательность в сочетании с конформностью и нерешительностью.

Полученные данные свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что у части опрошенных наблюдается напряжение со стороны нервной системы и психических функций, причем в первой возрастной группе как у мужчин, так и у женщин, более распространенное у женщин. М. В. Юскаева в своей работе (не дифференцируя по полу) также отмечает, что многие преподаватели университета испытывают нервное напряжение в процессе работы (82,2 %), при этом значительная часть оценивает это напряжение как высокое (40,0 %) [11]. Вместе с тем, в старшей возрастной группе мы наблюдаем снижение психо-эмоционального напряжения у женщин, без изменений его у мужчин.

Измерение показателя по шкале VI «уравновешенность» дополнило полученные данные (таблица). Так, в возрастной группе 23-29 лет среди мужчин высокие уровни данного показателя отсутствуют, у 66,7% опрошенных выявлен средний уровень, а у трети преподавателей мужского пола – низкий его уровень. У женщин - низкий уровень уравновешенности наблюдается у большинства опрошенных (60,6%), у трети – средний, а у 9% - высокий уровень данного показателя.

В следующей возрастной группе (30-39 лет) треть опрошенных мужчин (таблица) также, как и более молодые, имели низкий уровень показателя «уравновешенность», но у остальной части респондентов определены высокие его уровни. У женщин препо-

давателей вуза как низкие, так и высокие уровни данного показателя выявлены в сумме лишь у 18,2% опрошенных, тогда как для основной массы опрошенных (81,8%) характерен средний уровень «уравновешенности».

Далее мы рассмотрели распределение данных у преподавателей по шкале V «общительность». Для высоких значений фактора «общительность» характерны естественность и непринужденность поведения, готовность к сотрудничеству, чуткое, внимательное отношение к людям, доброта и мягкосердечие, что положительно сказывается на эффективности преподавательской деятельности во взаимоотношениях со студентами и коллегами по работе. Высокие оценки позволяют говорить о наличии выраженной потребности в общении и постоянной готовности к удовлетворению этой потребности.

Наши вычисления показали, что у мужчин и женщин первой возрастной группы (23-29 лет) отсутствуют высокие уровни показателя «общительность» (таблица), для большинства (66,7%) характерны средние уровни, а для трети – низкие уровни данного показателя. Во второй возрастной группе (30-39 лет) уже треть мужчин (33,3%) обладают высоким уровнем «общительности», треть – средним, и треть – низким уровнем показателя. Вместе с тем, среди женщин преподавателей вуза только 18,1% опрошенных имеют высокие уровни общительности, соответственно, 45,5% - средние, и 36,4% - низкие уровни данного показателя, и таких женщин несколько больше, чем мужчин.

Вычисления по шкале VIII «застенчивость» в определенной степени объясняют вышеописанные данные. Качество «застенчивость» свидетельствует о нерешительности и неуверенности в себе. Такие лица неожиданные ситуации встречают с беспокойством, от любых перемен ждут только неприятности, в общении скованы, следствием чего являются трудности в социальных контактах, в том числе трудности в преподавательской деятельности.

Так, мы получили выраженные различия распределения личностного качества «застенчивость» у мужчин и женщин исследуемых групп преподавателей (таблица). Среди молодых мужчин (23-29 лет) у 2/3 опрошенных определяется низкий уровень качества «застенчивость» и у оставшихся - средний уровень. У молодых женщин наблюдается обратная закономерность: высокие уровни показателя «застенчивость» наблюдаются у 66,6% опрошенных, средние – у 28,6%, и низкие – только у 4,8% женщин преподавателей вуза. В следующей возрастной группе (30-39 лет) высокие уровни «застенчивости» появились у трети мужчин, а у женщин мы их не зафиксировали. Среди женщин наибольшее их число (81,9%) имеет средний уровень данного показателя, а у 18,1% женщин преподавателей наблюдается низкий уровень показателя «застенчивость».

Полученные данные свидетельствуют о различиях как в распределении по полу, так и в возрастной динамике изученных личностных качеств у мужчин и женщин в процессе профессиональной деятельности. В целом, наш опрос показал, что *одна треть* обследованных преподавателей мужского пола в большом возрастном диапазоне (23-39 лет) находятся в состоянии напряжения (хронического стресса), т.к. для них характерны высокие уровни показателей «раздражительность», «эмоциональная лабильность» и «депрессивность», и низкие – качества «уравновешенность» и «общительность», сопряженные с развивающейся с возрастом «застенчивостью». Одновременно, у *двух третей* женщин преподавателей вуза в возрастном диапазоне 23-29 лет выявлены высокие уровни «раздражительности», «эмоциональной лабильности» и «депрессивности» с низким показателем «уравновешенности» и средним – «общительности».

тельности». Для них также характерен высокий уровень «застенчивости». Однако во второй возрастной группе (30-39 лет) «раздражительность», «эмоциональная лабильность» и «депрессивность», а также «уравновешенность» и «застенчивость» для большей части опрошенных (45,5%-81,8%) становятся среднего уровня.

Так, мы получили выраженные различия распределения личностного качества «застенчивость» у мужчин и женщин исследуемых групп преподавателей (таблица). Среди молодых мужчин (23-29 лет) у 2/3 опрошенных определяется низкий уровень качества «застенчивость» и у оставшихся - средний уровень. У молодых женщин наблюдается обратная закономерность: высокие уровни показателя «застенчивость» наблюдаются у 66,6% опрошенных, средние – у 28,6%, и низкие – только у 4,8% женщин преподавателей вуза. В следующей возрастной группе (30-39 лет) высокие уровни «застенчивости» появились у трети мужчин, а у женщин мы их не зафиксировали. Среди женщин наибольшее их число (81,9%) имеет средний уровень данного показателя, а у 18,1% женщин преподавателей наблюдается низкий уровень показателя «застенчивость».

Таблица 1. Ранжирование показателей личностных качеств преподавателей вуза мужчин и женщин в возрастном диапазоне 23-39 лет (%).

№	Возраст	Уровни	23-29 лет		30-39 лет	
			пол		пол	
			Муж	Жен.	Муж	Жен.
I	Невротичность	низкий	0	4,8	0	9,1
		средний	66,7	28,7	66,7	72,7
		высокий	33,3	66,5	33,3	18,2
II	Депрессивность	низкий	33,3	0	33,3	36,4
		средний	33,4	47,6	33,4	45,4
		высокий	33,3	52,4	33,3	18,2
III	Раздражительность	низкий	0	4,8	0	9,1
		средний	66,7	28,7	66,7	72,7
		высокий	33,3	66,5	33,3	18,2
IV	Общительность	низкий	33,3	33,3	33,3	36,4
		средний	66,7	66,7	33,4	45,5
		высокий	0	0	33,3	18,1
V	Уравновешенность	низкий	33,3	60,6	33,3	9,1
		средний	66,7	30,4	0	81,8
		высокий	0	9,0	66,7	9,1
VI	Застенчивость	низкий	66,6	4,8	33,3	18,1
		средний	33,4	28,6	33,4	81,9
		высокий	0	66,6	33,3	0
VII	Эмоциональная стабильность	низкий	33,3	0	33,3	27,2
		средний	33,4	38,0	33,4	45,6
		высокий	33,3	62,0	33,3	27,2

Полученные данные свидетельствуют о различиях как в распределении по полу, так и в возрастной динамике изученных личностных качеств у мужчин и женщин в

процессе профессиональной деятельности. В целом, наш опрос показал, что *одна треть* обследованных преподавателей мужского пола в большом возрастном диапазоне (23-39 лет) находятся в состоянии напряжения (хронического стресса), т.к. для них характерны высокие уровни показателей «раздражительность», «эмоциональная лабильность» и «депрессивность», и низкие – качеств «уравновешенность» и «общительность», сопряженные с развивающейся с возрастом «застенчивостью». Одновременно, у *двух третей* женщин преподавателей вуза в возрастном диапазоне 23-29 лет выявлены высокие уровни «раздражительности», «эмоциональной лабильности» и «депрессивности» с низким показателем «уравновешенности» и средним – «общительности». Для них также характерен высокий уровень «застенчивости». Однако во второй возрастной группе (30-39 лет) «раздражительность», «эмоциональная лабильность» и «депрессивность», а также «уравновешенность» и «застенчивость» для большей части опрошенных (45,5%-81,8%) становятся среднего уровня.

По-видимому, адаптация к профессиональной деятельности преподавателя вуза имеет свои особенности, в частности, пролонгированный характер, выраженность которой зависит от пола. Женщин, у которых стрессогенные факторы первых лет преподавательской деятельности вызывают выраженное нервно-психическое напряжение, значительно больше, чем мужчин, однако в целом, они быстрее начинают адаптироваться к данной деятельности.

Большое значение для понимания особенностей процесса адаптации на личностном уровне имеют основные положения теории пола, обоснованные В. А. Геоадакяном [12]. Общие положения концепции позволяют говорить о биологических предпосылках функционального разделения полов в процессе приспособления к меняющимся условиям среды и целесообразности гендерного подхода к профилактике дезадаптации. Так, Н. Г. Кользаева [9], изучавшая гендерные особенности психологической адаптации студентов, сделала предположение о предрасположенности студенток к выбору комбинированных стратегий адаптации, а студентов – к выбору активных адаптационных стратегий. По данным исследователя, в ходе адаптации первокурсников к условиям вуза у студенток изменяются 59 %, а у студентов – 29 % от общего количества характеристик личности, влияющих на эффективность процесса адаптации.

Вместе с тем, полученные нами данные мы не можем соотнести с литературными, т.к. в доступных источниках не встретили работ, исследующих адаптационные изменения психических качеств преподавателей вуза в половозрастном аспекте. Следует лишь отметить, что исследователи из КазНМУ им.С.Д.Асфендиярова (г. Алматы), проводя скрининг здоровья преподавателей, выявили, что структура лабораторных изменений в возрастных группах 23-29 лет и 30-39 лет идентична [1].

Таким образом, полученные данные и анализ немногочисленных источников литературы свидетельствует о необходимости расширения исследований гендерных аспектов здоровья преподавателей вуза с целью эффективной и дифференцированной по полу и возрасту профилактики психоэмоционального напряжения и предупреждения развития профессиональной патологии.

Список литературы:

1. Отчет по Программе «Здоровье преподавателя» на 2011-2013 годы (утверждена решением Ученого Совета КазНМУ им. С. Д. Асфендиярова (от 27.09.11 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grp.nashaucheba.ru/download/docs-74280/74280.doc> (дата обращения 13.09.2013).
2. Величковская С. Б. Зависимость возникновения и развития стресса от факторов профессиональной деятельности педагогов: Дис. . канд: психол. наук – Москва 2005.

3. Микерова М.С. Здоровье преподавателей медицинских вузов и факторы его определяющие. Дис. канд. мед. наук. – Москва, 2007.
4. Ръжков А.Я., Белякова Е.А., Игнатъев Д.И., Шверина О.В. Комплексное исследование профессионального здоровья преподавателей ВУЗа // *Фундаментальные науки и практика*. – 2010. – Т.1, №3. – С.134-139.
5. Сыромятникова Л.И. Формирование медико-валеологической компетентности будущих специалистов безопасности жизнедеятельности в педагогическом вузе. Дис. канд. мед. наук. – Санкт-Петербург, 2009.
6. Шверина О.В. Возрастная характеристика функционального состояния организма с учетом его субъективной оценки (на примере преподавателей вуза): Дис. канд. биол. наук. – Тверь, 2007.
7. Marmot, M., & Wilkinson, R.G. (2000). *Social determinants of health* / M. Marmot. Oxford University Press.
8. Nelson, D. L., & Burke, R. J. (Ed.). (2002). *Gender, work stress, and health*. Washington, D. C.: American Psychological Association.
9. Кользаева Н. Г. Формирование адаптивных характеристик личности у студентов в начальном периоде обучения : Дис. ... канд. психол. наук / Кользаева Н. Г. – Л., 1989.
10. Рахимжанова А.Р., Тнимова Г.Т., Курбанова Г.Д., Карабаева А.Б. Методология и методы исследования интегрального здоровья индивида // *Методическое пособие-практикум*. – Павлодар, 2014.
11. Юскаева М. В. Отношение к здоровью преподавателей университета // *Регионология regionology.-Журнал «Регионология»*. – 2012. – №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/967> (дата обращения 04.07.2013).
12. Геодакян В. А. Теория дифференциации полов в проблемах человека /В. А. Геодакян // *Человек в системе наук*. – М., 1989. – С. 171–189.

UDC 378| DOI: 10.17809/0557468427-37

TASKS OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE PERIOD OF GLOBAL FINANCIAL AND ECONOMIC CRISIS

Yorkulov, K.^{1*}

1 Tashkent Chemical and Technology Institute, Tashkent,
Uzbekistan.

* Corresponding author: Hakimbek_y@mail.ru.

Citation: Yorkulov, K. (2016). Tasks of the educational system in the period of global financial and economic crisis. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-37.

Received: February 19, 2016.

Accepted: March 29, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Yorkulov, K.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

The article covers a range of issues on what might be done with the education system in Uzbekistan in the conditions of the global financial and economic crisis. In particular, the article explains the causes of the global financial and economic crisis, the anti-crisis policy of the state of Uzbekistan, and the different ways of youth employment. In addition, the education system prevents what could be a consequence of the economic crisis, social contradictions, political radicalism, and terrorism.

Key words: global financial crisis; economic crisis; education; new job vacancies; social conflicts; political radicalism; terrorism; integration.

As Uzbekistan struggles against the global financial and economic crisis with political, economic, social tactics and means in a complex-systematic way, there is, in turn, a specific task of education system. This task is aimed at directing contemporary personnel to study the causes of financial and economic crisis and to prevent such odd consequences.

First of all, it is important that young personnel should be taught about the reasons of the crisis, and they need to a number of ways and means to eradicate consequences of the global financial and economic crisis. In this way, President Islam Karimov's book titled "The global financial-economic crisis: Ways and measures to overcome it in the conditions of Uzbekistan" is widely used to teach a special course at higher education institutions. According to this book, "Support of the banking system, modernization, technical renewal, and diversification of production, along with the broad introduction of innovative technologies – a reliable way of overcoming the crisis and securing Uzbekistan's new achievements in the world market" (President of Uzbekistan, n.d.). The followings are to be taught to students as tasks of abolishing the financial economic crisis while teaching this special course. Supporting the banks is perceived to enhance the liquidation or the payment capability of banks that is considered to be a prior task.

In order to modernize the production, it is necessary to give the opportunity to economize workforce, energy, and raw materials. More than that, it also helps firms and factories to reduce costs of production. Diversifying the production (which means to produce new types of goods) gives an opportunity to produce and export the products that have yet to be made in the country.

Teaching the state policy for young personnel through the system of higher education help them to understand a unique attitude of struggle against the economic crisis, and it also results in the formation of a system in regard with a solution of the problem. As a separate state, an effective way of resolving the crisis is that each and every member of the society should realize the crisis consciously and fight against it in collaboration. Education services are the best way to provide solidarity. In the time of crisis, changing the methods of bureaucratic governing has also proven its effectiveness. Indeed, while Uzbekistan is still shifting into the world economy, the state is a head principle, and the education system is under control of the government, which gives a chance to banish the consequences of economic and financial crisis in all spheres, including the sector of education.

It is obvious that the financial and economic crisis might result in a social and political crisis as well. There have been over a million job vacancies created annually over the last years in Uzbekistan. The government pays attention to vocational college graduates in order to get them employed. In fact, half of employees in the country are college graduates today. The fact that college graduates are entitled with privileged loans and credits helps them to cope with their choice of career in life. If college students possess some particular profession or vocation, then they can obtain their initial capitals in order to start their private business in regard with their specialties. It helps prevent poverty and protests that might arise due to unemployment.

The social and political aspect of the financial and economic crisis is that social conflicts, national and religious extremism, and political radicalism might increase. If people are not able to fulfill their life necessities, then they will have to feel urge for extreme solutions. That might lead to suicides and protest, or may contribute to the increase in activities of some extremist and terrorist groups. Therefore, peace, stability, and harmony among nations, freedom of religion, social solidarity and development goals are being activated through education

whereas religious extremism, detrimental effect of terroristic actions to the development of society, racism, nationalistic goals, along with the consequences of religious contradictions, colored revolutions, and civil wars are being condemned. These activities provide peaceful life style for those who belong to different nationalities and religions in Uzbekistan, where more than 130 nationalities live and 16 confessions of religion exist.

Today the world has become a single entity, and, in turn, economic, social and political integrations are moving states closer to each other. As a result, any positive or negative event happening on the other side of the planet could have influence over other states. Hence, through education, young personnel may get a better understanding of these changes, barriers, and matters on the international level, including not only economic and trade consequences, but also threats of the rapid growth of terrorism and extremism in particular states and different regions of the entire world. Teaching to think globally for young personnel help them to realize the problems in their own country as part of the global problem.

On the way of fighting against the world financial and economic crisis, as part of the systematic approach, this policy gives positive results. Education itself cannot abolish the economic crisis, however, as a spiritual, moral and social support, it can prevent and eradicate negative consequences of the crisis.

References

President of Uzbekistan. (n.d.). *The global financial and economic crisis, ways and measures to overcome it in the conditions of Uzbekistan*. Retrieved from <http://prezident.uz/en/about/books/1132/>

UDC 378 | DOI: 10.17809/0557468427-38

FROM THE EXPERIENCE OF ORGANIZING THE RESEARCH ON CHEMISTRY AND FUNDAMENTALS OF MICROBIOLOGY FOR THE STUDENTS STUDYING “VETERINARY SCIENCE” AND “FOOD PRODUCTION TECHNOLOGY”

Zadera, M. I.^{1*}

1 October Agricultural and Technological College, Rostov oblast, Russia. * Corresponding author: marinazadyora@yandex.ru.

CrossMark

Citation: Zadera, M. I. (2016). From the experience of organizing the research on chemistry and fundamentals of microbiology for the students studying “veterinary science” and “food production technology.” In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-38.

Received: February 6, 2016.

Accepted: March 15, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Zadera, M. I.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ДИСЦИПЛИНАМ «ХИМИЯ» И «ОСНОВЫ МИКРОБИОЛОГИИ» ДЛЯ СТУДЕНТОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ «ВЕТЕРИНАРИЯ» И «ТЕХНОЛОГИЯ ПРОДУКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ»

В работе описывается личный опыт формирования исследовательских умений и навыков у студентов естественнонаучного профиля, роли полученных в результате исследований знаний и умений в формировании научного мировоззрения и формировании будущего специалиста.

Ключевые слова: исследовательская работа студентов; исследование; исследовательская деятельность; роль исследования в формировании компетенций.

В своей работе преподавателя химии и специальных дисциплин ветеринарного цикла считаю приоритетным направление на создание условий для развития личности и реализации творческой активности студентов. С внедрением в образовательный процесс ФГОС III поколения особое внимание уделяется практической ориентированности обучения и самостоятельной работе студента, крупнейшим и важнейшим направлением которых как раз и будет являться исследовательская деятельность. Научно-исследовательская работа студентов представляет собой наиболее эффективный метод подготовки качественно новых специалистов. Все более очевидно, что в процессе подготовки конкурентоспособного специалиста главным является не усвоение готовых знаний, а развитие у выпускников способностей к овладению методами познания, дающими возможность самостоятельно добывать знания, творчески их использовать на основе известных или вновь созданных способов и средств деятельности.

Исследовательская деятельность позволяет решить следующие задачи: развивает научное мышление, транслирует предметное содержание, формирует исследовательские компетенции и воспитывает личность. Задача педагога — создание развивающей среды, в которой задаются формы и условия для развития исследовательских компетенций, способствующие формированию у учащегося внутренней мотивации подходить к любой возникающей перед ним проблеме как научного, так и житейского плана с исследовательской, творческой позиции.

Основные цели и задачи научно-исследовательской работы студентов:

1. Активное вовлечение студентов техникума в процесс самообразования и саморазвития.
2. Расширение кругозора студентов в области достижений науки по интересующему профилю.
3. Выявление наиболее одарённых студентов в разных областях науки и развитие их творческих способностей.
4. Совершенствование умений и навыков самостоятельной работы студентов.
5. Совершенствование умений пользоваться Интернет-источниками, выбирать нужную информацию, проводить её анализ.
6. Формирование навыков публичного выступления, умение увлечь аудиторию.

Целью организации учебно-исследовательской работы студентов учреждений профессионального образования является повышение качества подготовки специалиста, способного к самостоятельному творческому участию в инновационных процессах, развертывающихся в различных образовательных учреждениях. Цель научно-исследовательской и учебно-исследовательской работы студентов техникума состоит

в развитии творческих способностей будущих специалистов, повышении уровня их профессиональной подготовки на основе индивидуального подхода и усиления самостоятельной творческой деятельности, применения активных форм и методов обучения и формировании целостной системы знаний, в выявлении талантливой молодежи. Исследовательская работа студентов сегодня является одной из важнейших форм учебного процесса. Студенческие научные общества и конференции, - всё это позволяет студенту начать полноценную научную работу, найти единомышленников по ней, что позволяет поделиться результатами своих исследований.

В моей работе сложилась система включения студентов в исследовательскую деятельность, начиная с первого года обучения, которая, как правило, включает написание и защиту рефератов, выполнение исследовательских заданий в рамках преподаваемых мной и смежных дисциплин, участие в работе студенческих исследовательских конференций.

Примером такой работы, проводимой группой студентов, обучающихся по специальности «Ветеринария» является «Исследование микробиологической загрязнённости помещений техникума» Данное исследование проводилось с целью выявления изменений, произошедших в микробиологическом составе воздуха помещений техникума за время прохождения занятий, изменении в результате использования модифицированных кормов. Тема экспериментальной работы актуальна в связи с существованием проблемы здоровья человека. В связи с этим была сформулирована рабочая гипотеза – проверить предположение по поводу изменения микробиологического состава воздуха, особенно в местах скопления людей (спортивный зал, учебные кабинеты).

Исследование проводилось эмпирическими методами: изучения литературы, наблюдения, обобщения, сравнения, измерения, эксперимента и др. Исследовательская работа **«Исследование органолептических свойств и химического состава колбасы»** имеет важное значение для будущих специалистов по специальности «Технология продукции общественного питания». Для указанной специальности необходимы твердые знания по химии (органической, аналитической, коллоидной), поэтому выбранная студентами работа имеет цель углубить знания по химии, расширить кругозор, пополнить имеющиеся знания для дальнейшего обучения спецдисциплинам. Эти знания могут способствовать готовности студентов, как будущих специалистов быть востребованными на рынке труда в современных условиях, а так же реализации творческого потенциала.

Студенты специальности «Ветеринария» проводили ряд исследований, навыки выполнения которых могут быть полезны в дальнейшем обучении и практике. Такая работа, как **«Исследование микробиологической загрязнённости учебных помещений техникума»** закрепила и углубила знания по биологии, микробиологии, химии, расширила кругозор.

Необходимо отметить положительное влияние научно-исследовательской деятельности на качественный уровень подготовки студентов:

- повышение качества образования студентов;
- развитие у студентов логически обоснованного и последовательного мышления, что открывает новые горизонты для дальнейшей деятельности;
- приобретение компетенций проведения научно-исследовательской работы студентами.

Исходя из опыта своей работы, хочу отметить, что несмотря на определенные различия в форме организации, в соотносённости с учебным планом и в ряде конкретных

задач, научно-исследовательская и учебно-исследовательская работа студентов служит одной общей цели — формированию высококвалифицированного, творчески мыслящего специалиста, способного самостоятельно решать возникающие перед ним задачи. Таким способом достигается главная цель исследовательской деятельности – приобретение обучающимися функционального навыка исследования как универсального способа освоения действительности. При этом происходит развитие способности к исследовательскому типу мышления, активизация личностной позиции студента в образовательном процессе на основе приобретения субъективно новых знаний (т. е. самостоятельно получаемых знаний, являющихся новыми и лично значимыми для конкретного учащегося), и как следствие повышение уверенности в себе и конкурентноспособности на рынке труда. Как показывает опыт работы по данному направлению, как среди преподавателей, так и среди студентов, участие в конференциях и конкурсах серьезно стимулирует творческую интеллектуальную активность личности, способствует развитию социальных, коммуникативных и, разумеется, профессиональных компетенций, что «повышает качество образования и приводит к успешному формированию специалиста среднего звена».

Таким образом, исследовательская работа студентов является важным средством повышения качества подготовки специалистов, способных творчески применять в практической деятельности достижения научно-технического прогресса. Исследовательская деятельность формирует умение ставить проблему, сравнивать и выбирать информационный материал, переводить знания, умения и навыки, полученные при изучении различных предметов, на уровень межпредметных связей и надпредметных понятий, ставить и решать профессиональные задачи, что отвечает требованиям подготовки современного специалиста.

Список литературы:

1. Афанаскина, М. С. Из опыта организации научно-исследовательской работы студентов // Прил. к журн. «СПО». – 2011. – № 2. – С. 139–147.
 2. Бережнова, Е.В. Основы учебно-исследовательской деятельности студентов [Текст] / Е.В. Бережнова, В.В. Краевский. – М.: Академия, 2005. – С. 128.
 3. Бельх, С. Л. Управление исследовательской активностью студента: Методическое пособие для преподавателей вузов и методистов / под ред. А. С. Обухова. – Ижевск: УдГУ, 2008.
 4. Болдырева, Л. В. Система научно-исследовательской работы студентов // Специалист. – 2011. – № 10. – С. 21–22.
 5. Дубовик, И.М. Организация научно-исследовательской деятельности учащихся [Текст] / И.М. Дубовик. – Гомель, 2005.
 6. Мальцева И.Г. Применение инновационных педагогических технологий как средство успешного формирования специалиста среднего звена. - Вестник среднего профессионального образования. – 2008. – №1. – с.3
 7. Никонова, И. Г. Организация исследовательской работы студентов // Прил. к журн. «СПО». – 2008. – № 10. – С. 55–68.
 8. Пастухова И.П., Тарасова Н.В. Основы учебно-исследовательской деятельности студентов: учеб.-метод.пособие для студ. средн. проф. учеб. заведений — М.: Издательский центр "Академия", 2010. – 160 с.
- Хуторской, А. В. Технология проектирования ключевых и предметных компетенций / А. В. Хуторской // Интернет-журнал «Эйдос». – 2005. – 12 декабря.

NEW ENVIRONMENTALLY SAFE SURFACTANTS: PREPARATION AND APPLICATION

Bozorov, J. T.¹, Yodgorov, N.,¹ Xojiyev, Sh. G.,¹

Saidazimova, Z.,¹ & Mukolyants, A. A.^{1*}

¹ Tashkent State Technical University named after Abu Raykhan Beruni, Tashkent, Uzbekistan.

* Corresponding author: arsen5675@mail.ru.

CrossMark

Citation: Bozorov, J. T., Yodgorov, N., Xojiyev, Sh. G., Saidazimova, Z., & Mukolyants, A. A. (2016). New environmentally safe surfactants: Preparation and application. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-39.

Received: February 21, 2016.

Copyright: Bozorov, J. T., Yodgorov, N., Xojiyev, Sh. G., Saidazimova, Z., & Mukolyants, A. A.

Accepted: March 29, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

НОВЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНЫЕ ПОВЕРХНОСТНО-АКТИВНЫЕ ВЕЩЕСТВА: ПОЛУЧЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ

В статье рассмотрена возможность разработки и внедрения в практику новых экологически безопасных рецептур буровых растворов. При этом основным содержанием исследования является разработка и классификация методов повышения диспергируемости смазочных добавок на основе жирных кислот госсиполовой смолы путем введения в их состав специальных веществ - диспергаторов, обеспечивающих высокую коллоидную растворимость свободных жирных кислот, входящих в состав комплексной добавки.

Ключевые слова: буровые растворы; гидрофобный стабилизатор; растворимость жирных кислот; диспергатор; эмульгаторы; гидрофобизатор; мицеллообразователи.

Одним из важнейших направлений развития современных технологий бурения нефтяных и газовых скважин является разработка и внедрение в практику новых экологически безопасных рецептур буровых растворов. Современные системы буровых растворов должны сочетать многофункциональность (возможность использования в самых различных горно-геологических условиях) и относительно низкую стоимость компонентов.

В этом отношении предпочтительным является применение побочных продуктов различных химических производств. Одним из наиболее перспективных реагентов для повышения смазочных свойств, промывочных жидкостей является гидрофобный стабилизатор (ГС-1) полученный на основе переработки хлопкового гудрона, представляющий собой побочный продукт дистилляции высших жирных кислот.

Основными компонентами ГС-1 является госсиполовая смола 30-50 %, и жирные кислоты 35-55 %. Среди жирных кислот присутствуют пальмитиновая ($C_{15}H_{31}COOH$), олеиновая ($C_{17}H_{33}COOH$) и линоленовая ($C_{17}H_{29}COOH$) кислоты. Процентное соотношение основных компонентов может быть различным в зависимости от породы древесины, из которой получают данный продукт.

В настоящее время наиболее распространенными смазочными добавками являются жирные кислоты высшего ряда, а также их производные. Основное преимущество

во применения жирных кислот состоит в том, что они образуют на металлических поверхностях хемосорбционный мономолекулярный слой, который появляется в результате взаимодействия кислот с окисными пленками. Такие слои обладают повышенной прочностью и обеспечивают эффективное гидрофобное экранирование трущихся поверхностей.

Установлено, что у жирных кислот, содержащих более 12 атомов углерода, первый слой ориентирован перпендикулярно к поверхности трения, а последующие - наклонно, что обеспечивает высокую прочность смазочного слоя с ростом нагрузки [1].

Однако действие "чистых" жирных кислот недостаточно эффективно из-за их низкой совместимости с водной фазой глинистых буровых растворов. При этом доставка молекул жирных кислот к металлической поверхности осуществляется, главным образом, конвективно, что не обеспечивает должной равномерности смазочного слоя [2].

Для повышения растворимости жирных кислот в составе смазочной добавки обычно вводят нейтрализующие агенты, в качестве которых используют неорганические или органические основания [3].

При этом образуются хорошо совместимые с водой соли, молекулы которых под действием возникающего, вследствие адсорбции, концентрационного градиента быстро диффундируют к поверхностям трения.

Кроме того, соли жирных кислот, являясь анионными поверхностно-активными веществами (ПАВ), способствуют интенсивному диспергированию смазочной добавки и ее равномерному распределению в объеме раствора.

Очевидно, что эффективность образующейся при этом лиофильной мицеллярной системы зависит, как от степени нейтрализации жирных кислот, так и от природы используемого щелочного агента.

Таким образом, наиболее эффективными были признаны смазочные системы, представляющие собой смеси свободных и нейтрализованных жирных кислот. Однако, в подобных смазочных составах степень нейтрализации жирных кислот обычно не превышает 0,45 %, что не обеспечивает удовлетворительную совместимость свободных кислот с глинистыми буровыми растворами, вследствие чего они неравномерно распределяются в объеме бурового раствора и образуют на металлической поверхности фрагментальный "питтинговый" смазочный слой, малоэффективный в условиях тангенциальных напряжений, возникающих при движении колонн труб в скважине [4].

Кроме того, такой разряженный смазочный слой не обеспечивает в достаточной мере снижение адгезионной составляющей силы трения, противодействующей поступательному движению колонны. Повышение же содержания нейтрализующего агента, обеспечивает значительную количественную нейтрализацию жирных кислот, неизбежно приводит к уменьшению процентного содержания жирных кислот в смазочной добавке, снижая тем самым ее эффективность.

С другой стороны, уменьшение доли свободных жирных кислот приводит к общему снижению смазочной способности, так как действие готовых мыл менее эффективно, чем не нейтрализованных жирных кислот, которые образуют органо-металлические мыла непосредственно в зоне трения. Получается замкнутый круг, разорвать который можно только, решив проблему краеугольного камня жирнокислотных смазочных добавок - обеспечение наилучшей диспергируемости свободных жирных кислот в водной фазе бурового раствора при сохранении низкой степени нейтрализации, не превышающей 0,3-0,45.

Целью настоящей работы является разработка и классификация методов повыше-

ния диспергируемости смазочных добавок на основе жирных кислот госсиполовой смолы путем введения в их состав специальных веществ - диспергаторов, обеспечивающих высокую коллоидную растворимость свободных жирных кислот, входящих в состав комплексной добавки.

Методы улучшения диспергируемости по характеру взаимодействия диспергатора с жирными кислотами можно разделить на два вида: химические и физико-химические. К химическим методам, в частности, относится введение в состав смазочной добавки щелочей, нейтрализующих жирные кислоты и приводящих к появлению мыл, действие которых подробно обсуждалось выше. Относительно слабо изучена область применения физико-химических методов, которые основаны на использовании в качестве диспергаторов ПАВ. Такие ПАВ, по механизму диспергирования жирных кислот, делятся на две основные группы:

1. Мицеллообразователи, представляющие собой неионогенные ПАВ (НПАВ) с высокими значениями гидрофильно-липофильного баланса (ГЛБ) (ГЛБ =15-16);
2. Эмульгаторы, являющиеся НПАВ с низкими значениями ГЛБ (ГЛБ =3-8).

В представленной работе в качестве НПАВ использовались полиалкиленгликоли.

Исследование смазочной способности буровых растворов проводилось на приборе фирмы «ОР1ТЕ» (США), который позволяет получить полную картину поведения буровых растворов в условиях постоянно возрастающей нагрузки от 0,34 до 4,13 МПа с фиксацией для каждого образца своей предельной нагрузки (P_{\max}), при которой достигается полное разрушение смазочного слоя. Прочность смазочного слоя характеризовали величиной показателя эффективности смазочного действия (ЭСД), имеющего смысл удельного коэффициента трения смазочной пленки, для которой предельная нагрузка составляет 1 МПа. ЭСД вычисляется по следующей формуле:

$$\text{ЭСД} = K_{\text{тр}} / P_{\max}$$

Рассмотрим более подробно особенности применения обоих типов физико-химических диспергаторов, и проанализируем эффективность полученных на их основе смазочных добавок. Применение мицеллообразователей возможно, как при наличии в системе нейтрализующего агента, так и в случае полностью не нейтрализованных жирных кислот.

При этом, используемые НПАВ образуют в водном растворе устойчивые мицеллярные системы, которые обеспечивают предельную солюбилизацию жирных кислот.

Это гарантирует равномерное распределение жирных кислот в объеме бурового раствора, и их омыление непосредственно на металлических поверхностях при взаимодействии молекул кислот с окисной пленкой. Замена нейтрализующего агента мицеллообразователем сказывается, в целом, благотворно на смазочном действии, так как образующийся в результате поверхностного омыления хемосорбционный монослой обладает более высокой прочностью, по сравнению с адсорбционным монослоем готовых мыл.

Основным недостатком применяемых мицеллообразователей является их высокое содержание в смазочной добавке, составляющее 50-75 % (масс.).

Дело в том, что содержание мицеллообразователя определяется величиной его солюбилизационной емкости, которая зависит в основном от размеров молекул солюбилизата и ГЛБ НПАВ. Для жирных кислот (с C_{14} по C_{18}) солюбилизационная емкость повышается с ростом ГЛБ мицеллообразователя и достигает максимального значения при ГЛБ=16.

И даже, в случае оптимального ГЛБ количество мицеллообразователя в смазочном составе, обеспечивающее наилучшую коллоидную растворимость жирных кислот,

должно быть не менее 50 %. Вполне очевидно, что содержание мицеллообразователя в смазочной добавке, необходимое для полного диспергирования свободных жирных кислот, будет тем ниже, чем выше солюбилизационная емкость применяемого НПАВ.

Смазочная способность также возрастает с повышением солюбилизационной емкости мицеллообразователя. В табл.1 приведены результаты исследования смазочной способности буровых растворов, обработанных смазочными составами, представляющими собой смеси жирных кислот (ЖК) (с C_{10} по C_{18}) и мицеллообразователей (НПАВ с различными значениями ГЛБ). Здесь же представлены минимальные концентрации НПАВ (Ск) в смазочной добавке, обеспечивающие предельную солюбилизацию всех жирных кислот, присутствующих в системе.

Одной из задач данной работы является также оценка сравнительной эффективности применения мицеллообразователей с различными свойствами: солюбилизаторов (ГЛБ=15- 16) и стабилизаторов прямых эмульсий (ГЛБ=10-14). Проанализировав результаты, приведенные в таблице 1, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, введение мицеллообразователя в состав смазочной добавки практически не снижает значение коэффициента трения ($K_{тр}$). Это связано с тем, что повышение эффективности смазочного слоя не всегда компенсирует уменьшение содержания жирных кислот в смазочной добавке за счет присутствия мицеллообразователя.

Во-вторых, исследования показали, что наиболее эффективно (обеспечивает наименьшие значения показателя ЭСД) применение солюбилизатора с наиболее оптимальным ГЛБ, равным 16,5; солюбилизатор с ГЛБ =14,5 менее эффективен из-за более низкой солюбилизационной емкости; использование же в качестве мицеллообразователя стабилизатора прямых эмульсий (НПАВ с ГЛБ =13,6) вообще малоперспективно и заметно не улучшает смазочные свойства, по сравнению с "чистыми" ЖК.

Таблица 1.

Показатели смазочных свойств глинистых буровых растворов (суспензия бентонитового глинопорошка), использующих смазочные добавки с мицеллообразователем.

Бентонит, %	ТП, %	ТП+НПАВ ₁ (1:1),	ТП+НПАВ ₂ (1:1),	ТП+НПАВ ₃ (1:1),	ГЛБ (ПАВ)	С _я , %	$K_{тр}$	ЭСД, МПа
7	0,5	-	-	-	-	-	0,07	0,019
7	-	0,5	-	-	16,5	50	0,06	0,015
7	-	-	0,5	-	14,5	60	0,07	0,017
7	-	-	-	0,5	13,6	80	0,07	0,019

Рассмотрим теперь использование эмульгаторов для повышения диспергируемости реагента на основе талового пека. Смазочные добавки с эмульгатором, помимо ТП, содержат также нейтрализующий агент (щелочь) и воду. Степень нейтрализации жирных кислот ТП, обеспечивающая наилучшую коллоидную растворимость свободных кислот, при содержании эмульгатора в смазочной добавке 1-5%, не превышает 0,3, что значительно ниже, по сравнению с обычными смазочными добавками без эмульгатора [4].

Действие эмульгатора сводится к стабилизации прямых жирнокислотных эмульсий в водной фазе бурового раствора. С другой стороны, смазочные добавки с эмульга-

тором представляют собой обратные эмульсии типа "вода в масле". При введении такой добавки в буровой раствор происходит переход обратной эмульсии в прямую эмульсию. Поэтому, в качестве эмульгаторов, наилучшим образом себя проявляют НПАВ с ГЛБ = 6-8, являющиеся в равной степени стабилизаторами, как прямых, так и обратных эмульсий.

В молекуле эмульгатора имеется ярко выраженная массивная гидрофобная часть, экранированная гидрофильными полиоксиэтиленовыми цепочками, пропитанными слоем растворителя. На границе водного раствора эмульгатора с "масляной" каплей, содержащей жирные кислоты, реализуется слабое взаимодействие гидрофобной части молекулы НПАВ с неполярной фазой. Это обеспечивает затягивание в водную фазу некоторой части углеводородной цепи молекулы жирной кислоты, что способствует проявлению гидрофобных взаимодействий между молекулами в поверхностном слое, приводит к его упрочнению и эффективно препятствует коалесценции "масляных" капель. Содержание эмульгатора в смазочной добавке обычно не превышает 5 %.

В таблице 2 приведены результаты исследования смазочного действия составов с равными степенями нейтрализации жирных кислот ТМ (8), отличающихся величиной ГЛБ НПАВ, используемого в качестве эмульгатора. Содержание эмульгатора в смазочных добавках составляет 3%.

Эффективность применяемого эмульгатора характеризовалась минимальной концентрацией эмульгатора в смазочном составе (C_k), необходимой для полного диспергирования ТМ при данной величине η . Из приведенных данных видно, что эффективность эмульгатора снижается при переходе от НПАВ с ГЛБ =7,3 к стабилизаторам обратных эмульсий с ГЛБ =3-5.

Таблица 2.

Значения коэффициента трения и показателя ЭДС глинистого раствора (сuspension бентонитового глинопорошка), обработанного смазочными составами с эмульгатором.

Бентонит, %	ТП+НПАВ, С=0,3, %	ТП+НПАВ ₂ , С=0,3, %	ТП+НПАВ ₃ , С=0,3, %	ГЛБ (НПАВ)	C_k , %	$k_{тр}$	ЭДС, МПа ⁻¹
7	0,5			7,3	1	0,02	0,005
7		0,5		5,3	2	0,03	0,007
7			0,5	3,9	6	0,07	0,017

Следует отметить, что используемые в настоящей работе эмульгаторы и мицеллообразователи являются веществами одной природы, основное отличие которых заключается в различном соотношении между гидрофобными и гидрофильными частями в молекуле. В молекуле эмульгатора наилучшим образом выражена неполярная часть, что обуславливает низкие значения чисел ГЛБ.

Молекулы же мицеллообразователя характеризуются хорошо развитой гидрофильной частью и высокими значениями ГЛБ. В целом, эмульгаторы обладают гораздо большей поверхностной активностью на границе с неполярной фазой, по сравнению с мицеллообразователями. Так поверхностное натяжение 0,3 %-ного водного раствора НПАВ с ГЛБ =4,3 на границе с гексаном составляет 2,7 мН/м, в то время, как поверхностное натяжение раствора НПАВ с ГЛБ =16 той же концентрации равно 20 мН/м. Различие в поверхностной активности обуславливает изменение механизма

взаимодействия таких НПАВ с не нейтрализованными жирными кислотами при переходе от эмульгаторов к мицеллообразователям. Особое место среди физико-химических диспергаторов занимают гидрофобизаторы - вещества, повышающие эффективность смазочного действия за счет усиления гидрофобного экранирования металлической ("внутренние" гидрофобизаторы) или мицеллярной ("внешние" гидрофобизаторы) поверхностей.

Гидрофобизаторы применяются в случае относительно высокой степени нейтрализации жирных кислот ($S=0.45$), когда в водной фазе бурового раствора существует мицеллярная система, образованная солями жирных кислот. При этом остаточные ненейтрализованные жирные кислоты солюбилизируются в мицеллах ПАВ. К "внешним" гидрофобизаторам относятся полиалкиленгликоли, их алкил-, арил-, и другие производные. Действие полиалкиленгликолей заключается в гидрофобизации поверхности мицелл в результате комплексообразования с молекулами анионных ПАВ посредством поданных взаимодействий между атомами кислорода оксиалкильной цепочки и неорганическими противоионами.

При этом значительно снижается критическая концентрация мицеллообразования нейтрализованных жирных кислот, и соответственно, увеличивается концентрация мицеллярных структур. Это приводит к повышению эффективности экранирования трущихся поверхностей за счет количественной гидрофобизации адсорбционных слоев мицеллами ПАВ. К "внутренним" же гидрофобизаторам можно отнести, полиалкилсилоксан, образующийся при нейтрализации жирных кислот гидрофобизирующей кремний органической жидкостью (ГКЖ-10, 11).

Кроме того, в роли "внутренних" гидрофобизаторов могут выступать углеводороды, а-олефины, ацетилы, а также свободные жирные кислоты, выступающие в рассматриваемых смазочных добавках в качестве естественного гидрофобизатора. "Внутренний" гидрофобизатор органично включается в смазочную добавку в результате солюбилизации в углеводородных ядрах мицелл ПАВ, что приводит к усилению когезионного взаимодействия между гидрофобными элементами адсорбционных слоев ПАВ, и обеспечивает буровым растворам низкие значения коэффициента трения.

Оценить действие "внешних" и "внутренних" гидрофобизаторов можно по величине энергии гидрофобных взаимодействий между углеводородными радикалами адсорбированных молекул, которые характеризует уровень эффективности действия данного гидрофобизатора на смазочные свойства бурового раствора.

Чем выше значение энергии гидрофобных взаимодействий U , тем эффективнее применяемая смазочная добавка. Энергия U , которая рассчитывается по методике, изложенной в [5], будет тем выше, чем ниже ККМ присутствующих в системе ПАВ (мыл) и чем больше толщина адсорбционного мономолекулярного слоя, образованного молекулами ПАВ.

В таблице 3 приведены результаты расчета энергии U для смазочных составов с равными значениями параметра δ , отличающихся природой используемого гидрофобизатора. Из этих данных видно, что применение "внутреннего" гидрофобизатора - полиалкилсилоксана, - более эффективно, чем действие смеси низкомолекулярных полиалкиленгликолей (ПАГ), выступающих в роли "внешнего" гидрофобизатора.

Дело в том, что полиалкилсилоксан, взаимодействуя с углеводородными радикалами адсорбированных жирных кислот, способствует наиболее высокой гидрофобизации твердой поверхности за счет гидрофобной стабилизации перпендикулярно ориентированных неполярных цепей [5].

Таким образом, участие "внутреннего" гидрофобизатора обеспечивает наибольшую эффективную толщину адсорбционного монослоя, что обуславливает высокие значения энергии и наименьшие значения $k_{тр}$.

В то же время, "внешние" гидрофобизаторы (ПАГ), обеспечивая наименьшие значения ККМ присутствующих ПАВ, не способны стабилизировать нормальную ориентацию неполярных цепей, которые в данном случае располагаются практически параллельно поверхности под действием прижимающих усилий.

Надо также отметить, что смазочные добавки, использующие одновременно, как "внутренний", так и "внешний" гидрофобизаторы, полиалкилсилоксан и ПАГ, аддитивно сочетают в себе положительные качества от присутствия каждого агента (табл.3).

Таблица 3.

Показатели эффективности смазочных добавок, использующих различные гидрофобизаторы, в глинистом буровом растворе

Смазочная добавка	S	ККМ мыл, %	U , Дж	$k_{тр}$	ЭСД, МПа ⁻¹
ТП	0,35	0,108	6,75-10 ⁻¹⁸	0,042	0,0102
ТП+ГКЖ	0,35	0,064	97,90-10 ⁻¹⁸	0,035	0,0085
ТП+ПАГ	0,35	0,011	7,50-10 ⁻¹⁸	0,040	0,0097
ТП+ГКЖ+ПАГ	0,35	0,049	99,30-10 ⁻¹⁸	0,026	0,0063

Таким образом, в ходе исследований было установлено, что модернизация смазочных добавок, содержащих нейтрализованные и свободные жирные кислоты, различными диспергаторами, повышающими совместимость жирных кислот с водной фазой бурового раствора, весьма желательна. Выбор диспергатора осуществляется в зависимости от величины ГЛБ НПВ и степени нейтрализации жирных кислот.

Было установлено, что наиболее эффективно совместное применение химических и физико-химических диспергаторов, нейтрализующего агента вкупе с эмульгатором. В случае высоких степеней нейтрализации высокоэффективно использование гидрофобизаторов, которые улучшают смазочное действие за счет совершенствования гидрофобного экранирования контактных поверхностей.

Рассмотренные выше основные принципы повышения эффективности действия смазочных составов были опробованы при бурении скважин на площадях Бухара – Хивинского нефтегазоносного региона Республики Узбекистан, где в качестве антифрикционной добавки комплексного действия был использован комплексный реагент, на основе реагента госсиполовой смолы, для буровых растворов «Смолополимер», модифицированный "внутренним" гидрофобизатором – ГС-1. Применение такой композиции позволило без осложнений, и с высоким экономическим эффектом пробурить несколько скважин.

Список литературы:

1. Дихтярь Т.Д., Мулюков А.А., Конесев Г.В. Смазочная добавка к буровым растворам на основе синтетических жирных кислот.// 2-й Международный семинар "Горизонтальные скважины". Тезисы докладов. – Москва. – ГАНГ им. И.М. Губкина. – 1997. – С. 42-43.
2. Осипов П. Ф., Злотников Г. П. Причины прихватов бурильных колонн в желобах // Строительство нефтяных и газовых скважин на суше и на море. – 2006. – №5. – С. 17-19.

3. Четвертнёва, И.А. Влияние компонентного состава на свойства смазочной добавки для буровых растворов / И.А. Четвертнева // Актуальные проблемы геологии и бурения нефтяных скважин: сборник БашНИПИнефть. – Уфа, 2003. – Вып.111. – С. 185-193.

4. Роль гидрофобных взаимодействий при оценке эффективности химических реагентов для буровых растворов / Б.А. Андресон, А.И.Пеньков, Л.П.Вахрушев, В.Н.Кошелев и др. //Сб.научн.тр./ОАО «БашНИПИнефть». – 2000. – Вып. 103. – С. 163-169.

5. Лернер Б.Е. Опыт применения анионоактивных ПАВ для обработки промысловых растворов при вскрытии продуктивных горизонтов на Приарале // Нефтяная и газовая промышленность. – 1981. – №1. – С.26-29.

UDC 622.24.084.9.002.56 | DOI: 10.17809/0557468427-40

SYNTHESIS AND APPLICATION TECHNOLOGY OF THE EFFECTIVE REDUCERS ON THE BASIS OF THE STARCH PHOSPHATE REAGENT

Bozоров, J. T.,¹ Yodgorov, N.,¹ Amirkulov, N. S.,¹

Abdulkarimov, A. A.,¹ & Mukolyants, A. A.^{1*}

1 Tashkent State Technical University named after Abu Raykhan Beruni, Tashkent, Uzbekistan.

* Corresponding author: arsen5675@mail.ru.

Citation: Bozоров, J. T., Yodgorov, N., Amirkulov, N. S., Abdulkarimov, A. A., & Mukolyants, A. A. (2016). Synthesis and application technology of the effective reducers on the basis of the starch phosphate reagent. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-40.

Received: February 19, 2016.

Copyright: Bozоров, J. T., Yodgorov, N., Amirkulov, N. S., Abdulkarimov, A. A., & Mukolyants, A. A.

Accepted: March 26, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛУЧЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ЭФФЕКТИВНЫХ ПОНИЗИТЕЛЕЙ НА ОСНОВЕ КРАХМАЛОФОСФАТНОГО РЕАГЕНТА

В статье рассмотрены способы получения новых эффективных понизителей на основе крахмалофосфатного реагента для рецептур буровых растворов. Так же, анализированы изменения основных реологических параметров полученных буровых растворов с изменением концентрации модифицированного крахмала. В лабораторных условиях были получены ряд буровых растворов различного назначения, т.е. с использованием новых эффективных понизителей. При этом влияние концентрации фосфатов на реакционную способность крахмала исследовали на примере реакции гетерогенной модификации крахмала модификатором. Установлено, что модифицированный крахмал с воздействием сильно минерализованных пластовых вод изменяет основных технологических параметров бурового раствора.

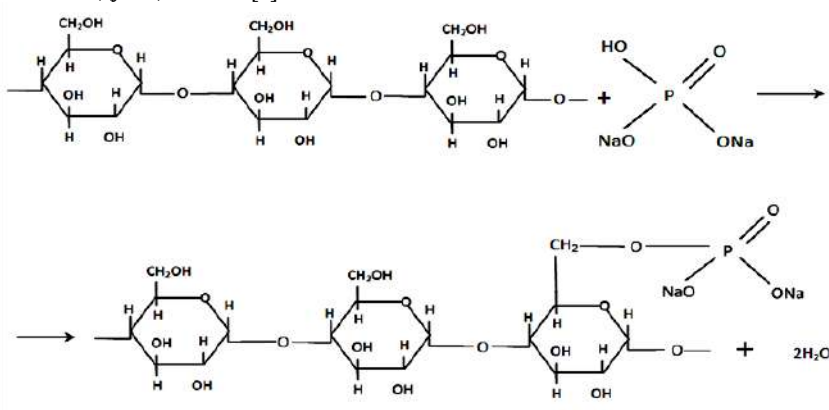
Ключевые слова: стабилизатор; фильтрация; реология; дисперсная система; понизители; вязкость; буровые растворы; полисахариды; крахмал; модификатор.

Реагенты на полисахаридной основе давно и успешно применяются в нефтегазодобывающей отрасли в качестве эффективных стабилизаторов буровых растворов и техно-

логических промывочных жидкостей [1].

Разработка технологии получения модифицированных производных крахмала и применение в процессе бурения скважин, является актуальным и представляет определенный научно-практический интерес исследователей и специалистов занимающихся в нефтегазовом комплексе [2].

В связи с этим в статье приведены результаты исследования и разработки технологии получения модифицированных фосфорсодержащих водорастворимых производных природного полимера крахмала. Химическая модификация крахмала осуществляется по следующей схеме [3]:

Полученные результаты показывают, что вязкость крахмалофосфата, по сравнению с чистым крахмалом одной и той же концентрации, высокая. Если вязкость 4%-ного раствора крахмала при 20°C составляет 8,4 Па·с, то вязкость 4%-ного раствора крахмалофосфата становится равной 19,2 Па·с.

При воздействии на раствор крахмалофосфата растворимых в воде солей, образующих щелочную среду, вязкость этого раствора, в сравнении с воздействием на него растворов солей, образующих кислую среду, становится высокой. Изучено влияние на процесс модификации крахмала динатриевых гидросолей ортофосфорной кислоты в зависимости от его концентрации [4].

Таблица 1. Изменение реологические свойства крахмалофосфата в зависимости от концентрации крахмала.

Крахмал, %	Na ₂ HPO ₄ (от веса крахмала, %)	Па·с (T=293K)	Степень тиксотропного восстановления, %	Предел текучести, P _T , г/см ²
2	15	4,5	86,7	44,65
3	15	22,5	91,2	42,48
4,5	15	34,0	98,6	27,42

При добавлении к раствору 6%-ного крахмала 15%-ной Na₂HPO₄ раствор имеет более высокую вязкость, при этом степень тиксотропного восстановления составляет 98,6 %, а предел текучести - 27,42 г/см².

Установлено, что в результате модификации крахмала натриевыми солями орто-

фосфорной кислоты его физико-химические и реологические свойства, по отношению к чистому крахмалу, становятся высокими [5].

Для приготовления модифицированного крахмалофосфатного раствора исключительно важную роль играет такой показатель, как продолжительность модификации. При установлении оптимального, времени процесса были и степень её расщепления составляет 55-60 %.

Модифицированная крахмальная реагент достигает такого же значения динамической устойчивости структуры за 30-40 минут процесса модификации, при этом степень её расщепления составляет 65-75 %.

В ИК-спектре продукта фосфорирования крахмала, по сравнению со спектром исходного крахмала, появляется новая полоса поглощения при 1270 см^{-1} , относящаяся к колебаниям $P=O$ группы. Появление полосы поглощения 1270 см^{-1} и отсутствие этой полосы в спектре исходного крахмала показывает, что образуются крахмальные производные, содержащие пятивалентный фосфор [6].

С повышением содержания фосфора в структуре макромолекул модифицированного крахмала увеличивается интенсивность полосы поглощения при $1600\text{-}1500\text{ см}^{-1}$. В структуре макромолекул крахмалофосфатов образованных в щелочной среде, в присутствии мочевины, появляются новые полосы поглощения в области $800\text{-}1000\text{ см}^{-1}$, уменьшается.

Световое микроскопическое исследование - очень полезный и желательный метод анализа для изучения структуру макромолекул крахмала, который взаимодействует с динатриевый солью фосфорной кислоты в водном растворе [7].

Изображения поперечно сшитого или фосфатного крахмала (рис.1(1-2)) указывают на более трудный процесс распада макромолекул крахмала по сравнению с нативным крахмалом. Предварительная обработка водно-крахмальной суспензии в присутствии моно- и ди-замещённой натриевой соли фосфорной кислоты, приводит к существенное повышение вязкостных характеристик в зависимости от их концентрации.

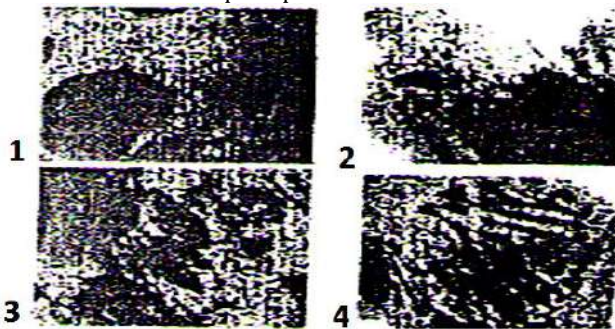

Рис.1. Оптические микрофотографии гранул крахмала.

- 1 - нативный крахмал;
- 2 - фосфатные крахмалы; Na_2HPO_4 ,
- 3 - смесь $\text{Na}_2\text{HPO}_4 + \text{NaH}_2\text{PO}_4$,
- 4 - смесь $\text{Na}_2\text{HPO}_4 + \text{NaH}_2\text{PO}_4 + (\text{NH}_2)_2\text{CO}$

Интервал температур клейстеризации крахмальной суспензии, значения pH, содержание водорастворимой фракции не изменяются после химической обработки суспензий крахмала с солями фосфорной кислоты в течение первых 10 минут. Сущест-

венно изменяются, в течение более 10 минут обработки, значения оптической плотности.

Появление устойчивой мутности указывает на то, что водная среда обработанных суспензий содержит коллоидные частицы, не осаждаемые при длительном стоянии.

С целью выяснения роли постэффекта химической обработки было исследовано влияние времени выдерживания суспензий между химическим модификатором и завариванием на реологию крахмалофосфатного раствора получаемых при модификации. Эффект загущения крахмалофосфатного раствора продолжает возрастать при выдерживании суспензий в состоянии покоя при комнатной температуре [8].

Влияние концентрации фосфатов на реакционную способность крахмала исследовали на примере реакции гетерогенной модификации крахмала модификатором. Если сравнить концентрации модификаторов, достигаемые за одно и тоже время для двух случаев, то получим, что, например, за 20 мин. реакции расход модификатора составил 8,6% для крахмалофосфатной суспензии без мочевины, а с мочевиной 14,7%.

Как видно, скорость реакции для модификации крахмальной суспензии выше, чем для крахмалофосфата без мочевины. Это связано с тем, что различие в реакционной способности крахмалофосфата с добавкой и без нее проявляется, главным образом до тех пор, пока протекают поверхностные процессы, т.е. до наступления стадии модификации в объеме зерна, лимитируемой диффузией [9].

Изучены влияние модифицированного крахмала на технологических параметров бурового раствора на основе минерализованных пластовых вод. Полученные результаты исследования приведены в таблице 2.

Изучено влияние модифицированного крахмалофосфатного реагента на свойства бурового раствора, приготовленного на минерализованной пластовой воде. Предложенный реагент оказался более эффективным стабилизатором водоотдачи раствора, приготовленного на пластовой воде по сравнению с К-9, К-4, КМЦ-600.

При введении 1% модифицированный крахмалофосфатного реагента в буровой раствор содержащий 10% CaCl₂ его водоотдача снижается с 30 см³/30 мин до 4.

Между тем при обработке такого же раствора реагентами КМЦ-600, К-9, К-4 (в количестве 1%) его водоотдача составляет 10-12 см³/30 мин. При содержании этих реагентов в количестве 2% водоотдача снижается до 5 см³/30 мин.

Лабораторные исследования показали, что модифицированный крахмалофосфатный реагент является более устойчивым к воздействию натриевых и кальциевых солей, чем серия реагентов К-4, К-9 и КМЦ.

Модифицированный крахмалофосфатный реагент является эффективным понизителем фильтрации, бактериоцидным соле- и бактериоустойчивым, стабилизатором к кальциевой и магниевой агрессии глинистых и ингибированных буровых растворов [10].

Список литературы:

1. Тесленко В.Н., Тимохин И.М., Иванов Ю.А. и др. Водорастворимые эфиры целлюлозы основе обработки буровых растворов при бурении на нефть и газ. – М.: НИИГНИ, 2008. – 166с.
2. Сидоров Н.А., Вахрушев Л.П., Серенко И.А., Полимерные буровые растворы. – М.: ВНИИОИНГ, ЭИ Серия «Техника и технология бурения скважин, 1988. – 54с.
3. Ёдгаров Н. Химические реагенты и материалы в нефтегазовом комплексе. – Ташкент, 2009. – 520с.
4. Нурмамедов А. Разработка технологии получения и применения новых реагентов и буровых растворов на основе местного сырья и промышленных отходов. Автореф.дисс.докт.техн.наук. – Ташкент, 2002. – 44 с.

5. Булатов А.И., Рябченко В.И., Сухарев С.С. Основы физикохимии промысловых жидкостей и тампонажных растворов. – М.: Недра, 2008. – 176 с.
6. Абрамзон А.А. Поверхностно-активные вещества: свойства и применение. – Л.: Химия, 1981. – 304 с.
7. Коллоидные поверхностно-активные вещества физико-химические свойства / Шинода К., Накагава Т., Тамомуси Б., Иесимура Т. – М.: Мир, 1966. – 250 с.
8. Юлдашева О.М. Технология получения ПАВ на основе отхода гидролизного завода и их применение в процессе размотки коконов. Автореф.дисс.канд.техн.наук. – Ташкент, 2007. – 22с.
9. Сабирова Д.К. Разработка технологии получения и применение ПАВ на основе госсиполовой и каменноугольной смол. Автореф. дисс. канд. техн. наук. – Ташкент, 2006. – 25с.
10. Ёдгоров Н. Исследование физико-химических свойств ионенных полимерных композиций // Вестник ТашГУ. – 2008. – №1.

Таблица 2.

Зависимость содержания крахмала от времени модификации и изменение реологические свойства бурового раствора.

Концентрация крахмала, %	Время модификации, мин	Суспензия			Влагопоглощения сухого крахмалфосфата, %	Реология крахмального клейстера	
		Температура клейстеризации, °С	рН	Водорастворимая фракция, %		τ_{max} , Па·с	τ_s , Па·с·10 ⁻¹
	Не обработанный образец	85-90	6,74	15,9	8,7	15,6	740
4	10	85-90	6,61	26,2	11,6	31,4	1230
	20	83-87	6,42	37,3	19,4	34,8	1370
	30	80-85	6,24	56,6	21,3	38,5	1460
	60	80-82	6,16	66,8	26,8	44,5	1690
5	10	85-89	6,60	31,4	12,8	36,7	1410
	20	82-86	6,38	39,7	21,4	41,2	1530
	30	80-85	6,18	61,8	25,7	47,4	1620
	60	80-82	6,11	73,4	29,1	51,5	1740
6	10	85-90	6,54	36,7	13,2	38,9	1560
	20	82-87	6,31	44,3	24,3	47,1	1670
	30	80-84	6,10	67,4	27,2	52,4	1850
	60	80-82	6,03	78,6	31,4	57,6	1960

UDC 69.059 | DOI: 10.17809/0557468427-41

INFORMATION MODELING ON OPERATION OF BUILDINGS AND STRUCTURES

Demenev, A. V.^{1*}

¹ Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russia.

* Corresponding author: saprmgus@mail.ru.

Citation: Demenev, A. V. (2016). Information modeling on operation of buildings and structures. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-41.

Received: February 6, 2016.

Accepted: March 13, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Demenev, A. V.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

This article reviews the technology that allows you to effectively manage the life cycle of buildings and structures. The use of building information modeling (BIM) in operation of real estate is actual direction and suggests solutions to problems. The main issue addressed in this article: (i) organization of safe operation through effective technical monitoring of the condition of the building; (ii) robust modeling of the state of the environment in the future on the basis of engineering methods of calculation; (iii) optimization of the volume and quality of construction, as well as (iv) there are significant savings of time and resources at all stages of the life cycle of buildings and facilities. Confirmation of the analysis is the positive experience of the introduction of this technology on the territory of the Russian Federation through the activities of the company "SODIS Lab" with Olympic objects in Sochi-2014, the skyscrapers "Moscow-City", the stadiums built for the 2018 World Cup and more, etc. The result of this work is to focus on the cost, but the perspective and economically and technically sound lifecycle management tool, building, as information modeling.

Key words: information modeling; exploitation; buildings and constructions.

Introduction. The introduction of new technologies for the exploitation of constructions and engineering systems of the buildings becomes increasingly important, especially for the existing buildings. Let's consider the main problems encountered during the operation.

1. Safe operation of buildings and structures. Today, an important aspect of the safety of construction projects is a high quality and on timely evaluation of physical deteriorations of structures and facilities, and the monitoring of these parameters for the purpose of effective control of their technical condition. The issue is serious enough and especially important for large cities, where the growth of construction, infill development, and soil instability prevail. According to the norms, technical inspection of residential buildings is carried out by the Housing Inspection at least once every 5 years (according to SP 13-102-2003 "Rules for the survey of bearing structures of buildings and structures"). Practice shows that the buildings are not surveyed at all or properly, and the processes that lead to the destruction of buildings

may occur between scheduled examinations. Therefore, it is necessary to shorten the interval between the surveys, but it is not economically feasible.

There are many different methods for conduction a survey of buildings and structures, which can be divided into three groups: (i) **visual**, (ii) **instrumental**, and (iii) **technical-instrumental**.

Examination of objects (structures) by the experts on external features is the basis of **visual** methods.

Instrumental methods are based on the examination of objects (structures) with the use of special tools (ultrasonic devices, televisions, various measuring systems, etc.).

Instrumental-technical methods complement the first two methods of the group by the use of specialized software, including the method of finite element analysis in order to solve a range of various applications.

Building Information Modeling (BIM) is actively developed and is used to solve these problems. This concept was proposed by Professor Institute of Technology Chuck Eastman in 1975. BIM is an innovative modern approach to the design, construction, and operation of buildings. From a technical point of view, BIM is an integrated process built on coordinated, reliable information about a project, including the development of building concepts, its construction, and commissioning. The undeniable advantage of this technology is the simulation of various processes in the construction phase and during the operation of the facility. In order to ensure the reliability of complex engineering services and the construction of buildings, it is necessary to consider the monitoring of technical condition of buildings and structures as part of a single functional building (structure) management system.

2. Reduction of operating costs on the design elements of engineering systems of buildings and structures. Operation of the building is 80% of the total cost of ownership: utilities - 25%, staff costs - 40%, construction - 10%, recycling - 5% (Starkov, 2012).

The use of BIM and the automated building management system (BMS) is one of the ways to improve the economic efficiency of any building. The building information model and the building management system in the complex include control, monitoring, and optimization of the operation of engineering systems to ensure optimal conditions for minimum cost.

As a result, we have:

- Reduction of the likelihood of accidents;
- Increase in the level of comfort.

As a result of increasing the economic efficiency of the building, we may observe:

- Saving energy and resources;
- Increasing operating life.

In total, there are savings of up to 40% in operating costs and lower total cost of building ownership up to 30% (Kozlov, 2010).

3. Modelling of modes of operation, leading to the deterioration of structures and building systems in the future.

Information modeling of construction projects is a completely new approach to design, construct, operate, and repair the building. During the final stages of building, this technology allows to reconcile assets and to test the technology and compliance in all sections. It helps see whether there are possible deviations from the initial project. In addition, this technology allows modeling and calculating the wear and possible damage to buildings in the future operation. When the issue of repair, reconstruction, or re-building becomes relevant, it makes possible to design and manage the reconstruction or repair of a building, its demolition or disposal (Figure 2).

Let's consider the practical effectiveness of BIM in the process of operation: (i) this allows the system to bring together future construction, to choose their destination, to calculate and agree on the components; (ii) to check their viability, functional fitness, and performance in advance; (iii) to avoid possible inconsistencies and intersections in adjacent sections.

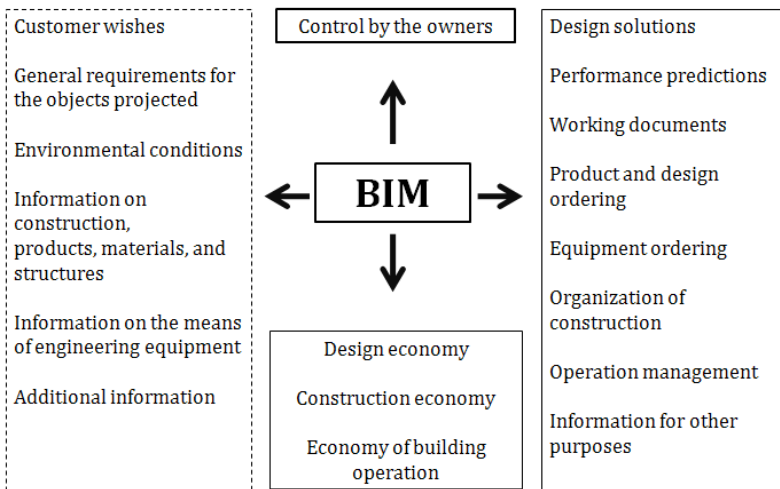

Figure 1. Summary passing through BIM with a direct relation to this.

Source: Talapov, 2010.

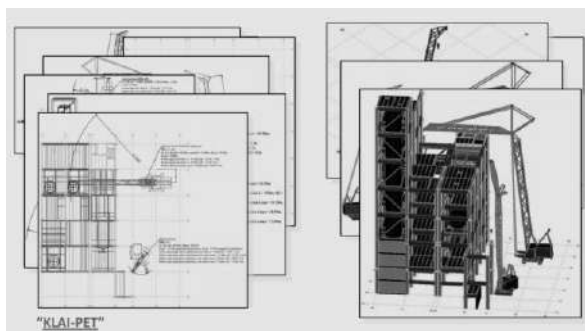

Figure 2. Simulation of construction and PWP.

Source: Talapov, 2010.

Unlike traditional systems, such as computer-aided design that creates a geometric 3D model, the result of information modeling of construction projects is a 3D model b, or an **object-oriented (digital and information) model of the object and the process of its construction** (Construction Management Project, **CMP**; Design Documentation, **DD**). Information model is the foundation and actively used to create project and working documentation for all sections, **PWP**, **CMP**, and **DD** (Figue 3). BIM manages the lifecycle of the building process and is an objective source of information with a high degree of confidence to maintain the model in

the current form, constantly changing, supplementing, replacing, and reflecting the current state of the building.

Conclusion. The aforementioned problems might be actually entirely solved by BIM. However, BIM should be seen as a management tool of the object properties in all stages of the life cycle. The economic efficiency of management made up by reducing annual operating costs due to the following factors:

- reduction in energy consumption for own needs of the object (electricity, water);
- reduction in management risks;
- fuel and material economy;
- security (both in construction operation phases);
- accuracy of accounting data;
- compliance with the law;
- optimization of the use of production;
- improved inventory management;
- configuration management of the building;

BIM has shown the ability to achieve the high speed, volume, and the quality of construction, as well as significant savings in the budget. This technology has been fully applied in the design and further construction of Olympic facilities in Sochi, Russia (Figure 4).

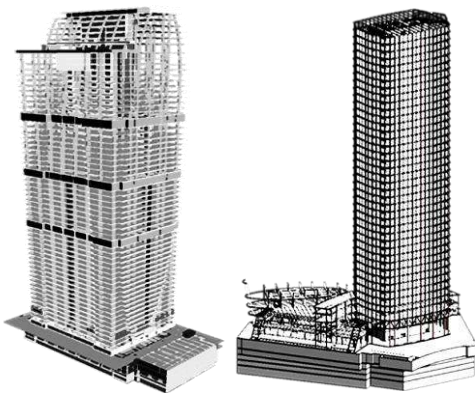

Figure 3. The BIM building model of Moscow City.

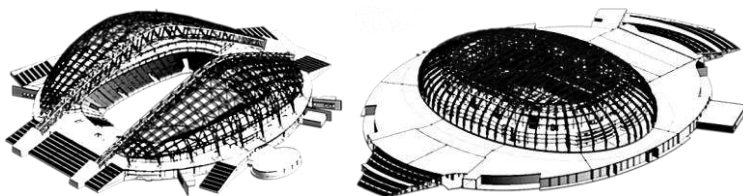

Figure 4. General view of the Olympic facilities building.

Source: *Informatsionnyye modeli ...*, n.d.

Despite the obvious advantages of the new technology, BIM is not very popular among companies in the CIS. The leader in this field in the Russian Federation is a company "SODIS

lab” (formerly NPO SODIS). The company participated in the construction of Olympic facilities in Sochi in 2014 (the coastal and mountain clusters), skyscrapers “Moscow City,” the stadiums being built for the 2018 World Cup, etc. (*Informatsionnyye modeli ...*, n.d.).

Strengthening the process of information technology implementation in construction and maintaining the buildings are regulated by the Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation “On approval of the Plan of the phased introduction of BIM in the field of industrial and civil construction” (29.12.2014 N926/np) (Kalinin & Sokova, 2010). It is clear that BIM will become a real tool in construction in Russia.

References:

- 3D-proyektirovaniye budet ispolzovatsya v oblasti promyshlennogo i grazhdanskogo stroitelstva.* (n.d.). Retrieved from <http://minstroyrf.ru/press/3d-proyektirovanie-budet-ispolzovatsya-v-oblasti-promyshlennogo-i-grazhdanskogo-stroitelstva>.
- Autodesk. (2007). *Vozvrat investitsiy v tekhnologiyu BIM.* (In Russian).
- Brahney, A. (2014). *Kak izvestno, 3D-model – eto yeshcho daleko ne BIM.* Retrieved from http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=17337. (In Russian).
- Golovachev, A. V. (2014). *Osobennosti natsionalnoy ekspluatatsii inzhenernykh sistem zdaniy intervyyu s ekspertom v oblasti ekspluatatsii zdaniy i sooruzheniy.* Retrieved from http://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=5887. (In Russian).
- Informatsionnyye modeli zdaniy v proyektirovanii sistem OVK AVOK №7 2011 2014.* (n.d.). Retrieved from http://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=5056. (In Russian).
- Kalinin, V. M., & Sokova, S. D. (2010). *Otsenka tekhnicheskogo sostoyaniya zdaniy.* Moscow: INFRA-M. (In Russian).
- Kozlov, I. M. (2010). *Otsenka ekonomicheskoy effektivnosti vnedreniya informatsionnogo modelirovaniya zdaniy. Arkhitektura i sovremennyye informatsionnyye tekhnologii, 1(10).* Retrieved from <http://www.marhi.ru/AMIT/2010/1kvart10/Kozlov/Article.php> (In Russian).
- Sistemy dlya nadozhnoy, bezopasnoy i effektivnoy ekspluatatsii zdaniy.* (n.d.). Retrieved from <http://www.sodislab.com/rus/about>.
- Starkov, I. (2012). *Informatsionnoye modelirovaniye zhiznennogo tsikla zdaniy (BIM) v tselyakh upravleniya energopotrebleniyem.* Retrieved from <http://www.cadtvr.ru/aur-2012-informatsionnoe-modelirovanie-zhiznennogo-tsikla/#more-1811>. (In Russian).
- Talapov, V. V. (2010). *BIM: Chto pod etim ponimayut.* Retrieved from http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=14078. (In Russian).
- Talapov, V. V. (2011). *Osnovy BIM: vvedeniye v informatsionnoye modelirovaniye zdaniy.* Retrieved from <http://www.rucon.ru/file.ashx?guid=56ea7833-8bd7-42da-8a24-f340056b97d8>. (In Russian).

UDC 330.34 | DOI: 10.17809/0557468427-42

CONVERGENT TECHNOLOGIES AS THE BASIS OF THE NEW TECHNOLOGICAL ORDER AND THE FACTOR OF STRUCTURAL TRANSFORMATION IN THE ECONOMY

Elkhina, I. A.^{1*}

1 Volgograd State University, Volgograd, Russia.

* Corresponding author: irina_elkhina@mail.ru.

CrossMark

Citation: Elkhina, I. A. (2016). Convergent technologies as the basis of the new technological order and the factor of transformation in the economy. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-42.

Received: February 13, 2016.

Accepted: March 26, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Elkhina, I. A.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

The author has positioned convergent technologies as the basis for the development of the new technological order. Convergent technologies are characterized by the interpenetration and mutual influence of nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science (NBIC). The convergence of technologies is playing a leading role in the process of establishing a new technology platform and has an impact on the current management system, relationships between the elements of the system, principles of existence and functioning of the system, which give rise to structural changes and shifts. In this article, the author presents the main directions of changes in the management paradigm in the formation of the new technological order and technology platform. The author concludes that the process of convergence of technologies has influence on the structural transformation of the economy, the emergence of new forms of economic structures and structural shifts.

Key words: convergent technologies; NBIC-technology; technological order; technological platform; structural shifts; structural transformation.

Current structural shifts in the economy of industrialized countries are systematic, because they are part of a global macro shift. This shift predetermines the transition from industrial to postindustrial society. Shifts occur because of the transformation the economy, along with the emergence of new technologies and knowledge. These processes lead to a number of changes in relationships between system elements. Management methods, objectives, and functions are developing and acquiring a new quality.

Scientific and technical progress is characterized by the development of scientific knowledge and its application in the form of new technologies, which are more efficient and productive. This progress is the determining factor of the dynamics in economic structure. In the modern economy era, the progress of technologies leads to innovation growth. The time interval between discoveries and its introduction is reduced. As a result, many areas of economy are in the process of ongoing structural changes. The structural change therefore interacts with institutional and economic change, including changes in the social, financial and manufacturing sectors, so as to shape the patterns of technological change (Quatraro, 2012, p. 17).

Development and formation of technological platforms determine a periodic change of technological orders and formation of the basis and new economic structures in the process of structural transformation. Dmitrij S. Lvov and Sergej Yu. Glazyev consider the technological order as large complexes of technology-oriented productions, the groups of technological sets connected to each other with the same technological chains and forming reproducible integrities (Glazyev, 2009).

By now, according to Glazyev, there are five technological order, which have been formed.

The first technological order (1770-1830) is characterized by the development of the textile industry. Key factors, technological innovations and engines of the development of technological order, are the textile machines and water engine. It is the core of the technological structure of the textile industry, textile machinery, pig iron, iron processing, and construction of canals.

The second technological order (1830-1880), the core of which includes steam engines, the railway construction, transport, mechanical engineering, steamship engineering, the coal industry, the machine-tool industry, and the ferrous metallurgy. Key factors are the steam engine and engineering tools.

The third technological order (1880-1930) is based on electricity and the development of the heavy industry and power lines. In addition, the core technological order was about the production and distribution of steel and inorganic chemistry. A key factor is the electric motor.

The fourth technological order (1930-1970) based on developing automobile industry, tractor industry, nonferrous metallurgy, durable goods, synthetics, organic chemistry, oil production and processing. Key factors are the internal combustion engine, petrochemistry.

The fifth technological order (1970-2010) is characterized by producing and processing of natural gas, developing electronics, computer engineering, and fiberoptic engineering, developing and implementing information and communication technologies. Microelectronic components are the key factor in the formatting and developing the order.

Glazyev, Inshakov, Kablov and others note a new stage in the formation of a new technological order. It is consistent with the Long Wave Theory by Nikolai Kondratiev. The modern economy is in the process of forming a new technological order. That order will be based on developing robotics, bioengineering, nanotechnology, the creation of materials with predetermined properties, and genetic engineering. A key factor of the sixth technological order will be nanotechnology. The space technology, nuclear industry, airlines, and flexible automation will be further developed. It gives reasons to believe that the sixth technological order will be based on the convergent technologies that would have the synergy effect, which can significantly accelerate the technical progress in the future.

The phrase "convergent technologies" was introduced by Mihail C. Roco, the chair of the US National Science and Technology Council's Subcommittee on Nanoscale Science, Engineering and Technology, and by William S. Bainbridge, one of the most famous sociologists. Convergence technologies refer to the synergistic combination of the four major "NBIC" (nano-bio-info-cogno) provinces of science and technology, each of which is currently progressing at a rapid rate: (a) nanoscience and nanotechnology; (b) biotechnology and biomedicine, including genetic engineering; (c) information technology, including advanced computing and communications; (d) cognitive science, including cognitive neuroscience (Roco & Bainbridge, 2003, p. 9). Currently, the converged technologies are complemented by social and humanitarian technologies.

Some authors consider that the information technology is the major catalyst of the convergence process (Trofimov & Trofimova, 2014, p. 20). Kovalchuk, the director of Russia's National Research Centre "Kurchatov Institute", states that the above-sectoral nature of information technology is applied in all fields of science and industry (Kovalchuk, 2007, pp. 6-11). Information technology was the hoop, which united all the cross-industry science and laid the groundwork for the development of science and technology. However, nanotechnology is designed to connect the existing cross-sector science and technology into a single picture of the natural sciences, but at a new, atomic level. They are also able to change the ways of storing and transmitting information. The impact of nanotechnology on information technology revolves around two distinct areas (Crowford, "Nanotechnology Introduction Series: Information Technology"): (i) the use of nanomaterials in order to create smaller, faster, more efficient memory for the use in computers; and (ii) the replacement of current computer devices for devices with computers using advanced quantum computer technology. Some of the areas, such as the quantum computers, are expected to perform tasks in the areas such as vision recognition, medical diagnosis, and artificial intelligence processing tasks.

Specific nanotechnology and its comprehensive nature allow them to converge with other technologies. Domestic and foreign authors speak about development of health care, information, energy, industrial, agricultural and other types of nanotechnology. Therefore, nanotechnology acquires the status of global technology.

Kovalchuk says that nanotechnology is not just some new technological approaches, materials, systems, devices or substances that appear. Therefore, it is necessary to talk about changing the methodology of science and its paradigm (Kovalchuk, 2007).

Thus, it is possible to determine the structure of convergent technologies, consisting of the two levels: (i) the vertical level that characterizes the level of nanotechnologies development, and (ii) the horizontal level that defines the sphere of convergent technologies development – biotechnology, information technology, and cognitive science.

Although NBIC-technologies influence each other, their heterogeneity should be also taken into consideration. Cogno- and bio-components are in the early stages of formation. Nanosegment forms the trend of technological development, while the info-communication segment is its core. Nevertheless, the level of technology convergence is so high that it is often impossible to attribute a particular technological solution to a particular NBIC-technology, especially in multidimensional problems, for example, the expansion of human capabilities (Leschev, 2014, pp. 69-75).

According to Sergeev, the essence of NBIC-convergence is not synergistic and does not merge from the rapidly developing fields of knowledge, but it originates from the creating dynamic in interdisciplinary boundaries, having local interfaces, which connect and form a disciplinary field of science and technology without losing their self-organizing nature (Sergeev, 2013, pp. 158-168).

The development of new technologies has an impact on all spheres of the socio-economic system and leads to the change of its structure and, therefore, to the appearance of structural shifts.

There is continuity between the fifth and the sixth technological orders. A key factor of its development is the information technology. Results of the analysis features of technological developments and structural shifts in the economies of the developed countries that they have caused suggest that the technological basis of digitalization has played a key role in the innovative development in recent decades. Clearly, the development of information technology and telecommunications has had a significant impact on the production, economy, community, and the culture. And it also leads to the fact that the regional socio-economic systems must function in the new environment. Therefore, a new paradigm of management in the conditions of informatization of business processes and the technological platform development is formed. High-tech products, intellectualization of the resources and the world market of intellectual property are the characteristic features of the technology platform, which is actively formed. The mechanisms and institutional frameworks for the diffusion and commercialization of knowledge in the framework of the national innovation system provide the structural optimization of its elements, and sustainable economic development (Gasarov, 2014, pp. 5-17). Thus, the convergence of technology plays a key role in the deployment of innovative structural shifts in the economy. It also stimulates the formation of the new types of structural shifts, in particular, the structural convergence, which forms the basis for the emergence of the new forms of networks and the cluster structures of the economy.

In accordance with the increase in complexity of the management control systems, management methods and management tools are expanded and modified. With the developing of the fifth technological order, the functions of the traditional system of management such as goal setting, forecasting, planning, organization, coordination, decision making, motivation, control, accounting have been automated and expanded by the functions of information management and knowledge management: collection, storage, processing, transmission of information, decline of information asymmetries. Techniques and tools of the structural analysis, the measurement of business processes, identifying problems, modeling, benchmarking, statistical methods, along with the generation of ideas are modified and automated, too.

In the conditions of formation of the new technological order and the development of technologies, the main directions of changes can be identified:

First, the contribution of employee and employer. Employees sell to organization not only their labor, knowledge and competition, but also attitudes, trust, loyalty. Therefore, we may observe a substantial modification of property relations and management. Intellectualization of the production and the phenomenon of intellectual capital qualitatively transform a property system within the firm and, consequently, bring to life a new quality of management of this property.

Second, the object of management has changed, too. The business process that focuses on the results and creates the value becomes a management unit. Moreover, the business process can extend beyond a single organization and cover the whole world.

The third change is related to organizational resources. Knowledge is the most important resource. Any organization is considered as a certain set of knowledge. Integration and combination of knowledge with other strategic resources allows you to boost a competence of organization as compared to its competitors. The role of knowledge in the sixth technological order will continue to increase.

There is the following direction of changes related to the organizational structure. The operational economy chances and becomes the network-oriented economy. Network management is aimed at providing the high performance in the field of extended reproduction of network knowledge and the modification of the market products derived from new knowledge (Salikhov & Nejmatova, 2009, pp. 2-8). In addition, the phenomenon of convergence leads to the development of cluster structures in the economy.

The next change is due to the increasing complexity of the management process. The modern management discipline is closely related to other sciences, such as marketing, mathematical modeling, probability theory, psychology, etc. Because of the emerging of the new technological order, management should be complemented and coordinated by scientific analysis and forecasting. Successful implementation of scientific and technical forecasts allows us to develop and implement forecasts to the social development of the country (Averbukh, 2010, pp. 159-166). Formation and development of the sixth technological order indicate that new departments, which were involved in forecasting and analysing activities and innovative developments in enterprises, should be created. The state's role in the innovation economy is to make business and science to be engaged in innovation activities. However, an important role in investing in the development and financial support for research centers is assigned to private investment.

Then, the development of science and the increase store of knowledge are the main imperative of allocation of separate branches in management: strategic, innovative, investment, and informational. This leads to the emergence of new jobs and to some changes in the organizational structure.

Finally, in order to response immediately to the events, there is a need in high dynamic environment. It places demands on the dynamic operational management. The information system provides such a dynamic. Development of supporting industries of the sixth technological order will be based on such systems.

Therefore, the elements of the management system are adapted and changed. Obviously, countries that develop the technology of the current technological order most intensively and rebuild the economic environment quickly will get leadership in the global economy. Such countries should correctly predict emerging a new landmark and basic innovations, and advance start moving in this direction for reaching the goal.

References

- Averbuh, V. (2010). Shestoj tekhnologicheskij uklad i perspektivy rossii [kratkij obzor] [The sixth technological order and prospects of Russia (an overview)]. *Journal of the Stavropol State University*, 71, 159-166. (In Russian).
- Crowford, S. (n.d.). *Nanotechnology Introduction Series: Information Technology*. Retrieved from <http://futurehumanevolution.com/nanotechnology-introduction-series-information-technology>.
- Gasanov, M., & Gasanov, E. (2014). Strukturnaya konvergenciya v ehkonomike Rossii i ee ogranicheniya [Structural convergence in the Russian economy and its limitations]. *Journal of the Tomsk State University, Economy*, 1(25), 5-17. (In Russian).
- Glazyev, S. Yu. (2009). *Nanotekhnologii kak klyuchevoy faktor novogo tekhnologicheskogo ukлада v ekonomike* [Nanotechnologies as the key factor of the new technological order in the economy], Moscow: Trovant. (In Russian).
- Kovalchuk, M. (2007). Nanotekhnologii – fundament novoj naukoemkoj ehkonomiki 21 veka [Nanotechnology is the foundation of the new knowledge-based economy of the 21st century]. *Russian nanotechnologies*, 1-2, 6-11. (In Russian).
- Kovalchuk, M. (n.d.). Nanotekhnologii izmenyat ehkonomicheskij uklad mira [Nanotechnology will change the economic structure of the world]. Retrieved from http://www.sovetnikprezidenta.ru/49/3_praktika.html (In Russian).
- Leshchyov S. (2014). NBIC-konvergenciya: stratagemy differencirovannogo i sinteticheskogo razvitiya nano- bio- info- i kognitivnyh tekhnologij [NBIC-convergence: stratagem differentiated and development of synthetic nano-, bio-, info- and cognitive technologies]. *Polignozis*, 1-2, 69-75. (In Russian).
- Lvov, D. S., & Glazyev, S. Yu. (1986). Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty upravleniya NTP [Theoretical and applied aspects of the management of NTP]. *Economics and Mathematical Methods*, 5, 793-804. (In Russian).
- Quararó, F. (2012). *The Economics of Structural Change in Knowledge*, London; NY: Routledge.
- Roco, M. C., & Bainbridge, W. S. (Eds.) (2003). *Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science*. U.S. National Science Foundation. Kluwer Academic Publishers (currently Springer).
- Salihov B, Nejmatova B. (2009). Setevoy menedzhment kak novoe kachestvo upravleniya intellektualnym kapitalom predpriyatiya [Network management as a new quality management of intellectual capital of the enterprise]. *The economic analysis: theory and practice*, 3, 2-8. (In Russian).
- Sergeev, S. (2013). *Nauka i tekhnologiya XXI veka. Kommunikacii i NBIKS-konvergenciya* [Science and technology of the XXI century. Communications and NBIC-convergence]. Global Future 2045 Convergent Technologies (NBIKS) and transhumanist evolution (pp. 158-168). Moscow : OOO "Izdatelstvo MBA". (In Russian).
- Trofimov, V. V., & Trofimova, E. V. (2014). *Konvergenciya IT. Metodologicheskie aspekty evolyucii* [IT Convergence. Methodological aspects of evolution]. LAP Lambert Academic Publishing. (In Russian).

UDC 004.023 | DOI: 10.17809/0557468427-43

ADAPTATION IN THE RECOMMENDATION SYSTEMS WITH THE CONCLUSION ON THE BASIS OF PRECEDENTS

Glukhikh, I. N.^{1*}

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russia.

* Corresponding author: igluhih@utmn.ru.

CrossMark

Citation: Glukhikh, I. N. (2016). Adaptation in the recommendation systems with the conclusion on the basis of precedents. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-43.

Received: February 16, 2016.

Accepted: March 20, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Glukhikh, I. N.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

АДАПТАЦИЯ В РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМАХ С ВЫВОДОМ НА ОСНОВЕ ПРЕЦЕДЕНТОВ

Рекомендательные системы являются популярным направлением современных исследований в области интернет-технологий. Модели и алгоритмы таких систем основаны на использовании знаний о пользователях и контенте интернет-сайтов, а также взаимосвязей между ними. Однако, существует проблема применения этих моделей и алгоритмов в случаях неидентифицированных пользователей, когда знаний о них для выдачи рекомендаций не хватает. Для решения этой проблемы в статье предлагается использовать вывод рекомендаций на основе прецедентов. Каждый прецедент представляет собой пару: ситуация и множество возможных рекомендаций с их частотными характеристиками. Работа рекомендательной системы сопровождается адаптацией прецедентов, в результате чего множество рекомендаций пересчитывается. В статье предлагается модель адаптации, основанная на использовании функции полезности рекомендаций. Процесс адаптации представлен как итерационная оптимизация функции полезности. Проведено исследование модели для выбора ее параметров. Далее сформулированы задачи и направления дальнейших исследований и разработок.

Ключевые слова: рекомендательная система; рекомендация контента; вывод на основе прецедентов; база кейсов; адаптация кейсов

1. Введение.

Одним из актуальных направлений в развитии современных интернет-сайтов становится генерация контента пользователям в виде рекомендаций – предложений товаров и услуг, анонсов, статей, видеоматериалов, сервисов и т.п. Пользователи получают рекомендации, находясь на некоторой странице и/или выполняя какие-то действия на сайте.

Практически это может выглядеть как специальный блок, который загружается вместе с основным контентом интернет-страницы или появляется при выполнении определенных условий.

Рекомендации могут быть полезны как посетителям, так и владельцам интернет-ресурсов. Правильно сгенерированные рекомендации повышают интерес и лояльность пользователя к сайту, а также улучшают так называемые поведенческие факторы ранжирования сайта в поисковых системах (Google, Yandex и др.). Для коммерческих проектов рекомендации становятся инструментом, который повышает продажи за счет дополнительных предложений товаров или услуг.

2. Рекомендательные системы.

Системы, в которых реализуются механизмы подбора и выдачи рекомендаций пользователям, называются рекомендательными [1]. Применение рекомендательных систем особенно характерно для больших сайтов-сообществ пользователей, крупных интернет-магазинов, а также систем интернет-рекламы.

Методы и механизмы генерации рекомендаций могут быть разными. Различают методы коллаборативной фильтрации, контентной фильтрации и гибридные [1].

Методы коллаборативной фильтрации используют информацию о пользователях, их социальных взаимосвязях, их действиях, предпочтениях и т.п. Методы контентной

фильтрации предполагают наличие описательной признаковой информации о самих пользователях и объектах рекомендаций. Простейшим примером контентной рекомендации является блок похожих новостей (статей, видеороликов) на страницах новостных интернет-изданий, который формируется на основе сравнения метатегов, описывающих основной и рекомендуемый контент.

3. Рекомендации неидентифицированным пользователям.

Рекомендации, учитывающие сведения о пользователе, его интересы, предпочтения и т.п., очевидно, будут наиболее востребованными и эффективными. В то же время сбор и использование подробных и разносторонних сведений о пользователях возможны далеко не во всех случаях.

Во-первых, глобальными данными о пользователе, его поведении на разных интернет-ресурсах, информацией о социальных связях, иных активностях владеют крупные игроки интернет-рынка (поисковые системы, социальные сети, рекламные платформы, аналитические системы). Для обычного владельца интернет-ресурса эти сведения, как правило, недоступны. Он может использовать только локальные данные, которые характеризуют пользователя на конкретном сайте (нахождение, поведение на страницах, источники входа и т.п.).

Во-вторых, многие корпоративные сайты, контентные интернет-проекты работают с так называемыми неидентифицированными пользователями [2]. К таковым относятся те, кто посещает сайт в первый раз или с момента последнего их посещения прошло большое время, и кто не передает сайту каким либо специальным образом информацию о своих интересах предпочтениях, социальных связях и т.п.

Как правило, источником таких пользователей для контентного интернет-проекта являются поисковые системы, которые обеспечивают до 70-80 % входящего трафика. У новых интернет-сайтов доля неидентифицированных пользователей может приближаться к ста процентам.

4. Вывод на основе прецедентов.

Для решения задачи выдачи рекомендаций неидентифицированным пользователям перспективно использование подхода, который получил название - вывод решений по прецедентам, или, в англоязычной литературе, Case Based Reasoning (CBR) [3-5].

Основная идея CBR состоит в том, чтобы для поиска решений в новой ситуации использовать те решения, которые применялись ранее в похожих случаях [4].

В CBR-системах предполагается наличие базы кейсов (БК), которая содержит описание ситуаций и тех решений, которые применялись и/или были признаны рациональными для применения в данной ситуации [4].

При этом поиск решения в текущей ситуации включает в себя поиск похожей ситуации в базе кейсов (БК) и выбор того решения, которое связано с найденной ситуацией в БК. Это найденное решение адаптируется к новым условиям или сразу применяется к текущей ситуации, если адаптация не требуется.

Изначально база кейсов может быть сформирована с помощью экспертов и иных знаний предметной области [6,7]. Далее она пополняется знаниями в результате адаптации имеющихся, а также за счет добавления новых кейсов, которые наблюдаются на практике или предлагаются экспертами.

В рекомендательных системах адаптация занимает еще большее место. Во-первых, в силу неполноты знаний о пользователях, их интересах и предпочтениях, в рекомендательных системах наблюдается так называемая проблема «холодного старта» [1], которая потребует «дообучения» первоначально заполненной базы кейсов. Во-вторых, сами предпочтения и интересы пользователей не остаются неизменными. Наконец,

контент сайта, как правило, тоже меняется, добавляются новые компоненты, которые тоже могут выступать в качестве рекомендаций. Как следствие, процесс адаптации здесь может продолжаться на всем протяжении эксплуатации системы.

Далее в статье вводится формальное представление кейсов. На этой основе предлагается математическая модель для реализации процедур адаптации кейсов в рекомендательных системах работе с неидентифицированными пользователями.

5. Модель адаптации.

5.1 Представление кейсов.

Применительно к рассматриваемой задаче рекомендация выступает в качестве такого элемента кейса, как решение. Другой элемент кейса - ситуация характеризует некоторые условия, место и время выдачи рекомендации.

Выделяя уровни подробности при описании ситуаций можно построить дерево ситуаций [8], где элементы нижних уровней представляют собой уточнение более высоких уровней.

Это уточнение достигается за счет добавления атрибутов-признаков в описание ситуации. Каждой вершине дерева – ситуацией сопоставляется свое множество рекомендаций, причем мощность этого множества уменьшается по мере уточнения описаний, т.е. движения вниз от вершины дерева.

Так как иных принципиальных отличий при представлении ситуаций нет, далее будем рассматривать обобщенную ситуацию Sit , которая характеризуется одним признаком – той страницей сайта, на которой пользователь получает рекомендованный контент.

Будем считать, что в базовом представлении кейс есть пара <ситуация – множество рекомендаций >.

Формирование базы кейсов состоит в сопоставлении каждой Sit множества рекомендаций – компонентов данного сайта, отвечающих некоторым критериям близости с данной страницей. Для этого могут быть использованы разные методы определения сходства контента, см. например, [9].

Формальное представление кейса C есть пара $\langle Sit, \{R_i, i = 1, \dots, N\} \rangle$, где N - число рекомендаций, сопоставленных данной ситуации.

Традиционно в рекомендательных системах оценивается рейтинг или прогнозируется вероятность отклика на рекомендацию со стороны пользователя [1]. В условиях недостатка информации при работе с неидентифицированными пользователями предлагается использовать другую характеристику.

Сопоставим каждой i -й рекомендации относительную частоту выдачи в множестве рекомендаций из этого кейса: $\lambda_i = [0; 1]$, $\sum \lambda_i = 1$, тогда кейс можно представить, как $C = \langle Sit, \{\lambda_i, i = 1, \dots, N\} \rangle$, где значения λ_i на первоначальном этапе «холодного старта» заданы одинаковыми $\lambda_i = 1/N$.

5.2 Процедура адаптации.

В ходе адаптации кейсов выполняется пересчет $\lambda_i, i = 1, \dots, N$. Для этого вводится функция полезности рекомендаций $V(R_i)$ и предлагается итерационная процедура, оптимизирующая суммарную полезность кейса $V(R)$.

Функция полезности $V(R_i)$ отражает представление владельца сайта о той пользе, которую приносит рекомендация в контексте задач, возлагаемых на сам рекомендательный блок. Так, для проекта, который решает задачу улучшения поведенческих факторов поискового ранжирования, $V(R_i)$ может отражать целевую активность пользователя в ответ на данную рекомендацию. Для такого случая положим, что каждый переход на рекомендуемую страницу является полезным.

Тогда $V(R_i) = n_i/N_i$, где N_i – число генераций i -й рекомендации; n_i – число генераций, в результате которых совершено полезное действие – переход на рекомендованную страницу.

Процесс адаптации разбивается на стадии (итерации) $j = 0, 1, 2, \dots, M$, где при $j = 0$ – итерация «холодного старта», $C^0 = \langle \text{Sit}, \{\lambda^0, i = 1, \dots, N\} \rangle$, $\lambda^0_i = 1/N$ для всех i . Процедура адаптации максимизирует функцию полезности

$$V_i = \sum \lambda_i (n_i/N_i).$$

Решение этой задачи возможно на базе итерационных методов оптимизации, в частности, основанных на использовании градиента (см., например, [10]).

Для этого вводится следующая итерационная формула пересчета относительных частот после каждой j -й итерации:

$$\lambda^{j+1}_i = \lambda_j + t (n_i/N_i) / \| n_i/N_i \|,$$

где t – коэффициент скорости адаптации. Предложен следующий способ расчета t :

$$t = 0 \text{ при } (n_i/N_i) < w,$$

и

$$t = (n_i/N_i - w) / (1 - w) (r - 1) + 1 \text{ при } (n_i/N_i) \geq w.$$

Здесь w – порог неопределенности, который на начальном этапе задается равным 0,5; $r \geq 1$ – параметр, который задает скорость изменения t при превышении функцией полезности $V_i(R_i)$ порога неопределенности. Он влияет на чувствительность процедуры адаптации к изменению интересов пользователей, выраженных в изменении полезности на j -й итерации.

Последнее выражение есть участок прямой, проходящей через две точки – $(w, 1)$ и $(1, r)$, т.е. задает линейное возрастание t после преодоления функцией полезности i -й рекомендации заданного порога неопределенности

На вход следующей итерации передается нормированный вектор λ :

$$\lambda^{j+1} = \lambda^{j+1} / \sum_i (\lambda^{j+1}_i).$$

На основе полученных данных формируется блок рекомендаций для новой итерации, в который R_i включаются с найденной частотой показов.

6. Результаты и выводы.

Работоспособность предлагаемой итерационной формулы была проверена на имитационной модели. Исследование модели позволяет сделать следующие выводы.

Процесс адаптации обнуляет значение относительных частот для тех рекомендаций, полезность которых не превышает порога w . В результате такие рекомендации не будут показываться пользователю. Скорость «обнуления» зависит от r , и может потребовать от одной до двух-трех итераций.

В то же время существенное увеличение r (до 10 и более) приводит к гиперчувствительности, в результате чего наблюдаются резкие скачки частот λ при относительно небольшом изменении полезностей рекомендаций. Потому увеличение r может быть целесообразным на той начальной стадии адаптации – адаптации «холодного старта», которая предшествует обнулению частот у малополезных рекомендаций.

Обнуления частот не произойдет, если полезность каждой рекомендации из кейса на протяжении всех итераций ниже порога w . Этому сопутствует низкое значение суммарной полезности $V_i(R)$ на выходе j -й итерации V_i . Следовательно, есть возможность, задавая пороговое значение функции полезности $V_{\text{пор}}$, использовать практически важные условия:

- наблюдение $V_i(R) < V_{\text{пор}}$ после стабилизации вектора частот (λ_i) свидетельствует о низком качестве кейса и требует пересмотра множества рекомендаций;

- наблюдение $V_i(R) < V_{\text{пор.}}$ при $V_i^{-1} > V_{\text{пор.}}$, $V_i^{-2} > V_{\text{пор.}}$... свидетельствует о смене интереса пользователей. Изменение порога w в меньшую сторону позволяет в этом случае вернуться к быстрой адаптации «холодного старта» и пересмотру множества рекомендаций.

Этим же способом обеспечивается возможность добавления новых рекомендаций в множество $\{R_i\}$ при появлении на сайте нового контента.

7. Заключение.

Рассмотренный подход позволяет использовать базу кейсов для локализации множества рекомендаций, пригодных в той или иной ситуации. Сама база кейсов может быть первоначально сформирована на основе методов анализа сходства контента, в том числе, с учетом семантических связей между его компонентами. Процедура адаптации, оптимизирующая функцию полезности, позволяет управлять рекомендациями, учитывая интересы и цели владельца сайта.

Для дальнейшего развития можно предложить следующие направления решаемых задач:

- модернизация представления функции полезности рекомендаций, в том числе, постановка и решение многокритериальной задачи оптимизации полезности;
- разработка базы кейсов на основе деревьев ситуаций с доопределением ситуаций нижних уровней за счет введения новых признаков. Это позволит уменьшить объем множества $\{R_i\}$ и ускорить процессы адаптации кейсов, а также реализовать процедуры выбора в БК кейсов, пригодных для текущей ситуации;
- разработка моделей и процедур первоначального формирования кейсов и множеств $\{R_i\}$ на основе не только критериев сходства между компонентами контента, но и знаний о семантических связях между ними, а также иных знаний о предпочтениях пользователей и владельцев сайтов.

Решение этих задач позволит реализовать такую практически важную возможность, как использование кейсов, адаптированных на высокопосещаемом интернет-сайте для генерации рекомендаций на других сайтах со сходным контентом и низкой посещаемостью.

Список литературы:

1. Isinkaye F.O., Folajimi Y.O., Ojokoh B.A. Recommendation systems: Principles, methods and evaluation // *Egyptian Informatics Journal*. – 2015. – No.16. – PP. 261-273.
2. Глухих И.Н., Губин М.В. Оптимизация выдачи контента в динамическом Интернет-проекте на основе анализа выборов неидентифицированных пользователей // *Вестник Тюменского государственного университета*. – 2010. – №6. – С. 182-188.
3. Kolodner J. L. An Introduction to Case-Based Reasoning // *Artificial Intelligence Review*. – 1992. – No. 6. – PP.3-34.
4. Watson I.D., Marir F. Case-based reasoning: A review // *The Knowledge Engineering Review*. – 1994. – Vol. 9, No. 4. – PP. 355-381.
5. Варшавский П.Р., Еремеев А.П. Моделирование рассуждений на основе прецедентов в интеллектуальных системах поддержки принятия решений // *Искусственный интеллект и принятие решений*. – 2009. – №2. – С. 45-57.
6. Карпов Л.Е., Юдин В.Н. Методы добычи данных при построении локальной метрики в системах вывода по прецедентам // *Труды Института системного программирования РАН*. – 2007. – С. 21-31.
7. López de mántaras R. et al. Retrieval, reuse, revision, and retention in casebased reasoning // *The Knowledge Engineering Review*. – 2005. – Vol. 1-2.
8. Глухих И.Н. Представление знаний и вывод решений в ситуационных базах знаний // *Вестник Тюменского государственного университета*. – 2006. – №5. – С. 265-270.

9. Захаров В.Н. , Хорошилов А.А. Автоматическая оценка подобия тематического содержания текстов на основе сравнения их формализованных смысловых описаний // Труды XIV-ой Всероссийской научной конференции «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции». – RCDL'2012, г. Переславль-Залесский, Россия, 15-18 октября 2012 г. – 2012. – С.135-142.

10. Жилинская А., Шалтянис В. Поиск оптимума: компьютер расширяет возможности. – М.: Наука, 1989. – 128 с.

UDC 53 | DOI: 10.17809/0557468427-44

SELECTING THE OPTIMAL POWER MECHANICAL VIBRATIONS IN THE CREATION OF EMULSIONS

Krasiko, A. N^{1*}

1 Kyiv Polytechnic Institute, Kyiv, Ukraine.

* Corresponding author: Doc_hom2000@yahoo.com.

Citation: Krasiko, A. N. (2016). Selecting the optimal power mechanical vibrations in the creation of emulsions. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-44.

Received: February 16, 2016.

Accepted: March 19, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Krasiko, A. N.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

ВЫБОР ОПТИМАЛЬНОГО ИСТОЧНИКА МЕХАНИЧЕСКИХ КОЛЕБАНИЙ ПРИ СОЗДАНИИ ЭМУЛЬСИИ

Проанализировано создание эмульсии типа «масло-спирт» с использованием различных источников звука. Учтены преимущества и недостатки излучателей в соответствии с промышленными требованиями.

Ключевые слова: эмульсия; гидродинамический; пьезокерамический; магнитострикционный; излучатель.

Производство биодизельного топлива становится все более актуальным, так как жидкого горючего не зависит от изменяющихся цен на нефтепродукты. При производстве требуется создания эмульсии типа «масло-спирт», с последующим расслоением на топливо и глицерин. При создании эмульсии такого типа в промышленном масштабе, наиболее приоритетным является скорость, однородность и дешевизна получаемой смеси. Низкая стоимость должна обеспечиваться малыми потреблением энергии и низкой стоимостью оборудования.

Ультразвуковое эмульгирование позволяет получать высокодисперсные, практически однородные и химически чистые эмульсии. Для протекания ультразвукового эмульгирования необходима кавитация, условия возникновения и протекания которой определяют основные зависимости эмульгирования от интенсивности и частоты ультразвука, температуры, давления, наличия растворенных газов и т.п [1].

Выражение, описывающее кинетику ультразвукового эмульгирования с учетом протекания коагуляции, имеет вид:

$$\frac{d(Vc)}{dt} = A_{\alpha} - \beta VC^n$$

V - объем рассматриваемой эмульсии;

A_{α} - скорость образования дисперсной фазы;

βVC^n - скорость коагуляции;

C - концентрация;

n - показатель коагуляции, равный числу взаимодействующих частиц.

Для создания эмульсии с помощью механических колебаний, используют гидродинамические, пьезоэлектрические или магнитострикционные излучатели.

Гидродинамический излучатель

Работа гидродинамического излучателя основана на генерировании возмущений в жидкой среде в виде некоторого поля скоростей и давлений при взаимодействии вытекающей из сопла струи с препятствием определенной формы и размеров, либо при принудительном периодическом прерывании струи. Эти возмущения оказывают обратное действие на основание струи у сопла, способствуя установлению автоколебательного режима.

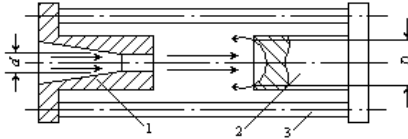

Рис. 1 Схема стержневого гидродинамического излучателя

1 - сопло; 2 - пластинка; 3 - точки крепления.

Пульсации кавитационной области создают переменные поля скоростей и давлений, которые возбуждают в стержнях 3 (рис. 1) изгибные колебания на их собственной частоте, что дает вклад в излучение, повышая его интенсивность и монохроматичность.

Гидродинамические излучатели генерируют упругие волны в результате возбуждения потоком жидкости стержней, пластин, мембран или в результате модуляции расхода струи. При этом существенный вклад в энергетику поля вносит сопутствующая первичная гидродинамическая и вторичная акустическая кавитация. Именно кавитация играет главную роль при создании эмульсии.

Гидродинамические излучатели способны излучать акустические колебания в широком частотном диапазоне: от 0,3 до 35 кГц с высокой интенсивностью. Общими преимуществами гидродинамических излучателей являются дешевизна получаемой акустической энергии, простота конструкций и их эксплуатации, а так же тот факт, что струя жидкости является в них, с одной стороны, генератором колебаний, а с другой - объектом озвучивания [1,2].

Пьезокерамический излучатель

Работа пьезоэлектрического излучателя основана на основе обратного пьезоэлектрического эффекта, при котором возникают вынужденные механические колебания в переменном электрическом поле. В случае излучения акустических волн высокой интенсивности, возникают места разрежения каверны, которые резко захлопываются после перехода в область повышенного давления, порождая сильные гидродинамические возмущения в жидкости, интенсивное излучение акустических волн. При этом, в

жидкости происходит разрушение поверхностей твёрдых тел, граничащих с кавитирующей жидкостью.

Создание больших производственных излучателей акустических волн, является проблематичным из-за того что резонансная частота тесно связана с размерами пьезоэлемента. Поэтому этот тип излучателя хорошо подходит для лабораторных исследований.

Пьезоэлектрические излучатели применяются для генерирования ультразвука с частотами от 200 Гц до 50 МГц, с акустической мощностью до 3-5 Вт/см² [3].

Магнитострикционный излучатель

Магнитострикционные излучатели обычно имеют вид сплошного или полого стержня с обмоткой, которую питает ток необходимой частоты. Материалами для стержня могут служить никель, нержавеющая сталь и некоторые сплавы (пермаллой, пермендюр и др.). Мощность излучения магнитострикционного излучателя зависит от мощности тока, проходящего по обмотке излучателя. В промышленных установках обычно находится несколько более крупных стержней. В жидкой среде ультразвуковые колебания образуются простым отпуском магнитострикционного излучателя в жидкость.

Колебания никелевого стержня передаются смеси, и через несколько секунд из нее образуется эмульсия. Под влиянием ультразвуковой кавитации жидкость перемешивается с такой силой, что над ее поверхностью появляются фонтанчики («холодное кипение» жидкости). Никелевые стержни при работе обычно сильно нагреваются, поэтому их охлаждают водой [4]. Что не дает возможности их использования на протяжении длительного времени.

Выводы

Магнитострикционные и пьезоэлектрические преобразователи в настоящее время используют только для исследовательских целей и при эмульгировании небольших объемов дорогостоящих веществ, т. е. в особо ответственных случаях. Энергетические затраты для этих преобразователей существенно превосходят затраты при использовании гидродинамических эмульгаторов. В то же время качество эмульсий, получаемых с помощью магнитострикционных и пьезоэлектрических преобразователей, значительно выше.

Список литературы:

1. Ультразвук / под ред. И.П. Голяминой. – М.: Советская Энциклопедия, 1979.
2. Бреховских Л.М., Гончаров В.В. Введение в механику сплошных сред. – М.: Наука, 1982.
3. Дидковский В.С., Лейко А.Г., Савин В.Г. Электроакустические пьезокерамические преобразователи. Учебное пособие. – Кировоград: Имекс ЛТД, 2006. – 448с.
4. TechLekForm - технология лекарственных форм [Электронный ресурс]: база содержит Описание, содержание, понятие технологии лекарственных форм [1997]. – Режим доступа: <http://techlekform.ru/zhidkie-lekarstvennyie-formyi/linimenta/ultrazvukovaya-kavitatsiya-dostigaetsya-s-pomoschyu-mehanicheskikh-i-elektromehanicheskikh-izlucha.html>. — Загл. с экрана.

METHODICAL BASIS FOR IMPROVING THE COMPLETE EXTRACTION OF SUBSURFACE RESOURCES DURING THE DEVELOPMENT OF ORE DEPOSITS

Tolobekova, B. T.^{1*}

1 Institute of Rock Mechanics and Exploration of Mineral Resources, Kyrgyz Academy of Sciences, Bishkek, Kyrgyzstan.

* Corresponding author: burulkant@bk.ru.

Citation: Tolobekova, B. T. (2016). Methodical basis of improving the complete extraction of subsurface resources during the development of ore deposits. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-45.

Received: February 13, 2016.

Copyright: Tolobekova, B. T.

Accepted: March 26, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on

Published: April 22, 2016.

Development of Scientific Cooperation LLC.

The article discusses a new methodological procedure of increasing the complete extraction of subsurface resources interconnected by a joint optimization of the entire complex, defining parameters of ore deposits in a single dynamic model. It is built on the principles of systemic and market incentives of all stakeholders, such as the state, investors, and the population.

Keywords: reserves; extraction of fullness; development options; joint optimization; dynamic model; performance criteria.

The continuous growth of the consumption of mineral resources in the national economy is the urgent need for a careful and economic use of our subsoil resources. The successful development of our economy, the growth of material well-being and the cultural level of the population depend on the effective use of mineral resources. Improving the use of mineral resources is one of the most important conditions for reducing material costs in any national economy. It contributes to improving the production structure and increases the return of fixed assets for enterprises.

The efficient use of available mineral resources means extracting all the existing components of the mineral in a particular area without losses and deterioration. In the common practice of mining operations, there are quantitative losses of minerals, which are characterized by the incomplete extraction of mineral resources and losses in the processing (Dronov & Tolobekova, 2003).

In the context of the increasing role of limited mineral reserves, as one may observe at the present stage, the task of the most complete extraction of mineral resources and their rational use is of great importance in the development of ore deposits. To prevent the possible depletion of reserves and the conservation of mineral resources, it is very important to respect the principle of the most complete extraction of basic and associated components of subsoil minerals (Gatov, 1975).

In this regard, in order to ensure the complete extraction of mineral resources and to enhance the economic efficiency of ore deposits and investments, I developed a methodical approach, described in this article. The main idea of this methodical approach is to provide a coherent, collaborative, and systemic optimization of the main parameters for the development of ore deposits into a single dynamic model.

Each deposit has its natural and economic potential, the full use of which might not be achieved in many cases. Therefore, this methodological approach (manual) includes mechanisms and practical techniques aimed at reaching the full use of the natural potential of ore deposits. It is built on the principles of systemic and market incentives of all stakeholders, such as the state, investors, and the population. It should be noted that in practice of the developed market economies, there is a main indicator of the efficiency of mining projects: the level of return on investment (internal rate of return (IRR) is the absolute efficiency criterion). In these countries, the main purpose of extracting the valuable minerals is to get profit.

The concept of economic efficiency in mining projects in Kyrgyzstan is related to the fact that the state is the owner of the country's subsoil (according to the Constitution of the Kyrgyz Republic). The main methodological difference of the proposed methodological approach is that the author considers the state as an equal mining business actor and recognizes its interest in the most complete and rational development of mineral resources. To achieve this goal, it is necessary to use comparative effectiveness criteria. At the same time, the dynamic market index called "net present value" (NPV) is the main criterion of the comparative effectiveness of integrated options for delineation and development of ore deposits.

Therefore, NPV is used as an optimization indicator and forms a structural basis of the dynamic model, which is designed specifically to enhance the completeness of mineral resource extraction. Moreover, in the methodological basis, the internal rate of return (IRR) is used as the most comprehensive indicator of absolute efficiency; it helps control the rate of return of invested capital. The total undiscounted profit, the value of balance sheet reserves, the repayment period, and the return on investments are used as additional performance indicators.

Thus, the combination of criteria, along with relative and absolute efficiency, is used to optimize the delineation of reserves and the development of ore deposits as proposed in the current methodology. With this methodological technique it is possible to move from a traditional form of evaluating different mining projects to a systemic study and targeted identification of potential and optimal areas. This makes it possible, as proved by practice, to increase the return on invested financial resources (even in several times) and, at the same time, to increase the amount of recoverable (economically viable) deposit reserves, achieving higher completeness of extraction and processing of minerals.

The solution of this problem should be based on a system of technical and economic optimization of the main parameters of interdependent development of mineral deposits. In turn, the optimization procedure should be based on a sufficiently complete and accurate reflection in the calculation of their geological and technical features: structural and morphological complexities, a degree of exploration, economic values of extraction, a construction period, a design capacity, technological improvements, etc. (Gatov, 1975).

At the same time, the procedure of involving large and naturally separated excavation units is the first step to improve the completeness of extraction of mineral resources. In the future, the differentiation of conditions will be an important next step. In this way, the main idea of the development of mineral deposits is a unilateral differentiation of conditions on reserves. (Unilateral differentiation: a condition value according to the usage period decreases, i.e. $C_0 \geq C_{cp} = C_k$; bilateral differentiation: a condition value increases at the beginning of each operating unit but decreases later, which allows to develop part of additional reserves, i.e. $C_0 \geq C_{cp} \geq C_k$).

Thus, the objective functional for joint optimization of the main parameters of development of deposits in the proposed methodology can be considered in the following system:

$$\begin{aligned} R(B, A, W^{\otimes}, V^{\otimes}, T_c, \delta) &\rightarrow \max \\ IRR(B^{\circ}, A^{\circ}, W^{\circ}, V^{\circ}, T_c^{\circ}, \delta) &\geq E_n, (1) \end{aligned}$$

where B, A – balance reserves (with delineation options) and corresponding capacities of the enterprise;

$\langle W^{\otimes}, V^{\otimes} \rangle$ – sets of rational exploration technologies and organizational orders of mining stocks with different quality;

δ – a degree of differentiation in mining conditions per years;

T_c – a construction period of an enterprise, depending on capacity and a project management system;

E_n – an acceptable level of return on capital for the investor and the owner.

The “O” index is a complex of jointly optimized parameters. The functional (1), complicated with a system of relations between the parameters, creates a dynamic optimization model.

According to (1), a detailed optimization model is the sum of the discounted annual income less capital and operating expenses for the entire lifetime of the project. The NPV effect is expressed as a function from the variables according to delineation options B , production capacity A , and the initial C_o and final C_k content of such kinds of stocks:

$$R(B, A, C_o, C_k) = \frac{1}{(1+E)^{T_c}} \sum_{t=1}^T \frac{A \cdot U \cdot \left[C_o \cdot K_k \cdot \varphi - \Delta M \cdot \left(-0.5 \cdot \frac{3}{z} \cdot A \right) \right]}{(1+E)^t} - \sum_{t=1}^T \frac{K_t}{(1+E)^t} \rightarrow \max \quad (2)$$

where T_c – an enterprise development period;

T – a deposit extraction period;

ΔM – an annual pace of reduction in metal ores extracted from 1 ton;

$$\Delta M = C_o \cdot K_k \cdot \varphi_o - C_k \cdot K_k \cdot \varphi_k$$

K_k – a quality factor ratio while extracting ore;

φ – a metal recovery ratio in beneficiation and metallurgical processing;

3 – specific operational mining costs and processing per 1 tone of ore;

K_t – annual capital investments;

E – a discount rate;

U – metal unit price.

It is possible to calculate technical and economic indicators of the basic variant of extraction, which are used in the optimization phase due to the expanded model and the direct design method.

To move to a purposeful study of potentially optimal area by integrating (2), there is a three-dimensional analytical model of the net value of deposits – NPV:

$$NPV = \Delta I_{o,d} - \Delta I_o - S_o - K_o = M_o \cdot U \cdot A \cdot \alpha_1 \cdot \beta_2 - \Delta M \cdot U \cdot A \cdot \alpha_1 \cdot \gamma_2 - S \cdot \alpha_1 \cdot \beta_2 \cdot T^{-1} - K \cdot \beta_1 \cdot T^{-1} \rightarrow \max \quad (3)$$

$$M_o = K_k \cdot \varphi_o \cdot C_o, M = K_k \cdot \varphi \cdot C, C = a_c - \epsilon_c \cdot B + \frac{d_c}{B}, \Delta M = \frac{2(M_o - M)}{T}$$

$$T = \frac{Q}{A}, T_c = a_T - \theta_T \cdot A, 3 = 3 \cdot A = a_3 + \theta_3 \cdot A, z = z_o \cdot \left(\frac{A}{A_o} \right)^{n_1}, S = 3 \cdot T = \left(\frac{a_2 + \theta_2}{A} \right) \cdot Q,$$

$$K = a_{\kappa} + \epsilon_{\kappa} \cdot A, \quad K = K_{\delta} \cdot \left(\frac{A}{A_{\delta}} \right)^{n_2}, \quad \alpha_1 = \left(\frac{1}{1+E} \right)^{T_c}, \quad \alpha_2 = \left(\frac{1}{1+E} \right)^T,$$

$$\beta_1 = \frac{\left(\frac{1}{1+E} \right)^{T_c} - 1}{E \cdot \left(\frac{1}{1+E} \right)^{T_c}}, \quad \beta_2 = \frac{\left(\frac{1}{1+E} \right)^T - 1}{E \cdot \left(\frac{1}{1+E} \right)^T}, \quad \epsilon = 1 + E, \quad Q = B \cdot \frac{K_n}{K_{\kappa}}$$

$$\gamma_2 = \left[\left(\frac{1}{1+E} \right)^{-1} - 1 \right] \cdot \left[-T \cdot E \cdot E^{-2} \cdot \alpha_2 - 0,5 \cdot \beta_2 \right]$$

where $\Delta_{o,d}$ - Δ_{d} - a total discounted income from sales;

S_d - total discounted operating costs;

K_d - discounted capital investments;

B - delineation options;

Q - extractable reserves, taking into account a coefficient of mineral extraction K_n and changes in the quality K_{κ} ;

$C_{cp} = C$ - an average metal content in delineated stocks B ;

C_o - a content in rich reserves, being handled in the first place;

M - a metal output from 1 ton of ore;

ΔM - an average annual rate of declining in metal output (linear dependence);

$3_b, 3_p$ - annual operating costs for basic and possible options;

K_b, K_p - total capital investments in basic and possible options;

n_1, n_2 - indicators of power connections in functions of operating and capital costs;

α_1, α_2 - discount coefficients;

β_1, β_2 - annuity coefficients;

γ_2 - integral discount coefficients;

a, ϵ, d - constant parameters in coupling equation.

References

- Dronov, N. V., & Tolobekova, B. T. (2003). *Optimizatsionnaya otsenka gornyykh proyektov v sovremennykh usloviyakh*. Bishkek: Ilim. (In Russian).
- Gatov, T. A. (1975). *Ekonomicheskaya otsenka mestorozhdeniy tsvetnykh metallov*. Moscow: Nedra.
- Tolobekova, B. (2013). Metod sistemnoy optimizatsii otrabotki mestorozhdeniy poleznykh iskopayemykh, obespechivayushchiy povysheniya polnoty izvlecheniya zapasov iz nedr. *Gornyy zhurnal Kazakhstana*, 11, 50-52. (In Russian).

DISTRIBUTION LAWS OF ATMOSPHERIC CHANNELS METEOROLOGICAL VISIBILITY RANGE OF OPEN OPTICAL TRANSMISSION SYSTEMS

Tuychiev, B. O.^{1*}

1 Karshi Branch of Tashkent University of Information Technologies, Karshi, Uzbekistan.

* Corresponding author: bekozod2702@mail.ru.

Citation: Tuychiev, B. O. (2016). Distribution laws of atmospheric channels meteorological visibility range of open optical transmission systems. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-46.

Received: February 19, 2016.

Accepted: March 23, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Tuychiev, B. O.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Approximating equations of integral function of meteorological visibility range distribution, which are necessary in designing of open optical transmission systems, obtained by the method of statistical data processing received from airport's meteorological stations are presented.

Key words: open optical transmission systems; kilometric attenuation; analytical functions; reliability.

Introduction. Generally, while distributed in the atmosphere, the optical wave's energy attenuation in open optical transmission systems (OOTS) is caused by the molecular and aerosol absorption as well as dispersion, which are significantly higher than the attenuation caused by turbulence and radial wave pressure on atmospheric aerosols. Total attenuation value caused by all factors listed above as well as its statistical characteristics is important for OOTS calculations.

Problem statement. It is known [1] that energy losses in OOTS consist of two components: constant and variable, which is defined by changes in atmospheric transparency depending on meteorological conditions. As a rule, the value of constant component is known for a specific region; therefore, the detection of wave energy attenuation caused by changes in atmospheric transparency due to the presence of aerosols is the main issue for OOTS design. Thus, determination of statistical characteristics of optical radiation attenuation depending on atmospheric conditions is practical. This in turn determines the reliability of OOTS.

Solution. Quantitative estimation of atmosphere transparency is determined by meteorological visibility range (MVR) [2, 3]. Therefore, the MVR data continuously collected at meteorological stations are used for regional statistical attenuation values in atmospheric optical channel (AOC).

Statistical MVR data collected at meteorological station at Tashkent airport as well as some established their statistical characteristics are published in the paper [4, 5]. Sample size (total observation time) was 26,280 hours (three years: 2004, 2006, and 2008). In accordance with International Civil Aviation Organization (ICAO), all monitored MVR values were divided into 11 intervals: 0-0.45; 0.45-0.7; 0.7-1.1; 1.1-1.3; 1.3-1.5; 1.5-2.2; 2.2-3.0; 3.0-3.5; 3.5-4.1; 4.1-7.0; 7.0-10.0. The chosen intervals are detailed enough and allow collecting data with frequency that is acceptable for practical calculations to assess the impact of atmospheric transparency on OOTS functionality. Further, the hitting probabilities S_m into appropriate interval

throughout the year as well as average data of hitting probability during the all observation time were calculated.

To clarify possible changes in climatic conditions in the region, additional statistical data were collected at meteorological station at the Tashkent airport for the year of 2011. The data processed as MRV integral distribution functions (IDF) – $F(S_m)$ monthly, are in agreement with those results obtained previously in [5].

Table 1 shows the $F(S_m)$ as monthly average MRV IDF for Tashkent from 2004 to 2011.

Using the data from Table 1 and known formulas in [6], the value of mathematical expectation $m(S_m)$ and dispersion $\sigma^2(S_m)$ of random variable S_m were calculated (See Table 2). The analyses of data in Table 2 shows that maximum transparency of atmosphere is observed from April until September and minimum is observed in December and January. Seasonal changes in the magnitude $m(S_m)$ and $\sigma^2(S_m)$ are monotonic, where the small value $m(S_m)$ corresponds to the great value of $\sigma^2(S_m)$.

Due to various reasons, the analytical description of MRV empirical distributions was not logically completed. Therefore, let us consider perspectives of showing obtained empirical functions of MRV distribution for Tashkent region in the form of analytical equations.

There are various methods for obtaining analytical relationships. According to preliminary data, the most appropriate method is the equalization method of ordinates, which we are going to use.

The equalization method of ordinates [7] considers that the best approximation of analytical relationship to the empirical is in meeting the following requirement: analytical relationship “passes” through given empirical points.

For the case of one variable function, the mathematical formulation of the problem is a necessary definition of unknown parameters a_i where $(i=1,2, \dots, k)$; functions $y = \varphi(x, a_1, a_2, \dots, a_k)$ with the requirement that with arguments x_1, x_2, \dots, x_k the function values become y_1, y_2, \dots, y_k respectfully.

Table 1. Monthly MRV IDF in Tashkent.

S(km)		10	7	4,1	3,5	3	2,2	1,5	1,3	1,1	0,7	0,45
Month	I $F(S_m)$	1,0	0,70	0,58	0,54	0,34	0,28	0,25	0,16	0,10	0,04	0,02
	II $F(S_m)$	1,0	0,47	0,35	0,33	0,18	0,14	0,12	0,06	0,04	-	-
	III $F(S_m)$	1,0	0,22	0,10	0,08	0,05	0,03	0,02	0,01	-	-	-
	IV $F(S_m)$	1,0	0,17	0,08	0,06	0,03	-	0,02	-	-	-	-
	V $F(S_m)$	1,0	0,04	0,01	-	-	-	-	-	-	-	-
	VI $F(S_m)$	1,0	0,02	0,02	0,02	-	-	-	-	-	-	-
	VII $F(S_m)$	1,0	0,01	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	VIII $F(S_m)$	1,0	0,04	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	IX $F(S_m)$	1,0	0,05	0,01	0,01	-	-	-	-	-	-	-
	X $F(S_m)$	1,0	0,21	0,12	0,10	0,06	-	-	-	-	-	-
	XI $F(S_m)$	1,0	0,49	0,32	0,29	0,18	0,06	0,04	0,02	0,02	-	-
	XII $F(S_m)$	1,0	0,73	0,63	0,56	0,38	0,31	0,26	0,19	0,13	0,05	0,03
Annual	$F(S_m)$	1,0	0,26	0,18	0,16	0,11	0,08	0,07	0,05	0,04	0,02	0,01

Table 2. Mathematical expectation $m(S_m)$ and dispersion of random variable S_m .

Month	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	Av. year
$m(S_m)$	5.26	7.07	8.94	9.18	9.85	9.68	9.97	9.88	9.82	8.93	7.33	4.94	8.4
$\sigma^2(S_m)$	12.6	11.7	4.95	4.37	0.59	0.72	0.12	0.34	0.75	5.00	9.88	12.1	7.98

The problem is solved in the following sequence:

1. The y and x dependency graph is created based on plotted experimental data.

2.To “equalize” empirical dependency, an appropriate type of analytical relationship $\varphi(x, a_1, a_2, \dots, a_k)$ is chosen.

3.Depending on parameters type that defines analytical relationship (k) , the “ k ” of points though

which is the curve $y = \varphi(x, a_1, a_2, \dots, a_k)$ will pass is selected. Thus, it is necessary to avoid small intervals between adjacent points as well as exclude points with unreliable values in order to get the best accuracy of approximation.

4.Values (x_i, y_i) for each selected point are inserted in the chosen equation

$y_i = \varphi(x, a_1, a_2, \dots, a_k)$. As a result, we receive k equations with k unknowns a_1, a_2, \dots, a_k

5.Defining them from k -equations and inserting in selected analytical relationship

$y = \varphi(x, a_1, a_2, \dots, a_k)$ will result in the formula of analytical relationship $y = \varphi(x, a_1, a_2, \dots, a_k)$.

After processing data from Table 1 by using the equalization method of ordinates, three empirical functions have been chosen: linear, quadratic, and exponential.

The empirical dependencies $F(s_m)$ for the months of November, December, and January correspond to quadratic function. Other months correspond to the exponential function. Annual average empirical integral function of distribution $F(s_m)$ inclusive to up to $s_m=7$ km corresponds to linear function.

Let us consider the derivation method of quadratic function for January and exponential function for March for $F(s_m)$.

Following the solution using the equalization method of ordinates according to the data from Table 1 for January and March, we plot graphs of empirical dependency $F(s_m)_{emp}$. Empirical dependency $F(s_m)_{emp}$ corresponds to the month of January of quadratic function and to the month of March of exponential function. Then analytical functions for January and March are:

$$F(s_m)_{an} = a + bs + cs^2 \text{ accordingly, (1)}$$

whereas c should be less than 0 according to experimental values ($c < 0$)

$$F(s_m)_{an} = a^{s-b}, \tag{2}$$

whereas the function indicator is equal $s - b$, instead of $s + b$, because in experimental values the graph of exponential function on the axis of abscises $O s_m$ shifts to the right by b units.

There are three unknown values a, b , and c in the equation (1) and two unknown values a and b in the equation (2).

In order to define values a, b , and c , it is necessary to select three points of $F(s_m)$ with values $F_1(s_m), F_2(s_m), F_3(s_m)$ and compose three equations.

In order to define values a and b from the equation (2), it is necessary to select two points of $F(s_m)$ with values $F_1(s_m), F_2(s_m)$ and compose two equations.

Let us look at the derivation of analytical expression for $F(s_m)$ for January.

We select three values $F(s_m)$:

$$s_{m1}=2; F_1(2) = 0.25$$

$$s_{m2}=5; F_2(5) = 0.64$$

$$s_{m3}=7; F_3(7) = 0.8.$$

and compose three equations

$$\left. \begin{aligned} a + 2b + 4c &= 0.25 \\ a + 5b + 25c &= 0.64 \\ a + 7b + 49c &= 0.8 \end{aligned} \right\} \quad (3)$$

We can solve the equation (3) applying Kramer's method

$$a = \frac{\Delta_a}{\Delta}; \quad b = \frac{\Delta_b}{\Delta}; \quad c = \frac{\Delta_c}{\Delta}$$

$\Delta, \Delta_a, \Delta_b, \Delta_c$ - determinants.

$$\Delta = \begin{vmatrix} 1 & 2 & 4 \\ 1 & 5 & 25 \\ 1 & 7 & 49 \end{vmatrix} = 30;$$

$$\Delta_a = \begin{vmatrix} 0.25 & 2 & 4 \\ 0.64 & 5 & 25 \\ 0.8 & 7 & 49 \end{vmatrix} = -3.3$$

$$\Delta_b = \begin{vmatrix} 1 & 0.25 & 4 \\ 1 & 0.64 & 25 \\ 1 & 0.8 & 49 \end{vmatrix} = 6;$$

$$\Delta_c = \begin{vmatrix} 1 & 2 & 0.25 \\ 1 & 5 & 0.64 \\ 1 & 7 & 0.8 \end{vmatrix} = -0.3$$

$$a = \frac{\Delta_a}{\Delta} = -\frac{3.3}{30} = -0.11;$$

$$b = \frac{\Delta_b}{\Delta} = \frac{6}{30} = 0.2;$$

$$c = \frac{\Delta_c}{\Delta} = -\frac{0.3}{30} = -0.01$$

$$F(s_m) = -0.11 + 0.2s_m - 0.01s_m^2. \quad (4)$$

Analytical values of function $F(s_m)$ obtained from equation (4) are illustrated in Table 3.

Now, we will deduce the formula for integral distribution function $F(s_m)$ that describes changes of $F(s_m)$ depending on meteorological visibility range s_m in March.

Following the equation (2) we need to determine two unknowns a and b . Therefore, we select two values $F_1(s_{m1})$ and $F_2(s_{m2})$ depending on s_{m1} and s_{m2} accordingly and compose two equations

$$s_{m1}=3, F_1(3)=0.05$$

$$s_{m2}=7, F_2(7)=0.22$$

$$\left. \begin{aligned} a^{3-b} &= 0.05 \\ a^{7-b} &= 0.22 \end{aligned} \right\} \quad (5)$$

and take logarithm of both parts of the equation.

$$\left. \begin{aligned} (3-b) \lg a &= \lg 0.05 \\ (7-b) \lg a &= \lg 0.22 \end{aligned} \right\} \quad (6)$$

$$\left. \begin{aligned} (3-b) \lg a &= -1.301 \\ (7-b) \lg a &= -0.6576 \end{aligned} \right\} \quad (7)$$

now, we divide the first equation by the second

$$\frac{3-b}{7-b} = 1.9784 \quad (8)$$

and obtain $b=11.1$; $a=1.45$.

Hence,

$$F(s_m) = (1.45)^{s_m^{-11.1}} \quad (9)$$

Expression (9) defines analytical relationship $F(s_m)$ which is presented in Table 3.

Analytical relationships $F(s_m)$ for other months were similarly determined. Their calculation results were also presented in Table 3.

The annual analytical relationship for $F(s_m)_{a.a. analit}$ has been determined as well. The expression is as follows:

$$F(s_m)_{a.a. analit} = 0.038s \quad (10)$$

Expression (10) represents linear relationship of $F(s_m)_{aver}$ from s_m .

For estimation of approximation accuracy we compared experimental values $F(s_m)_{a.a.exp}$ and values $F(s_m)_{a.a.analit}$ that were determined from expression (10). Values $F(s_m)_{a.a.exp}$ were plotted on the graph according to (10) and the deviations $|\Delta| \%$ of $F(s_m)_{a.a.exp}$ from $F(s_m)_{a.a.analit}$ for $s_m=0.45 \div 7$ were calculated. Data are presented in Table 4.

Thus, an error for the average annual value $F(s_m)_{a.a.analit}$ is $|\Delta|_{cp} \%$ = 0.38 % at 99.33% reliability or $\rho = 0.9933$ for an interval $s_m = 0.45 \div 7$ km. (As a rule, the connection range of modern OOTS' is no more than 7 km).

In the conclusion, we note that the analysis of data in Tables 3 and 4 shows the good convergence of the obtained analytical and empirical relationships. Reliability ρ is:

for December - $\rho = 0.956 - s_m = 0.45 \div 10$ km;

for January - $\rho = 0.955 - s_m = 0.45 \div 10$ km;

for February - $\rho = 0.961 - s_m = 1.1 \div 10$ km;

for average annual values - $\rho = 0.9933 - s_m = 0.45 \div 7$ km.

Table 4. Values $F(s_m)_{a.a.exp}$ and $F(s_m)_{a.a.analit}$ and deviations $|\Delta| \%$.

s_m KM	0,45	0,7	1,1	1,3	1,5	2,2	3	3,5	4,1	7	$\Delta_{sp} \rho$
$F(s_m)_{c.ex.year}$	0,01	0,02	0,04	0,05	0,07	0,08	0,11	0,16	0,18	0,26	$\Delta_{sp}=0,38\%$ $\rho=0,9933$
$F(s_m)_{c.an.year}$	0,017	0,026	0,042	0,049	0,057	0,0836	0,114	0,133	0,156	0,266	
$ \Delta $	0,007	0,006	0,002	0,001	0,013	0,0036	0,004	0,027	0,024	0,006	
$ \Delta \%$	0,7	0,6	0,2	0,1	1,3	0,36	0,4	2,7	2,4	0,6	

Table 3. Analytical representation of MRV IDF for Tashkent.

S(km)		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Analytic form	
Months	I	$F_1(S_m)$	0,08	0,25	0,4	0,53	0,64	0,73	0,8	0,85	0,88	0,89	$F(S_m)=-0,11+0,2S_m-0,01S_m^2$
	II	$F_2(S_m)$	0,11	0,14	0,18	0,23	0,29	0,37	0,47	0,6	0,76	0,94	$F(S_m)=(1,272)^{S_m-10,1422}$
	III	$F_3(S_m)$	0,024	0,035	0,05	0,072	0,104	0,15	0,22	0,32	0,46	0,66	$F(S_m)=(1,45)^{S_m-11,1}$
	IV	$F_4(S_m)$	0,016	0,025	0,04	0,063	0,1	0,16	0,25	0,39	0,56	0,99	$F(S_m)=(2,986)^{S_m-10,0261}$
	V	$F_5(S_m)$	0,0025	0,004	0,006	0,012	0,016	0,026	0,04	0,06	0,13	0,16	$F(S_m)=(1,585)^{S_m-13,96}$
	VI	$F_6(S_m)$	0,001	0,0045	0,005	0,008	0,015	0,0142	0,02	0,028	0,04	0,057	$F(S_m)=(1,415)^{S_m-18,26}$
	VII	$F_7(S_m)$	0,0009	0,0013	0,002	0,003	0,0045	0,0066	0,01	0,015	0,022	0,033	$F(S_m)=(1,462)^{S_m-18,44}$
	VIII	$F_8(S_m)$	0,0036	0,0056	0,0065	0,013	0,023	0,032	0,048	0,074	0,13	0,17	$F(S_m)=(1,536)^{S_m-14,073}$
	IX	$F_9(S_m)$	0,002	0,003	0,006	0,01	0,0171	0,03	0,049	0,085	0,146	0,25	$F(S_m)=(1,709)^{S_m-12,59}$
	X	$F_{10}(S_m)$	0,032	0,044	0,06	0,082	0,11	0,15	0,21	0,29	0,39	0,54	$F(S_m)=(1,368)^{S_m-11,983}$
	XI	$F_{11}(S_m)$	0,013	0,094	0,17	0,25	0,32	0,39	0,45	0,51	0,57	0,63	$F(S_m)=-0,07+0,085S_m-0,0015S_m^2$
	XII	$F_{12}(S_m)$	0,17	0,32	0,45	0,56	0,65	0,73	0,77	0,82	0,85	0,87	$F(S_m)=-0,007+0,174S_m-0,009S_m^2$

References:

1. Милютин Е.Р., Гумбинас А.Ю. Статистическая теория атмосферного канала оптических информационных систем. – М.: Радио и связь, 2002. – 253 с.
2. Зуев В.Е. Прозрачность атмосферы для видимых и инфракрасных лучей. – М.: Сов. радио, 1966. – 316с.
3. Abele J, Raidt H, Hohn D.H. Studies on the influence of meteorological parameters on atmospheric laser transmission // Optica Acta. – 1980. – 27(10). – PP. 1445-1464.

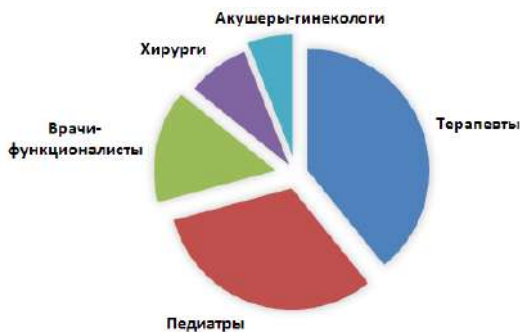

Рисунок 1. Распределение респондентов по специальности, Иссык Кульская область, Кыргызстан, 2014г, n=135.

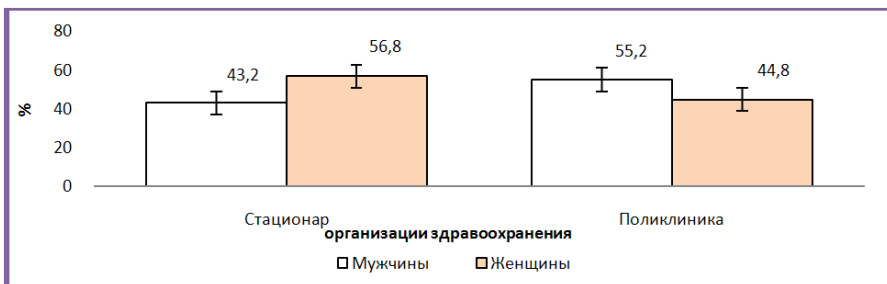

Рисунок 2. Гендерное распределение врачей по типу организаций здравоохранения, Иссык Кульская область, Кыргызстан, 2014г, n=135.

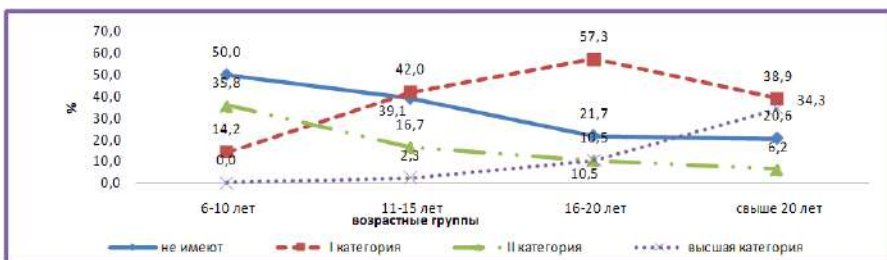

Рисунок 3. Наличие квалификационных категорий у респондентов в зависимости от стажа работы, Иссык Кульская область, Кыргызстан, 2014г, n=135.

Таблица 1. Частота и характер смены специальностей респондентов, Иссык Кульская область, Кыргызстан, 2014г, n=135, %.

Врачебные специальности	Меняли на профиль специальности					Всего	
	Терапевт.	Хирург.	Акушерско-гинеколог.	Педиатр.	Др. узкие лечебные специ.		Прочие специ.
Терапевты	45,0	0,0	0,0	10,0	25,0	20,0	100
Хирурги	9,1	36,4	4,5	4,5	27,3	18,2	100
Акушер-гинекологи	20,0	0,0	40,0	0,0	20,0	20,0	100
Педиатры	8,3	8,3	0,0	25,0	25,0	33,3	100
Врачи других	33,3	9,1	4,0	14,1	26,3	13,1	100

Таблица 2. Сведения о работе по совместительству врачей, Иссык Кульская область, Кыргызстан, 2014г, n=135, %.

Варианты ответов	Врачебные специальности						Всего
	Терапевты	Хирурги	Акушер-гинекологи	Педиатры	Врачи узких лечебных специальностей	Врачи прочих специальностей	
Не имеют совместительства	61,9	63,4	68,6	65,4	71,6	68,9	61,4
Имеют совместительства	38,1	36,6	31,4	34,6	28,4	31,1	38,6
По основному месту работы	54,5	57,9	47,6	70,7	34,8	56,3	50,8
В другой бюджетной медицинской организации	16,4	26,3	19,0	19,5	38,0	27,1	26,8
В частной медицинской организации	16,4	26,3	19,0	19,5	38,0	27,1	26,8
В структуре, не связанной с медициной	12,7	7,9	4,8	7,3	9,8	2,1	8,1
Итого	100	100	100	100	100	100	100

UDC 616 | DOI: 10.17809/0557468427-47

HERNIA RECURRENCE AFTER PROSTHETIC PLASTIC

Kalish, Yu. I.,¹ Ametov, L. Z.,¹ Khan, G.V.,¹

Shayusupov, A. R.,¹ & Yigitaliev, S. Kh.^{1*}

¹ The Republican Specialized Surgery Centre named after academician V. Vakhidov, Tashkent, Uzbekistan.

* Corresponding author: anvar76@list.ru.

CrossMark

Citation: Kalish, Yu. I., Ametov, L. Z., Khan, G.V., Shayusupov, A. R., & Yigitaliev, S. Kh. (2016). Hernia recurrence after prosthetic plastics. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-47.

Received: February 16, 2016.

Copyright: Kalish, Yu. I., Ametov, L. Z., Khan, G.V., Shayusupov, A. R., & Yigitaliev, S. Kh.

Accepted: March 21, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

В связи с широким использованием синтетических сеток при лечении грыжи число рецидивов уменьшилось, однако проблема не исчезла и стала острее. Одной из главных причин возврата грыжи после протезирования брюшной стенки являются нарушения техники выполнения операции и инфекции. Мы выделяем четыре типа постпротезных грыж: парапротезная грыжа, подпротезная грыжа, полный рецидив грыжи, внепротезная грыжа. Наблюдали 52 пациента. Рецидив развился спустя 3 - 7 лет после операции. Тактика хирургического лечения зависела от характера постпротезной грыжи.

Проведено гистологическое изучение биопсийного материала. Исследования показали, что имеет место слияние фрагментов сетки в массивные конгломераты (сморщивание протеза). При этом указанные конгломераты окружены общей соединительнотканной капсулой с выраженной воспалительной реакцией в виде скопления преимущественно круглоклеточных элементов, что свидетельствует об активном рубцовом процессе. Среди клеток инфильтрата доминируют лимфоциты и зрелые плазматические клетки. Иногда после длительного воздействия химических препаратов во время лечения свищей на поверхности фрагментов удаленных протезов выявляются дефекты в виде полостей гребней и выступов. В этих участках фрагменты сетки нередко сливаются друг с другом. При длительно существующих кожно-протезных свищах в сочетании с рецидивом грыжи наблюдается деградация протеза, характеризующаяся его разрушением, появлением изломов и трещин, на участках ткани вокруг протеза могут вегетировать колонии микроорганизмов и грибов, что свидетельствует о вторичном инфицировании.

Ключевые слова: постпротезные грыжи; рецидив грыжи; удаление протеза.

Введение. Распространение протезной герниопластики, особенно при обширных, гигантских по размеру грыжах, способствовало существенному снижению рецидивов заболевания, но не позволило избавиться от этого. Причины возврата заболевания заключаются в нескольких факторах. Во-первых, это нарушение техники операции, неправильный подбор размеров сетки, использование плетеных нитей [1, с. 35; 6, с. 680; 8, с. 856; 9, с. 249]. Во-вторых, неустранение раневой инфекции в ране и тем более в зоне имплантации сетки [1, с. 36; 2, с. 141; 4, с. 12]. И в-третьих, сморщивание сетки и ее последующая миграция [3, с. 109; 5; 7].

Анализ литературы и наш опыт позволили выделить следующие варианты рецидивов грыж после протезной герниопластики.

Парапротезная грыжа. Когда грыжа выходит из под какого либо края протеза (справа, слева, сверху, снизу). Причиной является отрыв имплантата. Как правило, грыжевой дефект имеет небольшой размер: до 5-7 см. в длину и 4-5 см шириной.

Подпротезная грыжа. Фиксация протеза по его периметру к апоневрозу не нарушена. Грыжевой мешок и дефект находятся под протезом. Рецидив наступает обычно после корректирующей операции с использованием тканей грыжевого мешка.

Полный рецидив грыжи. Протез полностью оторван и сморщен, находится над грыжевым выпячиванием, на поверхности грыжевого мешка. Неправильно выбран размер протеза для имплантации. Грыжевой дефект за пределами протеза.

Внепротезная грыжа. Грыжевое выпячивание расположено вне зоны имплантации протеза. Грыжевые ворота - дополнительный дефект, пропущенный во время предыдущей операции или вновь образовавшийся.

Постпротезная грыжа с наличием кожно-протезного свища. Причина образования свища - это длительно существующая и неадекватно пролеченная серома. Использование плетеных нитей для фиксации сетки (шелк, лавсан, и др.).

Материал и методы исследования. В отделении общей и лазерной хирургии РСЦХ им акад. В.Вахидова с 2003-2015гг в плановом порядке выполнено 1374 протезных пластик. С 2007г по 2015 г наблюдалось 52 (3,8%) пациентов (мужчин-16, женщин-36) с осложнениями (рецидив, кожно-протезный свищ) после ранее выполненной протезной пластики. По поводу послеоперационной грыжи ранее оперировано – 44, паховой – 7, пупочной – 1. В 45 случаях ранее выполнялась пластика полипропилен-

новым имплантатом способом "onlay". У 7 пациентов с паховой грыжей – операция Лихтенштена. Рецидив развился спустя 3-7 лет после протезной пластики.

Из 52 оперированных пациентов с постпротезными грыжами у 35 во время операции обнаружен отрыв по одному из краев протеза, в формировании грыжевого мешка принимала участие ранее имплантированная сетка. В 2 случаях имплантат был фиксирован по всему периметру с наличием грыжевого выпячивания под ним. Полный отрыв протеза наблюдался в 1 случае, когда сморщенный протез находился на поверхности грыжевого выпячивания. Вновь образовавшиеся грыжи были у 3 пациентов в стороне от имплантированной сетки. В 8 случаях при наличии кожно-протезного свища обнаружено образование полости под протезом и отсутствие интеграции его с тканями на значительном участке. У 3 пациентов имело место образование лигатурного конгломерата с наличием фибрина и гнойного детрита (клубок шелковых лигатур расположенный под протезом).

Полное удаление старого протеза и реимплантация нового выполнена у 22 пациентов, использование ранее установленной сетки с подшиванием края протеза в край грыжевых ворот выполнено в 11 случаях, у 5 больных вновь образовавшийся дефект был ушит с имплантацией новой сетки поверх старой в виде вставки. При внепротезной грыже у 3 пациентов выполнена имплантация нового протеза с фиксацией к ранее установленному.

При наличии кожно-протезных свищей выполнены следующие операции: у 7 пациентов был полностью удален старый протез и имплантирован новый в условиях контаминации раны. На этапах удаления протеза и имплантации нового использован углекислотный лазер Скальпель 1» в расфокусированном режиме. В 4 случаях в связи с развитием выраженной фиброзной капсулы выполнена аутопластика.

Результаты исследования. Проведено изучение удаленных во время хирургического вмешательства участков ранее имплантированной сетки вместе с прилежащими тканями.

Светооптические исследования показали, что зачастую имеет место слияние фрагментов сетки в массивные конгломераты (сморщивание протеза). При этом, указанные конгломераты окружены общей соединительнотканной капсулой с выраженной воспалительной реакцией в виде скоплений преимущественно круглоклеточных элементов что свидетельствует об активном рубцовом процессе (Рис.1) Эти образования встречаются, как на границе мышцы с апоневрозом, так и в толще самого апоневроза и в жировой ткани (Рис.2). Нередко вокруг полостей, сформированных волокнами сетки, определяются выраженные скопления соединительнотканых клеток, представляющих собой воспалительные инфильтраты. Чаще воспалительные инфильтраты вокруг полостей, сформированных волокнами сетки, встречаются в мышечной ткани. Среди клеток инфильтрата доминируют лимфоциты и зрелые плазматические клетки (Рис 3). Это указывает на доминирование иммунных процессов в этих зонах.

В прилежащих к сформированным фрагментами сетки полостям соединительнотканых прослойках и мышечной ткани часто встречаются многочисленные сосуды, просветы которых заполнены кровью.

Нередко сосуды определяются в жировой ткани, прилежащей к полостям, сформированными фрагментами сетки.

Иногда после длительного воздействия химических препаратов во время лечения свищей на поверхности фрагментов удаленных протезов выявляются дефекты в виде полостей гребней и выступов. (Рис.4). В этих участках нередко фрагменты сетки сливаются друг с другом.

Заключение. 1) Таким образом, мы различаем следующие типы рецидивных грыж, возникших после протезирования передней брюшной стенки: парапротезные и подпротезные. Внепротезные грыжи, возникшие на удалении, укрепляются новым протезом. 2) Морфологические изменения в области протеза, принимающего участие в образовании грыжевого дефекта и в области сморщенного участка, характеризуются выраженными воспалительными изменениями, проявляющимися грубыми рубцовыми тканями и инфильтрацией. 3) При длительно существующих кожно-протезных свищах происходит деградация самого протеза, характеризующаяся его разрушением, появлением изломов и трещин, на участках ткани вокруг протеза могут вегетировать колонии микроорганизмов и грибов, что свидетельствует о вторичном инфицировании. 4) Повторные операции после протезирования брюшной стенки должны выполняться высококвалифицированным хирургом.

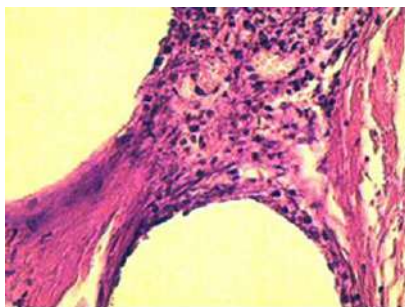

Рис. 1.

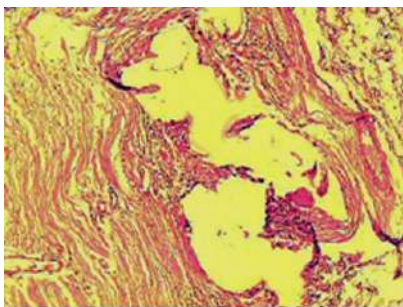

Рис. 2.

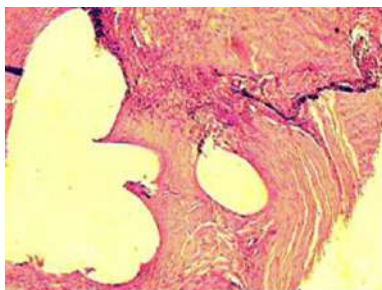

Рис. 3.

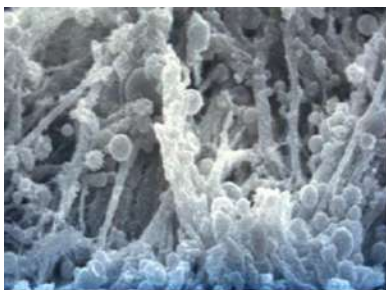

Рис. 4.

Рис. 1. Клетки воспалительного инфильтрата и волокнистой соединительной ткани вокруг округлых полостей в месте расположения нитей сетки. Г-Э 10x40.

Рис. 2. Бесформенные полости при слиянии фрагментов сетки, клетки воспалительного инфильтрата вокруг них. Г-Э 10x10.

Рис.3. Среди клеток инфильтрата доминируют лимфоциты и зрелые плазматические клетки. Г-Э 10x10.

Рис.4. Структуры грибов (мицелии и гифы) на дефектной поверхности нити. СЭМ x1000.

Список литературы:

1. Белоконов В.Н., Пушкин С.Ю., Житлов А.Г., Мелентьева О.Н., Гуляев М.Г., Ковалева З.В. Повторные операции у больных при рецидивах грыж с использованием синтетических эндопротезов // IX конференция «Актуальные вопросы герниологии» (материалы конференции) (Москва 31 октября–01 ноября). – Москва, 2012. – С. 34-37
2. Егиев В.Н. Натяжная герниопластика. – М. : Медпрактика, 2002. – 147 с.
3. Жуковский В.А., Ровинская Л.П., Филипенко Т.С., Зайцев А.В. Композитные сетчатые имплантаты для реконструктивно-восстановительной хирургии // II-я международная конференция. Современные технологии и возможности реконструктивно-восстановительной и эстетической хирургии (Москва, 19-20 окт. 2010 г.). – Москва, 2010. – С.109-110.
4. Ткаченко А.Н. Прогноз и профилактика гнойных осложнений при лечении послеоперационных вентральных гры: Автореф.дис. канд. мед. наук. Санкт-Петербург, 1999. – 20 с.
5. Bittner R. Научно-практическая конференция «Сетка – какая, куда и почему?» [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reha-med.ru/events/2013_postrelease (дата обращения 14.03.2016)
6. Chrysos E., Athanasakis E., Saridaki Z., Kafetzakis A.et al. Surgical repair of incisional ventral hernias using prosthetic materials (expanded polytetrafluoroethylene Gore-Tex Dual Mesh) // Am. J. Surg. – 2000. – Vol. 66, N 7. – P. 679–682
7. Novitsky Y. Научно-практическая конференция «Сетка – какая, куда и почему?» [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.reha-med.ru/events/2013_postrelease (дата обращения 14.03.2016).
8. Rios A., Rodríguez J.M., Munitiz V., Alcazar P.et al. Factors that affect recurrence after incisional herniorrhaphy with prosthetic material // Eur. J.Surg. – 2001. – Vol. 167, N 11. – P. 855–859.
9. Schmidbauer S., Ladurner R., Hallfeldt K.K., Mussak T. Heavy_weight versus low_weight polypropylene meshes for open sublay mesh repair of incisional hernia // Eur. J. Med. Res. – 2005. Vol. 10, N 6. – P. 247–253.

UDC 616.2 | DOI: 10.17809/0557468427-48

STATE OF LYMPHOCYTE ACTIVATION MARKERS IN CHILDREN WITH ACUTE RESPIRATORY DISEASE AGAINST THE BACKGROUND OF THYMUS GLAND HYPERPLASIA

Khalmatova, B. T¹, Satibaldieva, N. R¹,
& Yuldasheva, G. G.¹

1 Tashkent Medical Academy, Tashkent, Uzbekistan.

* Corresponding author: khalbar@mail.ru.

Citation: Khalmatova, B. T., Satibaldieva, N. R., & Yuldasheva, G. G. (2016). State of lymphocyte activation markers in children with acute respiratory disease against the background of thymus gland hyperplasia. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-48.

Received: February 12, 2016.

Copyright: Khalmatova, B. T., Satibaldieva, N. R., & Yuldasheva, G. G.

Accepted: March 26, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

The article describes a research on the state of lymphocyte activation markers in children with acute respiratory disease. Studies show that children with thymomegaly have both amplification and inhibition of apoptosis.

Key words: children; respiratory diseases; thymomegalia; connective tissue dysplasia; apoptosis.

Respiratory tract infections are a serious problem, especially in childhood. Physiological characteristics of young children often promote heavy, toxic course of acute respiratory diseases. Features of the immune system of a child's body of the early and preschool age are the factors contributing to their respiratory disease, especially viral infections, in older age and in adulthood.

Developing of the immune system dysfunction on the background, secondary immune deficiency, which occurs when thymomegaly not only complicates the clinical course of bronchopulmonary diseases, but also worsens the prognosis of diseases. So far, the description of the individual immunological reactivity of children with thymomegaly remains largely hypothetical; however, it causes a frequent respiratory disease with a complicated course.

Recently, much attention was paid to the study of apoptosis in terms of its influence on the various pathological processes. Currently, soluble membrane molecule of the immune system cells, particularly the activation and apoptosis markers, is studied in autoimmune, infectious, and oncologic diseases (Novikov, Baryshnikov, & Karaulov, 2007).

Apoptosis, or programmed cell death, is an element of many biological processes in multi cellular organisms, in particular by optimizing the functions of the immune and nervous system (Hengartner, 2000). Apoptosis plays an important role in the homeostasis of tissues, carrying a protective function, eliminating the autoreactive T-killer lymphocytes, and thus limiting destruction of its own cells and tissues.

Violation of the regulation of apoptosis leads to various diseases associated with increased apoptosis or, conversely, its inhibition. A large group of diseases associated with increased apoptosis form infectious processes. Studying the mechanisms of regulation of various phases of the process allows to understand in what way it affects its individual stages for the purpose of regulation or correction. The apoptotic mechanism of immune suppression is under active consideration today in the pathogenesis of diseases associated with acquired immune deficiency (Kovalchuk & Cheredeyev, 1998).

The **aim of our study** was to examine the state of activation in infants markers in acute infectious diseases.

Materials and methods. We carried out a clinical and immunological study of 50 children aged from 1 month to 3 years. 30 children with acute bronchopulmonary diseases were diagnosed with the syndrome of increased thymus (SIT). During the analysis, all the children were divided into 2 groups:

Group 1: children with acute bronchopulmonary diseases (pneumonia, bronchitis), flowing in the background SIT (n = 30);

Group 2: Children with acute bronchopulmonary diseases complicated neurotoxicosis without SIT (n = 10);

The control group consisted of 10 "conditionally healthy" children.

The relative content of lymphocyte subpopulations CD3, CD4, CD8, CD16, CD20, and activation markers (CD25, CD38, CD95) was determined by using monoclonal antibodies. All monoclonal antibody production was produced in Medical Bio Spectrum, the Ministry of Health of the Russian Federation (Russia, Moscow).

In order to establish the reliability of the results was performed the calculating of the arithmetic mean (M), standard deviation. The significance of differences was determined according to the Student's test (t). Results were considered significant at $p < 0,05$.

Results and discussion. In the acute phase of the disease occurs the activation of any receptor on the surface of T- and B-lymphocytes, initiated by external signals, which lead to proliferation and lymphocyte before the differentia (Cheredeev A. et al, 1997). But the same activation, carried out in several other conditions, can lead to the opposite result: the growth of immune cells programmed death (apoptosis).

CD25 - lymphocyte marker carrying the receptor for IL-2.

CD38-precursor plasma cells which expressed on immature B and T lymphocytes, activated T lymphocytes, plasmocytes.

CD95 - receptor for Fas-mediated apoptosis (Fas / APO-1). The process of apoptosis is implemented after connecting Fas-antigen with its ligand FasL. Mature T and B lymphocytes in a quiescent state devoid of Fas-membrane receptor. In influence of antigen takes place lymphocyte activation. Increasing the amount of CD95-lymphocyte cells indicates activation on the negative path. It is shown that the proliferative activity of T-cells and their increased apoptosis are observed in the culture of lymphocytes deprived of IL-2.

A study of activation markers (CD25, CD38, CD95) revealed their increase in all groups of patients. However, despite this, there were some differences.

In group 2, there was a significant increase in the relative number of CD25- cells with an average of $34,38 \pm 3,1\%$ ($p < 0,05$), which was by 1.8 times higher than the control values ($19,4 \pm 3,5\%$). In group 1, the figure was higher than the control by 1.3 times and amounted up to $26,0 \pm 2,6\%$.

Study of CD38-cells showed a significant increase in all its groups, but among children with SIT ($32,0 \pm 1,7\%$), while the control value was $15,0 \pm 3,0\%$. Among children in group 2, CD38 cell was $29,38 \pm 3,6\%$. Increase in the number of CD38-cells indicates the preservation of compensatory and adaptive reserves of the immune system.

Children from 1 and 2 groups showed a significant increase in the relative content of lymphocytes, bearing a receptor for dependent apoptosis Fas depended apoptosis CD95 ($p < 0,05$), which amounted to $35,0 \pm 2,6\%$ and $32,12 \pm 2,6\%$, respectively, which was by 2.5 and 2.2 times higher than the control values ($14,2 \pm 4,0\%$). In 16% of children of group 1, was found a sharp decline in the level of CD95-lymphocytes $9,0 \pm 1,0\%$.

While analyzing immunograms of these children, a significant decrease in the relative amount of the EC (CD16) was found. While children with elevated levels of CD95-CD16-lymphocyte cell number was by 2.5 times higher than in the control group ($p < 0,001$).

The study of clinical data of children with impaired apoptosis showed a tendency to relapse bronchopulmonary infection, with complicated, allergic background.

Reinforced, uncontrolled apoptosis, in turn, causes abnormal structural and functional defects. Such apoptosis should be limited and prevented by appropriate treatment modalities.

Thus, the studies give a reason to conclude that the assessment of the potential reserves of child's bodies through the study of adaptation and the immunological status of apoptosis helps predict the possibility of the development of the pathological process and the complications of the underlying disease, along with developing the methods for immune correction.

Conclusions.

1. In acute infectious diseases in infants there is an increase of indicators of activation markers.
2. Children with thymomegaly have both intensification and inhibition of apoptosis.

3. Study of apoptosis state will help predict the possibility of the development of the pathological process and the complications of the underlying disease, along with developing the methods for immune correction.

References

- Hengartner, M. O. (2000). The biochemistry of apoptosis. *Nature*, 407, 770-776.
- Kovalchuk, L. V., & Cheredeyev, A. N. (1998). New immunopathogenetic views: Apoptotic immunodeficiencies. *Immunology*, 6, 17-18.
- Novikov, V. V., Baryshnikov, A. Y., & Karaulov, A. Yu. (2007). Soluble forms of membrane antigens of the immune system cells. *Immunology*, 4, 249-253.

UDC 612.2 | DOI: 10.17809/0557468427-49

THE RESPIRATORY FUNCTION OF THE HIGH-CLASS ATHLETES DEPENDING ON THE SPORT (BODY TYPE OF ENERGY SUPPLY)

Tnimova, G. T.,¹ & Bodeev, M. T.^{2*}

1 Pavlodar State Pedagogical Institute, Pavlodar, Kazakhstan. 2 Karaganda State University, Karaganda, Kazakhstan.

* Corresponding author: marat_sport@mail.ru.

Citation: Tnimova, G. T., & Bodeev, M. T. (2016). The respiratory function of the high-class athletes depending on the sport (body type of energy supply). In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-49.

Received: February 23, 2016.

Accepted: March 21, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Tnimova, G. T., & Bodeev, M. T.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

ФУНКЦИЯ ДЫХАНИЯ У СПОРТСМЕНОВ ВЫСОКОГО КЛАССА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВИДА СПОРТА (ТИПА ЭНЕРГООБЕСПЕЧЕНИЯ)

Проведено углубленное исследование функции внешнего дыхания у высококвалифицированных спортсменов Центра олимпийской подготовки (кандидаты и мастера спорта) г. Караганды с помощью микропроцессорного спирометра SpiroC-100. Спортсмены разделены на 3 группы: тренирующиеся преимущественно в аэробном режиме - 24 человека, в анаэробном режиме - 7 человек, в смешанном, аэробно-анаэробном режиме - 18 человек. Исследование показало, что система внешнего дыхания и его вентиляционная составляющая находятся в пределах физиологической нормы, однако различаются в зависимости от энергетической направленности тренировок.

Ключевые слова: спирометрия; спортсмены высокого класса; аэробное; анаэробное; смешанное; энергообеспечение.

Система легочного дыхания организма, обеспечивающая артериализацию крови в легких, осуществляется благодаря строгой согласованности между собой трех процессов: 1. вентиляции альвеол, обеспечивающей постоянство состава альвеолярного воздуха; 2. непрерывного кровотока через капилляры легкого и распределения крови в

строгом соответствии с интенсивностью вентиляции отдельных ее участков; 3. диффузии биологических газов через легочную мембрану с необходимой скоростью. По данным клинических исследований, в большинстве случаев патологии легких ведущим в комплексе патофизиологических расстройств является нарушение вентиляции альвеол [1].

Можно предположить, что для спортсменов данная сторона легочного дыхания может быть лимитирующим фактором в процессе доставки кислорода к мышцам. О функционировании ведущего звена легочного дыхания – аппарата вентиляции можно получить подробную информацию с помощью спирографического обследования, показатели которого характеризуют вентиляционную функцию легких и проходимость бронхиального дерева и тонко реагируют на возникновение гипоксических состояний в организме.

В связи со сказанным, нами было проведено углубленное исследование функции внешнего дыхания у высококвалифицированных спортсменов Центра олимпийской подготовки (кандидаты и мастера спорта) г. Караганды с помощью микропроцессорного спирометра СпироС-100. Обработка результатов измерения проводилась автоматически, фактические показатели сопоставлялись с должными и рассчитывались в процентах [2]. Нами определялись следующие показатели: ЖЕЛ, МВЛ, ФЖЕЛ (форсированная ЖЕЛ), ОФВ₁ (объем форсированного выдоха за 1-ю секунду), МОС₇₅, МОС₅₀, МОС₂₅ (максимальная объемная скорость при выдохе 75%, 50%, 25% ФЖЕЛ). Спортсмены были разделены на 3 группы: тренирующиеся преимущественно в аэробном режиме - 24 человека, в анаэробном режиме - 7 человек, в смешанном, аэробно-анаэробном режиме - 18 человек. Все спортсмены прошли комплексное общеклиническое обследование в медицинском секторе ЦОП, по методике, принятой в спортивной медицине. В исследуемые группы были взяты спортсмены без предъявления жалоб на здоровье, замеры производились утром до тренировки. Исследование проводилось в соответствии с этическими нормами Хельсинской декларации 2000 г. Цифровой материал обрабатывали методом вариационной статистики с вычислением критерия t по Стьюденту с использованием стандартных ПВЭМ программ.

Результаты отражены в таблице. Измерения показали, что форсированная (экспираторная) жизненная емкость легких (ФЖЕЛ) спортсменов высокой квалификации в среднем равна 96,4±3,1% (при анаэробном энергообеспечении), 85,3±3,0 % (при смешанном энергообеспечении), 87,6±3,4% (при аэробном энергообеспечении) от должной величины (д.в.) ЖЕЛ. Из таблицы видно, что тяжелоатлеты показали самые высокие цифры экспираторной ЖЕЛ, статистически не подтвержденные из-за большого разброса полученных данных. Вместе с тем, объем форсированного выдоха за 1 секунду (ОФВ₁), т.е. количество воздуха, удаленного из легких за первую секунду выдоха, оказалось, соответственно, 99,1±3,4%, 84,6±3,0 % и 88,2±4,1% д.в., что также выше у тяжелоатлетов. Данный показатель, как известно, зависит как от увеличения бронхиального сопротивления, так и уменьшения всех легочных объемов [2].

Индекс Тиффно, отражающий процентное отношение ОФВ₁ к ФЖЕЛ, был определен у спортсменов, тренирующихся на выносливость, величиной 100,7±4,3% д.в., у единоборцев 103,1±3,8 % д.в., у тяжелоатлетов -102,8±2,8% д.в., т.е. практически не различался. Это основной показатель экспираторного маневра с форсированным выдохом. По данным клинических исследований, он существенно уменьшается при obstructивном синдроме, поскольку замедление выдоха, обусловленное бронхиальной абструпцией, сопровождается уменьшением объема форсированного выдоха за 1 с при

отсутствии или незначительном уменьшении всей ФЖЕЛ. При уменьшении всех объемов легких индекс Тиффно практически не меняется [2].

Определение мгновенной объемной скорости выдоха на уровне 25%, 50%, 75% форсированной жизненной емкости легких (МОС₂₅, МОС₅₀, МОС₇₅) показало следующее. У спортсменов, тренирующихся преимущественно в аэробном режиме МОС₂₅ равна 82,2±5,0%, МОС₅₀ – 89,9±5,1%, МОС₇₅ – 83,7±5,5% от уровня ФЖЕЛ. При тренировке в смешанном режиме – соответственно 93,2±5,3%, 96,2±3,9%, 108,2±4,3%, что на 13%, 7%, и 29% выше, чем в предыдущей группе, однако достоверной разницы оказалась при сравнении МОС₇₅. Тренировка спортсменов в анаэробном режиме привела к следующим результатам: МОС₂₅ у этих атлетов равна 79,8±3,9%, МОС₅₀ – 92,3±4,1%, МОС₇₅ – 85,4±3,8% от уровня ФЖЕЛ. Указанные цифры (таблица) существенно не отличаются от величин, полученных нами у спортсменов, тренирующихся в аэробном режиме, однако ниже цифр, измеренных у спортсменов со смешанным энергообеспечением, соответственно МОС₂₅ на 17% (p<0,05) и МОС₇₅ на 27% (p<0,01).

Таблица 1. Показатели спирометрии спортсменов высокого класса, тренирующихся в различных биоэнергетических режимах, % (M±m).

Режим тренировки	ФЖЕЛ	ОФВ	Индекс Тиффно	МОС ₂₅	МОС ₅₀	МОС ₇₅
Аэробный	87,6±3,4	88,2±4,1	100,7±4,3	82,2±5,0	89,9±5,1	83,7±5,5
Анаэробно-аэробный	85,3±3,0	84,6±3,0	99,2±3,8	93,2±5,3	96,2±3,9	108,2±4,3*
Анаэробный	96,4±3,1	99,1±3,4	102,8±2,8	79,8±3,9**	92,3±4,1	85,4±3,8**

Примечание: изменения статистически достоверны по сравнению: * - с аэробным режимом тренировки, ** - с анаэробно-аэробным режимом тренировки (p < 0,05).

По данным литературы, снижение бронхиальной проходимости в центральных отделах бронхиального дерева ниже 67% от должных (МОС₂₅), авторы рассматривают как умеренно выраженное [3, 4]. У шахтеров со стажем работы 5-7 лет Гребнева О.В. [4] выявила снижение средней объемной скорости выдоха до уровня 76,6±7,7%, которое рассматривала как умеренное снижение функционирования дыхательной системы. Следовательно, наши данные свидетельствуют, что мгновенная объемная скорость выдоха у обследованных спортсменов находится в пределах физиологической нормы, однако ее величина зависит от тренировочного режима и его энергетической направленности.

Показатель ОФВ₁ - интегральный показатель, характеризующий состояние аппарата вентиляции в целом, поскольку включает в себя начальную и среднюю части ФЖЕЛ, и свидетельствует о проходимости дыхательных путей, об их сопротивлении, эластичности легочной ткани, о системе дыхательной мускулатуры, раскрывает реальные резервы углубления дыхания. Наши измерения показали, что величина ОФВ₁ выше в группе тяжелоатлетов по сравнению с группой единоборств, спортсмены, тренирующиеся на выносливость, занимают промежуточное положение. Такая динамика показателей объясняется тем, что работа спортсменов протекает с различной продолжительностью в анаэробном режиме [5, 6].

Скоростные объемы (МОС₂₅, МОС₅₀, МОС₇₅), определенные нами у спортсменов, имели высокие показатели, свидетельствующие о хорошем развитии системы внешнего дыхания и его вентиляционной составляющей, однако отличались в зависимости от энергетической направленности тренировок. Высокий уровень бронхиальной проходимости объясняется тем, что тренировочный процесс, направленный на развитие качества выносливости (аэробное энергообеспечение), приводит к совершенствованию всех сторон процесса вентиляции легких. В группах же спортсменов, тренирующихся преимущественно на развитие качеств быстроты, ловкости и силы (анаэробное и смешанное энергообеспечение) дыхательные движения строго зависят от структуры двигательного акта. Кроме того, во время выполнения физических упражнений имеют место частые задержки дыхания с элементами натуживания. Следовательно, применение в тренировках специальных дыхательных упражнений может привести к оптимальному состоянию бронхо-легочной проходимости вне зависимости от вида спорта. Об этом свидетельствуют значительно более высокие показатели системы внешнего дыхания, полученные нами у спортсменов, занимающихся дзюдо.

Список литературы:

1. Приходько А.Г., Перельман Ю.М., Колосов В.П. Гиперактивность дыхательных путей. – М., 2011. – 53с.
2. Методы исследования органов дыхания. / Под ред. И.В. Маева. – М.: ВУНМЦ, 2000. – С. 87-109.
3. Feldmeyer F, Ruhle K.-H. Vergleich verschiedener Methoden zur Bestimmung des Atemgrenzwertes in Ruhe bei gesunden Probanden//Atemwegs – und Lungenkrankh. – 1999. – V.25, №4. – PP. 215-219.
4. Гребнева О.В. Типологические аспекты профессиональной адаптации горнорабочих угольных шахт. – Караганда, 2003. – С.31.
5. Курбатова Е.П., Пожарова Г.В. Внешнее дыхание как один из факторов в обеспечении организма спортсменов кислородом при физических нагрузках. Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты.- 2015.-№18.-с.11-15.
6. Тихонов В. Ф., Мишин С. Н. Координация дыхания и двигательных действий в упражнении «толчок» гиревого спорта // Вестник спортивной науки. – 2009. – №1. – С. 12-14.

UDC 616.36 | DOI: 10.17809/0557468427-50

CLINICAL AND EPIDEMIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF FAMILY FOCI OF CHRONIC HEPATITIS B*

Tobokalova, S.,¹ Zairova, G.,¹

Nogoibaeva, K.,^{1*} Bekenova, D.¹

¹ The Kyrgyz State Medical Institute of Continuous Education, Bishkek, Kyrgyzstan.

* Corresponding author: kalis35@mail.ru.

CrossMark

Citation: Tobokalova, S., Zairova, G., Nogoibaeva, K., & Bekenova, D. (2016). Clinical and epidemiological characteristics of family foci chronic hepatitis B. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-50.

Received: February 16, 2016.

Copyright: Tobokalova, S., Zairova, G., Nogobayeva, K., & Bekenova, D.

Accepted: March 9, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

There are several factors that contribute to the formation of family foci: (i) a very low level of vaccination against hepatitis B among the adult population; (ii) absence of revaccination of adolescents and proper attention to the hepatitis B virus carriers, exceeding the number of patients with icteric form of the disease in 10-15 times. In order to improve an early detection and an effective treatment, a clinical and epidemiological analysis of the disease in the family hearth was held. The authors reviewed the records of 78 patients with chronic viral hepatitis in the age from 1.5 to 70, from 27 families; all of them were treated in 2012-2015 in the Gastroenterological Center "TSADMIR," Bishkek, Kyrgyzstan. Laboratory diagnosis identification was made with the method of EIA (enzyme immunoassay) and PCR (polymerase chain reaction). Results of the study show a high frequency of the family formation of foci with chronic hepatitis B and with delta genotype D in the southern regions of Kyrgyzstan, demonstrating all natural ways to transfer HBV. Thus, from 2 to 6 family members may be involved in the infectious process, which necessitates a clinical examination and an in-depth examination of HBsAg carriers for the early detection of those patients who have chronic hepatitis B. It is also necessary to intensify preventive work among the adult population (vaccine prophylaxis), and to strengthen security measures during parenteral procedures at all levels of health care. The high frequency of achieving a sustained virological response to entecavir, a beneficial effect on the symptoms of the disease, and hematological parameters allow to recommend its inclusion in the complex therapy of chronic hepatitis B.

Key words: chronic hepatitis B; family foci; epidemiology; clinic; treatment.

Introduction. Formation of family foci is one of the characteristics of viral hepatitis B (Tobokalova, 2013, p. 8). Several factors contribute to this, such as the very low level of hepatitis B vaccination among the adult population, adolescents, and the absence of revaccination because of hepatitis B carriers; they exceed the number of patients with the icteric form of the disease in 10-15 times (Shuratov, Khan & Ospanova, 2005, p. 88; Porres, Carreno & Bartolome, 1989, p. 240). With a careful clinical and laboratory examination, many of them are suffering from chronic hepatitis B, creating a storm of infection to the inner circle as a constant source of infection with all the natural virus transmission routes (Porres, Carreno & Bartolome, 1989, p. 240; World Health Organization, 2015, p. 10).

The main **aim of the study** is to do a clinical and epidemiological analysis of chronic hepatitis B in the family foci in order to provide an early detection and an effective treatment.

Methods. We reviewed the records of 78 patients with chronic viral hepatitis and chronic hepatitis B with delta-agent in the age from 1.5 to 70 from 27 families; all of them were treated in 2012-2015 in the Gastroenterological Center "TSADMIR," Bishkek, Kyrgyzstan. Patients' blood serum were assayed for hepatitis B markers (HBsAg, anti-HBs, HBeAg, anti-HBe, anti-HBc) and hepatitis D - anti-HDV in an enzyme immunoassay (EIA); DNA - HBV and HDV RNA were quantitatively identified in a polymerase chain reaction (PCR). Biochemical studies for identification of a certain level of bilirubin, albumin transferase (alanine aminotransferase and asparagin amino transferase), and other tests were also carried out in the study.

Results and discussion. More than half of the patients (42 persons, 51.9%) suffered from chronic hepatitis B, from chronic hepatitis B with delta agent - 19.8%, and chronic hepatitis B in conjunction with chronic hepatitis C - 6.2%. Cirrhosis of the liver in the outcome of chronic hepatitis B with delta agent has been found among 13 patients (16%) (Figure 1). Most patients lived in the southern region of the country (69.2%), in the capital (Bishkek) - 19.8%, in the Chui and Talas oblasts - 10%. It should be noted that half of the patients with hepatitis C, who came to the clinic from Bishkek, recently moved from southern regions of the country.

More than half (55.6%) of family foci with chronic viral hepatitis consisted of 2 people. In addition, 11.1% of all cases were registered, in which from 3-4 (33,3%) to 6 family members were sick (Figure 2).

The role of wife (mother) infected with HBV in transferring the virus to other family members was identified at 12 foci out of 27 (44.4%). In three cases, chronic hepatitis B and chronic hepatitis D were diagnosed among children under the age of 1, 1.5, and 2 years old, who received the full course of vaccination against hepatitis B. This suggests the intrauterine or intrapartum infection of these children. In the remaining 9 cases, the infection of adult children allegedly occurred due to close household contacts while using personal hygiene items. We could not establish any cases of HBV infection of a husband from his wife. In two cases, the husbands were the HBsAg carriers after acute hepatitis B and infected their wives, which led to the development of the anicteric form of acute hepatitis B, transforming into chronic hepatitis B. Another family couple was infected after dental treatment in various dental clinics, causing the development of hepatitis B and hepatitis C.

The next group of foci is "fathers and children." In the first case, the father (56 years old) died one year ago from hepatocarcinoma because of cirrhosis of the liver caused by chronic hepatitis D. His son (22 years old) had a-HDV (discovered in 2010); he was not treated and died in July 2015 from cirrhosis complications (bleeding from esophageal varices). In the second case, the father (50 years old) had chronic hepatitis C; his son was a HBsAg carrier. Despite the fact that he received a vaccination against hepatitis B, he fell ill with chronic hepatitis B with a very high viral load after 5 years without any cytolytic activity of hepatitis B. Infection of a father and a son occurred when they had acupuncture.

17 outbreaks were found in the group of "brothers and sisters." Only in one case we were able to identify with certainty that a brother had been infected HBV using an older brother's razor (who had chronic hepatitis B). In another family, one of four brothers became ill with acute hepatitis B that developed into a chronic disease. He had very high virus load (VL), other family members had low or average VL. The rest were the sisters, for 2 people in foci, who were ill with chronic hepatitis B or chronic hepatitis C.

Here is an example of family foci of chronic hepatitis B, where all the natural routes of transmission of the virus took place. Family foci consisted of 6 people (Figure 3). The head of the family, M.T., (48 years old) was ill with acute hepatitis C before marriage. He has HBsAg (not HBeAg) today. He did not feel sick and therefore refused any further medical treatment. The need to survey all family members on the HBV infection arose because of detecting HBsAg in the blood of his daughter (23 years old). All members of the family did not have vaccinations against hepatitis B (the hepatitis B vaccine prevention program began in Kyrgyzstan in 2000). All other members of the family (a wife, a daughter, a son, a granddaughter) had markers of HBV (HBsAg +; a-HBe +) and very high VL, resulting in resistance to further antiviral therapy. A granddaughter (* 2011) was born with positive HBV replication markers: HBsAg+, high VL; a-HBe+. She did not have jaundice, but her liver and spleen were increased by 2.5-3 cm. Alanine aminotransferase and asparagin amino transferase exceeded the normal level by 7 times. The diagnosis: acute viral hepatitis B with the anicteric form with the development into chronic hepatitis B. Thus, their family center was formed as a result of infection from the wife and her husband (sexual life); children might be infected by both mother and father due to close household contacts and a common use of personal hygiene items. Infection of the granddaughter with acute hepatitis B occurred due to the mother with chronic hepatitis B. It should be noted that 16 patients with chronic hepatitis B (out of 42; 38.1%) had highest VL ($223,400 \pm 64,800$ IU/ml) in the primary treatment in the Gastroenterological Center. There is every reason to regard them as sources of infection for family members (recipients).

Among those patients who had chronic hepatitis B and cirrhosis in the outcome of chronic hepatitis B with delta-agent (29; 35.8%), we could not detect HBV DNA in the serum among 7 patients; the remaining 22 people had low VL (1246 ± 187 IU/ml). At the same time, HCV RNA among these patients was very high ($11.442.600 \pm 262, 200$ IU/ml), indicating the dominant role of hepatitis B virus and their suppression of the HBV replication.

We observed 61 patients with chronic hepatitis B from 19 family foci (34 men and 27 women), each of whom received antiviral therapy with a nucleoside analog (0.5 mg of entecavir per os, once per day). More than half of the patients (33; 54.1%) had no concomitant diseases, because their average age was relatively low (37.8 ± 9.2 years). The rest had chronic gastrointestinal disease (34.4%), urinary tract infection (14.6%), and two patients had diabetes (type 2).

Hepatitis B virus genotype has been identified among 38 patients; all patients had a genotype D. On admission to the center, more than half of the patients complained of nausea, flatulence, and constipation; the third part of them complained of weakness, fatigue; and only 11 patients had mild jaundice of the sclera and skin. At the same time, the average level of bilirubin in the blood was 39.7 mmol/l. Increased liver and spleen among the adult patients were not frequent (34.4% and 14.8%, respectively). Most patients with chronic hepatitis B had normal alanine aminotransferase and asparagin amino transferase, which indicates the absence of hepatitis activity (Table 1).

In the first 3 months of antiviral therapy, all patients had a sharp decline in VL in the blood; those who had a low level initially failed to achieve undetectable levels. Taking into account the long-term persistence of HBV DNA in hepatocytes, these patients were taking entecavir during at least 48 weeks. Unfortunately, some patients voluntarily discontinued the treatment after 3-5 months, and only 48 patients (78.7%) completed the full course of antiviral therapy. Sustained virologic response was observed among 44 people (91.7%). Evidence of complete elimination of the virus from the body is the antibodies against HBsAg, which was reached only up to 12.5%. This shows the need to continue the therapy. Those patients with chronic hepatitis B who received a complex therapy with entecavir could improve hematologic parameters at the end of the year.

Conclusion. Results of the study show a high frequency of family foci with chronic hepatitis B with delta agent genotype D in the southern regions of Kyrgyzstan, demonstrating all natural ways of HBV transmission. At the same time, from 2 to 6 family members are involved in the infection process, which shows the need for (i) clinical examination and in-depth examination of HBsAg carriers for the early detection of those patients who have chronic hepatitis B; (ii) activation of preventive work among the adult population (vaccine prophylaxis), and (iii) strengthening security measures of parenteral procedures at all levels of health care. A high frequency of achieving sustained virological responses to entecavir, along with a beneficial effect on the symptoms of the disease and hematologic parameters, allow us to recommend its inclusion in the complex therapy of chronic hepatitis B.

References

- Porres, J. C., Carreno, V., Bartolome, J., et al. (1989). A dynamic study of the intrafamilial spread of hepatitis B infection: Relation with the viral replication. *Journal of Medical Virology*, 28(4), 237-242. DOI: 10.1002/jmv.1890280407.
- Shuratov, I. Kh., Khan, O.Ye., & Ospanova, E. N. (2005). Izucheniye usloviy, podderzhivayushchikh semeynyye ochagi virusnogo gepatita V. In *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-practicheskoy konferencii "Aktualnyye problemy parenteralnykh infektsii"* (86-89). Bishkek. (In Russian).
- Tobokalova, S.T. (2013). Organizatsiya spetsializirovannoy meditsinskoy pomoshchi bol'nym s khronicheskimi virusnymi gepatitami v Kyrgyzstane. *Zdravookhraneniye Kyrgyzstana*, 4, 6-13. (In Russian).

World Health Organization. (2015). *Guidelines for the prevention, care and treatment of persons living with chronic hepatitis B*. Retrieved from <http://www.who.int/hiv/pub/hepatitis/hepatitis-b-guidelines/en/>

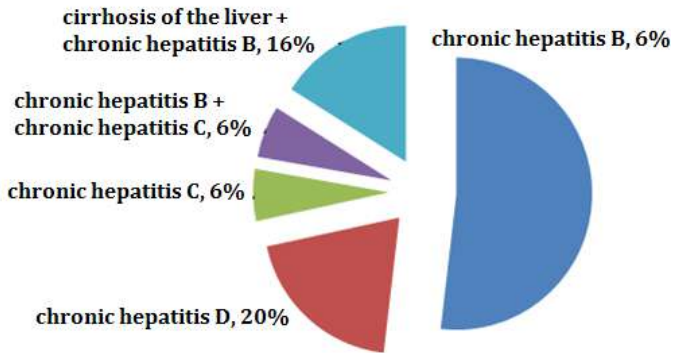

Figure 1. Distribution of the observed patients according to nosology, n=78.

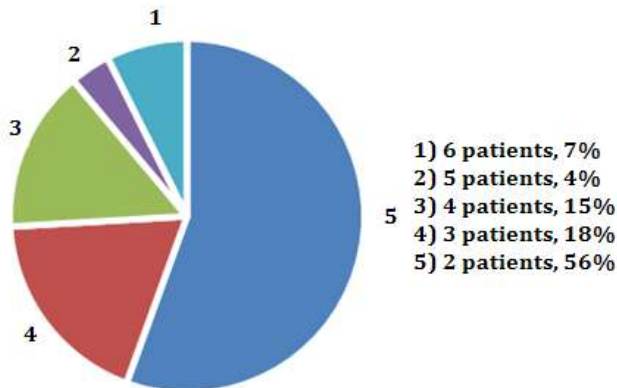

Figure 2. Distribution of family foci with chronic viral hepatitis infected by a number of family members, n=27.

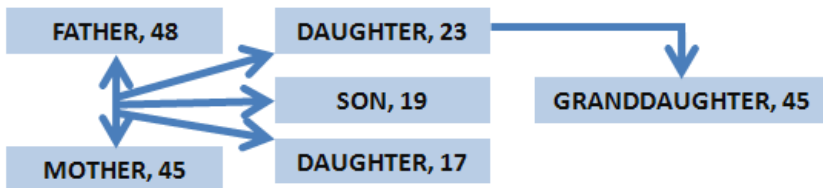

Figure 3. One example of family foci with chronic hepatitis B, Kyrgyzstan.

Table 1. Clinical and laboratory characteristics of patients with chronic hepatitis B, treated with entecavir for 48 weeks, n = 61.

Indicators	Before treatment (%), n=61	After treatment (%), n= 48
Asthenic syndrome	23 (37,7)	5 (10,4)
Dyspeptic complaints	33 (54,1)	7 (14,6)
Yellowness of the skin and sclera	11 (18,0)	0
Increase in liver	21 (34,4)	9 (18,6)
Splenomegaly	9 (14,8)	2 (4,2)
Average levels of total bilirubin, $\mu\text{mol/l}$	39,7 \pm 4,6	21,7 \pm 4,6
Alanine aminotransferase > 2 normal	27 (44,3)	0
Asparagin amino transferase > 2 normal	24 (39,3)	0
The number of patients responding to the antiviral therapy		61 (100)
The number of patients who completed the antiviral therapy		48 (78,7)
Sustained virological response		44 (91,7)
anti-HBs > 10 mIU/ml		6 (12,5)
The average number of erythrocytes $\times 10^{12}/\text{l}$	3,76 \pm 0,7	4,25 \pm 0,3
The average number of leukocytes $\times 10^9/\text{l}$	3,26 \pm 0,5	5,11 \pm 1,1
The average number of platelets $\times 10^9/\text{l}$	132,7 \pm 23,7	243,2 \pm 37,1

UDC 594.1(575.1).577.4 | DOI: 10.17809/0557468427-51

THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN TEACHERS OF MUSIC WITH CHILDREN WITH DISABILITIES

Boymurodov, Kh. T. ^{1*}

1 Samarkand State University, Samarkand, Uzbekistan.

* Corresponding author: boymurodov1971@mail.ru.

CrossMark

Citation: Boymurodov, Kh. T. (2016). Bivalve molluscs of reservoirs of Uzbekistan as an object of environmental monitoring. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-51.

Received: February 10, 2016.

Accepted: March 26, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Boymurodov, Kh. T.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

ДВУСТВОРЧАТЫЕ МОЛЛЮСКИ ВОДОЕМОВ УЗБЕКИСТАНА КАК ОБЪЕКТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА

Актуальность. Проблемы использования биологического разнообразия в биоиндикации основывается на возможностях некоторых видов живых организмов в той или иной степени реагировать на загрязнение окружающей среды. В водоёмах этими хорошими индикаторами качества воды служат моллюски, составляющие одну из многочисленных групп бентоса. Они занимают одно из первых мест при очищении за-

грязненных вод аллахтонными органическими веществами. Среди гидробионтов прекрасными фильтраторами являются представители класса двустворчатых моллюсков [1]. Например, одна особь Согдийской беззубки *Colletopterum bactrianum*, достигший возраста 7 лет и 25-27 см длины за сутки фильтрует до 200 литров воды [2]. Из этого следует, что моллюски имеют большое значение при очищении загрязненных вод и поэтому требуют тщательного изучения.

Материалы и методы. Материалом для наших исследований служили сборы моллюсков 1997-2012 гг. с прудов и родников Зарафшанской долины, и его прилегающих территорий каналов: Сияб, Даргом, Нарпай р. Зарафшан, большой Ферганский канал р. Сырдарья, искусственные водохранилища: Каратепа, Акдарья, Тусунсой, Катта-курган, Куюмазар, Туямуюн; озера: Айдаркуль в Джзахской и Навоинской областях и оз. Ашикуль в Коракалпокистане. Всего собрано и обработано, более 200 проб моллюсков.

Материал собирали Закидной драгой и дночерпателем Птерсена с площади 1/40 м², с последующей промывкой через почвенное сито, с размером ячеек от 0,5 до 2 мм, чтобы мелкие двустворчатые моллюски из родов *Euglesa* и *Odhnerinisidium* не исчезали из виду.

Для разделения на группы и идентификации видов моллюсков широко использовали компараторный метод [5]. У двустворчатых моллюсков (особенно мелких *Euglesidae* систематика которых до сих пор крайне слабо разработано) сравнивали кривизну фронтального сечения [4]. Моллюсков зарисовывали модернизированным рисовальным аппаратом типа «Камера люцида» (аналогичный РА-1 или РА-4), но приспособленный к стереоскопическому микроскопу МБС-1.

Результаты исследования и обсуждение. В результате настоящего исследования из различных типов водоёмов Узбекистана выявлено 17 видов и 2 подвида двустворчатых моллюсков, относящихся к 6 родам и 4 семействам и все они отнесены к индикаторам сапробности и их можно использовать для контроля качества воды. В виду того, что *Corbicula fluminalis* (Muill.) встречается среды выбросов водоёмов, далее не обсуждается. Основная масса индикаторных моллюсков (табл.) встречаются в каналах (11), реках (10), озерах и водохранилищах (по 9 видов каждая), в родниках и родниковых ручьях их меньше (соответственно 5-6), а в теплых источниках обитает лишь один вид. Родники заселены только катаробными моллюсками, обитающими в чистой воде. В родниковых ручьях и речках, в основном, обитают олигосапробные виды (5) и один β-мезосапробный вид, теплые источники заселены только олигосапробным видом. Зато в реках, над олигосапробными видами (4) преобладают β-мезосапробные виды (6). Это говорить о том, что воды реки слабо загрязнены различными сельскохозяйственными и другими отходами. В озерах число олигосапробных и β-мезосапробных видов моллюсков равны. В водохранилищах индикаторную роль в основном выполняют, бета-мезосапробные – 8 видов, здесь же живет один альфа-мезосапробный вид. Среди 11 сапробных видов каналов и их заводьев большинство бета-мезосапробные (7). Это говорить о том, что здесь воды загрязнены. Данная закономерность подтверждается прежними данными, полученными для каналов всей Средней Азии [2,3].

Таким образом, в водоемах разного типа степень загрязнения воды от одного до двух и трех ступеней сапробности. Из их числа одноступенчатому-катаробному, обитающему только в чистой воде относится – *O.sogdianum*, обитающие чистой и слабо загрязненной – *O.polytmeticum*, *O.issykkulense*, *O.terekense*; слабо загрязненной воде живут *E. turkestanica*, *E.turanica*, *O.behningi* и два вида корбикул. Все беззубки живут в

бета-мезасапробной слабо загрязненной воде. Только в трех ступенях сапробности обитает *E.hissarica* (К-0- β) и *Corbiculina ferghanensis* (0- β-α).

Выше приведенный список видов моллюсков - индикаторов сапробности водотоков и водоемов нами составлен на основе изучения распределения их по типам водоемов бассейна реки Зарафшан [6] и частично р. Сырдарья и дельты Амударья.

Из общего числа 17 видов и двух подвидов двустворчатых моллюсков 3 вида, впервые рекомендуются в качестве биоиндикаторов состояния окружающей среды. В их числе три вида китайских беззубок рода *Sinanodonta* случайно интродуцированные в водные биоценозы Зарафшана, рыбами китайского комплекса (толстолобик, белый амур) здесь прочно прижились и тем самым стали хорошими фильтраторами загрязненных вод [7]. Среди общего числа видов 5 обитают только в каторобных и олигосапробных водоёмах и являются очень хорошими индикаторами чистой воды; 5 – хорошие индикаторы только олигосапробной, очень слабо загрязненной среды; 6 – индикаторы только бета – мезосапробной, слабо загрязненной среды; виды, обитающие только в альфа – мезосапробной умеренной загрязненной воде, отсутствуют. И наконец, семь видов отмечены в водоемах различной степени смешанной сапробности, но с преобладанием катаробно – олигосапробности. Один вид – *Euglesa obliquata* живет в бета – мезосапробной и альфа - мезосапробной слабо и умеренно - загрязнённой среды. Характерной особенностью малакофауны Узбекистана является то, что водоёмы этой территории, в отличие других водоёмов Средней Азии чисты и здесь загрязненные полисапробные водоёмы отсутствуют.

В целом, оценка сапробности водоемов с помощью индикаторных организмов нуждаются в совершенствовании гидробиологического исследования водоемов Узбекистана.

Список литературы:

1. Андрушайтис Г.П., Зандмане А.К., Качалова О.Л. и др. Гидробиологические показатели степени загрязнения // Тр. Сов. Англ. Семинара. Л.: Гидрометеиздат, 1977. С.162-175.
2. Иззатуллаев З.И. Водные моллюски Средней Азии – индикаторы загрязнения водоемов и водотоков // Гидробиол. ж., 1992. Т.28, №1. С.85-90.
3. Иззатуллаев З.И. Сувнинг тозалигини муҳофаза қилишда моллюскаларнинг аҳамияти // Биология ва экологиянинг ҳозирги замон муаммолари. I қисм. Илмий конференция маърузалари тезислари. 16-18 февраль 1995 й. Тошкент: Университет, 1995, 150 бет.
4. Логвиненко Б.М., Старобогатов Я.И. Кривизна фронтального сечения створки как систематический признак у двустворчатых моллюсков // Биол. науки, 1971, №5.С.7-10.
5. Иззатуллаев З.И., Старобогатов Я.И. Род *Melanopsis* (Gastropoda Pectinibranchia Melanopsidae) и его представители, обитающие в водоемах СССР // Зоол. журн. 1984. Т. 63, вып. 10. С.1471-1483.
6. Иззатуллаев З.И., Боймуродов Х.Т. Экология и распространение двустворчатых моллюсков бассейна реки Зарафшан // Биология – наука 21- го века. 5-я Пушчинская конф. молодых ученых. 16-20 апреля 2001 г. Сборник тезисов. Пушино, 2001.С.234.
7. Иззатуллаев З.И., Боймуродов Х.Т. О превоёй находке моллюсков рода *Sinanodonta* Modell, 1944 (Moll., Bivalvia) в бассейне реки Зарафшан и их роль в мониторинге водной среды // Анорганик кимё. Халқаро анжуман материаллари. Самарқанд: СамДУ. С.132-133.

Таблица 1. Встречаемость индикаторных моллюсков водоемов и водотоков Узбекистана.

№	Виды моллюсков	Родники	Родниковые ручья и речки	Тёплые источники	Реки	Озера	Водо-ща	Каналы и их заводы	Диапазон встречаемости
	<i>Bivalvia</i>								
	Семейство Unionidae								
1	<i>Sinanodonta orbicularis</i> *	-	-	-	β	-	β	β	β
2	<i>S.gibba</i> *	-	-	-	β	-	β	β	β
3	<i>Sphaerorurum</i> *	-	-	-	β	-	β	β	β
4	<i>Colleopterum bacstranum</i>	-	-	-	β	-	β	β	β
5	<i>C.cyreum sogdianum</i>	-	-	-	β	β	β	β	β
6	<i>C. ponderosum volgense</i>	-	-	-	-	-	β	β	β
	Семейство Euglesidae								
7	<i>Euglesa hissarica</i>	К	0	-	-	β	-	-	К-0-β
8	<i>E.irkistanica</i>	-	0	0	-	0	-	-	0
9	<i>E.obliquata</i>	-	β	-	β	-	-	α	β-α
10	<i>E.turanica</i>	-	-	-	-	0	α	-	0
	Семейство Pisiidae								
11	<i>Odhaneripisidium polytmeticum</i>	К	0	-	-	-	-	-	К-0
12	<i>O.terekense</i>	К	0	-	-	0	-	-	К-0
13	<i>O.sogdianum</i>	К	-	-	-	-	-	-	К
14	<i>O. issyk-kulense</i>	К	0	-	-	-	-	-	К-0
15	<i>O. behnige</i>	-	-	-	-	0	-	-	0
	Семейство Corbiculidae								
16	<i>Corbiculidae Corbicula cor</i> *	-	-	-	0	0	-	0	0
17	<i>C. purpurea</i>	-	-	-	0	-	-	0	0
18	<i>Corbiculina ferghanensis</i>	-	-	-	0	β	β	α	0-β-α
19	<i>C. tibetensis</i>	-	-	-	0	β	β	β	0-β
	Всего	5	6	1	10	9	9	11	19

Примечание: К - каторбный, 0 - олисапробный, β - мезосапробный, α - мезосапробный,

* виды, впервые отмеченные для фауны моллюсков Узбекистана.

CREATING PARENT GARDENS OF THE NEWLY CREATED VARIETIES OF APRICOT, PEACH, AND APPLE TREES, PROPAGATING THE SEEDINGS AND THEIR INTRODUCTION INTO PRODUCTION IN THE CONDITIONS OF THE QASHQADARYO REGION

Karshiyev, A. E.,^{1*} Xayitova, H. I.,^{1*} Halimov, M. Z.,^{2*} Xayitov, I. Y.,^{2*} Sattorova, I. Y.^{2*}

1 Qashqadaryo experimental station named after Academician M. Mirzaev, Karshi, Uzbekistan. 2 Karshi State University, Karshi, Uzbekistan.

* Corresponding author: murkajon@mail.

CrossMark

Citation: Karshiyev, A. E., Xayitova, H. I., Halimov, M. Z., Xayitov, I. Y., & Sattorova, I. Y. (2016). Creating parent gardens of the newly created varieties of apricot, peach, and apple trees, propagating the seedlings and their introduction into production in the conditions of the Qashqadaryo region. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-52.

Received: February 19, 2016.

Copyright: Karshiyev, A. E., Xayitova, H. I., Halimov, M. Z., Xayitov, I. Y., & Sattorova, I. Y.

Accepted: March 23, 2016.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

Published: April 22, 2016.

СОЗДАНИЕ МАТЕРИНСКИХ САДОВ ВНОВЬ СОЗДАННЫХ СОРТОВ АБРИКОСОВ, ПЕРСИКОВ И ЯБЛОНЬ, РАЗМНОЖЕНИЕ САЖЕНЦЕВ И ИХ ВНЕДРЕНИЕ В ПРОИЗВОДСТВО В УСЛОВИЯХ КАШКАДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Авторы рассматривают вопросы, связанные с созданием материнских садов сортов персика, абрикоса и яблони, а также их последующего внедрения на производство.

Ключевые слова: создание материнских садов; размножение саженцев; Кашкадарьинская область.

Актуальность работы. Развитие садоводства в Узбекистане началось с 1855 года. В этом позитивную роль сыграло создание российских садоводческих филиалов Туркестанской сельскохозяйственной академии. На сегодняшний день Указ Президента Республики Узбекистан «Об организационных мерах по реформе плодоовощной и виноградарской отрасли», решения и приказы Кабинета Министров Республики Узбекистан, Министерства сельского и водного хозяйства Республики Узбекистан занимают особое место в совершенствовании системы управления плодоовощной отраслью в Республике.

Однако, несмотря на это, на сегодняшний день выращиваемая садоводческая продукция не удовлетворяет растущие потребности населения. Следовательно, путем широкого внедрения на производство достижений науки и передового опыта в бли-

жайшие годы доведение урожайности действующих фруктовых садов до 100-120 ц является приоритетной задачей.

В условиях Узбекистана повысить урожайность скороспелых сортов фруктов и повысить их качество – одни из основных факторов. В республике имеются своеобразные приспособленные к местным условиям сорта для каждого региона, выращивающего плодоовощную продукцию. В ближайшем будущем их необходимо испытывать в условиях интенсивных садов, определять их уровень эффективности и на этой основе необходимо разрабатывать технологии их выращивания и развития.

Поскольку в условиях Узбекистана фруктовые деревья цветут ранней весной, наблюдается повреждение орехово-плодных и семенных фруктовых деревьев в результате влияния ранней весенней погоды и заморозков. Также низкая доля низкорослых, высокоурожайных, весьма скороспелых, осенне-зимних сортов фруктов, низкая доля семенных фруктов с ежегодной стабильной урожайностью, устойчивых к монилизму сортов, интродукция устойчивых сортов к различным заболеваниям и неблагоприятным погодным условиям из-за рубежа требует скорейшего проведения исследований по созданию новых сортов, адаптированных к местным условиям и по зачатию местных сортов с зарубежными.

Также возникает необходимость изучения различных свойств и биологически-хозяйственных признаков, в частности, морозостойкости, жаростойкости, устойчивости к различным заболеваниям и вредителям, характера образования фрукта, качества и сохранения фрукта фруктовых деревьев – местных и привезенных из-за рубежа.

Для выявления местных и диких сортов абрикосов, персиков и яблок возникает необходимость организации научных экспедиций по различным климатическим зонам Кашкадарьинской области. При этом изучается цвет и качество плода, форма, рост, урожайность и другие особенности фруктовых деревьев.

Глубокое изучение местных и привезенных из-за рубежа сортов фруктов, ведение селекционных работ по сортам позволяет создать новые высокоурожайные, устойчивые к различным заболеваниям и неблагоприятным погодным условиям, качественные и имеющие различные периоды поспеваемости сортов фруктов и сухофруктов.

Объект исследования – являются сорт персика «Шарк», сорт абрикоса «Бобо Раджабий» и сорт яблоки «Малика».

Целью работы является создание материнских садов персиков, абрикосов и яблок, размножение и внедрение в производство саженцев новых сортов этих фруктов с учетом возрастных потребностей населения на эти продукты.

Выполняемые задачи. В процессе выполнения исследовательских работ по проекту выполняются работы:

- подборка по морфологическим признакам здоровых деревьев персиков, абрикосов и яблок, не поврежденных различными заболеваниями и вредителями – специфичными для каждого сорта, получение от них саженцев для создания материнских садов и их посадка.
- осуществление высокотехнологичных агротехнических мероприятий при выращивании саженцев подобранных перспективных сортов персиков, абрикосов и яблок;
- подборка стандартных саженцев и их подготовка к посадке на площади материнских садов;
- выбор благоприятного земельного участка для создания материнских садов и расположение саженцев по посадочным схемам, на основании предварительного планирования;
- проведение своевременных и качественных агротехнических мероприятий с целью обеспечения хорошего роста и развития саженцев материнских садов;

- до организации материнских садов плодотворно воспользоваться коллекционными садами хозяйства и выращивать саженцы для хозяйства;
- после создания материнских садов выращивать десятки тысяч саженцев и доставлять их фермерским и дехканским хозяйствам, садоводам-любителям для внедрения на производство.

Результаты исследований. В 2014 в результате февральских заморозков и обильных атмосферных осадков в марте немного задержалось начало вегетативного периода деревьев. От заморозков были повреждены 93-98% цветковых почек персиков и абрикосов. В 2013 году у абрикосов набухание цветочных почек продолжалось до 1.02, начало цветения до 1.03, завершение цветения до 24.03. В 2014 году соответственно до 31.03 и 11.04, завершение цветения не наблюдалось.

Для создания материнских садов вновь созданных сортов абрикосов, персиков и яблок, размножения саженцев и внедрения их на производства в Кашкадарьинском вилояте 2 апреля был выделен земельной участок размером 0,75 га. На этот участок земли были посажены здоровые, не поврежденные заболеваниями саженцы персика «Шарк», абрикоса «Бобо Раджабий» и яблоки «Малика» 3% саженцев яблоки, 8% саженцев абрикоса, 15% саженцев персика не дали исход. Было выявлено, что эти саженцы были повреждены февральскими заморозками. Полученные результаты приведены в таблице 1.

30.05-31.05 и 1.06.2014 шел дождь. Как показали проведенные наблюдения, несколько листьев светло-зеленого и желтого цвета однолетних саженцев, посаженных для подвоев, падали во время дождя. Такое положение наблюдалось во всех деревьях (абрикосы, персики, яблони). Количество упавших листьев с каждого дерева составило от 5 до 10 штук, а количество ожелтевших листьев составило от 2 до 6 штук. Дождливая погода мая месяца оказала частичное негативное влияние на рост и развитие деревьев.

19.06 был произведен почечный привой к абрикосу – сорт абрикоса «Бобо Раджабий», к персику – сорт персика «Шарк», к яблони – сорт яблони «Малика». Данные приведены в таблице 2.

Через 12 дней на персиковых деревьях переведенные почки начали формироваться или происходило набухание, они начали давать ростки. На абрикосовых деревьях и яблонях переведенные почки продолжались оставаться зелеными, но никаких изменений в почках не наблюдалось. Листья деревьев-основ были уменьшены, оставляя при этом от 5 до 8 листьев на каждом дереве, остальные листья были удалены путем обрывания. После этого (12.07.14) ростки начали быстро развиваться и выпускали от 4 до 8 листьев. К 12.08.14 ростки дали рост от 10 до 20 см. Повышение температуры воздуха 22-23 июня до +58 °С росткам оказало негативное влияние.

В период вегетации переведенные почки дали рост: до 67±5.3 см - на персиковых деревьях, до 52±4.2 - см на абрикосовых деревьях и до 40±3.4 см - на яблонях. На 12.10.2014 вегетационный период ростков составляет 122 дней. Листья продолжали оставаться зелеными, ожелтение еще не началось (таблица 2).

До создания материнских садов плодотворно использовались коллекционные сады хозяйства, специально были выращены 2000 саженцев абрикоса «Бобо Раджабий», 1200 саженцев персика «Шарк» и 21500 саженцев яблоки «Малика».

Таблица 1. Развитие подвоев и сроки удаления листьев из этих деревьев.

Изучаемые сорта	Засохшие деревья (%)	Заросшие деревья (%)	Падение листьев
Яблоко «Малика»	3	97	3 мая, 31 мая, 1 июня
Персик «Шарк»	15	85	3 мая, 31 мая, 1 июня
Абрикос «Бобо Раджабий»	8	92	3 мая, 31 мая, 1 июня

Таблица 2. Сроки обработки и годовой рост деревьев (2014).

Изучаемые сорта	Дата обработки деревьев	Дата набухания ростков			Годовой рост, см.
Яблоко «Малика»	16.05	4.06	17.08	8.07	40±3.4
Персик «Шарк»	16.05	4.06	17.08	2.07	67±5.3
Абрикос «Бобо Раджабий»	16.05	4.06	17.08	5.07	52±4.2

Статья написана на основе материалов проекта КХИ-5-073-2014.

Список литературы:

1. Витковский В.Л. Изучение динамики роста побегов, формирование почек и цветков у плодовых растений. – Ленинград, 1979.
2. Доспехов Б. А. Методика полевого опыта. – М., Колос, 1985. – С.105-117.
3. Зеленский В.Г, Вознесенский В.Л, Карнаухова.Т.В, Третьяков.Н.Н Практикум по физиологии растений. – М., Колос, 1960. – С. 248-249.
4. Лобанов Г.А. Программа и методика сортоизучения плодовых, ягодных и орехово-плодных культур. – Мичуринск, 1973. – С. 57-64.
5. Мухонова В.Л, Валиев В. Краткий справочник по применению удобрений. – Ташкент, Узбекистан, 1969. – С. 121-126.

OP-ED: UPBRINGING THE NEW GENERATION IS UPBRINGING THE NATION

Nomonov, B. Q.,¹ & Ergasheva, N. M.^{1*}

1 Kokand State Pedagogical Institute, Kokand, Uzbekistan.

* Corresponding author: fazilya_t@rambler.ru.

Citation: Nomonov, B. Q., & Ergasheva, N. M. (2016). OP-ED: Upbringing the new generation is upbringing the nation. In *Advanced Studies in Science: Theory and Practice* (Vol. 5). London, UK: The Global partnership LLC. doi: 10.17809/0557468427-53.

Received: February 20, 2016.

Accepted: March 30, 2016.

Published: April 22, 2016.

Copyright: Nomonov, B. Q., & Ergasheva, N. M.

Editing: Edited by the Editorial Board of the Global Partnership on Development of Scientific Cooperation LLC.

The thinkers say that the prosperity of each nation and the existence of states in peace highly depend on the upbringing of the youth. As is known to everyone, upbringing, strengthening the body, brightening the thoughts, adjusting the behavioral attitude, sharpening the intellect should become the style of life of every child. Growing and well-bringing the child is the most responsible deal. While upbringing them, the parents should take into consideration teaching the motherland's history and the history of the world. The prosperity of a nation is associated with bringing the children up properly; they are the future of our Motherland.

Even the animals know how to adore their cubs, and child upbringing is the question equal to the state level issues that requires the intellect, talent, and wide secular knowledge that not always everyone has. There is no petty issue in upbringing children and the youth. To my mind, all the thinkers have come to the single conclusion: well-bringing should start from the very babyhood. Also one should be honest with the kids, if you promise something perform it; otherwise, you are teaching the child to cheating. Honesty is the main basis, especially in upbringing. If you allow them to mischief, you will never bring up the wisdom, by reprimanding you cannot get them well-brought. But only with your own samples everything will go easy. The child loves those whom he gets love from, and you can only up-bring them by loving them. You should never forget that those who could not reach such a target by good words will not be able to succeed it even by being strict or harsh.

Here follows an extract from a poem of a thinker about upbringing a child:

*Har kishining dunyoda oromi joni tarbiyat,
Balki oxirida erur dorulamoni tarbiyat.
Tarbiyat hamroh etadur hur ila ruzvonlora,
Gar desam bo'lmas xato jannat makoni tarbiyat.*

(Abdulla Avloniy)

(The meaning of the poem is: being well-bred is a pleasure of the soul / and even the after-death life will be positive to that person / being well-bred you win high reputation amongst people). "Education cannot be separated from well-bringing nor can well-bringing be separated from education", declares our President (Karimov, 2008, p. 62). If we look back into the history, according to the upbringing rules set in the family of Temurids of our great ancestor Amir Temur, not their mothers did but the grandparents did deal with upbringing the children. Amir Temur paid serious attention to his children and grandchildren's education, and they were always under his control.

I would prefer to conclude with the great phrase by Abdulla Avloni, *“Upbringing is the task of life or death, salvation or fatality, happiness or unhappiness.”* The Uzbek society, under the leadership of our President, is upholding the task of up-bringing. This upbringing meets with the benefits of citizens, today’s life, and future life irrespective of their nationality, race, sex, and social background. What our President says is an example for us, “Certain people took away the greatest treasures from our country and that does not matter a lot, as treasure can be somehow reimbursed. But we should keep in mind that our greatest treasure is our nation, our youth” (Karimov, 2015, p. 29).

References

Karimov, I. A. (2008). Yuksak ma’naviyat – yengilmas kuch. Tashkent.

Karimov, I. A. (2015). Ona yurtim baxtu iqboli va buyuk kelajagi yo’lida xizmat qilish – eng oily saodatdir. Tashkent.